

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (17)
2022

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ
АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
АВИАЦИЯ РОССИИ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ
ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
СПЕЦСЛУЖБЫ

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

РОССИЯ И КИТАЙ

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В РОССИИ

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
РОССИИ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ
И ВООРУЖЕННОЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ
РОССИИ

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 1 (17)
2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович – генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается неизблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

И.С. Конев
Кировоградская операция.... 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

И.И. Ларин
Институт атомной энергии и
его отцы-основатели..... 14

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Гордость незабвенной
страны 24

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

А.В. Розин
Субмарины в сетях..... 37

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Кончина Ф. И. Ладыгина 50

П.А. Судоплатов
Разведка и дипломатия 56

★ РОССИЯ И КИТАЙ

А.В. Окорочков
Северный поход
1926-1927 гг. 70

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

Пикенброк
Разведка 82

★ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Ю.П. Петров
Боевая деятельность партизан
Ленинградской области..... 99

★ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

П.Н. Милюков
Создание новой власти 127

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНА- ЧАЛЬНИКИ РОССИИ

А. М. Василевский
Маршал Советского Союза
Б. М. Шапошников,
окончание 145

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКА- ЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Ладыгин Ф.И.
О фальсификации истории
II мировой и Великой Отечест-
венной войн 173

★ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Мартенс Людо
Антикоммунистический заго-
вор в армии и чистка 1937-
1938 гг. 180

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

В.А. Ачалов
Буденновск: трагедия и голово-
тпство 201

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Александр Миронин
Миф о «голодоморе»
1932-1933 гг. 211

★ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

Владимир Стрюков
Антанта 235

★ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

А.И. Деникин
Перед японской войной 241

★ ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Александр Тюрин
Феномен русской
интеллигенции 256

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Светлана Аллилуева
Из воспоминаний 263

И.С. КОНЕВ, советский военный деятель, полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, командующий войсками 2-го Украинского фронта (октябрь 1943 — май 1944 гг.)

КИРОВОГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Кировоградская наступательная операция 1944 года, проведенная войсками 2-го Украинского фронта 5–16 января с целью разгрома кировоградской группировки немецко-фашистских войск и выхода на реку Южный Буг, являлась составной частью стратегического наступления Красной Армии на Правобережной Украине зимой и весной 1944 года.

Войска 2-го Украинского фронта (командующий генерал армии И. С. Конев) в сентябре 1943 года форсировали Днепр и, развивая наступление на черкасском, кировоградском и криворожском направлениях, к середине декабря 1943 года отбросили противостоящую 8-ю армию противника (группа армий «Юг») на 30–100 км от реки. Временно перейдя к обороне, они готовили новый удар своим левым крылом в направлении Кривого Рога. Однако Ставка ВГК, учитывая быстрое развитие наступления 1-го Украинского фронта на житомирско-бердичевском направлении, 29 декабря 1943 года приказала 2-му Украинскому фронту перенести основные усилия с левого крыла в центр и не позднее 5 января 1944 года возобновить наступление на кировоградском направлении, нанося главный удар на Кировоград, Первомайск. Вспомогательный удар наносился на Шполу, Христиновку.

Замысел операции состоял в том, чтобы силами трех общевойсковых армий (53-я, 5-я гв. и 7-я гв.) во взаимодействии с танковыми и механизированными войсками (5-я гв. танковая армия, 5-й гв. и 7-й мех. корпуса) обойти Кировоград с северо-запада и юго-запада, окружить и уничтожить кировоградскую группировку противника. Операция готовилась в ограниченные сроки. Это потребовало большого напряжения в деятельности командования, штабов, политорганов и войск для того, чтобы осуществить намеченные мероприятия по перегруппировке и сосредоточению сил на избранных для ударов участках. К началу операции фронт имел незначительное общее превосходство над противником в силах и средствах и даже уступал ему в танках, но в результате перегруппировки и решительного сосредоточения сил на направлениях главных ударов наши войска превосходили противника по пехоте в 3-5 раз, по орудиям и минометам в 3,5-8 раз.

Кировоградская операция как бы завершала ряд ожесточенных боев и сражений нашего фронта на правом берегу Днепра по расширению плацдармов и создавала условия для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине. Она была подготовлена в своеобразных условиях. В декабре 1943 г. войска фронта прорвали укрепленную полосу противника по реке Ингулец, овладели городом Александрия и крупным железнодорожным узлом Знаменка, но, встретив ожесточенное и все возрастающее сопротивление врага, ко второй половине декабря приостановили наступление и закрепились на достигнутых рубежах.

Командование фронта ясно представляло себе, что при дальнейшем развертывании операций в западном направлении г. Кировоград — важнейший узел железных и шоссейных дорог, промышленный центр Правобережной Украины — явится для наших наступающих войск серьезным препятствием. Придавая большое значение его удержанию, противник направил туда значительные пехотные и танковые резервы. А в последних числах декабря даже предпринял попытку нанести от Кировограда удар против центра нашего фронта в направлении на Знаменку, Новгородку. Но эта попытка наступления успеха не имела.

Согласно разведывательным данным, перед центральными армиями 2-го Украинского фронта (53-я армия, 5-я и 7-я гвардейские армии) в полосе Ясиновый, Новгородка действовали: 2-я авиаполевая, 320-я, 286-я, 376-я пехотные, кавалерийская СС, 10-я моторизованная, 3-я, 11-я, 13-я и 14-я танковые дивизии. В ходе операции враг подтянул и ввел в бой танковую дивизию СС «Мертвая голова».

Оборона противника в основном базировалась на системе опорных пунктов с широким применением траншей. Из-за недостатка сил на ряде участков переднего края гитлеровцы имели только стрелковые окопы на три—пять человек, широко применяли проволочные заграждения легкого типа (рогатки, спирали Бруно, «ежи»). На скрытых подступах и в непосредственной близости к первой траншее, а также в глубине устанавливались плотные минные заграждения.

Вторая полоса обороны, находившаяся на удалении 6—8 км от переднего края, была оборудована значительно слабее.

Сам Кировоград как опорный пункт был укреплен очень сильно. Основу укреплений города составляли оборудованные под оборону крупные каменные здания, соединенные между собой; была создана система перекрестного и флангового огня, а подступ к городу и важнейшие объекты внутри него

(мосты, большие здания, аэродром) заминированы.

Таким образом, оборона противника, построенная по системе сооружений полевого типа, была недостаточно глубокой и на ряде участков была занята недоукомплектованными, основательно потрепанными в предыдущих боях, но еще боеспособными соединениями врага.

Основу обороны составляли огонь пехотного автоматического оружия, контратаки пехоты и танков, а также массированный огонь артиллерии и минометов, которым немцы маневрировали, отражая наше наступление.

При оценке обстановки и выработке решения командование фронта учитывало тот факт, что местность района боевых действий открытая, бедная растительностью, изрезанная большим количеством глубоких балок, идущих в основном перпендикулярно оси нашего наступления. Все это создавало известные трудности для действий наших войск, особенно танков. К тому же гитлеровцы умело использовали для обороны высоты и населенные пункты, зачастую очень крупные, которые также были оборудованы как узлы сопротивления. Противник имел возможность по долинам и балкам скрытно маневрировать своими резервами, а также укрывать свои артиллерийские и минометные позиции.

Метеорологические условия были благоприятные. Сухая погода,

небольшой мороз, незначительный снежный покров, достигавший всего 20 см, отсутствие снежных заносов, хорошие дороги — все это способствовало маневру наших войск и подвозу всех необходимых запасов. Только густая облачность да туманы ограничивали боевые действия авиации и затрудняли работу артиллерии.

При подготовке и планировании операции я доложил в Ставку краткие соображения о замысле, который был вскоре одобрен. Основная задача фронта состояла в том, чтобы разбить кировоградскую группировку противника и отрезать пути ее отхода на запад.

Мне очень не хотелось, чтобы немцы оборонялись с «комфортом», в хороших условиях большого города. Нужно было выгнать их в поле и бить на открытом месте, не разрушая городских построек.

В принятом мною решении главная роль в операции отводилась войскам центра фронта (53-я, 5-я и 7-я гвардейские, 5-я гвардейская танковая армии, 5-й гвар-

дейский и 7-й механизированные корпуса). Их действия должна была поддерживать 5-я воздушная армия.

Общий замысел операции заключался в том, чтобы нанести удар по сходящимся направлениям с целью окружения всей кировоградской группировки. Окружение и уничтожение группировки противника предполагалось осуществить путем охвата ее с севера войсками 5-й гвардейской армии совместно с 7-м механизированным корпусом и 7-й гвардейской с 5-й гвардейской танковой армиями — с юга.

В соответствии с замыслом операции войскам были поставлены следующие задачи.

53-я армия (командующий генерал И. М. Мангаров) с 5-м гвардейским механизированным корпусом (командир генерал Б. М. Скворцов) во взаимодействии с 5-й гвардейской армией (командующий генерал А. С. Жадов) должна была прорвать вражескую оборону на участке Кучеровки, Коханиевки и развивать наступление в западном направле-

нии на Владимировку; выйдя в район Владимировки, перерезать пути отхода противника на запад. Правее наступала 4-я гвардейская армия в общем направлении на Ивангород, Златополь.

5-я гвардейская армия с 7-м механизированным корпусом (командир генерал Ф. Г. Катков) сосредоточивали силы на узком фронте и наносили главный удар пятью стрелковыми дивизиями на участке Коханиевка—Суботицы в общем направлении на Грузное, обходя Кировоград с северо-запада. К исходу второго дня операции она должна была овладеть Кировоградом и выйти на рубеж Обозоновка, разъезд Лелековка, Ново-Павловка.

7-й гвардейской армии (командующий генерал М. С. Шумилов) было приказано нанести главный удар в тесном взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией (командующий генерал П. А. Ротмистров) в общем направлении на Плавни, Покровское, в обход Кировограда с юго-запада. К исходу второго дня

▲ Кировоград

▲ Н.П. Конев И.С. в центре

операции они должны были овладеть Кировоградом и выйти на рубеж Федоровка, Юрьевка, Ингуло-Каменка.

В этой операции, рассчитанной на стремительность удара, особо важная роль отводилась подвижным войскам: 7-му механизированному корпусу и 5-й гвардейской танковой армии. Они получили следующие задачи: 7-й механизированный корпус к исходу первого дня наступления должен был выйти в район Грузное, разъезд Лелековка, перерезать пути, идущие к городу с запада и северо-запада, и содействовать общевойсковым соединениям в овладении Кировоградом;

5-я гвардейская танковая армия имела задачу наступать во взаимодействии с 7-й гвардейской армией в направлении на Покровское, с ходу форсировать реку Ингул в районе Калиновки и к исходу первого дня наступления выйти в районы Безводной, Федоровки, Юрьевки. Охватом с юга и с юго-запада 5-я гвардейская танковая армия

во взаимодействии с 7-м механизированным корпусом должна была окружить Кировоград и разгромить подходящие к городу резервы противника.

5-я воздушная армия получила задачу содействовать войскам 5-й гвардейской, 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий в прорыве обороны противника, окружении и уничтожении живой силы и техники, а также в захвате Кировограда. Ее бомбардировочный и штурмовой авиационные корпуса должны были в первый день наступления нанести удар по артиллерийским батареям по скоплению войск и техники противника в полосе главного удара наших армий, а в последующие дни наносить удары по очагам сопротивления и подходящим резервам противника.

В соответствии с этим планом войска начали готовиться к боевым действиям. Большое внимание подготовке этой дерзкой, высокоманевренной операции уделяли в своей работе партийные организации

и политорганы фронта. Разумеется, учитывались основополагающие документы о партполитработе при действии войск за Днепром. Перегруппировка войск проводилась с 29 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г. с соблюдением строжайшей тайны. Переговоры по техническим средствам связи по вопросам операции были категорически запрещены. Радиостанции работали только на прием. Все распоряжения командующими армиями отдавались устно или через офицеров связи.

Следует подчеркнуть, что, хотя мы и не имели сколько-нибудь значительного общего превосходства над противником, но на избранном для наступления участке (80 км), составлявшем примерно треть полосы фронта, была сосредоточена довольно сильная группировка наших войск: 30 стрелковых дивизий из 56 (кроме того, еще 3 дивизии находились во фронтовом резерве), 5 механизированных и танковых корпусов (не считая 2 корпусов, находившихся в резерве фронта на восстанов-

▲ Тяжелый танк Pz. Kpfw.VI Тигр

лении). Здесь было собрано 100% танковых и механизированных войск и около 60% артиллерии.

Так, 5-я гвардейская армия в полосе своего наступления имела следующее превосходство над противником: по пехоте 5:1, по орудиям — 2:1, по минометам — 5:1. 7-я гвардейская армия наносила главный удар на своем правом фланге силами шести стрелковых дивизий на фронте протяжением 9 км. Здесь было сосредоточено 1080 орудий и минометов, что обеспечило плотность 120 единиц на 1 км фронта. Превосходство над противником составляло: по пехоте — 3:1, по орудиям — 8:1, по минометам — 7:1.

В период подготовки операции наши инженерные части занимались маскировкой, оборудованием пунктов управления, проделыванием проходов в проволочных заграждениях и минных полях на переднем крае обороны противника.

Начало операции планировалось на 5 января 1944 г. За три дня до ее

начала (2 января 1944 г.) войскам ударной группировки была отдана оперативная директива, в которой говорилось:

«1. Исходное положение передовыми батальонами и артиллерией занять в ночь с 3 на 4 января 1944 г. Провести самоокапывание пехоты. Установить связь и организовать наблюдательные пункты. С 4 на 5 января полностью занять исходное положение всем боевым порядкам.

2. День 4 января полностью использовать для отработки вопросов взаимодействия в звене — рота, батарея, батальон, артдивизион. Отработать на местности направления и объекты атаки, взаимодействие с соседями; установить характер обороны противника и его укреплений, чтобы объекты атаки были видны и командирам стрелковых подразделений, особенно рот и батальонов, и командирам батарей, и командирам дивизионов.

3. Провести общую разведку для окончательного уточнения перед-

него края, системы огня противника и характера инженерных укреплений».

В ночь на 4 января в полосе 5-й гвардейской армии силами батальонов, рот была проведена разведка боем. В ходе ее все командиры стрелковых дивизий и командующие артиллерией были на наблюдательных пунктах. Данные этой разведки были использованы для уточнения целей артиллерии и для постановки задач частям и подразделениям.

В соответствии с планом 5 января в 8 часов 10 мин. началась 50-минутная артиллерийская и авиационная подготовка. Ее результаты были успешными: в значительной степени была подавлена система огня противника на переднем крае, разрушены ближайшие опорные пункты в глубине.

За время артиллерийской подготовки войска успели проделать проходы в минных полях и в проволочных заграждениях, устранили сооруженные немцами препятствия.

В 9 час. пошла в атаку пехота. 53-я армия генерала И. М. Манагарова совместно с 5-м гвардейским механизированным корпусом генерала Б. М. Скворцова прорвала оборону, но гитлеровцы, оправившись от первого удара, начали контратаковать танками и пехотой из района Федварь.

5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова успешно прорвала оборону врага, отразила неоднократные контратаки его пехоты и танков. В 11 час. в сражение был введен 7-й механизированный корпус генерала Ф. Г. Каткова. К исходу дня наши подвижные части, а также части 110-й гвардейской стрелковой дивизии полковника М. И. Огородова прорвались к реке Ингул в районе Большая Мамайка.

Таким образом, действия на правом фланге ударной группировки развивались довольно успешно. К исходу первого дня наступления 53-я и 5-я гвардейская армии прорвали оборону противника на фронте в 24 км и продвинулись в глубину от 4 до 24 км. Это означало, что на отдельных направлениях тактиче-

ская зона обороны врага была прорвана.

К сожалению, по-другому развернулись события в полосе 7-й гвардейской армии. Здесь наши стрелковые соединения столкнулись с крупными силами танков и к моменту, установленному для ввода в сражение танковой армии, не смогли прорвать оборону противника на достаточную глубину. Поэтому танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова были введены в бой с задачей завершения прорыва обороны противника. Естественно, что темп продвижения танковой армии в первый день операции был значительно снижен. Противник, имея в районе Аджамки и Новой Андреевки сильную контрударную группу, неоднократно пытался задержать продвижение войск 7-й гвардейской армии. И это в известной степени ему удалось. На направлении главного удара наши войска к исходу 5 января смогли выйти лишь на рубеж северо-восточная окраина Червоного Яра, Плавни, северная окраина Новой Андреевки. Таким образом,

7-я гвардейская армия в своем наступлении имела лишь частичный успех на правом фланге и в центре. Что касается левого фланга, то его положение по существу осталось без изменений.

5-я гвардейская танковая армия, содействуя частям 7-й гвардейской армии в прорыве обороны противника и ведя бой с контратакующими танками врага, к исходу 5 января своими соединениями вышла на рубеж: восточная часть Червоного Яра, Плавни, северная окраина Новой Андреевки.

Такая обстановка создалась в первый день операции. Разумеется, требовались соответствующие меры по дальнейшему развитию наступления. В создавшихся условиях я решил использовать успех 5-й гвардейской армии и 7-го механизированного корпуса для того, чтобы обойти Кировоград с северо-запада. 5 января в 21 час войскам было отдано боевое распоряжение. «Командующему 5-й гвардейской танковой армией к 8 часам утра 6 января 1944 г. 8-й механизированный корпус сосредоточить в районе Казарна и передать

▲ Огонь по врагу

▲ Разбитая техника врага

в подчинение командующего 5-й гвардейской армией, а командующему 5-й гвардейской армией развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада в общем направлении на Грузное, разъезд Лелековка с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской танковой армии овладеть Кировоградом».

Такое решение диктовалось обстановкой. Перегруппировка из 5-й гвардейской танковой армии 8-го механизированного корпуса в состав 5-й гвардейской армии и выдвигание его в обход Кировограда с северо-запада, несомненно, явилось правильным решением. Именно это в последующем и обеспечило успех всей операции.

6 января войска ударной группировки фронта продолжали наступление. Но гитлеровцы, решив, что главный удар наносится севернее Ки-

ровограда, перегруппировали свои силы и оказали серьезное сопротивление, особенно в полосе 53-й и 5-й гвардейской армий. Здесь они начали проводить сильные контратаки пехотой и танками, особенно по левому флангу ударной группировки 5-й гвардейской армии. Танковые атаки осуществлялись группами до 120 танков. Однако войска 5-й и 7-й гвардейских армий, отражая контратаки и преодолевая сопротивление, настойчиво продвигались вперед, к исходу второго дня операции соединились своими флангами и расширили прорыв по фронту уже на 70 км и в глубину — до 30 км.

53-я армия, преодолевая упорное сопротивление немцев, к исходу дня вела бой совместно с 5-м гвардейским механизированным корпусом на рубеже восточная окраина Плешково, Оситняжка. Своим успешным наступлением она прочно обеспечивала правый фланг ударной группировки фронта. Наличие на этом фланге 5-го гвардейского механизиро-

ванного корпуса и сильной противотанковой артиллерийской группы укрепило положение, и все контратаки танков врага успеха не имели.

В дальнейшем наступлении 5-я гвардейская армия на правом фланге и в центре встречала упорное сопротивление фашистских войск. Они предпринимали неоднократные контратаки из районов Большой Мамайки и Обозновки пехотой и танковыми группами по 30—40 танков. Словом, на всем фронте 5-й гвардейской армии противник пытался задержать наступление наших войск танковыми контратаками.

В полосе 7-й гвардейской армии сопротивление противника также возрастало, и в сражение был введен 24-й гвардейский стрелковый корпус (второй эшелон армии). Он получил задачу развить успех и южном и юго-западном направлениях. Этот корпус двумя дивизиями перешел в наступление не на главном направлении, а на вспомогательном для обеспечения наступающей удар-

ной группировки армии слева. Такое решение командарма в сложившейся обстановке было правильным: оно освободило главную ударную группировку от обеспечения своего левого фланга, на котором противник все время проявлял активность. Ударная группировка получила возможность наращивания удара в глубину.

В это же время соединения 5-й гвардейской танковой армии с ходу преодолели второй оборонительный рубеж противника по реке Аджамка и продолжали успешно продвигаться вперед. 29-й танковый корпус в ночь на 7 января вышел к юго-восточной части Кировограда, 18-й танковый корпус овладел Федоровкой и, прикрыв свой южный фланг главными силами, двинулся на Ново-Павловку, т. е. в обход Кировограда с юго-запада.

Вслед за танками в южную часть города вошли передовые подразделения 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 5-й гвардейской армии. Части 33-го гвардейского

стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии отбили все контратаки противника, выбили его из населенных пунктов вблизи Кировограда и тоже ворвались в город. Первыми из соединений 7-й гвардейской армии в город вошли части 297-й стрелковой дивизии полковника А. И. Ковтун-Станкевича и завязали уличные бои в его южной части. Вслед за ними в центральную часть города вошли части 50-й стрелковой дивизии (под командованием энергичного генерала Н. Ф. Лебеденко), которая мне была известна еще по боям на Западном фронте.

К утру 7 января приданные 5-й гвардейской армии 7-й и 8-й механизированные корпуса, развивая наступление на Грузное, перерезали железную и шоссейную дороги Кировоград—Ново-Украинка в районе разъезда Лелековка. А передовые части 18-го танкового корпуса к этому времени вышли в район Ново-Павловки и перерезали дорогу Кировоград—Ровное.

Таким образом, нашими танковыми частями были перехвачены все пути отхода противника, действовавшего в районе Кировограда и восточнее его. Гитлеровцы были окружены танковыми подвижными войсками, но, к сожалению, окружение это было недостаточно плотным, потому что не везде стрелковые соединения успевали за танковыми и механизированными корпусами, а фронт действий к этому времени значительно расширился.

7 января войска фронта, отражая контратаки пехоты и танков противника, продолжали продвигаться вперед, заняли ряд крупных населенных пунктов и к исходу дня вели бой за полное освобождение Кировограда. В этот день враг непрерывными контратаками пехоты и танков стремился приостановить наступление наших войск. Решающую роль в отражении контратак врага сыграли танковые части 5-й гвардейской танковой армии.

▲ Пленные немцы

После анализа результатов двухдневного наступления, оценки противника и положения своих войск мною 7 января в 17 час. 30 мин. была отдана оперативная директива, уточнявшая задачи армиям по дальнейшему развитию операции. Согласно этой директиве, 53-я армия должна была развивать наступление на Новомиргород; 5-я гвардейская армия, нанося главный удар правым флангом на Большую Виску — овладеть Кировоградом, после чего организовать оборону на высотах западнее и юго-западнее города с задачей прочно прикрыть освобожденный город от возможных контратак противника. 8-й механизированный корпус с утра 8 января должен был продолжать энергичное наступление на Грузное и к исходу дня выйти в район Малой Виски, в дальнейшем обходом с запада и юго-запада овладеть Новомиргородом и Златополем.

Задачей 5-й гвардейской танковой армии было развитие наступления в общем направлении на Ново-Украинку. 7-я гвардейская армия должна была своим правым флангом к исходу 8 января выйти на ру-

беж Карловка, Федоровка и нанести удар в юго-западном направлении на Ровное.

К утру 8 января войска фронта полностью освободили от противника Кировоград и, продолжая наступление, частями 4-й гвардейской, 53-й, 5-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой армий и частью сил 7-й гвардейской армии продвинулись в течение дня еще на 4—12 км.

В Кировоградской операции хорошо проявили себя воины 95-го стрелкового корпуса (командир — генерал И. А. Кузовков).

Между тем сопротивление врага с каждым днем возрастало. Усилили свои части моторизованной дивизией «Великая Германия», противник переходил в неоднократные контратаки, пытался задержать наступление наших войск, особенно в полосах действий 53-й и 5-й гвардейской армий. Тем не менее в районе Грузного разъезда Лелековка наши войска окружили части 10-й мотодивизии, 14-й танковой и частично 376-й пехотной дивизии врага.

В ходе последующих двухдневных боев значительная часть этой груп-

пировки была уничтожена. Но мелкие группы ее сумели вырваться из окружения в северо-западном направлении.

После освобождения Кировограда войска 2-го Украинского фронта, отражая контратаки уже свежих сил противника, некоторое время продолжали наступление правым крылом и центром фронта. Но так как поставленная цель уже была достигнута, а войска, ведя упорные бои в течение двух с половиной месяцев после начала наступления от Днепра, сильно устали, мною был отдан армиям приказ о переходе к обороне.

В оперативной сводке за 11 января сообщалось: «По уточненным данным, в районе Кировограда за время боев с 5 по 8 января включительно нашими войсками уничтожено: танков — 293, орудий разных — 296, самоходных орудий — 40, минометов — 121, пулеметов — 445, бронемашин — 94, автомашин — 978.

Противник потерял только убитыми свыше 15 000 солдат и офицеров».

Какие же выводы следуют из опыта этой операции?

▲ Финал Кировоградской операции

▲ Встреча освободителей

В замысле операции по овладению Кировоградом была заложена идея удара по сходящимся направлениям с целью окружения группировки противника. Такой удар осуществлялся двумя общевойсковыми армиями во взаимодействии с танковыми и механизированными войсками. Этот маневр оказал существенное влияние на ход боевых действий: гитлеровцы вынуждены были оставить крупный город и спешно перебрасывать сюда подкрепления с других участков фронта. Однако окружить и уничтожить кировоградскую группировку врага нам полностью не удалось, так как успех подвижных войск, вышедших на пути отхода противника, не был своевременно закреплён стрелковыми соединениями.

Войска фронта менее чем за двое суток прорвали оборону противника на фронте 70 км и вклинились более чем на 30 км в глубину. В результате операции немцы понесли значительные потери в живой силе и технике.

Успеху проведения операции и прорыву обороны противника способствовали прежде всего массив-

ное применение бронетанковых и механизированных войск, стремительность их действий по выходу в тыл кировоградской группировки противника и успешные действия авиации фронта.

Важным условием успеха явилось гибкое реагирование нашего командования на изменения обстановки. Решение изъять один корпус (8-й механизированный) из 5-й гвардейской танковой армии и перегруппировать его на другое направление (в полосу армии А. С. Жадова) для развития определившегося успеха, несомненно, способствовало быстрейшему освобождению Кировограда.

Стрелковые соединения первого эшелона 7-й гвардейской армии не смогли прорвать первую полосу обороны противника и не создали необходимых условий для ввода в прорыв подвижных войск. Танкистам 5-й гвардейской танковой армии пришлось самим участвовать в допрорыве обороны. Завершение прорыва вражеской обороны силами танковой армии в данном случае было, безусловно, целесообразным

решением, так как система обороны гитлеровцев не была ещё сильной и достаточно развитой.

В целом войска нашего фронта поставленную задачу выполнили успешно. Освободив Кировоград и закрепив районы северо-западнее, западнее и южнее Кировограда, советские войска обеспечили себе благоприятные условия для последующего наступления на Правобережной Украине и, в частности, для проведения Корсунь-Шевченковской операции. Одновременно активные действия фронта на этом направлении вынудили немецко-фашистское командование перебросить сюда значительные силы с других направлений, что облегчило решение задач войскам 1-го и 3-го Украинских фронтов.

Кировоградская операция поучительна умелым использованием и широким манёвром бронетанковых войск. Наши воины проявили в боях массовый героизм. 23 особо отличившимся частям и соединениям было присвоено почётное наименование Кировоградских. ■

И. И. ЛАРИН, ученый, атомщик, один из участников «Атомного проекта СССР», больше 40 лет проработал в Отделе ядерных реакторов Института атомной энергии (ИАЭ) сначала под руководством его основателя и директора академика И. В. Курчатова, затем — под началом пришедшего ему на смену А. П. Александрова.

ИНСТИТУТ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ И ЕГО ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Каждое из великих деяний человечества, будь то изобретение лука, колеса, паровой машины, двигателя внутреннего сгорания, космического аппарата, ядерного реактора, компьютера, начиналось с открытия, совершенного одним человеком, с проявления воли лидера. Иными словами, эпохальные события всегда связаны с появлением выдающихся личностей. Это в полной мере относится к рождению и развитию атомного века. Его предвестником было открытие в 1938 году немецкими учёными О. Ганом и Ф.

Штрассманом деления ядер урана с большим выходом энергии при захвате ими нейтронов. По удельному энерговыделению ядерное «топливо» оказалось в миллион раз эффективнее любого органического. Учёным стало ясно, что уран может быть как перспективным топливом, так и супервзрывчаткой.

Начавшаяся в 1939 году Вторая мировая война определила приоритетное направление: в военное время взрывчатые вещества нужнее топлива для электростанций. Первыми к работе над атомным проек-

том приступили немецкие учёные под руководством крупнейшего физика XX века Вернера Гейзенберга. Понимая, что фашистская Германия может овладеть производством ядерной взрывчатки, учёные США, опираясь на авторитет А. Эйнштейна, убедили президента Рузвельта тоже начать работы по созданию атомной бомбы. Так, волею судеб и исторических обстоятельств ряд выдающихся учёных-физиков Европы и Америки, интеллектуалов и гуманистов, оказались «сообщниками» военных.

СОВЕТСКИЙ УРАНОВЫЙ ПРОЕКТ

Абсолютных секретов не бывает. Советская разведка уже в 1942 году располагала некоторой информацией о работах над атомной бомбой в Германии и в США. Несмотря на тяжелейшее положение на фронте, Сталин распорядился начать работы по созданию ядерного оружия. Прежде всего надо было подобрать научного руководителя проблемы. Им мог стать только тот, в ком сочетались бы таланты выдающегося учёного и выдающегося организатора. Логичным казалось назначение на эту роль кого-то из маститых учёных такого ранга, как академики Иоффе, Хлопин, Капица, Семёнов. Но научным руководителем уранового проекта СССР, по рекомендации директора Ленинградского физико-технического института академика А. Ф. Иоффе, стал 39-летний доктор физико-математических наук, сотрудник Физтеха Игорь Васильевич Курчатов.

Научная школа Абрама Федоровича Иоффе — явление уникальное

в советской науке. Под его началом выросла плеяда известных всему миру физиков, таких, как П. Л. Капица, И. В. Курчатов, А. П. Александров, Н. Н. Семёнов, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, Л. А. Арцимович, И. К. Кикоин. Но почему выбор пал именно на Курчатова? Иоффе видел в нём выдающуюся личность, знал как целеустремлённого учёного, способного организовать и довести до завершения начатое дело, и был уверен, что работа такого масштаба Курчатову по плечу. Сам же Игорь Васильевич осознавал важность и грандиозность возлагаемой на него задачи и меру ответственности, которую брал на себя, поэтому его согласие возглавить работы по созданию атомной бомбы в самый тяжёлый период Отечественной войны, во время всевластия Сталина и Берии, — акт большого мужества человека и учёного.

Курчатов не был наивным человеком. Он прекрасно понимал, за какое дело берётся, и точно знал, что с этого момента, ввиду чрезвычайной секретности и срочности проекта, он будет находиться под не-

усыпным контролем органов госбезопасности, Берии и самого Сталина. Много лет спустя академик А. П. Александров, вспоминая те годы, говорил: „Слово Сталина решало вообще судьбу проекта. По одному жесту Берии любой из нас мог уйти в небытие. Но вершиной пирамиды был все-таки именно Курчатов. Это наше счастье, что в нём воплотились тогда и компетентность, и ответственность, и власть“. Грубо говоря, Игорь Васильевич, чтобы остальным работалось более или менее нормально, брал на себя роль громоотвода.

Итак, в марте 1943 года вышло постановление президиума Академии наук СССР об организации Лаборатории №2 АН СССР, начальником которой назначался только что избранный академик И. В. Курчатов. От правительства проект курировал заместитель Председателя Совета народных комиссаров В. М. Молотов, а конкретными делами — организацией исследований, привлечением промышленности, отзывом с фронта учёных — занимался М. Г. Первухин.

Вновь назначенный начальник Лаборатории №2 приступил прежде

▲ Зельдович Я.Б., Харитон Ю.Б., Семенов Н.Н.

▲ Арцимович Л.А.

всего к поиску места размещения своего секретного заведения. Курчатов выбрал участок земли между подмосковными селами Хорошёво и Щукино, что в районе Покровского-Стрешнева. Недалеко, на Ходынке, среди большого картофельного поля площадью более 100 гектаров стояло несколько зданий Всесоюзного института экспериментальной медицины. В одном из них, большом трёхэтажном корпусе, разместились первые научные сотрудники лаборатории. В нём они поначалу и жили, в том числе Курчатов с супругой, и работали. Постепенно складывался коллектив. Фронт работ расширялся.

Вряд ли кому-то ещё из российских учёных XX века выпадала столь

тяжёлая доля: в чрезвычайно короткие сроки создать совершенно новую отрасль науки и промышленности. Разве что конструктору ракет-носителей ядерного оружия и космических аппаратов С. П. Королеву. Как руководитель уранового проекта И. В. Курчатов должен был выработать стратегию и тактику научных исследований, вовлечь ведущих учёных страны в разработку совершенно новых технологий получения делящихся материалов, организовать работу конструкторских организаций, добиться строительства урановых рудников, промышленных предприятий. Иными словами, организовать с нуля весь цикл научных, конструкторских и промышленных работ.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Получить из урана ядерную взрывчатку можно двумя путями: либо в результате выделения изотопа урана-235 (в сырьё его доля менее одного процента), либо путём наработки в специальных ядерных реакторах несуществующего в природе химического элемента плутония. Ни той, ни другой технологии у нас не было, их предстояло создать и отработать. Но прежде надо было выбрать наиболее экономичный из этих процессов и сконцентрировать усилия именно на нём, ведь страна вела тяжелейшую войну, и финансовые и производственные возможности были предельно ограничены.

Что касается ядерного реактора (его тогда называли атомным котлом), то он мог быть с графитовым или с тяжеловодным замедлителем. Отдать предпочтение одному из них было трудно, поскольку производство тяжёлой воды — процесс чрезвычайно энергоёмкий, а получение реакторного сверхчистого графита — дело очень трудоёмкое. Существовали различия и в физической эффективности того и другого замедлителя. Академик А. И. Алиханов, начальник Теплотехнической лаборатории — филиала Лаборатории № 2, крупный физик-ядерщик, к мнению которого прислушивалось руководство страны, настаивал на тяжеловодном реакторе. И. В. Курчатов же считал по-другому. Он сформулировал свою позицию и доложил её В. М. Молотову: или разрабатывается уран-графитовый реактор как основной вариант, или он отказывается от руководства проектом. Едва ли Курчатову легко далось такое решение, но он добился того, что вариант с уран-графитовым котлом приняли за основной.

Методов деления изотопов урана тоже было несколько: газодиффузионный, термодиффузионный и электромагнитный. Но поскольку первую атомную бомбу решили создавать с плутониевым зарядом, деление изотопов урана развивалось как дублирующее направление. Однако все технологии получения ядерной взрывчатки настолько сложны,

что гарантировать положительные результаты по каждой из них было просто невозможно, поэтому некоторое время работы шли по всем направлениям.

В Лаборатории №2 проводились исследования по газодиффузионному разделению, их возглавлял И.К. Кикоин, и по электромагнитному — руководитель Л.А. Арцимович. Выдающиеся учёные и будущие академики, они успешно справились с поставленной задачей. Отработанные на экспериментальных установках технологии были реализованы в промышленных масштабах и сыграли важную роль в развитии атомной энергетики и изотопной отрасли. Создатели технологий разделения изотопов впоследствии стали основателями мощных и перспективных научных направлений: первый — в области молекулярной физики, второй — в термоядерных исследованиях.

Термодиффузионный метод разделения изотопов урана отработывался под руководством директора Института физических проблем АН СССР А.П. Александрова, который возглавил ИФП после отстранения от должности его создателя — П.Л. Капицы. Метод получил применение в других научно-технических областях. Сам же Курчатов занимался организацией производства реакторного графита, металлического урана, разработкой технологий выделения плутония из облучённого урана и перевода его в металлическую форму. Для решения этой проблемы Игорь Васильевич привлёк целую когорту крупных учёных разных специальностей. На урановый проект работали академики Н.Н. Семёнов, В.Г. Хлопин, А.П. Виноградов, А.А. Бочвар, Л.Д. Ландау, С.Л. Соболев, а также известные немецкие учёные: профессор М. Арденне, лауреат Нобелевской премии Г. Герц, доктор М.

Штеенбек, доктор Н. Риль, уехавший потом на родину Героем Социалистического Труда. Они сыграли важную роль в разработке методов разделения урана и в налаживании производства металлического урана.

БОМБЫ И БОМБОДЕЛЫ

В лесных мещёрских краях, в маленьком городке Сарове, в 1946 году разместился самый секретный филиал Лаборатории №2 — КБ-11. Там под руководством будущего академика Ю.Б. Харитона разрабатывали конструкцию атомной бомбы. Кроме названных у Лаборатории №2 было ещё два филиала: ГТЛ — Гидротехническая лаборатория в Дубне, руководимая Г.Н. Флёровым, и РТЛ — Радиотехническая лаборатория в Москве во главе с А.Л. Минцем. Через несколько лет каждый из филиалов стал самостоятельным

▲ Курчатов И.В. в лаборатории

▲ Курчатов И.В. и Петржак К.А.

высококласным научно-исследовательским заведением: КБ-11 — Научно-исследовательским институтом экспериментальной физики (ВНИИЭФ), ГТЛ — Институтом теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ), а РТЛ — Московским радиотехническим институтом. Они возникли по инициативе И. В. Курчатова, он определял их научный профиль, стиль и методы работы. В это же время Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон, И. Я. Померанчук, И. И. Гуревич, С. М. Фейнберг и другие учёные разрабатывали теорию и методы расчёта реакторных процессов.

Несколькими годами раньше американские учёные-атомщики во главе с Робертом Оппенгеймером, руководителем Лос-Аламосской лаборатории (аналог Лаборатории № 2), построили и пустили первый в мировой практике атомный котёл (Энрико Ферми, Чикаго, декабрь 1942 года), ввели в дейст-

вие реактор — наработчик плутония (Хэнфорд, сентябрь 1944 года), выделили плутоний, сконструировали атомную бомбу и в июле 1945 года провели в пустыне Аламогордо её успешные испытания. Вторая и третья, как известно, были сброшены на Хиросиму и Нагасаки.

Долгожданное окончание войны с Германией позволило СССР активизировать работы по урановому проекту. Атомная бомбардировка американцами японских городов только утвердила руководство страны в этом решении. Были созданы чрезвычайные органы управления атомным проектом, его руководителем назначили Л. П. Берия — шефа госбезопасности. Темп производства работ начал стремительно возрастать. В декабре 1946 года в Лаборатории № 2 пустили первый советский атомный котёл Ф-1 (физический первый), летом 1948 года в закрытом городе Челябинск-40 заработал первый промышлен-

ный атомный реактор — наработчик плутония А-1 („Аннушка“, как его называл персонал), и в августе 1949 года на Семипалатинском полигоне осуществили полноценный взрыв первой советской атомной бомбы.

Приближаясь к этой заветной цели, Курчатов мог воспользоваться некоторыми теоретическими, расчётными и конструкторскими наработками американцев, которые шли на шаг впереди. По каналам научно-технической разведки НКВД их секретные документы попадали к Игорю Васильевичу. У него даже была своя комната на Лубянке, где он изучал добытые материалы и давал задания на поиски новых. Едва ли следует переоценивать этот фактор. Всегда оставалась вероятность получения заведомо искажённой информации — её проверяли и перепроверяли. Даже только для того, чтобы воспользоваться добытой информацией, нужны были фи-

зики высокого класса. Рудники, заводы, реакторы, методики расчётов надо было создавать тоже самим. Основная ценность разведанных заключалась, скорее всего, в том, что они подтверждали возможность реализации наших идей, технологий и конструкций.

Руководитель Лаборатории №2 (с 1949 года — Лаборатория измерительных приборов АН СССР) И. В. Курчатов принимал все главные решения, брал на себя ответственность, ездил в Кремль „на ковёр“ к Сталину и Берии. Когда же готовую первую бомбу подняли на испытательную вышку и запустили механизм подготовки к взрыву, Игорю Васильевичу ничего не оставалось, как ждать: „Взорвется или..“

Позади остались труд сотен тысяч людей, миллиарды рублей затраченных народных денег, годы непомерной, нечеловеческой работы без выходных и отпусков при тотальной секретности и неусыпной круглосуточной охране. Курчатов даже не мог находиться вне машины за территорией института, где у него был личный коттедж. Вдобавок круглые сутки за ним следовал телохранитель — сотрудник госбезопасности. Академик А. П. Александров, один из ближайших соратников Игоря Васильевича, как-то под старость сказал: „Ещё, может быть, не всеми осознаётся трагедия: какая прекрасная, богатейшая личность буквально сожгла себя без остатка во спасение своей страны, своего народа“.

Испытания первой атомной бомбы прошли успешно. С этого дня у СССР появился ядерный щит.

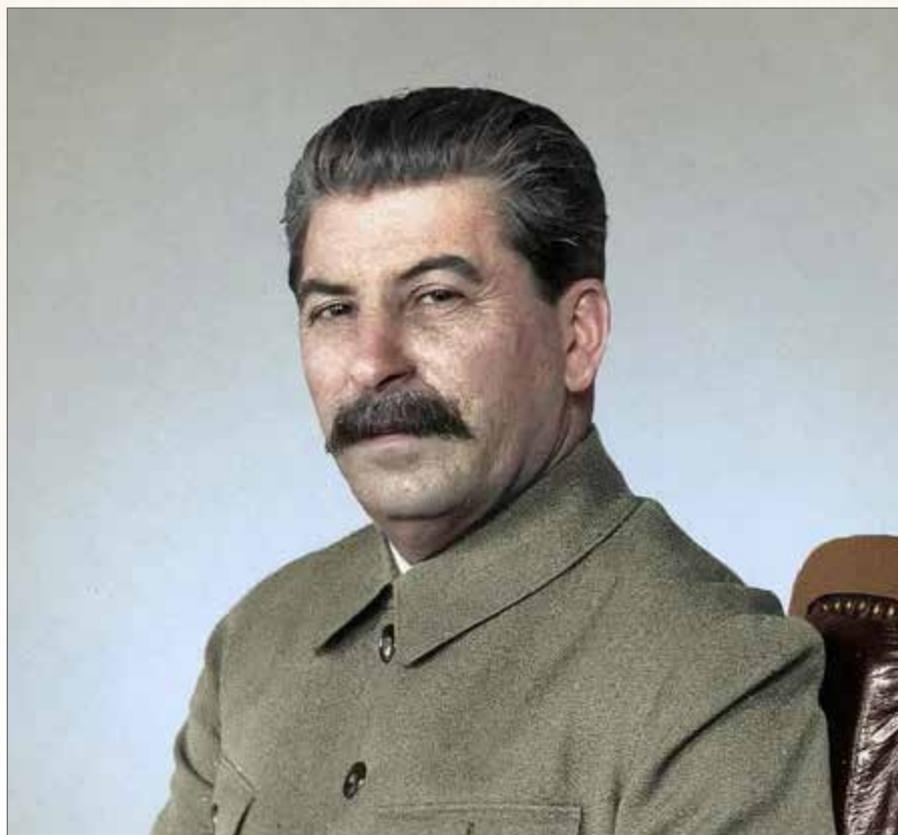
АБСУРД ТЕРМОЯДЕРНОЙ ГОНКИ

В годы холодной войны и железного занавеса идеологическое противостояние и психологическое давление достигли такого накала, что возможность применения ядерного оружия Советского Союза и Соединенных Штатов Америки друг против друга люди воспринимали как реальность и чуть ли не неизбеж-

ность. А учёные-атомщики начали создавать ещё более разрушительное и грозное термоядерное оружие. „Зачинщиком“ этой гонки стал выдающийся американский физик Эдвард Теллер, живущий в США. И. В. Курчатову пришлось заниматься не только реализацией уранового проекта, но и разработкой водородной бомбы, позже названной термоядерной. Этой проблемой начиная с 1948 года были „озадачены“ (любимое выражение Игоря Васильевича) И. Е. Тамм, В. Л. Гинзбург, А. Д. Сахаров, Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон. Но главный спрос, как всегда, с руководителя проекта — с И. В. Курчатова. Уже в августе 1953 года советская термоядерная квазибомба была успешно испытана на том же Семипалатинском полигоне (американцы своё термоядерное устройство взорвали в конце 1952 года).

После успешного испытания серийной водородной бомбы Курчатов, наряду с усовершенствованием

и производством ядерного оружия, наконец смог заняться проблемой использования атомной энергии в народно-хозяйственных отраслях. Тем более, что некоторые его сподвижники — А. П. Александров, С. М. Фейнберг, В. И. Меркин — последние годы работали в этом направлении: разрабатывали проекты промышленных атомных станций (первая, опытная, уже работала в Обнинском физико-энергетическом институте), ледоколов и подводных лодок с ядерными энергетическими установками. Но главной мечтой Игоря Васильевича было создание термоядерного энергетического реактора. Термоядерный синтез лёгких элементов уже реализовали в бомбе, теперь предстояло сделать его управляемым и заставить производить электричество. Но работы по термояду оставались чрезвычайно засекреченными, поскольку по первоначальному замыслу термоядерный реактор должен был стать наработчиком оружейного плутония.

▲ Сталин И.В.

▲ Памятник Курчатову И.В.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ НА «КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ»

Лаборатория И. В. Курчатова в 1955 году была переименована в Институт атомной энергии АН СССР (ИАЭ АН СССР). Его организационная структура отвечала сложившимся научным направлениям, хотя по соображениям секретности подразделения носили, мягко говоря, странные названия. Отдел оптических приборов (реакторное направление) Курчатов курировал сам, Отдел приборов теплового контроля (диффузионное разделение урана) возглавлял академик И. К. Кикоин, Отдел электроаппаратуры (электромагнитное разделение) вёл академик Л. А. Арцимович. Он же был начальником Бюро электрических приборов (потом переименованного в Отдел звуковой аппаратуры) — подразделения, в котором проводились работы по термояду.

В 1956 году Курчатов в числе сопровождавших Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева едет в Англию и делает там два доклада: один — о развитии атомной энергетики в СССР и другой, сенсационный, — о термоядерных исследованиях. Открывая секретные работы по термояду, на чём Игорь Васильевич настоял перед поездкой, он, по существу, предложил враждующим сторонам сделать шаги к сближению и совместно решать эту перспективную и очень трудную проблему.

В работе по целому ряду теоретических и экспериментальных задач, стоящих перед институтом, принимали участие приглашённые Курчатовым известные учёные: академики Е. К. Завойский, М. Д. Миллионщиков, А. Б. Мигдал, С. Л. Соболев, М. А. Леонтович, Г. Н. Флёров. Одна из поразительных черт характера И. В. Курчатова заключалась в его умении воодушевлять людей на общую работу независимо от их зва-

ния и ранга. Он был демократичен, легко находил общий деловой язык и с лаборантами и с академиками. Ему верили, его уважали и даже любили, за ним шли. В этом, видимо, наряду с глубочайшей эрудицией, была причина его феноменальных успехов и достижений.

За годы работы над урановой проблемой под руководством Курчатова создано атомное и термоядерное оружие, пущена первая в мире атомная электростанция, вошли в строй атомный ледокол и атомная подводная лодка и, что не менее важно, сложилась отвечающая мировому уровню отечественная атомная наука, возникла мощная атомная промышленность. Но 17 лет на посту директора ИАЭ сожгли его здоровье. Вскоре после возвращения из Англии у Игоря Васильевича случился инсульт. Врачи помогли. Он выздоровел, но потребовалась серьёзная хирургическая операция. После операции — второй инсульт.

Здоровье восстанавливалось медленно, врачи ограничивали Игоря Васильевича в работе и даже во встречах с коллегами. Жизнь института шла как-то стороной. Курчатов, привыкшего стоять на „капитанском мостике“, это угнетало. Когда болезнь отступала, он самоотверженно занимался атомной энергетикой, транспортными ядерными установками, но особенно много и вдохновенно — проблемами термоядерного синтеза. Находясь дома, Игорь Васильевич читал, слушал игру супруги на рояле или пластинки, их было много. Ездил, если позволяло здоровье, на концерты в Большой зал консерватории. Очень любил „Колокола“ Рахманинова, но особенно проникал в душу и тревожил „Реквием“ Моцарта. Последний раз Курчатов слушал его за несколько дней до кончины, в феврале 1960 года. Как-то, сидя за праздничным столом, он шепнул лечащему врачу, показывая на С. П. Королёва: „Его люди будут помнить долго, а меня скоро за-

будут“. Курчатов имел в виду, что ему досталась более „грязная“ работа. Атомные и термоядерные бомбы — вещи неосозаемые, засекреченные, а заражённые радиацией река Теча и озеро Карачай, хранилища радиоактивных отходов, люди, умирающие от лучевой болезни, — это реальность, которая будет долго преследовать человечество.

Выступая на сессии Верховного Совета СССР незадолго до смерти, Курчатов говорил: „... нестерпима мысль, что может начаться атомная и водородная война. Нам, учёным, работающим в области атомной энергии, больше чем кому бы то ни было видно, что применение атомного и водородного оружия ведёт человечество к неисчислимым бедствиям“. Тогда призывы Курчатова прекратить испытания ядерного оружия и запретить его остались не услышанными. Перемирие в холодной войне было ещё впереди.

7 февраля 1960 года, в возрасте всего 57 лет, Курчатов умер. В трауре

были все, кто его знал. Ушёл из жизни основатель Института атомной энергии — выдающаяся фигура советской и мировой науки, интеллигент, обаятельный человек. Простились у кремлевской стены.

ЕГО ЗВАЛИ «А. П.»

Директором Института атомной энергии, носившего теперь имя И. В. Курчатова, стал академик Анатолий Петрович Александров. До этого момента он уже несколько лет работал заместителем директора ИАЭ, вёл почти все реакторные проекты, был авторитетным и уважаемым руководителем. Ученик А. Ф. Иоффе, один из создателей учения о полимерах, автор технологии производства важных для промышленности полимерных соединений, разработчик метода размагничивания металлических корпусов кораблей, широко применявшегося в годы Великой Отечественной войны, научный руководитель проектов практически

▲ Александров А.П. справа

▲ Ледокол Арктика

по всем промышленным реакторам, атомным ледоколам и подводным лодкам, Александров почти десять лет возглавлял Институт физических проблем АН СССР.

И все-таки Анатолий Петрович был личностью другого масштаба, иных научных интересов. Он не пользовался тем авторитетом, которым обладал Курчатов. Отношения с академической элитой атомного направления — И. К. Кикоиным, Л. А. Арцимовичем, М. А. Леонтовичем, Ю. Б. Харитоновым, А. Д. Сахаровым, Я. Б. Зельдовичем складывались непросто. Для них „отцом“ ядерного оружия оставался И. В. Курчатов.

Несмотря на все сложности, новый директор сумел сохранить в институте творческую, демократичную атмосферу и, главное, его единство, что было делом не само собою разумеющимся: мешали разноплановость научных направлений отделов ИАЭ и стремление их руководителей к самостоятельности. Действительно, каждый из них был выдающимся учёным, имел большие заслуги перед страной и, безусловно, мог управлять большим коллективом.

Основными научно-техническими

направлениями деятельности ИАЭ начиная с 1950-х годов оставались промышленное и энергетическое реакторостроение и исследования в области термоядерного синтеза. Институт осуществлял научное руководство проектами энергетических водо-водяных и уран-графитовых реакторов для атомных электростанций, строящихся в СССР и за рубежом (так называемые ВВЭР и РБМК). Под научным руководством академика М. Д. Миллионщикова создавались высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы для энергетики, металлургии и химии, а также реакторы с термоэлектрическим и термоэмиссионным преобразованием тепловой энергии в электрическую. Одна из реакторных установок термоэлектрического типа — „Ромашка“, которую создавали в содружестве с Сухумским физико-техническим институтом, проработала в институте несколько лет.

ИАЭ располагал хорошей реакторной базой. На его исследовательских реакторах стажировались специалисты из стран Европы, Азии и Африки. На материаловедческом реакторе РФТ (позже МР) отрабаты-

вались новые технологии изготовления тепловыделяющих элементов для атомных электростанций, ледоколов и подводных лодок. Атомный ледокол „Арктика“, преодолев льды Северного Ледовитого океана, достиг Северного полюса, а группа атомных подводных лодок совершила кругосветное подводное плавание.

Научным руководителем большинства из этих проектов был один и тот же человек — академик А. П. Александров. Но даже несмотря на феноменальную работоспособность, едва ли Анатолий Петрович мог справиться с таким объёмом работы. А ведь он по-прежнему оставался научным руководителем промышленных реакторов — наработчиков плутония и трития для ядерного оружия и ряда других реакторных установок. Александрову всё удавалось потому, что он воспитал многих талантливых реакторщиков, таких, как академики Н. С. Хлопкин, Н. Н. Пономарёв-Степной, член-корреспондент РАН В. А. Сидоренко, доктора наук С. А. Скворцов, С. М. Фейнберг, Я. В. Шевелёв, Г. А. Гладков, Н. Е. Кухаркин и ряд других.

Известность и славу институту

приносили, прежде всего, достижения в реакторном и термоядерном направлениях. В 1960-х годах исследования по термоядерному синтезу находились на переднем крае научно-технического прогресса. Под них правительство выделяло большие деньги. Часто проводились международные семинары и конференции. В ИАЭ в порядке научного обмена на экспериментальных установках работали американские и английские специалисты, а советские термоядерщики участвовали в исследованиях научных центров США и Англии. В Отделе плазменных исследований на установках типа „Огра“ и „Токамак“ изучалось поведение плазмы в магнитном поле при разных способах её разогрева. Под руководством академиков Л.А. Арцимовича и М.А. Леонтовича там работала первоклассная команда учёных-экспериментаторов, лидерами которой были будущие академики Б.Б. Кадомцев, Р.З. Сагдеев, Е.П. Велихов, В.М. Шаfranов, Е.К. Завойский.

Для термоядерных экспериментальных установок нужны были новые материалы и технологии (глубо-

кий вакуум, мощные магнитные поля, высокие температуры, большие потоки быстрых нейтронов), и Александров создаёт новое подразделение — Отдел физики твёрдого тела (его возглавил доктор физико-математических наук Н.А. Черноплеков, теперь член-корреспондент РАН), где теоретически и экспериментально исследовались материалы для термоядерных установок. Специалисты этого отдела разработали, в частности, сверхпроводниковые материалы, которые использовались в магнитных обмотках термоядерных установок типа „Токамак“. По инициативе А.П. Александрова в Институте открывались и успешно развивались новые научные направления, например, водородная энергетика. Этими работами руководил академик В.А. Легасов.

Человек интеллигентный, демократичный, коммуникабельный, с развитым чувством юмора, А.П. Александров был чрезвычайно прост со всеми, с кем приходилось общаться, — от лаборантов до высших руководителей КПСС. Высокое положение, большие должности

(член ЦК КПСС, президент Академии наук СССР) никак не сказывались на взаимоотношениях Анатолия Петровича с коллегами — большинство из них звали академика просто „А.П.“. В его большой семье, а у Александрова было четверо детей, к дням рождения писались стихи, поэмы, сценарии для домашних спектаклей. Особенно талантливо это делала его супруга — Марианна Александровна. Её болезнь и смерть совпали с чернобыльской аварией. Анатолий Петрович обе трагедии перенёс мужественно. Пост президента Академии наук и директора ИАЭ покинул по своей воле, хотя очень переживал, потому что не мыслил себя без большой и важной работы.

Теоретические разработки Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, который сейчас носит название Российский научный центр „Курчатовский институт“, всегда оказывались востребованными и внедрялись в промышленность. На этом и сегодня держится его большой и заслуженный авторитет. ■

ГОРДОСТЬ НЕЗАБВЕННОЙ СТРАНЫ

ШТУРМОВИКИ В ПРОРЫВЕ ОБОРОНЫ НЕМЦЕВ НА СИВАШЕ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ МАЙОР БЕДА Л. И.

«Оборона немцев на Сиваше состояла из трех полос с противотанковыми рвами, ДОТ'ами и ДЗОТ'ами, укрепленными узлами.

Кроме того, немцы занимали высоты, с которых хорошо просматривалась наша сторона, особенно с высоты в районе Тархан.

Наши войска захватили сравнительно небольшой плацдарм, форсировав Сиваш с хода после прорыва немецкой обороны на р. Молочная.

Зенитная артиллерия немцев многослойным огнем прикрывала все полосы обороны, особенно огневые позиции артиллерии, командные и наблюдательные пункты. Плохая погода с низкой облачностью и плохой видимостью, преобладающая на Сиваше, затрудняла обнаружение целей.

Учтя это, командование перед операцией сфотографировало всю оборону немцев. Фотоплaшeты были крупного масштаба, так что хорошо были видны на снимке огневые позиции артиллерии, все окопы и траншеи.

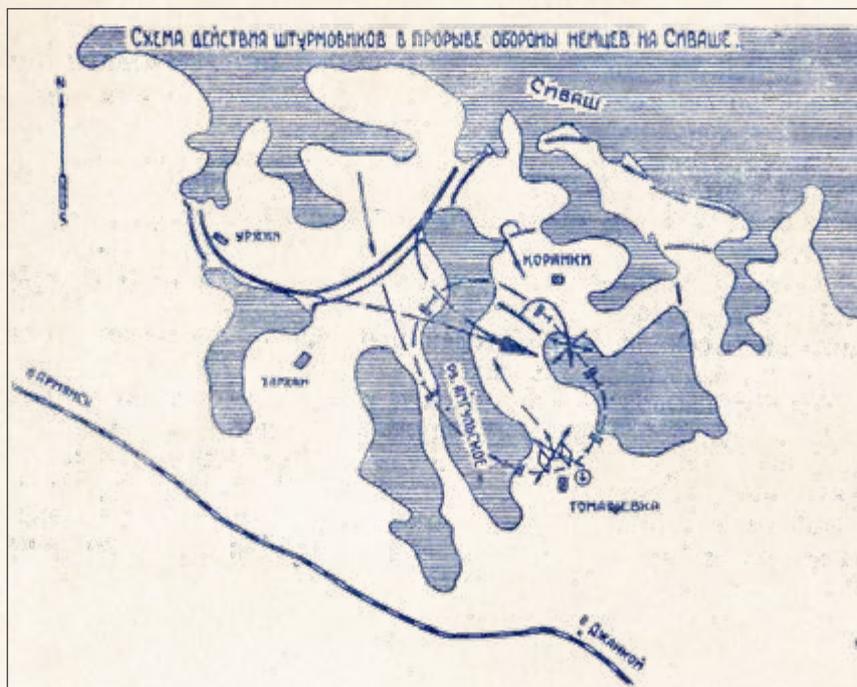
Все это изучалось с летным составом до такой степени, что каждый летчик мог начертить на память свой участок действий и то орудие, по которому он будет стрелять, так как батареи были точно распределены между эскадрильями, а в эскадрильях между экипажами.

Истребители противника летали небольшими группами: 2–4 самолета Ме-109 или ФВ-190, а атаковали внезапно, используя облачность. В бой не вступали, так как постоянно на поле боя было много наших истребителей. В связи с этим мы уделяли большое внимание осмотрительности, строгому выдерживанию боевых порядков, особенно над целью, при подходе и уходе от цели. Действовали группами 6–8 самолетов с «круга».

ША, действующая непосредственно перед нашей пехотой, оказала ей большую поддержку при прорыве обороны немцев на Сиваше, снижаясь до высоты 50–100 м для подавления артиллерии и живой силы.

9 апреля 1944 г. вечером, перед заходом солнца, я получил задачу: группой 6 Ил-2 нанести удар по артиллерии и танкам противника, выдвигавшимися из Томашевки (где находился резерв противника) против наших наземных войск, форсировавших оз. Айгульское вброд и отрезавших Коранскинскую группировку немцев. Этот резерв представлял большую угрозу, так как в боевых порядках нашей пехоты было мало орудий ПТО и орудий сопровождения.

Командовал группой я, заместителем был гв. лейтенант Брандыс, ныне капитан, Дважды Герой Советского Союза, летчики — Дойчев, Аплеев, Береснев, Данилов.

▲ Схема действий штурмовиков

Действовали с аэродрома Павловка. До цели шестерка шла в «клину» на высоте 200 м, при подходе к переднему краю перестроились в правый «пеленг» и на высоте 850–900 м пришли на цель.

Истребителей противника не было, но их можно было ожидать, так как облачность была 4–5 баллов. Строй был построен не в глубину, а по фронту, т.е. шли на сокращенных дистанциях до полфюзеляжа на интервале 40–50 м.

При подходе к району цели по радио со станции наведения передали, что танки противника выходят из Томашевки и двигаются во фланг нашей пехоте (рис.45). Цель мы обнаружили легко. Было 4 танка типа «Тигр» и «Пантера». С Томашевки нас нача-

ла обстреливать МЗА, но замыкающая пара — Аплеев и Данилов (которым было поручено специально подавлять зенитную артиллерию) быстро подавили ее. Первую атаку по цели сделали с планирования с высоты 750–800 м до 110 м, а затем став в круг, сбрасывали бомбы по одной кассете в заход. В результате бомбометания 2 танка загорелись, один вернулся обратно и один поврежденный остался на месте.

«Круг» строили не плотный, а свободный, маневренный с дистанцией между самолетами 700–800 м. За каждый заход делали две атаки. Одну атаку -бомбометание по танкам, затем набирали высоту 400–500 м и с левым доворотом на 40–50° пулеметно-пушечным огнем обстреливали пехоту немцев, переправляющуюся через Сиваш вброд, так как она была отрезана с суши. Эту же пехоту обстреливали и воздушные стрелки после вывода из планирования, так как часто в момент ведения огня летчиком немцы погружались в воду (ныряли), а в момент вывода из планирования поднимались.

Во время работы над целью ЗА оказывала слабое противодействие, так как подавлялась первым заметившим экипажем группы. Подавляя ЗА, летчик не нарушал общего боевого порядка, а если и отворачивал, то после атаки быстро занимал свое место.

Стреляли по пехоте с планирования под углом 20° и снижались до бреющего полета.

От цели не уходили до тех пор, пока не расстреляли весь боевой комплект. Наша пехота в это время очень быстро продвигалась на юг к Томашевке.

Истребители противника парой Me-109 пытались произвести одну атаку, но еще на подходе к штурмовикам их отбили истребители прикрытия. Один Me-109 был сбит, а второй ушел.

Сбор произвели быстро над своими войсками. Возвращались на аэродром через район огневых позиций нашей ЗА, которая отсекала истребителей противника в случае внезапного их появления из облаков.

Чтобы исключить атаку снизу, уходили от цели на высоте 100 м. Группа без потерь вернулась на свой аэродром.

Группа получила благодарность от Командующего наземной армии, наступающей на этом направлении, за оказанное содействие пехоте при ее продвижении к району Томашевка. С захватом Томашевка наши войска вышли из межозерных дефиле на оперативный простор.

РАЗВЕДКА АВТОПЕРЕВОЗОК

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, МАЙОР ЕЛЕЦКИХ Г. Н.

Из 70 боевых вылетов на разведку войск противника, сделанных мною в качестве штурмана под Сталинградом, я хочу рассказать об одном.

5 августа 1942 г. экипаж старшего лейтенанта Рожкова в составе штурмана лейтенанта Елецких и стрелка-радиста ст. сержанта Хлякина получил боевое задание: установить интенсивность автоперевозок в районе Абганерово — Зимовники — Заветное — Садовое. Немецко-фашистские полчища рвались к Сталинграду, бои шли в 20–30 км от города на рубеже р. Червленая — ст. Тингута — оз. Цаца.

Было приказано немедленно вылетать. По пути от командного пункта полка к самолету я согласовал с летчиком маршрут и высоту полета (район был нам хорошо знаком). Мы решили выйти к району Абганерово со стороны оз. Цаца, так как западнее и юго-западнее Сталинграда была большая вероятность встречи с истребителями противника. Тактика разведки длинных участков вдоль линейных ориентиров у нашего экипажа была следующая:

- 1) не идти над ориентиром, а делать змейку;
- 2) маскировать уход от более или менее крупных пунктов;
- 3) пункт проходить под углом в 40–50° к тому линейному ориентиру, у которого он расположен;

4) отойдя примерно 10 км, делать разворот в сторону разведываемого объекта.

Я быстро рассчитал продолжительность полета и мы пошли в воздух (рис. 86).

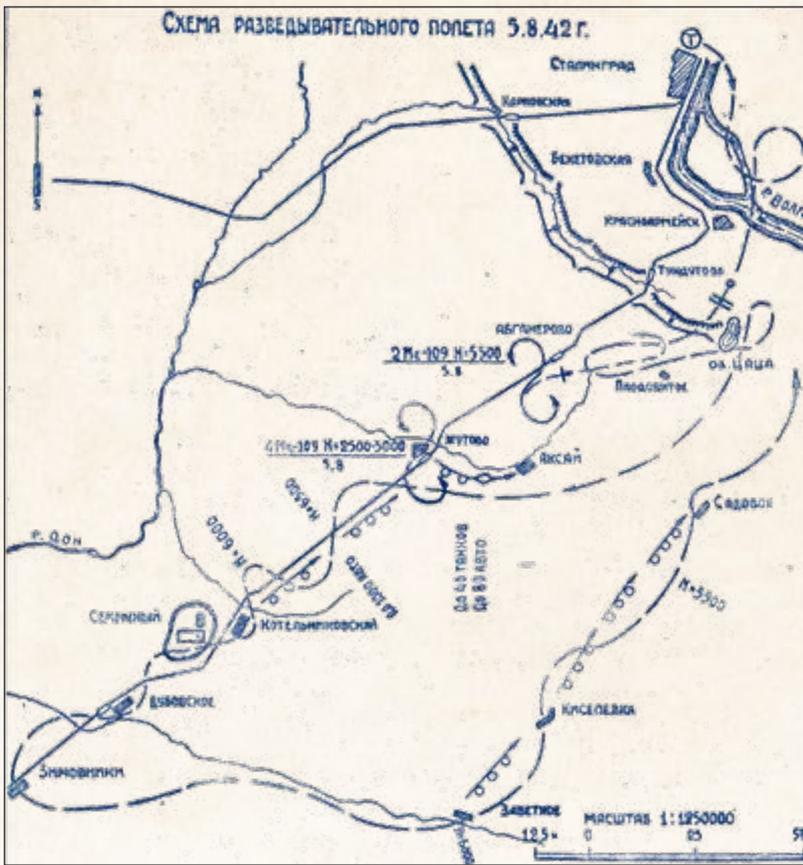
Взлет произвели с Центрального Сталинградского аэродрома на самолете Пе-2 в первой половине дня. Погода в этот день была ясной, видимость 10–15 км. Сделав круг восточнее города, с набором высоты пошли по направлению оз. Цаца.

Наблюдение за воздухом в экипаже велось непрерывно от взлета до посадки. Летчик просматривал переднюю полусферу, я — заднюю, верхнюю и правую стороны, стрелок — нижнюю, в направлении хвоста и низ в стороны. При работе стрелка на радиостанции, на что он брал разрешение у командира экипажа, всю хвостовую сферу осматривал я. Для просмотра части задней сферы, закрытой хвостовым оперением, я давал команду: «Покажи хвост!». Летчик, делая отвороты на 20–25° вправо и влево, создавал условия для просмотра этой части.

К Абганерову подходили на высоте 6000 м. Вдруг летчик заметил впереди, на высоте примерно 5500 м, пару Ме-109, которые уже шли с курсом на нас. Нами было принято решение: уйти от преследования истребителей в восточном направлении, используя солнце. Погоня продолжалась.

В районе, расположенном западнее с. Плодовитое, пара истребителей противника приблизилась и пошла в атаку на нас. Истребители сделали несколько переменных атак с хвоста и одну по ракурсом 2/4. При заходе истребителя снизу я давал команду и огонь открывал стрелок, при заходе сзади и сверху это же выполнял я. Команды давались летчику в такой последовательности: «Истребитель сзади-сверху», «Идет в атаку». С дистанции 500–450 м я открывал прицельный огонь, в большинстве случаев истребитель выскакивал и занимал положение для новой атаки. Если же истребитель продолжал упорно идти на сближение, я, чувствуя, что вот-вот с его стороны должен быть открыт огонь (он прекращал всякие эволюции с дистанции не более 300 м), давал команду: «Маневр!», по которой лет-

▲ Схема разведывательного полета

вытянутые прямоугольники, от которых было меньше пыли, и хорошо заметные в воздухе зайчики (отраженные пучки лучей от стекла кабины). Я взял небольшой участок дороги, равный $\frac{1}{4}$ длины колонны, и прикинул, что на нем до 30 таких точек; сравнил с остальными, я определил, что маленьких коробочек с густой пылью было не менее $\frac{1}{3}$. На карте отметил колонну: голова — у Аксай, хвост — у Ковалевка, и записал 40 танков, 70–80 автомашин. В определении количества принимал участие и летчик, который высказывал свои соображения о форме, характере и количестве двигающихся точек.

Пролетев Ковалевку, я выключил фотоаппараты. Над Жутово я и стрелок заметили 4 Ме-109 на высоте 2500–3000 м. От Жутово взяли курс на Котельниковский, делая змейку над грунтовой и железной дорогой. Вся дорога от Жутово до Котельниковский была заполнена автомашинами, идущими на Жутово. По моим подсчетам их было не менее 1000. Отдельные участки этой дороги длиной в 5–7 км я фотографировал. До 200 машин стояло в пункте Семеничи, который был тоже сфотографирован. От Котельниковский до Зимовники крупных колонн не было, а лишь одиночные или группы в 3–4 автомашины. От Зимовники развернулись на с. Заветное. Я передал стрелку-радисту, чтобы он включил передатчик и меня на передачу, и стал передавать данные разведки. Крупные пункты были закодированы на карте трехзначными цифрами.

По дороге Заветное — Садовое было обнаружено двухстороннее движение до 250 автомашин. Эти данные были также переданы.

После обработки фотопленки дешифровщики в фотодонесении передали, что по дороге от Жутово на Аксай колонна в 35 танков и 83 автомашины. Голова у станции Аксай, хвост — у Ковалевка.

На четырех сфотографированных участках дороги от Жутово на Котельниковский длиной в 5–7 км было от 100 до 130 автомашин на каждом. В пункте Семеничи было 210 автомашин.

чик делал разворот в сторону. При заходе истребителя снизу эти же команды подавал стрелок-радист.

В нашем экипаже команды подавались спокойно и только тем, в чьем секторе был противник. Огонь стрелка и мой в сочетании с маневром самолета не дали возможности истребителям противника добиться успеха, и у оз. Цаца они прекратили преследование.

Наша высота была 5500 м. Став в круг, мы решили набрать большую высоту и продолжать полет, уклонившись несколько южнее от прежнего маршрута. Оз. Барманцан прошли на высоте 6200 м и на высоте 6500 м подошли к станции Аксай.

На грунтовой дороге Аксай — Жутово я заметил пыль, которая у Аксай была гуще, а дальше к Жутово менее густой. Летчику передал, чтобы держал самолет над дорогой, а сам включил фотоаппараты. Я лег на пол кабины и присмотрелся более внимательно.

Точки двигались на станцию Аксай, причем в голове колонны были маленькие коробочки, а дальше более

Выводы

1. В условиях хорошей и средней видимости натренированный экипаж может наблюдать с высоты 6000–7000 м движение мотомехколонны по грунтовым и шоссейным дорогам, по дополнительным признакам: по конфигурации и по пыли — в сухую погоду, а при движении в направлении солнца — по отраженным лучам («зайчикам» от стекол кабины). Он может определить даже и вид транспорта (танки или автомашины, машины с прицепами или без них).
2. Наблюдение экипажа-разведчика за воздухом должно продолжаться от момента взлета и до момента посадки. Немало экипажей нашего полка при работе со Сталинградского аэродрома стали жертвой истребителей противника на взлете и особенно при подходе к аэродрому после выполнения задания, из-за отсутствия наблюдения за воздухом.
3. Сочетая огонь с маневром, одиночный экипаж разведчика может успешно вести оборонительный бой с парой истребителей, а используя облачность и применяя уход с высоты на бреющий полет, разведчик может уйти и от большей группы истребителей.
4. Встреча с истребителями противника не должна являться причиной для возвращения экипажа-разведчика. Уклонившись от преследования, разведчик должен снова начать выполнение поставленной ему боевой задачи.

ГРУППОВОЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ МАЙОР РЕЧКАЛОВ Г.А.

Стоял октябрь 1943 г. Немцы не хотели признавать, что могущество их авиации в воздухе было уже подорвано. Немецкое командование стремилось всеми силами и средствами дать реванш за Сталинград и Кубань, где их авиация понесла жестокое поражение.

К моменту нашего наступления на р. Молочной у немцев было около 1800 самолетов, из них 1200 бомбардировщиков. Затишье на других фронтах давало возможность немцам использовать резервный воздушный флот на этом участке фронта и производить маневр авиации за счет других фронтов.

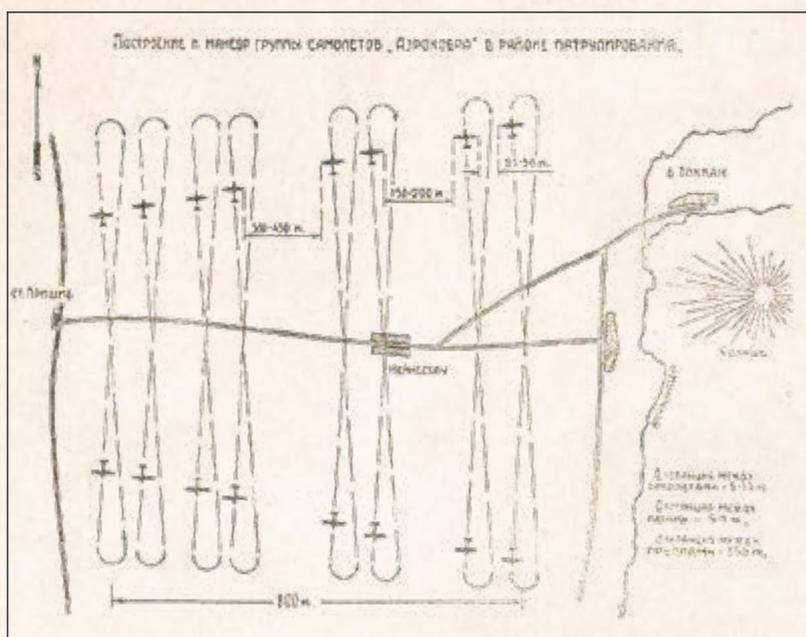
Наши летчики-истребители имели большой боевой опыт, пройдя боевую школу в воздушных сражениях на Кубани.

Утром 1 октября 1943 г. после сильной артиллерийской подготовки наши войска перешли в наступление и к полудню местами вклинились в немецкую оборону от 2 до 12 км. Особенно успешное продвижение было в направлении крупной ж.-д. станции Пришиб.

Как и следовало ожидать, стремясь задержать наступление наших войск, немецкое командование направило основные силы своей авиации именно на это направление. Противник появлялся большими группами бомбардировщиков Хе-111, Ю-88, Ю-87 поэшелонно (в эшелоне от 18 до 30

самолетов). Каждый эшелон прикрывался 4–8 Ме-109. Временные интервалы между эшелонами были от 15 минут до 1 часа. Перед приходом бомбардировочного эшелона в район его действий приходили истребители численностью до 4–6 Ме-109 с задачей расчистки воздуха. Такое положение в воздухе

▲ Маневр группы самолетов

В процессе выполнения задачи, в зависимости от воздушной обстановки, напряжения воздушных боев, количества участвующих в этих боях самолетов противника, наряд самолетов в нашей группе иногда приходилось менять. Наряд самолетов в патруль назначался таким образом, чтобы изменение количества самолетов в группе не меняло количества запланированных групп и их готовность для всех вариантов боя по плану. Предполагалось, что очередная группа должна быть готовой вылетать в любое время для наращивания сил в бою, а вместо нее по графику должна была вылетать последующая группа.

В каждую четверку, как правило, включался один молодой летчик с целью ввода его в бой. В том случае, когда воздушные бои носили особенно ожесточенный характер, на выполнение задания вылетали летчики, имеющие не менее 10 боевых вылетов.

Каждый молодой летчик, прежде чем вылететь на боевое задание, должен был тщательно тренироваться в слетанности со своим ведущим над аэродромом с тем, чтобы приобрести некоторый опыт в производстве совместных атак, уметь грамотно выходить из атаки и уходить из-под атаки противника.

В шестерку или восьмерку брали, как правило, одного-двух молодых летчиков с их постоянным ведущим. Они летели на боевое задание обязательно на том же самолете, на котором тренировались. Таким образом мы не ощущали ослабления группы «молодняком», а новые летчики незаметно для себя втягивались в боевую работу.

Ведущие групп всегда назначались из командиров эскадрилий, их заместителей и наиболее опытных командиров звеньев, однако, командиры звеньев возглавляли только звено (четверку).

Постановка задачи и проработка задания с летным составом. Общая задача, поставленная перед полком, как правило, доводилась до летного состава лично командиром полка или его заместителем, а иногда и командирами эскадрилий до начала боевых вылетов.

Штаб полка, реализуя решение командира, тут же определял количество групп, необходимых для выполнения данной задачи, с учетом исправных самолетов и резерва.

Составлялся график вылета каждой группы с учетом и запасного варианта на случай возможного изменения в обстановке.

продолжалось в течение дня. Только к вечеру, понеся большие потери, противник снизил интенсивность налетов.

Наши летчики-истребители делали по 4–6 вылетов в день, сопровождавшихся ожесточенными воздушными боями.

Прежде чем перейти к описанию воздушного боя, необходимо остановиться на организации в нашей части боевых вылетов.

Организация боевого вылета

Подбор количества и состав группы.

Ежедневный подбор групп проходил в соответствии с задачами, поставленными полку, и с учетом боевого опыта каждого летчика. Группа составлялась из одной эскадрильи, причем сохранялись слетанные пары и звенья. Такая группа (патруль) планировалась штабом полка и заносилась в график на вылет.

Затем каждый ведущий собирал свою группу и уточнял знание поставленного перед группой задания. Опрашивались все летчики группы.

Убедившись, что задание понято всеми летчиками правильно, командир группы (патруля) переходил затем к проработке выполнения самого задания, т. е. проводил розыгрыш предстоящего боевого полета.

Проигрыш полета. Вначале вся группа разбивалась на две подгруппы: ударную и прикрывающую. Ведущий прикрывающей подгруппы назначался заместителем командира всей группы.

Подробно указывались: боевой порядок, дистанции, интервалы и с каким превышением должны идти четверки и пары в четверках во время патрулирования. Затем каждой паре в звене и звену в целом ставились конкретные задачи на весь полет — от взлета до посадки, с учетом тактики действия противника, применявшейся в последних встречах. Повторялись выводы последних разборов боевых вылетов. Убедившись в знании боевого порядка и своего места в нем каждым летчиком, переходили к проработке действий каждой пары и звена на случай изменения обстановки или изменения условий полета и состава группы. Для большей ясности приведу пример.

Во время полета к цели по какой-либо причине из строя вышел самолет, ведущий или ведомый. В этом случае, независимо от того, где бы группа ни находилась, его напарник обязан сопровождать своего товарища до аэродрома и произвести посадку вместе с ним. Это нужно потому, что в общем строю он один без прикрытия становится лишним самолетом.

Когда пара ушла из звена, то оставшаяся пара вынуждена была выполнять задание одна, по одному из вариантов, предусмотренному еще на земле при проигрыше полета. Изменения в составе одного звена и переход его к действию по запасному варианту требуют изменения плана действия всей группы.

Количество бомбардировщиков не изменяло порядок наших действий, ибо они оставались во всех случаях самообороняющейся воздушной мишенью. С увеличением числа бомбардировщиков мы увеличивали количество групп или увеличивали состав группы (особенно ударной), действия же оставались прежними. Совершенно по-иному влияло на наши действия количество истребителей прикрытия. Исходя из тактики противника, мы обычно рассчитывали встретить в прикрытии вражеских бомбардировщиков от 4 до 8, реже до 12 истребителей. Если же их было 30, как, например, под Никополем, то порядок наших действий должен был быть иным.

Расчет своих сил мы строили так: на четверку или шестерку истребителей прикрытия бомбардировщиков противника всегда выделяли звено, идущее в группе прикрытия.

Если истребителей прикрытия было 8–12, то звено прикрытия усиливалось парой истребителей из ударной группы. Такое распределение сил вполне обеспечивало действия ударной группы. Если истребителей прикрытия было значительно больше, то учитывалась возможность поддержки в воздушном бою дежурными группами. Прикрывающая группа сковывала истребителей противника, а ударная группа прилагала все усилия, чтобы не допустить прицельного бомбометания вражеских бомбардировщиков.

Учитывалось и обратное, т. е. что в действительности истребителей прикрытия могло оказаться меньше, чем предполагалось встретить. В этом случае одна пара из группы прикрытия переходила в состав ударной группы. Были случаи, когда вся прикрывающая группа переходила в состав ударной группы, но это применялось как исключение и то при изменении обстановки, обычно распоряжением ведущего группы. Одновременно предусматривалось взаимодействие и в других случаях, а именно: повреждение или потеря нашего самолета, встреча с одними истребителями, отказ радио, отказ вооружения и др.

Организационные указания. К ним относятся указания командира полка на день; недостатки предыдущих вылетов; новое в действии противника или изменения в его материальной части; использование радио в полете, штурманские указания.

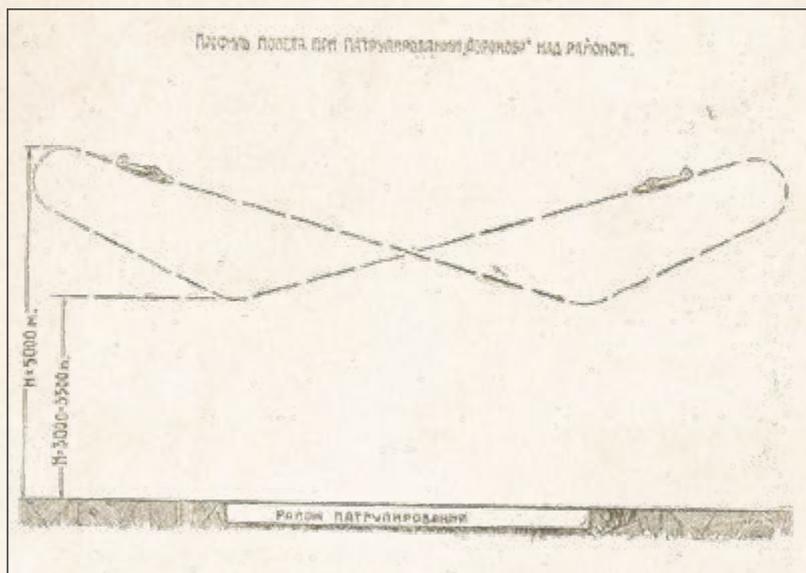
Проверка материальной части, вооружения и спецоборудования производилась самим летчиком.

Патрулирование

Моя группа состояла из 8 самолетов «Аэрокобра» в двух подгруппах: 1) **ударная группа:** ведущий группы — Речкалов, ведомый — Голубев, ведущий пары — Жердев, ведомый — Душанин; 2) **прикрывающая группа:** ведущий — Клубов, ведомый — Ивашко, ведущий пары — Чистов, ведомый — Семенов.

Помимо основного района прикрытия была дана запасная задача прикрыть в районе Садова Гора, Новый Токмак сосредоточенную для ввода в прорыв конницу генерала Кириченко.

▲ Профиль полета при патрулировании

в район патрулирования. В это время над целью шел воздушный бой с 30 бомбардировщиками Хе-111 и Ю-88. Моя группа пришла в район патрулирования на высоте 4000 м. Бой к этому времени уже закончился.

Связавшись со станцией наведения, я получил от нее предупреждение: «быть внимательнее, скоро должны притти «лапотники»! (Ю-87).

В ожидании самолетов противника я набрал высоту до 5000 м. Из-за дыма от пожаров видимость ниже 1500 м была плохая, выше — отличная. Облачности не было.

Маневр своей группы я строил с севера на юг и обратно. После каждого разворота шел со снижением до высоты 3500–3600 м (рис. 1) с целью увеличения скорости, что позволяло лучше просматривать район прикрытия, при этом одновременно экономилось горючее, охлаждался мотор.

Фронт группы был построен в сторону противника. Солнце было все время в стороне, противоположной моему фронту.

Это достигалось самостоятельными разворотами каждого самолета на 180° градусов. Интервалы между самолетами и парами в 50–150 м позволяли производить такой маневр (рис. 2).

Развороты производились всегда на солнце, чтобы не подставлять заднюю полусферу под удар со стороны солнца. Например, если шли с курсом на север, то разворот на 180° производился вправо по команде: «разворот на 180° вправо», после чего шли на юг, и наоборот, «разворот на 180° влево», после чего шли на север.

Развернутый фронт направлен был в сторону противника с той целью, чтобы раньше заметить немецкие самолеты и чтобы мне хорошо было видно всю их группу.

Сразу же после разворота вся группа, выдерживая заданное превышение между самолетами, снижалась за мной и за счет снижения весь заданный район проходила на повышенной скорости порядка 500–520 км/час.

Как только проходили район прикрытия, группа, ориентируясь по ведущему, за счет большой скорости (при одном и том же режиме мотора) набирала свою прежнюю высоту — 5000 м.

Верхняя пара ниже 4000–4500 м не снижалась.

В таком порядке над целью мы ходили 45 минут (заданное время было 50 минут).

Я уже запросил станцию наведения о разрешении мне итти домой, когда справа-снизу и спереди мы заметили большую группу самолетов противника, которая шла в наш район. Мы в это время находились в северном конце района прикрытия. Сразу же я опознал около 50 самолетов Ю-87. Они были еще

Воздушная обстановка к нашему вылету была нам известна по информации штаба полка, получившего данные с КП командира дивизии, и от летчиков, летавших на задание.

Противник в этот день летал так: первая группа 9 Хе-111 под прикрытием 2 Ме-109 на высоте 4500 м, через 30 минут смешанная группа Хе-111 и Ю-88—16 самолетов под прикрытием 4 Ме-109 и через 20 минут вслед за второй на высоте 4000 м третья группа — 30 самолетов Ю-87 под прикрытием 4 Ме-109.

По графику мой вылет был намечен в 10.10. Летчики находились у самолетов, когда с КП полка (сигналом «ракета») нам был дан взлет. Взлетев в 10.20, немедленно легли на курс и с набором высоты пошли

в 15 км от линии фронта. Я сообщил по радио своей группе: «впереди снизу большая группа самолетов противника. Моей четверке встать в «пеленг» и плотнее сомкнуться. Клубову прикрыть меня сверху». Одновременно станция наведения сообщила о появлении бомбардировщиков противника. После этого я с большим снижением пошел на сближение с немцами. Первую атаку решил произвести в лоб.

Завязался ожесточенный воздушный бой. 8 шестерок Ю-87 шли плотным строем в колонне. Прикрывали их 8 истребителей, которых я на сближении и в момент атаки не заметил.

4 Ме-109 были в группе непосредственного прикрытия и 4 Ме-109 — в ударной группе, при этом немного отставшие.

Расчет первой атаки в лоб строился на двух основных преимуществах: во-первых — внезапность. Атака производилась со стороны ослепительно светящего солнца и далеко на их территории, чего немцы не могли ожидать.

Во-вторых — большая скорость порядка 600–640 км/час, приобретенная за счет снижения с 5000 м до 2000 м.

На таких больших встречных скоростях истребители непосредственного прикрытия не могли помешать нашей атаке при любых условиях.

Первая атака проходила так: моя четверка встала в плотный «пеленг», т. е. интервал между парами до 20 м и дистанция до 50 м без превышения, а в паре интервал между самолетами 10–15 м и дистанция до 20 м с превышением 2–3 м.

При снижении мною неточно были учтены встречные скорости со своим углом снижения, поэтому рассчитанный прицельный удар по головной ведущей паре я нанести не мог. Удалось лишь только пропустить через нашу трассу противника (огонь открывал примерно на 400–600 м). Тогда я весь прицельный огонь перенес на ведущего второй шестерки, который сразу же загорелся. Я, не прекращая огня, прошел через весь строй бомбардировщиков.

Почти одновременно загорелся еще один Ю-87 в третьей или четвертой шестерке, зажженный моим ведомым Голубевым, который, также не прекращая огня, прошел через весь строй. В результате, как я и ожидал, весь строй Ю-87 был разбит. Шестерки, в которых было сбито по самолету, сбросив свои бомбы, начали уходить переворотами, чем расстроили весь строй. Это был уже не строй, а вытянутая в длину «стая грачей», еще продолжавшая двигаться за своим «вожаком».

В паре с Голубевым, выйдя после атаки левым боевым разворотом, за счет большой скорости мы очутились выше строя бомбардировщиков на 600 м и моментально нагнали их ведущую пару.

В момент первой атаки вторая пара моего звена (ведущий ст. лейтенант Жердев) атаковала первую шестерку с последующим пропуском через свой огонь всего строя Ю-87. В тот момент, когда я выходил из атаки, Жердев заметил, что мою пару пыталась атаковать пара Ме-109, которая шла сзади-слева с небольшим превышением. Ст. лейтенант Жердев перенес свой огонь на Ме-109, атакуя его в лоб и этим самым отбил его атаку от моей пары.

После лобовой атаки Жердев вышел левым боевым разворотом и за счет скорости очутился сзади-сверху Ме-109 в очень удобном положении для атаки. Тогда Ме-109 стали разворачиваться на него с набором высоты. Жердев произвел атаку по Ме-109 на развороте. Оба Ме-109 полупереворотом ушли из-под атаки. Затем Жердев вторично развернулся левым боевым разворотом и опять был выше Ме-109. Когда Ме-109 снова стали разворачиваться на него, он на развороте с дистанции 100 м сбил ведущего. Ведомый сделал переворот и на бреющем полете вышел из боя совсем.

Произведя вторую атаку по ведущему всей колонны Ю-87, за которым все еще двигался разрозненный строй самолетов, пытавшихся образовать «пеленг» для пикирования, я заметил, что пара Ме-109, шедшая впереди строя, стремилась атаковать мою пару слева-сбоку, имея незначительное превышение надо мной. Но было поздно. Я успел произвести атаку, и ведущий головной пары взорвался в воздухе на своих бомбах так, что даже мой самолет подбросило.

Данную атаку я произвел немного сзади-сверху под ракурсом 2/4 с дистанции 150 м, находясь все время вне зоны обстрела стрелка. Мой ведомый Голубев резким левым разворотом отбил атаку пары Ме-109. Сбив второго Ю-87, я развернулся и пристроился к Голубеву. Пара Ме-109, атакованная Голубевым, переворотами вышла из боя.

Как только взорвался ведущий всей колонны Ю-87, остальные, не дойдя до линии фронта примерно с километр или чуть меньше, стали беспорядочно пикировать в свою сторону, поспешно сбрасывать бомбы на свои же войска, а затем также в беспорядке уходить на бреющем полете на свою территорию. Я атаковал в момент ввода в пикирование еще один Ю-87 и с дистанции 50 м дал очередь. Этот третий самолет Ю-87 моментально загорелся и упал в 2–3 км западнее Нейнассау. Вторая пара моего звена, сбив Ме-109, атаковала выходящего из пикирования на бреющем полете Ю-87 и сбила его. Группа прикрытия (ведущий Клубов) во время всего боя оставалась сверху. Не видя истребителей прикрытия, она начала снижаться ко мне на помощь, но в это время подошла выше наших самолетов отставшая четверка Ме-109. Завязался тяжелый бой, так как начался при невыгодных условиях для звена Клубова.

Несмотря на это, Клубов не допустил сверху ни одного истребителя, чем обеспечил мне свободу действий.

Так как горючее у нас было на исходе, преследовать бомбардировщиков было невозможно. Мы вынуждены были прекратить преследование и возвращаться на свой аэродром.

Клубову с трудом удалось оторваться от 4 Ме-109, я же не мог к нему подняться (не было горючего) и приказал ему выходить из боя пикированием под прикрытием зенитного огня батареи, расположенной в районе Большого Токмака. После чего, собравшись вместе в районе огня ЗА (Большой Токмак), пошли домой. По пути молодой летчик Думанин из-за недостатка горючего благополучно произвел вынужденную посадку на колеса в поле.

Краткие выводы

1. В результате воздушного боя нами было сбито 5 Ю-87 и один Ме-109. Бомбардировщики не были допущены к нашим наземным войскам, они сбросили бомбы на свою территорию. Своих потерь не было. Наши самолеты не имели даже пробоин, если не считать застрявшего осколка от взорвавшегося Ю-87 в правой плоскости моего самолета. Трудно предсказать результат боя, если бы наличие горючего в баках позволило нам преследовать противника.
2. Правильное построение боевого порядка при патрулировании, с учетом метеорологических условий, позволило своевременно обнаружить противника, построить группу в сомкнутый «пеленг» для производства лобовой атаки. Плотный строй боевого «пеленга» дает максимально концентрированный огонь всей группы на одну цель.
3. Стремительная лобовая атака хорошо отвечала замыслу решения: «разбить строй бомбардировщиков, нанести максимальный урон им до того, как вступят в бой истребители прикрытия, заставить бомбардировщиков сбросить бомбы на своей территории».
4. Не сумев достигнуть прицельного огня по ведущему всей группы Ю-87 и сбить его в лобовой атаке, мы не отказались от принятого мною решения, но лишь с еще большей настойчивостью и последовательностью стали проводить последующие атаки, пока не достигли намеченной цели.
5. Описанный выше воздушный бой может служить примером подлинно группового боя, когда усилия всей группы подчинены единой воле командира и направлены на выполнение его решения при безупречном взаимодействии пар в звеньях и звеньев между собой. Например, Жердев принял единственно верное решение — прекратить атаку по Ю-87, чтобы отбить атаку Ме-109, которые пытались атаковать мою пару. Капитан Клубов, несмотря на тяжелые условия боя с Ме-109, сумел сковать их действия, обеспечив успешность моих действий.
6. Точные, стремительные, дерзкие, инициативные и согласованные действия пар и звеньев — следствие организованности и дисциплины всех летчиков, участников боя. Это достигалось хорошей наземной подготовкой к боевому вылету. Каждый знал четко свое место и задачу в бою.
7. Пара или звено истребителей, хорошо прикрытые от истребителей противника, могут успешно вести бой с большой группой бомбардировщиков типа Ю-87. Этот вывод подтвердился в воздушном бою над Перекопом 1 ноября 1943 г., когда мое звено встретилось с 30 Ю-87, шедшими под прикрытием 2 Ме-109. Хорошо прикрытые парой Жердева, мы с Голубевым сбили 4 Ю-87. «Юнкерсы» сбросили свои бомбы поспешно и неприцельно. Мы не допустили их штурмовать наши войска.

ВЫБРОСКА ДЕСАНТНОЙ ГРУППЫ НОЧЬЮ В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ПРОТИВНИКА С САМОЛЕТА ИЛ-4

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК ФЕДОРОВ Е. П.

25 декабря 1941 г. мой экипаж в составе трех человек: я, штурман подполковник Пономарев Ф. С. и воздушный стрелок-радист старшина Иващенко И. Д., были вызваны в штаб, где получили информацию и особое задание.

Немецкая контрразведка вскрыла и выловила ряд наших диверсионных групп. Наша разведка не имеет данных с Минского направления, так как главный штаб в Минске тоже арестован. Установить связь с ними до сих пор не удастся. Были приняты меры для восстановления связи с оставшимися группами и налаживания разведывательной работы на Минском направлении, но положительных результатов не добились. Два раза возили на самолете Ли-2 две группы в район Минска и оба раза неудачно.

Первый раз была выброшена группа в 6 человек в районе болот у населенного пункта Заболотье, в 26 км юго-восточнее гор. Минск. Десант был выброшен с высоты 400–500 м в темную ночь, за один заход, за второй заход были сброшены грузы. Результат: группа не собралась, так как была разбросана на широкой площади, а грузы сброшены в другом месте. Группа задание не выполнила и по одному вернулась в Москву.

Второй раз были сброшены тоже 6 человек с самолета Ли-2 в лунную ночь. Выбрасывали в районе лесов, в 18 км сев. — восточнее гор. Минск, севернее автомагистрали Минск — Москва.

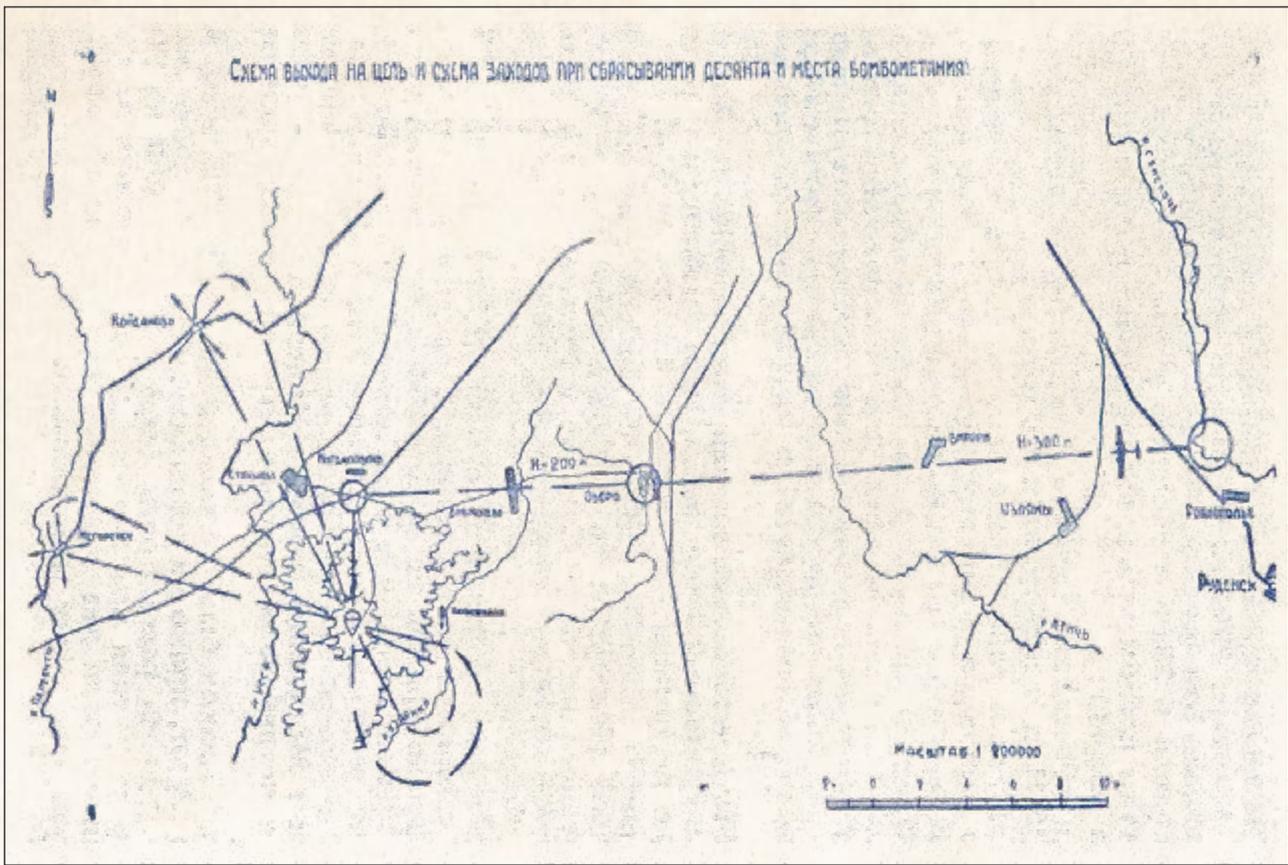
Десант, учтя предыдущий опыт, сбросили с трех заходов: в первые два захода — людей, в третий — грузы.

Выброска происходила с высоты 250–300 м. Экипаж самолета Ли-2, боясь разбросать людей и груз в различных местах, производил заходы вдоль автомагистрали Минск-Москва (4–5 км севернее). Самолет Ли-2 привлек внимание немцев. При луне пассажирский самолет, летящий на низкой высоте над лесом, был хорошо виден. Немцам удалось поймать одну группу парашютистов при приземлении и захватить грузы, а первая группа скрылась в лесу и вернулась, не выполнив задания, в Москву.

После получения такой информации эту операцию по выброске предложили выполнить мне и указали место выброски на карте, спросив мое мнение о возможности выполнения этого задания.

Посоветовавшись с штурманом, мы решили, что задание выполнить можно, и я предложил следующий план (рис.41):

1. Чтобы не привлекать внимания немцев, летая на транспортном самолете в глубоком тылу, произвести выброску не с самолета Ли-2, а с Ил-4, так как в этом районе в течение двух месяцев — ноябрь и декабрь 1941 г. — действовали почти каждую ночь самолеты Ил-4 по железнодорожным объектам, с высот 400–600 м, производя по 5–6 заходов.

▲ Схема выброски десанта

2. Выбросить при этом возможно не 6 человек, а только 4 человека и груз, так как самолет Ил-4 взять в кабину радиста большее количество не сможет.

3. Применить парашюты с принудительным открытием и выброску произвести в лунную ночь с высоты 50–70 м, выбрасывать по одному за заход, а грузы бросить в мягкой упаковке без парашютов с высоты 10–15 м, чтобы не разбросать их на площади, а выбросить в одно место.

4. Для отвлекающих действий взять 6 ФАБ-50, которыми бомбардировать после каждого захода ж.-д. станции или перегоны, так как железная дорога проходила недалеко.

5. Выброску произвести в ночь на новый год, с 31 декабря на 1 января 1942 г., во вторую половину ночи; при этом учитывалось два фактора: встреча нового года и то, что луна восходила в 23.30 и заходила утром.

С этим планом командование согласилось, и мне была поручена операция.

Для выполнения задания я перелетел на аэродром Внуково 27.12.41 г. и приступил к подготовке:

1. Изучили район предстоящего полета и особенно тщательно выход на площадку сбрасывания. Выбрали маршрут, составили схему заходов и место бомбометания.

2. Провели тренировку на земле по сбрасыванию грузов и людей через люк радиста, для чего пришлось снять люковую пулеметную установку и всю броню, так как парашютисты с парашютами, оружием и радиостанциями на груди не проходили в люк радиста и их приходилось проталкивать силой.

3. Была установлена прямая связь по СПУ-3 между радистом, штурманом и летчиком, ибо выбрасывал радист по команде штурмана.

Маршрут полета проходил по прямой с аэродрома Внуково, с юга автострады до Шклов и далее через Березино до характерного изгиба р. Свислочь у Руденек, затем до озера и населенного пункта Мигдаловичи, отсюда поворот на юг к месту выброски.

Взлет был произведен в 0.30 1.1.42 г. Полет до цели и поиск площадки не представляли трудности, так как полет проходил по прямой на высоте 300–500 м по наземным ориентирам при полнолунии и безоблачном небе. Район Минска и район, расположенный севернее его, были покрыты туманом. Это способствовало выполнению нашей задачи, так как аэродром Мочулищи (южнее Минска на 10 км) вышел из строя и истребители, которых мы опасались, подняться не могли.

Первый заход был произведен на высоте 100 м от Мигдаловичи на юг, прямо на площадку. Площадка среди леса, которую удалось рассмотреть, была размером 500 на 500. Через нее проходила проселочная дорога с востока на запад, а посередине стояли два стога сена и разрушенный сарай, это и было взято за точку прицеливания.

Первый заход на сбрасывание был произведен в 3.00 с Любаженка. Был сброшен один парашютист с высоты 70 м и мы по прямой прошли до ст. Негорелое, куда с высоты 300 м была сброшена одна бомба в стоявший на станции эшелон. С разворотом на 180° со снижением, по этому же маршруту по наземным ориентирам зашли на второй заход и сбросили второго парашютиста с высоты 50 м, причем о благополучном приземлении и безопасности выбрасывания первый парашютист подавал зеленый световой сигнал, который был хорошо виден.

После второго захода с правым разворотом через Позняки произвели третий заход и бросили третьего парашютиста и с набором до 300 м вышли на ст. Кайданово, где сбросили на станцию 2 бомбы.

С разворотом на 180° вправо по обратному маршруту с высоты 50 м сбросили четвертого парашютиста.

Следующие три захода были аналогичны первому и второму.

Грузы были сброшены за три захода с высоты 10–15 м. Вся выброска заняла 50 мин. Полет продолжался 5ч. 58 м. Было произведено всего 8 заходов.

Утром при докладе о выполнении задания я узнал, что группа собралась, подобрала грузы и установила радиосвязь с Москвой.

Этот опыт демаскированных действий при выбрасывании парашютистов и грузов в дальнейшем применялся в частях дальней авиации неоднократно и давал хорошие результаты.

По дороге Заветное — Садовое было обнаружено двухстороннее движение до 250 автомашин. Эти данные были также переданы.

После обработки фотопленки дешифровщики в фотодонесении передали, что по дороге от Жutowo на Аксай колонна в 35 танков и 83 автомашины. Голова у станции Аксай, хвост — у Ковалевка.

На четырех сфотографированных участках дороги от Жutowo на Котельниковский длиной в 5–7 км было от 100 до 130 автомашин на каждом. В пункте Семеничи было 210 автомашин.

А.В. РОЗИН, исследователь истории флота, публицист

СУБМАРИНЫ В СЕТЯХ

С появлением в морях, океанах стальных «рыб» они порой становились весьма крупным уловом в рыбацких сетях. Подобная добыча особой радости рыбакам не доставляла, тем более что помимо испорченных сетей и упущенного улова эти инциденты иногда оканчивались гибелью рыбацкого судна. Только в 80-х годах в районе Ирландского моря при загадочных обстоятельствах пропали без вести 16 рыболовных судов с 53 моряками. Так в мае 1984 года бесследно исчезло британское рыболовное судно, 6 марта 1989 пропал там бельгийский траулер. Союзы рыбаков заявляют, что это в основном вина подводных лодок, попав в сети траулера ПЛ тащит его за собой и порой

топит его. И подобные заявления нельзя списать на предвзятость рыбаков. В период с 1982 по 1986 годы в европейских водах Северной Атлантики зафиксировано около 10 случаев улова подводных лодок рыболовными сетями траулеров. Все эти инциденты были естественно непреднамеренными и являлись следствием стечения обстоятельств. Почти во всех случаях на лодке неслась вахта, работали акустики и, тем не менее, рыболовецкие суда не были обнаружены до момента происшествия.

Очень хорошо подобный эпизод описал капитан 2 ранга В. Согулякин в своем рассказе «В трале подлодка» опубликованном в газете «Красная звезда» 10 декабря 1983 года:

«Нет для подводников ничего менее приятного, чем проходить в подводном положении через районы активного рыболовного промысла при небольших глубинах моря. За мою командирскую практику на Балтике подобные ситуации складывались не единожды. И проявляя максимальную осторожность, осмотрительность, я всегда вспоминал историю из довоенной практики одного из старейших наших подводников, встреча с которым еще в лейтенантские годы во многом определила мою

флотскую судьбу. Владимир Иванович, уже офицер в отставке, рассказывал случай с рыбаками так детально, будто произошел он совсем недавно.

Отработав дневные задачи, подводная лодка, которой он командовал, всплыла для зарядки аккумуляторной батареи. Всю ночь командир придирчиво всматривался в десятки огоньков сейнеров, бегających вокруг корабля, приходилось постоянно маневрировать.

Наконец на востоке заалел горизонт. И лодка пошла на глубину. Оставив в памяти надводную обстановку, командир определил курс отклонения от района интенсивного лова рыбы, ибо для подводной лодки, идущей на небольшой глубине, рыболовные сейнеры с тралами в те довоенные годы были особенно неприятны.

Погрузив лодку, он обошел отсеки. Вахтенный офицер принимал доклады, наносил обстановку. Она не представляла сложности, и командир спокойно сидел в кресле.

«Скоро завтрак, а там и отдых», — подумал он, посмотрев на часы. За ночь Владимир Иванович изрядно устал, и хотелось хотя бы немного поспать. Наконец, записав свои последние указания для штурмана, вахтенного офицера, передав все свои решения на маневрирование кораблем старпому, командир ушел в свою каюту. Но сон не шел. При длительном подводном плавании сказывается постоянное нервное напряжение. Командирское ухо даже в своей каюте ловит каждый звук машинных телеграфов при даче ходов, журчание воды в дифферентовочной магистрали. Чем реже слышны эти звуки, тем спокойнее — значит в центральном посту все нормально, лодка хорошо удифферентована, исправно, держит заданную глубину.

Прошло уже более двух часов, как командир сменился и наконец задремал. Вдруг страшный скрип металлического троса по правому борту, идущего с носа в корму, выбросил его из койки. Через три секунды Владимир Иванович уже был в центральном посту. Нос лодки задрался, и боцман начал перекладывать горизонтальные рули на погружение.

— В чем дело? — спросил командир вахтенного офицера. Тот недоуменно пожал плечами.

Металлический скрежет дополз до центрального поста. Неизвестный металлический предмет тащился вдоль правого борта подводной лодки.

— Стоп правый! Левый малый вперед! Право на борт! — командовал командир на моторы и руль.

Подводную лодку с дифферентом около десяти градусов на корму неизвестная сила тащила вверх. Глубина быстро уменьшалась.

— Левый средний вперед! Оба руля на погружение! — командовал командир боцману.

— Командир БЧ-5, принимать я уравнительную! Штурман, доложить глубину под килем! — отдавал Владимир Иванович команды.

В голове же роем кружились мысли вокруг единственного вопроса — что это может быть?

Можно зацепиться за мачту затонувшего корабля, за старые сети, рыболовные тралы, еще хуже, если это дно моря. Надо было немедленно выяснить, в какую именно попали ситуацию, чтобы знать, как управлять кораблем.

Вахтенный офицер уже напал понимать, что отчасти его невнимательность стала причиной случившегося.

Все делалось, чтобы лодка погружалась, а она упорно стремилась вверх. Боцман только успевал докладывать падение глубины. Ничего не оставалось больше делать, как заполнить цистерну быстрого погружения. Правым мотором командир опасался давать ход, чтобы не запутаться в скребущемся справа по корпусу тресе.

Обстановка была скверной в полном смысле слова. Штурман доложил, что под килем семьдесят метров. Мачта затонувшего корабля, мель отпали. Остался трал сейнера. В таких ситуациях командир еще никогда не оказывался за годы подводного плавания.

«Не допустить, чтобы выловили. Нельзя оказаться на поверхности, замотаться в сетях винтами», — проносились в его голове мысли.

— Заполнить быструю! — скомандовал командир.

Лодка, получив огромную отрицательную плавучесть, лениво остановилась, удивленно вздрогнула и камнем полетела вниз.

Скрежет теперь был слышен почти со стороны всех отсеков. Дойдя до тридцати метров, чтобы не провалиться, продули цистерну быстрого погружения. Боцман переложил горизонтальные рули на всплытие. Скорость падения лодки уменьшилась, но движение вниз продолжалось. Только после принятия новых мер корабль нехотя остановился, замер и медленно пошел вверх.

Теперь задачей было удержать лодку на глубине и освободиться от трала. Как ее решать, эту задачу, командир еще не знал.

Решил проанализировать характер шумов за бортом. В зависимости от того, где больше скрежет, там, видимо, основной, более толстый трос трала, там, где меньший скрежет, там более тонкий трос.

Нетрудно было представить, какие рывки идут от тросов трала на рыболовные сейнеры и какие удивленные лица у рыбаков. Но не могли подводники угадать — спереди или сзади они накинули на корабль свой трал.

Чтобы более точно оценить обстановку, требовалось немного зависнуть и посмотреть на динамику движения трала.

— Вахтенный офицер! Прикажете соблюдать строжайшую тишину в отсеках, командирам отсеков докладывать по порядку обстановку с носа в корму, — отдал Владимир Иванович команду.

Смолк шум в отсеках, и стало слышно, как тросы медленно тянутся вдоль всей подводной лодки с кормы в нос. Скорость корабля падала. Моторы не работали. Лодка по инерции всплывала и вновь начала дифферентоваться на корму. Теперь многое становилось понятным: на рыболовецких судах снова начали подъем трала и снова потащили подводников наверх. Надо опять всеми мерами загонять лодку на глубину. Один раз удалось, удастся ли второй? Скорее, скорее надо выходить из трала. Сейнер тоже предпринимал ответные действия. Скрежет тросов усиливался не только по правому борту, но и сверху, и под килем.

Обстановка по-прежнему не позволяла работать правым мотором. Требовалось отвести корму лодки от сетей. Подводники сманеврировали я, как только в кормовом отсеке но стало слышно скрежета тросов, дали ход и правым мотором. Но глубина по-прежнему падала.

Пришлось вновь заполнить быструю, затем снова продуть ее на набранной глубине. Такими маневрами подводники заставляли рыбаков прекращать выбирать трал. Борьба продолжалась несколько часов. Надо было, не запутавшись в сетях, обогнать под водой сейнер, чтобы попытаться выскочить из трала. Еще три раза пришлось совершать принудительные маневры на глубине. Но вот, дав обоими моторами полный ход, подводники услышали, как исчез скрежет тросов. Еще не веря, что наконец-то они выскочили из железных объятий трала, моряки удивленно смотрели друг на друга. В лодке царила тишина.

Из отсеков несло бодрое:

— Отсек осмотрен! Замечаний нет!

Минут через пять, оценив обстановку, командир решил подвсплыть под перископ.

Морская гладь светилась, как зеркало. Па море был полный штиль. Видимость отличная... Два сейнер мирно дымили в стороне, видимо, тоже оправляясь от испугов и переживаний, не ведая, какая «добыча» только что освободилась из их трала».

С тех пор мало что изменилось. Правда разница между водоизмещением довоенных подводных лодок и современных дизельных, не говоря об атомных очень существенна.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК СУБМАРИН, ПОЙМАННЫХ РЫБАКАМИ ЗА ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

★ 1945

— 28 августа в Балтийском море находящаяся в дозоре советская ПЛ «М-90» попала в тралы шведских кораблей, в результате чего командир вынужден был всплыть на поверхность, показать флаг шведам и попросить их дать слабину на трал, чтобы освободиться от него.

★ 1952

— 6 августа неопознанная субмарина ВМС Великобритании уносит рыбацкие сети траулера «Queen Alexandria» у острова Мэн в Ирландском море. Субмарина не повреждена.

★ 1956

— 22 апреля ПЛА ВМС США «Наутилус» SSN-571 попала в сети рыбацкого судна у бере-

жья Нью-Джерси в 140 милях к юго-востоку от Нью-Йорка, при плавании на глубине 150 футов. Субмарина почти утянула судно под воду, сети пришлось обрубить. ПЛА не всплывая на поверхность, продолжила путь Гротон (штат Коннектикут). Оцененный ущерб — 1300 \$ на каждое судно.

★ 1958

— 11 июня траулер «St. Clair» поймал субмарину ВМС Великобритании в сети в районе Лендс-Энда (Land's End), Великобритания. Причинен небольшой ущерб.

★ 1962

— В июле советская дизельная ПЛ пр.613 «С-195» (Кочегаров А. И.) в Баренцевом море попала в сети норвежских рыбаков, рыбаки сами обрубили сети и всплыв в темноте ПЛ освободилась от сетей.

— 9 октября датская дизельная субмарина под командованием Блонда Петерсона была поймана в сети британского рыболовецкого траулера «Флит Лэди» шкипер Стэнли Дрейк, в проливе Ла-Манш. Подводная лодка маневрируя смогла очиститься от сетей, несмотря на это она всплыла. Капитаны обменялись извинениями и их

корабли покинули место происшествия. В связи с этим инцидентом датские подводники острили, что их командир хотел сменить сети НАТО на менее опасные — рыболовные. Дрейк со своей стороны по прибытии в порт заявил журналистам: «Мы выбросили “рыбину” обратно в море, но кто может поручиться, что в один прекрасный день такое не повторится...».

★ 1963

— 8 апреля неопознанная субмарина запуталась в сетях траулера «Sunarree» в районе New England (Новой Англии) и утянула с собой невод стоимостью приблизительно 3 000 \$.

— 10 июня дизельная субмарина ВМС Великобритании «Роркуэл» (Rorqual) попала в сети траулера.

★ 1968

— 11 января французский траулер «Фомалхот» (Fomalhaut) поймал дизельную субмарину ВМС Великобритании «Грэмпис» (Grampus) в свои сети в Ла-Манше. ПЛ всплыла и обе команды в течение более трех часов распутывали сети.

— В феврале в Северном море в сети голландского траулера попала норвежская ПЛ. После всплытия лодка освобождена от сетей.

— 9 апреля ПЛАРБ ВМС США «Роберт Е.Ли» SSBN-601 попала в сети французского траулера «Лоран-Бретань» (Lorraine-Bretagne) в Ирландском море. Около получаса она тащила траулер за собой и только потом всплыла. Экипажам подводной лодки и траулера понадобилось пять часов, чтобы освободить ПЛ. Субмарина не повреждена.

★ 1969

— Зимой французский траулер «Бель Пу» (Belle Poule) поймал дизельную субмарину ВМС Великобритании «Порпойс» (Porpoise) в сети недалеко от побережья Великобритании или Франции.

— 5 сентября французский траулер «Пуант де Барфлер» (Pointe de Barfleur) поймал дизельную субмарину ВМС Великоб-

ритании «Отус» (Onyx) в сети приблизительно в 20 милях к северо-востоку от Шербурга в Ла-Манше. Траулер остановился когда лодка попала в сети. Лодка всплыла и после объяснения суда продолжили путь.

★ 1974

— 14 декабря ПЛАРБ ВМС США «Камехамеха» SSBN-642 попала в погруженные рыбацкие сети во время упражнений в центральной части Средиземного моря. В результате поврежден винт. ПЛ возвратилась в порт для ремонта.

★ 1975

— 23 апреля ПЛА ВМС США «Снук» SSN-592 запуталась в сетях вероятно советского рыболовецкого траулера при ходе на глубине 150 футов в 30 милях от Сан-Франциско (Калифорния). Всплыв на перископную глубину, лодка вырывается на свободу и уходит из района. Приблизительно 25 советских рыбацких

судов находятся в этом районе, когда произошел этот инцидент.

★ 1976

— Неизвестна дата. В запретном для ловли районе у берегов Камчатки колхозный СРТР «Сом» тралом зацепил подводную лодку, а когда лодка дала ход, то траулер задним ходом пошел в три раза быстрее, чем ходил передним, пока не оборвались оба ваера. Лодка не пострадала.

— В начале мая норвежское рыбацкое судно в международных водах недалеко от Мурманска поймало в сети советскую торпедную атомную подводную лодку, на глубине приблизительно 450 футов. Советская лодка всплыла, и рыбаки видели, что члены экипажа срубали сети. Субмарина позже буксировалась к Мурманску советскими спасательными судами.

— 1 июля норвежский рыболовецкий траулер «Sjovik» поймал в сети советскую АПЛ класса

«Ноябрь» к северу от советской морской базы в Мурманске и она тянула его приблизительно милю в Баренцевом море. После всплытия экипаж освободился от сетей и продолжил путь к Мурманску.

— 25 августа ПЛА ВМС США «Поллак» SSN-603 попала в сети японских рыбацких лодок в восточной части Цусимского пролива. В результате инцидента, два траулера потеряли сети.

— 8 октября японское рыбацкое судно поймало советскую ПЛАРК пр.670 «К-201» недалеко от Камчатского полуострова. Рыбацкую лодку какое-то время лодка тянула за собой, ПЛАРК пришлось всплывать, швартовая команда рубила трос, японцы всё это засняли. ПЛ погрузилась, об этом не донесла. Съёмки попали в печать, оттуда к нашему послу, далее в Москву, в МО, далее ГК ВМФ. Последовал запрос на ПЛ, пришлось сознаваться.

★ 1977

— 22 июля ПЛАРБ ВМС США «Генри Л.Стинсон» SSBN-655 попала рыболовные сети испанского

траулера при прохождении патрулирования у побережья ВМБ Рота (Испания).

★ 1979

— 1 марта французская дизельная субмарина «Марсуен» (Marsouin) попала в сети французского траулера «Сен Блез» (Saint Blaise) у побережья Бретани, когда участвовала в военных учениях. Суда не повреждены, но трал пришлось обрубить.

— 7 марта ПЛАРБ ВМС США «Александр Гамильтон» SSBN-617 запуталась в сетях шотландского рыболовецкого траулера «Акила» у западного побережья Шотландии в районе острова Джура. ПЛ буксирует траулер в течение приблизительно 45 минут, пока сети не обрезаны.

— 4 июня ПЛАРБ ВМС США «Джордж Вфшингтон Карвер» SSBN-656 попала в сети испанского рыбацкого судна в районе ВМБ Рота (Испания).

— 3 июля дизельная субмарина ВМС Великобритании «Отус» попала в сети исландского траулера

в районе Ферт-оф-Клайде (Firth of Clyde) Шотландия.

★ 1981

— 13 апреля ПЛА США «William H. Bates» (SSN-680) попала в рыбацкие сети в районе Hood Canal (штат Вашингтон).

— 17 октября советская ПЛ «С-363» (бортовой номер 137) под командованием капитана 3 ранга Анатолия Гущина в Балтийском море в подводном положении в 18.10 попала в трал рыболовного сейнера. Внешних повреждений при осмотре после всплытия выявлено не было, но как оказалось повреждения получила антенна радиопеленгатора. О факте его повреждения на лодке узнали лишь после того как лодка села на мель в водах Швеции.

★ 1982

— 19 апреля ирландский рыбацкий траулер «Шерелга» (Sharelga) опрокинулся и затонул в Ирландском море, после того как в ее сети попала британская дизельная ПЛ «Порпойс» и не всплывая пыталась вырваться из сетей. Экипаж спасся. Британское прави-

тельство первоначально отрицало, что субмарина была в районе, но спустя две недели признала свою ответственность за произошедшее.

— 21 сентября американский сейнер ловящий креветки «Howard M.» работавший в Тихом океане поймал неизвестную ПЛ. Согласно утверждениям Министерства обороны США это была советская субмарина. Шкипер лодки Дэнни Паркер, сообщил что его тянули приблизительно полторы мили.

— 1 декабря британская АПЛ «Спартан» поймана в сети английского траулера «Эльгри» (Algrie) в юго-западных водах Англии.

★ 1983

— В конце февраля в начале марта 1983г. в сети малого рыболовного сейнера №0128 «Марс» производственного объединения «Мурманрыбпром» попала подводная лодка. Судно стало двигаться задним ходом при работающем двигателе. Главный двигатель заглохли и сообщили в Мурманск.

Капитан послал боцмана с топором к лебедке с приказом рубить его если возникнет опасность. Приблизительно три часа сейнер таскало, из-за малых глубин лодка уйти глубже не могла. В 16 часов субмарина всплыла рядом, это оказалась советская атомная лодка, моряки попытались снять сети с рубки но им это не удалось и их пришлось рубить. После этого лодка ушла, сейнер вернулся в Мурманск.

— 10 марта неизвестная субмарина ВМС Великобритании попала в сети рыбацкого судна «Targuen».

— 11 марта датский траулер поймал датскую субмарину в сети у острова Борнхольм в Балтийском море.

— 15 марта приблизительно 15 миль к югу от датского острова Борнхольм в Балтийском море, западногерманский рыболовецкий траулер «Gertraud» поймал советскую или польскую дизельную ПЛ класса Виски в сети. Траулер был окружен военными кораблями

Варшавского договора участвующих в маневрах в этом районе. ПЛ всплыла и после освобождения от сети погрузилась оставив траулер с поврежденной сетью.

★ 1984

— 8 марта неопознанная субмарина протасила ирландский траулер «Ориель» (Oriel) две мили в районе к востоку от графства Лаут (Louth), Ирландия. Шкипер обрубил сети, чтобы освободить корабль. В этом районе проходили учения НАТО «Тим уорк-84». Официальный запрос ирландского министерства транспорта имеет место, но его результаты никогда не обнародовались.

— 29 марта в проливе Скагерр-лак (Северное море) в сети датского траулера «Ане Катрин» (Ane Kathrine, 180 тонн) попала находящаяся на испытаниях ПЛ типа 209 построенная для Чили на верфи «Ховальт Веерке» в Киле (в чилийском флоте S 20 «Simpson»), в результате действий подлодки траулер накренился и затонул, погибло три человека. ПЛ ушла с места не всплывая, и как утвержда-

ют экипаж ПЛ узнал о случившемся только по приходе в базу. Во время инцидента на борту находилось 6 чилийцев, а лодкой управлял не военный моряк, а работник верфи Хольгер Беридон. Почему так произошло, внятного объяснения не дали, к тому же ФРГ отказалась предоставить вахтенный журнал корабля.

— 20 июня в Северном море в международных водах, в 50 милях от границы норвежских территориальных вод, в районе Ставангера, в сети норвежского траулера «Бентин» попала советская дизельная ПЛ пр.613 (по классификации НАТО — Виски) «С-277» (капитан-лейтенант Владимир Фролов) БФ. Следуя в район боевой службы в Норвежском море, ПЛ оказалась в окружении группы рыболовецких судов, за трал одного из которых, несмотря на значительную глубину погружения (120 м), её угораздило зацепиться. Часа три продолжалось отчаянное маневрирование, прежде чем раздались взрывы сигнальных гранат и созрело решение всплывать и освобождаться от снастей

в надводном положении. Гранаты, как выяснилось, были сброшены с одного из трех сторожевых кораблей, вызванных экипажем «Бентина».

— 14 августа неопознанная субмарина тянет британский траулер «Joanne C.» в Ла-Манше в течение трех часов ночью после того как она запуталась в сетях траулера в восьми милях от юго-западного побережья Великобритании. Когда траулер запросил помощь, Береговая охрана приказала резать сети, так как ВМС Великобритании действительно имела там субмарину. Министерство обороны позже заявило, что единственная субмарина Королевского флота в том районе была на расстоянии в 30 миль от места инцидента, никаких американских субмарин там близко не было и что по их мнению ПЛ принадлежит Советскому Союзу или другой стране Варшавского договора. Все же 15 сентября шкипер траулера получил компенсацию более чем 2 000 фунтов стерлингов от Министерства обороны.

— 18 сентября японский траулер «Sumiyoshi Maru» поймала субмарину в свои сети в Японском море. Подлодка тащила судно за собой, пока 3-сантиметровый стальной трос державший сеть не был обрублен. Японцы считали что это советская ПЛ. 20 сентября, советская дизельная ПЛ с баллистическими ракетами класса Гольф II была обнаружена в надводном положении с белым дымом, выходящим из его рубки и в сопровождении вспомогательного судна в Японском море в 380 милях к западу от Токио. Японцы предполагали что это ПЛ которая попала ранее в сети. За следующие два дня субмарина в сопровождении нескольких советских судов совершила переход во Владивосток своим ходом, куда пришла 23 сентября.

★ 1987

— 18 февраля ирландский траулер «Summer Morn» 10 — 20 миль два с половиной часа таскался по морю американской субмариной с ядерной установкой в 14 милях к северо-западу от острова Мэн в Ирландском море. Только когда

от побережья Дании. Субмарина участвовавшая видимо в советско-немецких учениях, всплыла и очистилась от сетей.

— 17 апреля британское рыбацкое судно «Laurel» вынуждено было обрубить сети, будучи буксируемой неопознанной американской субмариной с ядерной установкой в течение 15 минут в Ирландском море недалеко от берега острова Мэн.

— 24 мая французская ПЛ «Ла Прайя» (La Praya) попала в сети норвежского рыбацкого судна «Странд сениор» в Северном море недалеко от Шетландских островов. Траулер обрубил сети, чтобы освободить субмарину.

— 16 июня ПЛА ВМС США «Хьюстон» SSN-713 возвращаясь в Сан-Диего (Калифорния) после участия в съемке кинофильма «Охота за Красным октябрём», попала в сети рыбацкой лодки «Fortuna», ни о каких повреждениях не сообщалось, ущерб сети оценен в 2 000 \$.

— 28 июня неизвестная субмарина ВМС Великобритании вовлечена в инцидент с рыбацким судном «Huntress» в районе Клайда в Ирландском море. ПЛ свыше 200 метров тащила за собой траулер, после этого она всплыла и освободилась от сетей.

— 12 августа советская дизельная ПЛ пр.641 «Б-440» при несении БС в Баренцевом море на скорости 2 узла на глубине 80 метров попала в трал норвежского рыболовецкого траулера «Орион» к юго-востоку от острова Медвежий в международных водах в Норвежском море. Всплыв в надводное положение командир ПЛ обнаружил норвежский сейнер с выметанным тралом, ваер которого зацепился за киповую планку и кормовой кнехт левого борта. Пять членов экипажа ПЛ пробовали разрезать сеть газовой горелкой, после не-

по сигналу с траулера прилетел вертолет «Си Кинг» береговой охраны, и дал сигнал на ПЛ она остановилась и сети были обрезаны. Американский департамент подтвердил, что субмарина была американской, но отказался сказать, что это была за лодка.

— 9 сентября у берегов Франции в сети испанского рыболовного судна «Торнадо» попала французская ПЛ, сеть была сильно повреждена.

— 11 ноября ирландский траулер «Angary» поймал в сети неизвестную ПЛ, она тянула его вперед в течение нескольких секунд до того момента пока не лопнула стальная цепь, проверенная на 32 тоннах напряжения, и исчезает без следа приблизительно в 17 милях к северу от острова Мэн в Ирландском море. Рыбаки подозревают, что субмарина была ВМС Великобритании. Однако министерство обороны заявила, что ни одна британская субмарина не находилась в том районе.

★ 1988

— Неизвестная дата. Неопознанная субмарина ВМС Великобритании попала в сети траулера «Inspire» и опрокинула его в Ирландском море, погибли два рыбака.

— 7 марта ПЛАРБ ВМС Франции в 40 милях юго-западнее мыса Пенмарк район Бреста попала в рыбацкую сеть.

— В середине июня у траулера «Strantail» в клочки были порваны сети неизвестной субмариной в 18 милях к северу от острова Тори, Ирландия. Субмарина, которая не имела никакой маркировки, всплыла около траулера и очистила себя от остатков сетей.

★ 1989

— 4 апреля датская рыбацкая лодка «Christin-Michelle» едва не была опрокинута субмариной, пойманной в трал. Предполагается, это была советская дизельная ПЛ класса Виски, замеченная юго-восточнее Борнхольма недалеко

удачи сеть срубили топорами и кувалдами. Лодка была сфотографирована, но на связь по УКВ не вышла. При переговорах голосом командир ПЛ национальную принадлежность скрыл. Донесение на КП тоже не сделал. Незастрахованная сеть траулера, оцененная в 70 000 \$ была потеряна.

— 12 сентября ПЛАРБ ВМС Великобритании «Резолюшн» попала в сети ирландского рыбацкого судна «Contester» в Ирландском море в 25 милях к востоку от Дублина (Ирландия). Траулер тянули назад приблизительно милю на скорости два узла прежде, чем он вырвался на свободу.

— 1 ноября американский рыболовецкий траулер «Recruit» буксировался назад субмариной, пойманной в сети в 28 милях к западу от Olympic Peninsula (Вашингтон). Команда обрубила снасть стоимостью 20 000 \$, чтобы избежать потопления.

— 2 ноября советская дизельная ПЛ класса Foxtrot в 13.54 пона-

ла в сети норвежского траулера «Т.О. Синьор» (Т.О. Senior) в Баренцевом море, в 50 милях к северо-востоку от Варде (Норвегия). Лодка всплыла. Один советский член экипажа упал в море при попытке освободить субмарину, но был своевременно поднят. Попытки норвежского корабля береговой службы и советского траулера «УУУР 1574» освободить субмарину были безрезультатны, и сети в конечном счете были разрезаны.

— 13 ноября неизвестная субмарина ВМС Великобритании попала в сети рыбацкого судна «Scotia» недалеко от берега Шотландии и тянула судно назад две мили, прежде чем она вырвалась на свободу. На траулере поврежден винт и сети, субмарина получила незначительные повреждения.

★ 1990

— 22 ноября на севере Ирландского моря у острова Арран, ПЛАРБ ВМС Великобритании «Тренчант» S-91 (Trenchant) попала в сети шотландской рыбац-

кой лодки «Antares» из Carradale, траулер затонул. Четыре моряка погибли. Пришедший в Плимут «Тренчант» сообщил, что полученные повреждения нанесены сетями рыбацкой лодки. Моряки сказали что лодка всплыла, чтобы исследовать необъяснимые звуки со стороны правого борта. Хамилтон (Hamilton) сообщил в Палате общин, что команда обнаружив тросы на корпусе и предполагая, что это, возможно сети рыбацкого судна, попробовала войти в контакт с соседними рыбацкими судами по УКВ, но неудачно. Лодка покинула район только после контакта со спасателями. Большой поиск, с привлечением кораблей ВМС и вертолетов, привел к обнаружению обломков траулера.

— В декабре, спустя несколько недель после гибели траулера «Antares» американская субмарина залетела в сети одного рыболовного траулера из Северной Ирландии, из-за чего судно стало дергаться, как поплавок при поклевке, пока экипаж не обрубил канат у лебедки.

★ 1991

— 19 марта в Балтийском море советская дизельная ПЛ пр.641 повредила сети польского сейнера «НЕМ-136».

★ 1992

— Неизвестная дата. ПЛА ВМС США «Стёрджен» SSN-637 попала в сети шотландского траулера. ПЛ экстренно всплыла и освободилась от сетей. Пострадавших не было.

★ 1993

— 15 ноября в Балтийском море в сети датского сейнера попала неизвестная подводная лодка, было заявлено, что это была российская ПЛ. ВМФ России заявил, что их субмарины не причастны к данному случаю, так как наших лодок в это время в море не было.

★ 1994

— Неизвестная дата. Три датских члена экипажа погибли, когда их траулер поймал в сети немецкую субмарину, был потоплен.

— 19 февраля в Балтийском море в сети польского сейнера попала неизвестная подводная лодка, сети пришлось обрубить. Было

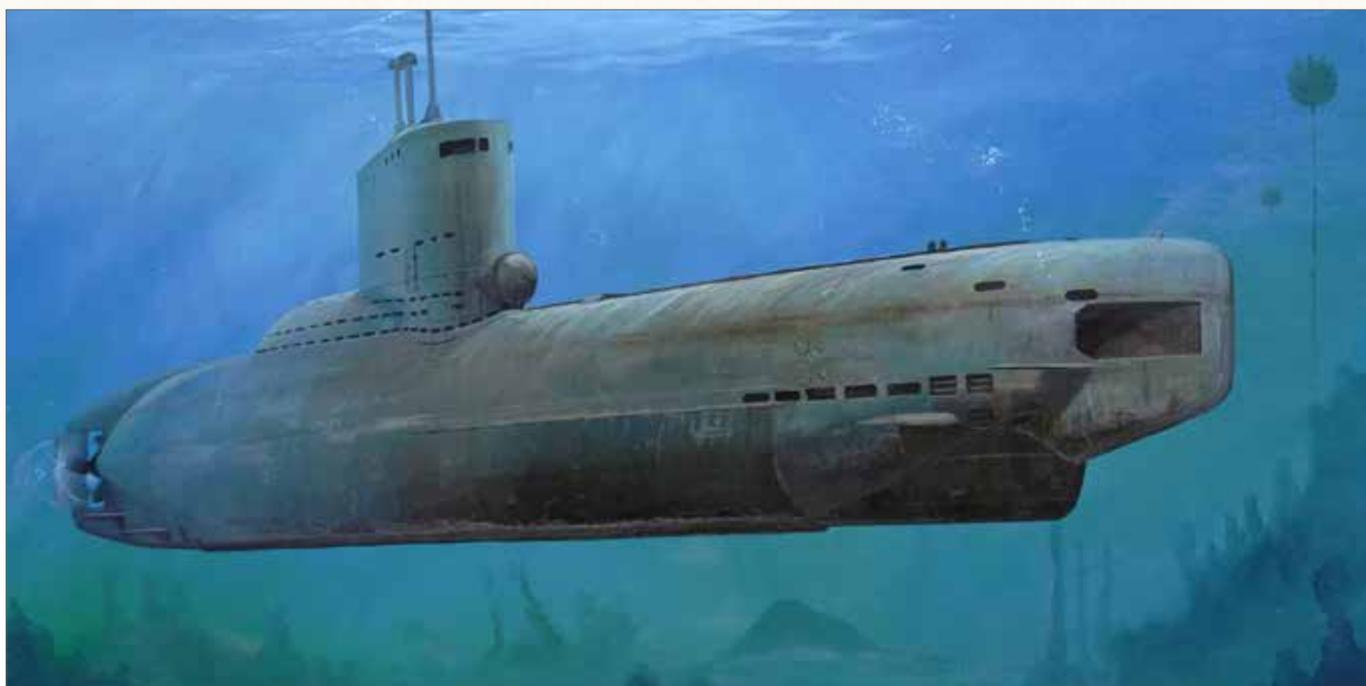
заявлено, что это была российская ПЛ. ВМФ России заявил, что их субмарины не причастны к данному случаю, так как наших лодок в это время в море не было.

— 20 февраля юго-восточнее Камчатки в трал траулера «Камсудо-3» акционерного общества «Камсудосоюз» попала неизвестная ПЛ. Траулер промыслил треску, эхолот «прописал» косяк рыбы на глубине около 200м и рыбаки спустили за борт снуревод. Сначала сейнер вдруг остановился, хотя машина работала вперед на малом ходу, а потом и вовсе двинулся назад. И тут буквально в нескольких метрах от носа сейнера выскочила из воды рубка ПЛ. сейнер чуть ли не сел на спину ПЛ, поскольку «хвостовое оперение» ПЛ обозначилось по другую сторону судна. Рыбакам пришлось обрубить сети. После этого лодка погрузилась, утащив невод на глубину. Первоначально считали, что к этому причастна русская АПЛ бывшая в том районе, но сразу после прихода она была обследована совместной комиссией военных и рыбаков, и следов от сетей на ней не обнаружили. Тогда может это, была американская подлодка.

— 5 марта российская АПЛ пр.705К «К-123» при отработке противолодочных задач в полигоне боевой подготовки попала в трал БМРТ «Профессор Кленов» Мурманского тралфлота АО «Северь-рыба», скорость ПЛ в подводном положении упала до нуля, стал расти дифферент на корму, командир соединения капитан 1 ранга Смелков А. Ф. вступил в командование ПЛ и начал маневрирование по освобождению от трала, после чего ПЛ всплыла в надводное положение. На дистанции около 10 кб. обнаружен БМРТ. После радиообмена на УКВ ПЛ возвращена в пункт базирования. БМРТ зашел в район БП вопреки предупреждению.

★ 1998

— В середине июня сверхмалая субмарина ВМС КНДР класса Юго при очевидной шпионской миссии попала в сети рыбаков. ПЛ заметил шкипер судна «Донгиль». Ее винт и перископ запутались в рыболовных сетях приблизительно в 11 милях от порта Сокчхон, прибрежный город приблизительно в 180 милях к северо-востоку от Сеула и в нескольких милях к югу от границы между двумя Кореями. Корабль ВМС Южной

Кореи «Кусан» взял ее на буксир, но во время буксировки трос оборвался и она затонула. Подъем ее занял два дня. Экипаж покончил с собой.

★ 1999

— В начале сентября команда испанского траулера «Jose Maria Pastor» зарегистрированного в Альмерии в юго-восточной Испании по сообщениям поймала неизвестную субмарину в свои сети. Инцидент произошел приблизительно в 27 милях от побережья Кадиса, и продолжался полчаса прежде, чем субмарина вырвалась на свободу. Подозревают что это была российская ПЛАРК класса Оскар, представители ВМФ России отрицают причастность нашей ПЛ к инциденту.

★ 2004

— 11 мая датский траулер «Мари Элен» в проливе Скагеррак поймал немецкую субмарину в свои сети. Сейнер ловил рыбу в водах между Данией и Норвегией. Под тяжестью неожиданно крупной

добычи трал порвался, но его обрывки зацепились за выступающие детали субмарины, и ей все равно пришлось всплывать. Траулер при этом не пострадал, однако рыбаки были сильно напуганы. Немецкая субмарина принимала участие в учениях НАТО с участием 70 судов от 16 стран.

Это только небольшая часть из имевших место случаев «улова». Есть целый ряд сообщений об инцидентах с неизвестной датой:

— Французская ПЛ «Дофин» попала в сети французского рыболовного траулера «Корос» у берегов Англии.

— ПЛ ВМС Великобритании «Аларик» попала в сети рыболовецкой шхуны «Красотка». Публикуя информацию об этом происшествии, бельгийский ежедневник «Пуркуа па» замечает: «Эти англичане теряют свою сдержанность, стоит им выбраться из дома».

— В норвежском море в сети норвежского траулера «Юби» попала норвежская ПЛ.

— Греческое рыболовное судно в международных водах в сети поймали турецкую ПЛ. Капитан приказал рубить трос. Греческие рыбаки поспешили удалиться поскольку на помощь «попавшей в беду» лодке уже спешил турецкий эсминец.

— Контр-адмирал А. С. Берзин вспоминал, что в годы его службы на 2 флпл (1977-1982 г.г.), ПЛ 670 проекта, в районе глубоководного погружения, попала в трал нашего рыбака, скорость резко упала, тащила за собой сейнер здоровый, грамотно действовала, осторожно всплыла, сейнер подошел, освободились от троса, обошлось без «рубки».

Но еще больше инцидентов остались неизвестными. ■

КОНЧИНА Ф. И. ЛАДЫГИНА

▲ На малой родине

11 декабря 2021 года на 85-м году жизни после тяжёлой и продолжительной болезни скончался генерал-полковник Фёдор Иванович Ладыгин, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации — заместитель начальника Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации с 1992 по 1997 год.

Федор Иванович Ладыгин родился 10 марта 1937 года в селе Мазикино Корочанского района Белгородской области. В 1954 году закончил с се-

ребряной медалью 10 классов специальной школы ВВС в Харькове.

С юности Ф. И. Ладыгин хотел быть только летчиком, и в августе 1954 года он стал слушателем инженерного факультета Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского. По окончании учебы в августе 1959 года он направляется в распоряжение заместителя министра обороны СССР по специальному вооружению и реактивной технике и последующие три с половиной года служит в РВСН. С 15 сентября 1959 года Федор Ладыгин — начальник отделения вой-

сковой части №43 189. С 20 июля 1960 года — начальник отделения войсковой части №44 112. С 14 января 1961 года — начальник группы войсковой части №44 112. С 5 июня 1962 года — инженер-испытатель научно-исследовательской группы НИИ Министерства обороны. Член КПСС с 1962 года.

С 30 января 1964 года — младший научный сотрудник, затем (с апреля 1966 года) — старший научный сотрудник, заместитель начальника (с апреля 1971 года) отдела ЦНИИ Министерства обороны.

В 1973 году подполковника Ладыгина пригласили на работу в Главное Разведывательное управление в одно из информационно-аналитических подразделений, и с июня 1973 года он — старший офицер направления управления ГРУ ГШ СССР. Дальнейшая карьера офицера в полной мере соответствовала его личным и профессиональным качествам: с 23 августа 1974 года — заместитель начальника направления управления ГРУ ГШ, с 26 декабря 1979 года — начальник направления управления ГРУ ГШ. 13 октября 1987 года Федор Иванович назначен на пост начальника управления ГРУ ГШ. Менее чем через год (27 июня 1989 года) — Ф. И. Ладыгин, став заместителем Начальника Главного Разведывательного управления, возглавил информационно-аналитическую службу.

Скупые строки о продвижении по службе не могут отразить «лихолетья» конца 80-х годов. Это была уже не перестройка, а перекройка многих постулатов в укладе жизни страны, за-

трагивавшая деятельность военной разведки, требующая высокого напряжения сил всех офицеров от низшего до высшего звена. Переговоры с Западом по ограничениям вооружений, грядущий роспуск Организации Варшавского договора, вывод советских войск из восточноевропейских стран, уход из Афганистана — эти знаковые вехи истории развала СССР означали для военной разведки необходимость срочного пересмотра концептуальных подходов и положений к оценке вопросов безопасности страны и будущего строительства Вооруженных сил. Федор Иванович начал работу над переориентировкой информационных задач, но в это время его отозвали в Генеральный штаб и в апреле 1990 года назначили начальником Договорно-правового управления Генерального штаба Вооруженных сил. Тогда еще никто не знал и не мог предположить будущей служебной карьеры молодого генерала, его часто показывали по телевидению в репортажах о перегово-

рах по военным вопросам с американцами, европейцами или в составе различных делегаций. Ф. И. Ладыгин непосредственно участвовал в подготовке советско-американского Договора СНВ-1, Договора по обычным вооруженным силам в Европе, двухстороннего (с США) соглашения и многосторонней Конвенции по химическому оружию, Договора по открытому небу, Венского документа по мерам доверия в Европе, ряда других соглашений в области ограничения и контроля над вооружениями. Парижского (1990) и Хельсинского (1992) Сопровождающих по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Представитель российской военной элиты, генерал-полковник Ладыгин, в отличие от многих своих коллег, обладал такими качествами, как скромность и отсутствие чванства и высокомерия. В связи с этим упомянем довольно курьезный случай: весной 1997 года во время проводившейся ГАИ компании по борьбе с незаконным использованием спецсиг-

▲ Парижское Сопровождающее по безопасности и сотрудничеству 1990 г.

▲ Ф. И. Ладыгин, 1987 год

налов был остановлен автомобиль, в котором ехал Ладыгин. Он был исключительно приветлив и искренне удивился, узнав, что на его служебной «Волге» инспектор обнаружил что-то лишнее, пожурив по этому поводу своего водителя.

Ф. И. Ладыгина отличали высокая требовательность к себе и подчинённым, удивительная работоспособность, глубокий аналитический склад ума и умение найти кратчайшие пути к достижению поставленной цели.

Возвращение Ф. И. Ладыгина в «альма матер» в августе 1992 года стало логичным и единственно верным решением в тот период. За плечами был не только опыт работы

в Главке, всестороннее знание интруктуры всех структур и подразделений, но и солидный политический ресурс общегосударственного уровня.

Назначение на должность Начальника ГРУ Ф. И. Ладыгин воспринял не только как высочайшее доверие, но и огромную ответственность, прежде всего, за судьбу военной разведки в те непростые годы резко меняющейся обстановки переходного периода становления нового государства, реформирования (а скорее, крушения) прежних и скороспелого создания новых надстроек, формирования новых Вооружённых сил страны на обломках могучей армии бывшей сверхдержавы, разгула (отчасти

продолжающегося и поныне) воинствующих дилетантов — «всезнаек» военного дела.

Новый начальник ГРУ сделал ставку на профессионализм действующих военных разведчиков, тем более что большинство офицеров и генералов, особенно центрального аппарата ГРУ, ему были хорошо известны ещё по первому периоду службы в Главке. Именно поэтому назначения и переназначения временно находившихся за штатом профессионалов на руководящие должности (соответственно, и всего личного состава) произошли быстро и без каких-либо осложнений. На каждом посту — только проверенные профессионалы военной разведки. Руководствуясь этим принципом, Федор Иванович при поддержке начальника Генштаба М. Колесникова пресек настойчивые попытки назначить на должность одного из первых заместителей начальника ГРУ (вместо трагически погибшего 30 ноября 1992 года генерал-полковника Ю. А. Гусева) пришельца извне. В результате на ответственный пост был оперативно назначен генерал-майор В. В. Корабельников. Позднее он и сменил Ф. И. Ладыгина на посту Начальника ГРУ ГШ ВС России.

Сформированное, наконец, первое руководство ГРУ ГШ Вооружённых Сил России единодушно пришло к выводу: сосредоточиться на главном.

Первое — обеспечить качественно безусловное выполнение стоящих перед ГРУ задач, безостановочное функционирование всех звеньев сложнейшего механизма ГРУ ГШ как центрального органа военной разведки. Главные возможности и ресурсы — сохранившиеся кадры высокопрофессиональных военных разведчиков, их проверенная преданность Отечеству, тем более находившемуся в труднейшем внутреннем и далеко не однозначном внешнеполитическом положении. Только ответственным выполнением стоящих задач можно и нужно разъяснить и убедительно показать новым политическим и военным руководителям роль и место ГРУ, военной разведки в целом во всей структуре государ-

ственного и военного управления, общей системе обеспечения национальной безопасности страны. Дружной, согласованной работой всех органов и элементов военнослужащих и гражданского персонала убедительно подтвердить, что военная разведка дореволюционной России, затем Советского Союза и теперь Российской Федерации никогда не служила правящему режиму, но всегда стояла и стоять будет на страже безопасности своего народа и своей страны именно от внешних угроз.

Это традиционно присуще военной разведке нашей страны, и в этом — её непреходящая сила и извечная чистота перед своим народом. В этом залог того, чтобы во время «революционных» ломок, приступов «реформаторского зуда», псевдодемократической борьбы с «оплотами коммунистического прошлого» не допустить разгрома, развала созданной многими поколениями военных разведчиков уникальной, единственной в своем роде, эффективной военно-разведывательной системы.

Второе — не только сохранить оставшееся от раздела военной разведки бывшего СССР, но и восполнить утраченные (в том числе из-за поспешных, скоропалительных сокращений) возможности восстановить на новом уровне военную разведку Российской Федерации в качестве целостной системы, единого организма. Не раз и не два из ГРУ ГШ шли устные и письменные доклады, подтверждаемые практикой основных разведываемых стран, о том, что с сокращением Вооруженных сил военная разведка не только не должна сокращаться, а, напротив, интересы безопасности страны объективно диктуют необходимость ее усиления по всем направлениям.

Решению этой двуединой задачи подчинялась вся текущая ежедневная напряженная работа руководства ГРУ ГШ.

Находясь на посту Начальника ГРУ, Федор Иванович Ладыгин решал и другие, не менее серьезные и масштабные задачи. В условиях переходного периода существенно важное

▲ ГРУ ГШ ВС РФ

значение имело законодательное «оформление» всей деятельности ГРУ ГШ. Это нашло своё отражение в законах «Об обороне», «О военной службе», «О внешней разведке», «Об оперативно-розыскной деятельности» и других правовых актах, а применительно непосредственно к ГРУ ГШ — в Положении об органе внешней разведки Министерства обороны — Главном разведывательном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Созданная законодательная база, юридически закрепившая место и роль ГРУ Генштаба, военной разведки в общегосударственной и военной системах управления, решением коллегии Министерства обороны, рассмотревшей в начале 1993 года состояние дел в военной разведке, во многом предопределила установление и налаживание деловых отношений, взаимодействия и сотрудничества ГРУ ГШ с органами законодательной и исполнительной власти, министерствами и ведомствами, структурами центрального аппарата Министерства обороны и Генерального штаба, видами Вооруженных Сил, главными и центральными управлениями МО и ГШ, что, в свою очередь, оказывало благотворное влияние на работу всего коллектива Главного разведывательного

управления, подчиненных органов и частей, где бы они ни находились.

На основе законодательной базы проводилась планомерная целенаправленная кропотливая работа по «подгонке» всей оргштатной структуры ГРУ ГШ и отдельных его элементов, технического переоснащения, социальной сферы, к потребностям в качественно новых условиях. А уж хроническое недофинансирование, многомесячные задержки финансовых поступлений — архисложная задача. Как вспоминал сам Федор Иванович, «...особенно тяжело было осознавать своё бессилие в вопросах несвоевременной оплаты очень нелегкого и очень нужного стране труда военнослужащих и гражданского персонала. Государство не может вовремя выплатить и без того мизерную зарплату своим защитникам! Такого не было даже во время Великой Отечественной войны. Полковник не имеет средств, чтобы поехать на малую родину проводить в последний путь своего отца! ГРУ пришлось выскрести последние рубли из кассы, чтобы отправить одного (!) офицера похоронить отца! Генерал-лейтенант (один из «жиреющих», по выражению бывшего в то время Верховного Главнокомандующего) не ходит в столовую на обед, потому что жена еще не получила пенсию». Что же делать?

▲ На встрече ветеранов военной разведки

И тогда Начальник ГРУ берет на себя ответственность и разрешает офицерам подрабатывать временно «на стороне», даже в рабочие дни, но с сохранением дееспособности каждого подразделения. В этих условиях Федор Иванович, как руководитель ГРУ, стремился обратить больше внимания ветеранам военной разведки, считая, что им крайне тяжело и в финансовом отношении, и особенно в моральном плане — ведь тогда казалось, что может быть разрушено всё, чему они посвятили свою жизнь, чему отдали всех себя без остатка.

Уже к концу 1995 года военная разведка была восстановлена как единая, целостная система. Ф.И. Ладыгин считал, что в этом — заслуга, прежде всего, воина-разведчика, начиная от самых низовых звеньев до их руководителей. Честь им и слава, моральная и иная поддержка: продвижение по службе, представление

к присвоению воинских званий и государственным наградам.

В первой войне в Чечне для разведки это — не просто театр военных действий. Граница безопасности Отечества прорвана, она размыта, огонь полыхает в собственном доме. Да, военная разведка, получившая задачу освещения положения противника, добывает сведения о политической, экономической, военной помощи вооруженным формированиям Дудаева: дает целеуказания спецназу, авиации, войскам. Но это только эпизод, небольшая территория внутри страны. А что произошло в действительности? Двенадцать тысяч километров сухопутных границ Советского Союза после «парада суверенитетов» превратились в шестьдесят шесть тысяч километров границ с некогда братскими республиками, а теперь независимыми государствами. Безопасность страны, оценивая

через призму границ сопредельных соседей, ныне должна иметь двойную степень защиты. Через порушенные границы хлынул поток наркотиков, на юге подняли знамя ислама талибы и двинулись в глубь азиатских республик, которые не могут остаться вне сферы внимания военной разведки из-за безопасности всей страны. Наконец, Россия одной из первых почувствовала опасность зарождавшегося фанатичного терроризма, вышедшего на международную арену и ставшего основным злом начала XXI века.

Для самого ГРУ период, когда его возглавлял Ф.И. Ладыгин, стал довольно успешным, насколько это было возможно в условиях развала государства и кризиса армии, о чем можно судить хотя бы по высказываниям руководителей Министерства обороны и Генштаба. За это время не случилось серьезных провалов

среди агентуры военной разведки за рубежом, а количество перебежчиков не увеличилось. Во многом благодаря именно Федору Ивановичу, ГРУ сумело избежать назойливых попыток его «реформировать» и сократить. А образ военной разведки в глазах военного и политического руководства, да и в общественном мнении, заметно возрос. Доклады ГРУ, в первую очередь по «горячим точкам», как стали сообщать даже в открытой прессе, отличались оперативностью и достоверностью.

Несмотря на возникшую моду на рассекречивание всего и вся в угоду интересам публики, ГРУ осталось последней в России силовой структурой, не пошедшей на уступки рынку и оставшейся по-прежнему закрытой для газет и телевидения. Ф. И. Ладыгин в своем интервью прямо высказался по этому поводу: «в нормальном демократическом обществе, куда, я надеюсь, движемся, должна быть открытость. Но в определенных рамках. В любом государстве чрезмерная открытость спецслужб недопустима,

она может только навредить... Нельзя ставить под угрозу безопасность деятельности российской военной разведки, её сотрудников и источников в угоду сиюминутному пропагандистскому эффекту или удовлетворению чьего-то любопытства».

Последние годы СССР и первые шаги самостоятельной России прошли через сердце и сознание каждого военного разведчика, для которого не было и нет выше заботы, чем благо Отечества. Именно Федор Иванович произнес в интервью «Комсомольской правде» ставшую знаменитой фразу: «Любой военный разведчик приходит в разведку один раз и остается там навсегда».

Прежде чем уйти с действительной военной службы (по возрасту 24 июня 1997 года) Федор Иванович отстоял перед военным руководством и государственными структурами недопустимость прихода на освобождающуюся должность «человека со стороны» и назначение начальником ГРУ ГШ кадрового военного разведчика-профессионала.

Генерал-полковник (1993) Федор Иванович Ладыгин был награжден орденами Красной Звезды (1982), «За службу Родине в ВС СССР» 2-й степени (1991) и 3-й степени (1990), «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени, многими медалями ВС СССР и РФ.

До последних дней жизни Ф. И. Ладыгин оставался на боевом посту, передавая богатейший опыт и знания новым поколениям военных разведчиков.

Для всех, кто знал Фёдора Ивановича, он навсегда останется настоящим профессионалом, мудрым опытейшим руководителем, истинным патриотом Отечества, до мозга костей русским человеком, остро чувствующим огромную ответственность за судьбу военной разведки в годы становления нового государства, формирования Вооружённых Сил Российской Федерации.

Светлая память о прекрасном человеке, верном сыне России, патриоте Отечества генерал-полковнике Фёдоре Ивановиче Ладыгине навсегда сохранится в наших сердцах. ■

▲ Ф. И. Ладыгин

П.А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

РАЗВЕДКА И ДИПЛОМАТИЯ

▲ Крымская конференция

Ялтинское соглашение, где официально был зафиксирован послевоенный раздел мира между США, Англией СССР, было обусловлено, как ни парадоксально, Пактом Молотова — Риббентропа. В этом договоре 1939 года, как теперь говорят, не было высоконравственных принципов, но он впервые признавал СССР великой державой мира. После Ялты Россия стала одним из центров мировой политики, от которого зависели будущее всего человечества и судьбы мира.

В наши дни многие аналитики указывают на близость Сталина и Гитлера в их подходе к разделу мира, Сталина ожесточенно критикуют за то, что он предал принципы и нормы человеческой морали, подписав пакт с Гитлером. При этом, однако, упускают из вида, что он подписал тайные соглашения и протоколы о разделе Европы, выдаче Советскому Союзу эмигрантов и перемещенных лиц, искавших убежища на Западе от Советского режима, с Рузвельтом, Черчиллем и Трумэнном (Ялта, Потсдам).

Идеологические принципы далеко не всегда имеют решающее значение для тайных сделок между сверхдержавами: такова одна из реальностей нашей жизни. В декабре 1941 года в кабинете у Берия я встретил нашего посла в США Уманского, только что вернувшегося из Вашингтона после нападения японцев на Перл-Харбор. Он рассказал мне, что Гарри Гопкинс, близкий друг Рузвельта и его личный посланник по особо важным делам, от имени президента поста-

вил перед нами вопрос о роспуске Коминтерна и о примирении с русской православной церковью. По его словам, это необходимо, чтобы снять препятствия со стороны оппозиции в оказании помощи по ленд-лизу и обеспечить политическое сотрудничество с США в годы войны. Эти неофициальные рекомендации были приняты Сталиным еще в 1943 году и создали дополнительные благоприятные предпосылки для встречи в Тегеране, а затем в Ялте. Это показало американцам, что со Сталиным можно договориться по самым деликатным вопросам с учетом его интересов.

Кстати говоря, и мы, и американцы упорно не публикуем всех

записей бесед Гопкинса с советскими руководителями. Причина проста — доверительные обсуждения щекотливых вопросов опровергают многие стереотипные представления и свидетельствуют о том, что сговор Запада со Сталиным о разделе сфер влияния в мире после войны был вполне реален. Руководители западных стран мирились с коммунистическим присутствием в мировой политике, и, более того, они не считали коммунистический режим препятствием в достижении договоренности по вопросам послевоенного устройства мира.

В конце 1944 года, готовясь к Ялтинской конференции, открывшейся, как известно, в феврале 1945-го,

мы провели совещание руководителей НКВД — НКГБ, Наркомата обороны и ВМФ, на котором председательствовал Молотов. Целью этого совещания было выяснить, может ли Германия продолжать войну, и проанализировать информацию о возможных сферах соглашений с нашими союзниками Америкой и Англией по послевоенному устройству мира. О точной дате открытия конференции нам не сообщили: Молотов просто сказал, что она состоится в Крыму не позже чем через два месяца.

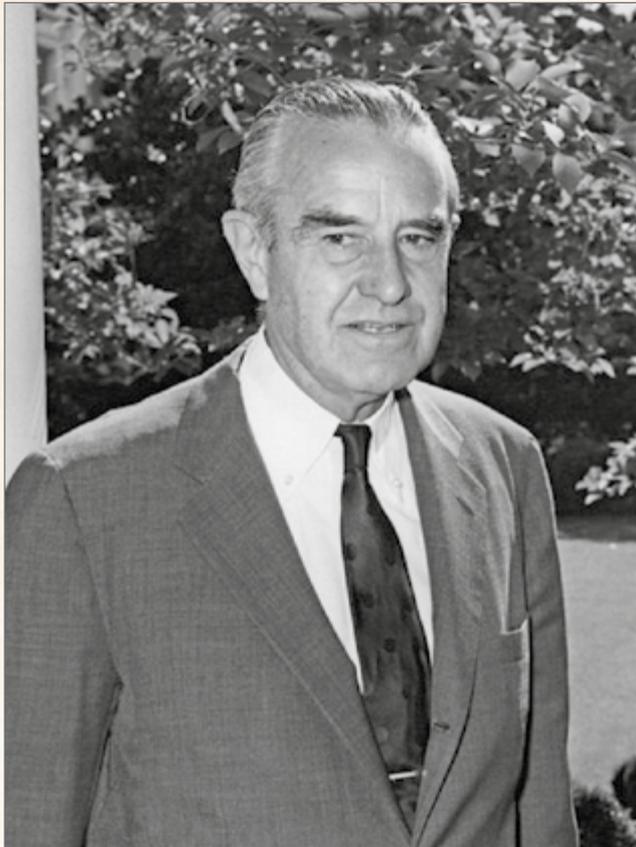
После этого совещания Берия назначил меня руководителем специальной группы по подготовке и проверке материалов к Ялтинской конференции. Я должен был регулярно информировать Молотова и Сталина. Сам Берия поехал в Ялту, но участия в конференции не принимал. Проводя подготовку к встрече в Крыму, мы собирали данные о руководителях союзных держав, составляли их психологические портреты, чтобы наша делегация знала, с чем она может столкнуться во время переговоров. Нам было известно, что ни у американцев, ни у англичан нет четкой политики в отношении послевоенного будущего стран Восточной Европы. У союзников не существовало ни согласованности в этом вопросе, ни специальной программы. Все, чего они хотели, — это вернуть к власти в Польше и Чехословакии правительства, находившиеся в изгнании в Лондоне.

Данные военной разведки и наши собственные указывали на то, что американцы открыты для компромисса, так что гибкость нашей позиции могла обеспечить приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в послевоенной Европе и на Дальнем Востоке. Мы согласились, что польское правительство в изгнании должно получить в новом коалиционном правительстве Польши несколько важных постов. Требования Рузвельта и Черчилля, выдвинутые в Ялте, показались нам крайне наивными: с нашей точки зрения, состав польского послевоенного правительства

▲ Сталин и Гопкинс 1941 г.

▲ Гарриман Аверелл

▲ Молотов В.М.

будут определять те структуры, которые получали поддержку со стороны Красной Армии.

В период, предшествовавший Ялтинской конференции, Красная Армия вела активные боевые действия против немцев и смогла освободить значительную часть польской территории. Благоприятный для нас поворот политической ситуации во всех восточноевропейских странах предугадать было весьма нетрудно — особенно там, где компартии играли активную роль в комитетах национального спасения, бывших де-факто временными правительствами, находившимися под нашим влиянием и отчасти контролем.

Мы вполне могли проявить гибкость и согласиться на проведение демократических выборов, поскольку правительства в изгнании ничего не могли противопоставить нашему влиянию. Бенеш, к примеру, бежал из Чехословакии в Англию, на деньги НКВД вывез нужных ему людей и находился под нашим сильным

влиянием. Ставший позднее президентом Чехословакии Людвик Свобода всегда ориентировался на Советский Союз. Руководитель чехословацкой разведки полковник Моравец, впоследствии генерал, с 1935 года сотрудничал с советскими разведорганами, сначала с военной разведкой, потом с НКВД, что не мешало ему придерживаться антисоветских убеждений, тесно контактировал с нашим резидентом в Лондоне Чичаевым. Молодому румынскому королю Михая понадобилась поддержка глубоко законспирированных наших групп, связанных с руководством румынской компартии, для того, чтобы арестовать генерала Антонеску, разорвать союз с Гитлером и вступить в антигитлеровскую коалицию. Ситуация в Болгарии складывалась для нас вполне благоприятно, учитывая присутствие и большое влияние легендарного Георгия Димитрова, бывшего председателя Коминтерна. Во время проведения Ялтинской

конференции мы уже готовились тайно вывозить урановую руду, добывавшуюся в Родопских горах Болгарии (уран был нужен для нашей атомной программы).

В 1945 году я встречался с Гарриманом, послом Соединенных Штатов в Советском Союзе. Первая встреча была в Министерстве иностранных дел: меня представили как Павла Матвеева, сотрудника секретариата Молотова, ответственного за техническую подготовку Ялтинской конференции. После первой официальной встречи я пригласил Гарримана на обед в «Арагви», ресторан, известный тогда своей изысканной грузинской кухней. Гарриман с видимым удовольствием принял мое приглашение. Я взял с собой на обед как своего переводчика князя Януша Радзивилла, представленного Гарриману в качестве польского патриота, проживающего в Москве в изгнании (в это время он был нашим агентом, находившимся на личной связи у Берии).

Для Гарримана и Радзивилла это была встреча старых знакомых. Гарриман владел химическим заводом, фарфоровой фабрикой, двумя угольными и цинковыми шахтами в Польше. Что было еще важнее, Радзивилл и Гарриман совместно владели угольно-металлургическим комплексом, где было занято до сорока тысяч рабочих. У себя на родине Януш Радзивилл являлся весьма заметной политической фигурой, будучи сенатором и председателем комиссии сейма по иностранным делам. В 1930-х годах он помогал Гарриману в приобретении акций некоторых польских предприятий в условиях весьма жесткой конкуренции со стороны французских и бельгийских предпринимателей.

Я уже писал, что мы стали с середины 30-х годов активно интересоваться Радзивиллом. После того как 17 сентября 1939 года Красная Армия вступила в восточные райо-

ны Польши, он попал к нам в руки, и Берия завербовал его в качестве так называемого агента влияния. Затем я организовал его возвращение в Берлин, где некоторое время наша резидентура вела за ним наблюдение и регулярно докладывала в Москву. Его нередко видели в то время на дипломатических раутах в обществе Геринга, с которым он раньше охотился и частенько приезжал в свое имение под Вильнюсом (тогда эта территория принадлежала Польше).

В конце 1944 или начале 1945 года мне сообщили: Радзивилл задержан и доставлен в Москву; Берия приказал использовать его в зондажных контактах с американцами накануне Ялтинской конференции. В то время наши отношения с Польшей были натянутыми. Прокоммунистический временный комитет в Люблине объявил себя правительством страны в противо-

вес польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Мы собирались активно использовать Радзивилла, чтобы успокоить проанглийски настроенных поляков. Британские и американские власти между тем, как нам стало известно, начали наводить справки относительно местонахождения Радзивилла, исчезнувшего из их поля зрения.

Обычная проверка его предвоенных связей показала нам: Радзивилл имел деловые отношения с Гарриманом. Узнав об этом, Берия тут же распорядился о переводе Радзивилла с Лубянки, где он к тому времени успел просидеть уже около месяца, на явочную квартиру в пригороде Москвы под домашний арест. Берия решил использовать Радзивилла в качестве посредника в общении с Гарриманом.

На обеде в «Арагви» с Гарриманом и Радзивиллом я собирался сказать о нашей терпимости по от-

▲ Радзивилл Януш

▲ Михай, король Румынии

ношению к католическим, протестантским и православным священнослужителям, даже тем, кто в годы войны сотрудничал с немецкими властями на оккупированных территориях (я лично принимал архиепископа Слипого, одного из иерархов Украинской униатской церкви; несмотря на то что он тесно сотрудничал с гитлеровцами, ему позволили вернуться во Львов, но уже после Ялтинской конференции его арестовали и отправили в ГУЛАГ по приказанию Хрущева). Я также собирался обсудить за обедом в «Арагви» судьбу священников русской православной церкви и заверить Гарримана, что советское правительство не преследует православных иерархов.

Когда я говорил об этом, Гарриман заметил, что недавние выборы патриарха русской православной церкви произвели весьма благоприятное впечатление на американское общественное мнение. Больше никаких других вопросов, подготовленных мною заранее, обсудить не удалось — Гарриман почувствовал, что

Радзивилл вовсе не является официальным переводчиком, и пришлось обсуждать с ним возможные деловые перспективы, касавшиеся создания совместных предприятий в Советском Союзе после войны. По словам Гарримана, разгром Германии мог логически привести к тому, что советско-американское экономическое сотрудничество станет реальным. Мы нуждаемся в экономической помощи, поэтому пустим американский капитал, чтобы поднять разрушенное войной народное хозяйство. Гарриман рассчитывал, что американская сторона может извлечь большие доходы, участвуя в восстановлении нашей экономики. Он упомянул о создании совместных предприятий в угольной и горно-металлургической промышленности как форме экономического сотрудничества. К такому повороту дела я не был готов.

Я сказал американскому послу, что мы признательны за переданную нам по дипломатическим каналам информацию о контактах

американских агентов с уполномоченными лицами Герделера и генерала Бека в Швейцарии. Американцы откровенно сообщили нам о своих планах вывести Германию из войны. Упомянул я и о том, что мы информировали Государственный департамент США о своих тайных контактах с финнами с целью подписания мирного соглашения, в которых роль посредников играла семья Валленбергов.

Под конец я спросил у Гарримана, что ожидают американцы от Ялтинской конференции. Моя цель при этом заключалась в том, чтобы заранее подготовить нашу позицию по наиболее деликатным вопросам, которые будут затрагивать американцы. Например, будущее Польши, послевоенные границы в Европе или судьба Югославии, Греции и Австрии. Гарриман, однако, был не готов к подобной беседе. Я понял, что ему требуются для этого инструкции, которых он пока не получил. Его больше интересовало, как долго Радзивилл собирается оставаться

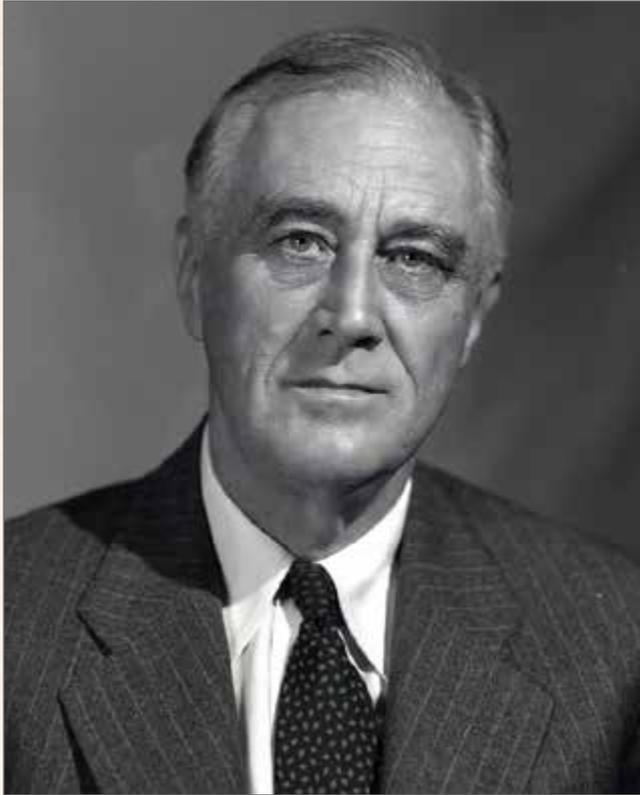

▲ Круглов С.Н.

▲ Судоплатов П.А.

▲ Рузвельт Ф.Д.

▲ Литвинов М.М.

в Москве. Я заверил, что Радзивилл может свободно отправиться в Лондон, но предпочитает поехать прямо в Польшу, как только страну освободят от немцев.

Гарриман неожиданно для меня поставил вопрос о привлечении еврейского капитала для восстановления нашего разрушенного войной хозяйства. Он, в частности, дал понять, что американские деловые круги поддерживают идею использования еврейских капиталов для возрождения Гомельской области в Белоруссии — традиционного места компактного проживания евреев.

Я всячески старался перевести разговор на личные темы. Так, я посоветовал Гарриману обратить внимание на поведение его дочери, чьи похождения с молодыми людьми в Москве могут причинить ей большой вред: в городе немало всякого хулиганья, что неудивительно, учитывая трудности военного времени. Свои замечания я высказал в мягкой, дружеской форме и специально подчеркнул, что, конечно, наше правительство постарается не допустить

каких-либо действий, компрометирующих как самого Гарримана, так и его семью. При этом я особо отметил, что Гарриман пользуется уважением руководителя нашего государства. Эти предостережения не были ни угрозой, ни попыткой какого-либо шантажа. Наоборот, наша цель была показать ему, что ни о каких провокациях против него не может быть и речи. Тот факт, что мы обсуждали с ним не только дипломатические, но и чисто личные вопросы, притом довольно щепетильного свойства, показывал лишь степень нашего доверия. Но Гарриман никак не отреагировал на мои предостережения, проявив куда большую озабоченность доставкой водки и черной икры для участников предстоявшей конференции в Крыму.

Беседуя с Радзивиллом, Гарриман отметил, что Ялта должна дать зеленый свет перспективным деловым начинаниям в послевоенной Восточной Европе и в Советском Союзе. Поддерживая разговор, я сказал, что смысл тайного пребывания Радзивилла в Москве заклю-

чается в том, чтобы исключить всякого рода слухи, будто друг Геринга вот-вот появится в Швеции или Англии в качестве курьера от Гитлера с мирными предложениями. Радзивилл не только тут же перевел мои слова, но и со своей стороны поддержал меня, подтвердив свое намерение появиться в Европе лишь после окончания войны. Поскольку на встрече я выступал как высокопоставленный чиновник правительства, то от имени нашего руководства преподнес Гарриману подарок — чайный сервиз.

Мой разговор с Гарриманом в «Арагви», а затем в гостинице «Советская» (в то время там обычно останавливались приезжавшие в Москву западные делегации) был записан на пленку. Потом мы прослушивали запись, пытаясь найти в ней любые дополнительные штрихи для создания психологического портрета членов американской делегации на конференции в Ялте. Эти психологические нюансы были для Сталина важнее разведывательных данных: возможность установ-

ления личных контактов с главами западных делегаций Рузвельтом и Черчиллем представлялась ему решающей. И действительно, личные отношения мировых лидеров сыграли колоссальную роль при обсуждении и принятии документов на Ялтинской конференции.

В ноябре 1945 года, когда Сталин находился на отдыхе в Крыму, Гарририман безуспешно пытался с ним встретиться для обсуждения планов экономического и политического сотрудничества. Мне рассказывали, как он пришел к Молотову и убеждал его, что он наш друг, на протяжении нескольких лет неизменно обсуждавший самые щекотливые вопросы с советскими должностными лицами и лично со Сталиным. Однако на сей раз Молотов остался безучастным и сугубо официальным. Это означало, что отныне Гарририман больше не представляет интереса для нашей стороны и доступ в высшие эшелоны власти ему заказан. Гарририман покинул Москву в конце января 1946 года.

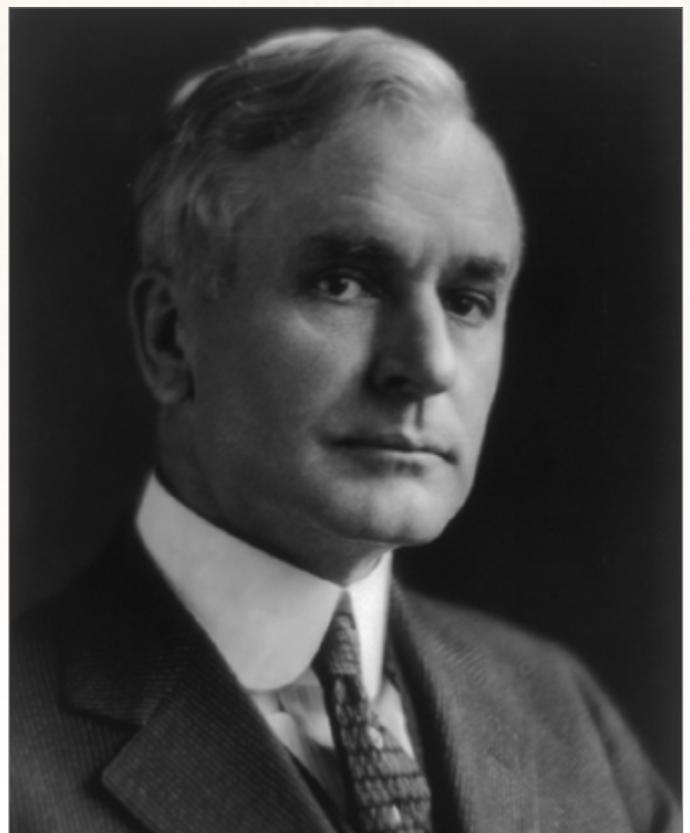
Летом 1941 года Гарри Гопкинс, советник президента Рузвельта, предложил нашему послу в Вашингтоне Уманскому установить конфиденциальные отношения. Это, как рассказывал мне Уманский, было сделано по прямому указанию президента. В декабре 1941 года Сталин назначил вместо Уманского на пост посла в США Литвинова — и Гопкинс тут же установил с ним близкие отношения. Настолько близкие, что Литвинов часто бывал у Гопкинса дома. Сам Литвинов рассказывал мне, как однажды, когда советник американского президента был болен, он сидел у его кровати и обсуждал с ним текущие проблемы. И Уманский, и Литвинов, с которыми я встречался в Москве, также, по их словам, установили неофициальные отношения с сотрудниками Госдепартамента и Белого дома. Наши резиденты Зарубин, а позднее сменивший его Горский расширили эти контакты во время союзнических отношений с Америкой в годы второй мировой войны.

Перед любым официальным визитом список будущих участников переговоров в обязательном порядке вручался НКВД (или НКГБ). В данном случае такой список всех членов американской делегации на Ялтинской конференции получил я. В нем на каждого из участников содержались подробные установочные данные, включая связи с нами и отношение к нашей стране. Полученные мною материалы для составления психологической характеристики содержали информацию о личностных качествах и особо секретное приложение о возможности их агентурного сотрудничества с советской разведкой.

Одно должностное лицо США, с которым у нас существовали конфиденциальные отношения, входило в состав официальных членов американской делегации на Ялтинских переговорах. Этого человека звали Эдджер Хисс, он был доверенным лицом Гопкинса. В беседах с Уманским, а затем с Литвиновым Хисс раскрывал планы Вашингтона. Кроме того, он был весьма близок с некото-

▲ Хисс Эдджер

▲ Хэлл К.

▲ Трумэн Г.

рыми «источниками», сотрудничавшими с советской военной разведкой, и с нашими активными агентами в Соединенных Штатах. По специальным каналам обмена информацией с военными мы знали, что от Хисса к нам поступило сообщение: американцы готовы прийти к соглашению с нами о будущем Европы.

В нашем списке против фамилии Хисса было указано, что он с большой симпатией относится к Советскому Союзу и является сторонником послевоенного сотрудничества между американским и советским правительствами. Однако ничего не говорилось о том, что Хисс, сотрудник Госдепартамента, является агентом нашей разведки.

В июне 1993 года я разговаривал с одним из своих бывших коллег, одно время он был резидентом военной разведки в Лондоне

и Нью-Йорке. По его словам, Хисс стал источником информации для нашей группы в Вашингтоне в начале и середине 30-х годов. В эту группу, во главе которой стоял родившийся в России экономист Натан Сильвермастер, входили как наши агенты, так и те, кто являлся источником конфиденциальной информации, но чья деятельность не была зафиксирована ни в каких вербовочных документах, поскольку никто из них не подписывал обязательств о сотрудничестве. В 30-х годах учетно-вербовочные обязательства в контактах с симпатизирующими нам влиятельными людьми на Западе особого значения не имели. В 40-х годах уже был введен строгий порядок документированного оформления сотрудничества с советской разведкой.

Агентурные донесения, переведенные на русский, как правило, мы

докладывали Сталину или Молотову без всяких комментариев. Единственным приложением к документу могла быть справка, что данный агент или источник заслуживает или не заслуживает доверия или что за достоверность данных в спецсообщении мы не ручаемся. Насколько я помню, хотя и могу ошибаться, Хисс фигурировал как источник «Марс», но он не имел об этом ни малейшего понятия.

Когда в конце 40-х годов Хисса обвинили в шпионаже в пользу СССР, никаких убедительных доказательств его виновности представлено не было, да их и быть не могло. Хисс был близок к людям, сотрудничавшим с советской военной разведкой, возможно, являлся источником информации, передаваемой нашим спецслужбам, однако он никогда не был нашим агентом в полном смысле слова. Этой же точки зрения придерживался один из моих старых знакомых, ветеран нашей военной разведки. Он сказал мне, что накануне Ялты на контакты с советскими представителями Хисса подтолкнули Гопкинс и Хэлл, госсекретарь США, по поручению Рузвельта, зная об его симпатиях к Советскому Союзу. Американским властям было важно иметь Хисса как промежуточное лицо, которое эпизодически может донести важную неофициальную информацию до советских правящих кругов.

Мой друг, ушедший в отставку офицер военной разведки, вспоминает, что в администрации Рузвельта мы имели очень важный источник информации. Это был помощник Рузвельта по делам разведки, находившийся в плохих отношениях с Уильямом Донованом и Эдгаром Гувером, руководителями соответственно УСС (Управление стратегических служб) и ФБР. Мой друг склонен думать, что Рузвельт и Гопкинс, со своей стороны, также не доверяли полностью УСС и ФБР. Рузвельт в те годы создал свою собственную неофициальную разведывательную сеть, услугами которой он пользовался для выполнения деликатных миссий. Хисс, так же как Гопкинс и Гарриман, входил в этот узкий круг доверенных лиц.

▲ Донован Уильям

Этим, возможно, и объясняется, почему Трумэн, сменивший Рузвельта, сразу же не отстранил Хисса. Полученный им мягкий приговор, невразумительные обвинения, выдвинутые против него, и, наконец, нейтральная позиция, занятая по данному делу американским правительством, показывают, что Хисс знал слишком многое, что могло бы отразиться на репутации как Рузвельта, так и Трумэна. Мой друг, ветеран военной разведки, полагает, что в архивах ФБР есть куда больше материалов на Хисса, чем было представлено на суде, возможно, между Трумэном и Гувером существовала негласная договоренность ограничить обвинение против Хисса только лжесвидетельством.

Следует иметь в виду, что 80 процентов разведывательной информации по политическим вопросам поступает не от агентов, а из конфиденциальных источников. Обычно эти источники засекаются контрразведкой, но доказать факт шпионажа всегда проблематично. Линия со-

▲ Гувер Эдгард

ветской разведки всегда заключалась в том, чтобы члены компартии не были причастны к нашей разведывательной деятельности. Если же источник информации представлял для нас слишком большую важность, то такому человеку приказывали выйти из партии, чтобы продемонстрировать свое разочарование в коммунизме.

Интересно проследить, как менялись дипломатические контакты между американскими и советскими представителями. В годы войны Гопкинс и Гарриман поддерживали личные, неофициальные и дипломатические отношения с советским руководством — я полагаю, что они действовали по указанию самого Рузвельта. Что касается Сталина, то он прибегал к неофициальной дипломатии лишь в первый период войны, используя Уманского и Литвинова. Как только он установил личные отношения с Рузвельтом в Тегеране, у него отпала необходимость сохранять в Америке Литвинова, опытного дипломата, бегло говорив-

шего на английском, французском и немецком. Назначение послом в Америку Громыко в 1944 году свидетельствовало, что установлен личный контакт между Сталиным и Рузвельтом. Ему больше не нужны были сильные посредники — такие, как Литвинов или Уманский.

Позже Сталин расстался со всеми, кто поддерживал неофициальные контакты с посланниками Рузвельта. Сообщение о том, что личный переводчик Рузвельта — сын одного из лидеров белогвардейской террористической организации «Лига Обера», участвовавшего в убийстве советского посла в Варшаве Войкова, мы получили всего за два дня до начала Ялтинской конференции. Я срочно доложил об этом Богдану Кобулову, тот Берии, который был в Ялте, и по его приказу Круглов, официально отвечавший за охрану делегаций и поддерживавший регулярные контакты с американской и английской спецслужбами, информировал начальника американской службы охраны.

Переводчик был незамедлительно доставлен из Ялты на американское судно, стоявшее у побережья Крыма.

Первоначально советское руководство серьезно рассматривало участие СССР в «плане Маршалла». Вспоминаю свою встречу с помощником Молотова Ветровым перед его отъездом в Париж вместе с Молотовым для участия в переговорах о будущем Европы. Это было в июне 1947 года. Ветров, мой старый друг еще по работе в Риге в 1940 году, рассказал мне, что наша политика строится на сотрудничестве с западными союзниками в реализации «плана Маршалла», имея в виду прежде всего возрождение разрушенной войной промышленности на Украине, в Белоруссии и в Ленинграде.

Неожиданно наш политический курс резко изменился. Меня пригласили в Комитет информации. Вышинский, исполнявший в отсутствие Молотова обязанности председателя комитета, и его заместитель Федо-

тов сообщили, что получена важная информация от агента под кодовым именем «Стюарт» (это был Дональд Маклин). Будучи первым секретарем британского посольства в Вашингтоне и исполняя обязанности начальника канцелярии посольства, Маклин имел доступ к важной секретной переписке. В донесении утверждалось: цель «плана Маршалла» заключается в установлении американского экономического господства в Европе. Новая международная экономическая организация по восстановлению европейской промышленности будет находиться под контролем американского капитала. Источником этой информации был не кто иной, как министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин. Этот план и предопределил в будущем разницу в экономическом развитии стран Восточной и Западной Европы.

Вообще значимость Д. Маклина в принятии советским руководством внешнеполитических решений

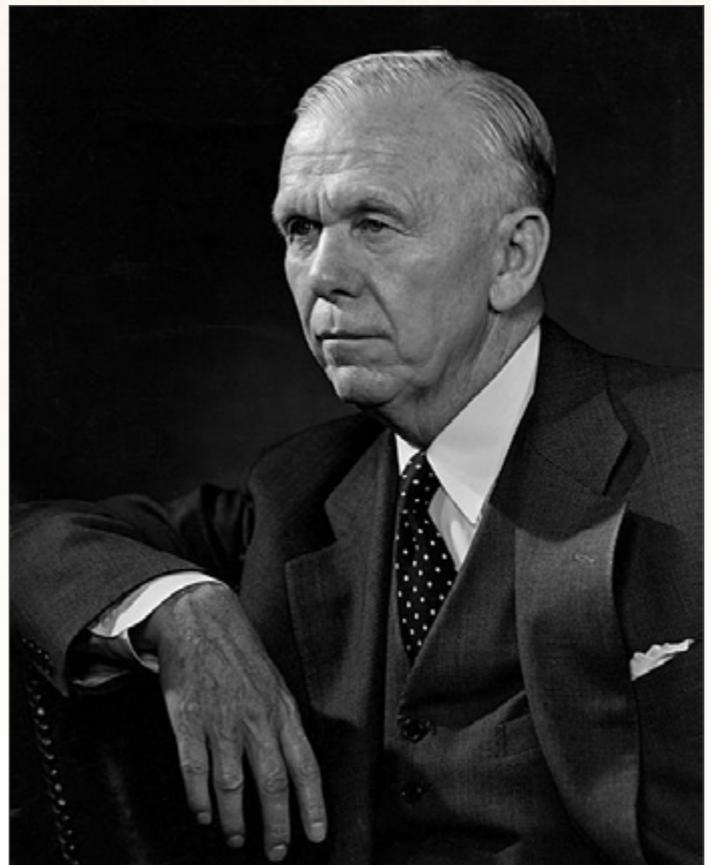
была неизмеримо выше, нежели материалы, поступавшие от К. Филби. Последний представлял особую ценность для операций органов госбезопасности, ибо его данные позволяли сорвать ряд крупных акций английской и американской разведки в Албании и на Западной Украине в 1951 году.

Вышинский хотел немедленно доложить об этом сообщении Сталину. Однако прежде чем сделать это, ему надо было удостовериться еще раз в надежности агента, от которого поступила информация, причем не только в самом Маклине, но и в других агентах, входивших в кембриджскую группу, — Филби, Берджесе, Кэрнкроссе и Бланте. Вышинский опасался, что эти люди скомпрометированы своими связями в прошлом с Орловым. Не будут ли теперь они двойную игру?

В 1939 году, после того как Орлов перебежал на Запад, именно я отдал приказ о возобновлении контактов с Филби и Маклином. Поскольку

▲ Маклин Д.

▲ Генерал Маршалл, автор одноименного плана

▲ Потсдамская конференция

в досье Маклина хранилась эта телеграмма за моей подписью, Вышинский именно мне задал вопрос, можно ли доверять такому агенту, как Маклин. Я ответил, что несу ответственность за подписанные мною директивы, но о работе Маклина я имею сведения лишь до 1939 года, а с 1942 года у меня вообще нет о нем никаких сообщений, при этом я добавил: «Каждый источник важной информации должен в обязательном порядке регулярно проверяться и оцениваться заново, так что кембриджская группа не может быть исключением».

В конце разговора я напомнил Вышинскому, что Сталин лично распорядился, чтобы НКВД не разыскивал Орлова за рубежом и не преследовал членов его семьи.

После моего напоминания Вышинский, казалось, убедился, что оснований не доверять надежности нашего агента нет, а значит, следует доложить о сообщении Сталину. Если же информация Маклина была, так сказать, с душком, то Вышинский

понимал, что сможет умыть руки, сославшись на приказ Сталина оставить Орлова в покое. Кроме того, наш разговор с Вышинским происходил в присутствии Федотова, которого можно было использовать как свидетеля против меня, если информация Маклина оказалась бы ложной.

В сообщении Маклина также говорилось, что «план Маршалла» предусматривает прекращение выплаты Германией репараций. Это сразу же насторожило советское руководство, поскольку в то время репарации являлись, по существу, единственным источником внешних средств для восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

В Ялте и Потсдаме стороны пришли к соглашению, что Германия будет выплачивать репарации в виде оборудования, промышленных станков и машин, легковых автомобилей, грузовиков и строительных материалов регулярно — в течение пяти лет. Особенно важны эти поставки были для нашей химической и машино-

строительной промышленности, нуждавшихся в модернизации. Причем использование поставок в Советском Союзе не подлежало международному контролю, это означало, что мы могли использовать их на любые цели, которые сочтем необходимыми.

По «плану Маршалла» реализация всех проектов зарубежной экономической помощи должна была находиться под международным, фактически американским контролем. План этот мог быть приемлемым, если бы являлся дополнением к регулярному поступлению репараций из Германии и Финляндии. Сообщение, полученное от Маклина, однако, ясно давало понять, что британское и американское правительства хотели с помощью «плана Маршалла» приостановить репарации Советскому Союзу и странам Восточной Европы и предоставить международную помощь, основанную не на двусторонних соглашениях, а на международном контроле.

Подобная ситуация для нас была

абсолютно неприемлема, она препятствовала бы нашему контролю над Восточной Европой. А это означало, что коммунистические партии, уже утвердившиеся в Румынии, Болгарии, Польше, Чехословакии и Венгрии, будут лишены экономических рычагов власти. Знаменательно, что через полгода после того, как «план Маршалла» был нами отвергнут, многопартийная система в Восточной Европе была ликвидирована при нашем активном участии.

По указанию Сталина Вышинский направил находившемуся в Париже Молотову шифровку, где кратко суммировалось сообщение Маклина. Основываясь на этой информации, Сталин предложил Молотову вы-

ступить против реализации «плана Маршалла» в Восточной Европе.

Противодействие этому плану проводилось различными путями. К примеру, Вышинский лично вел переговоры с румынским королем Михаем о его отречении в обмен на гарантированные условия проживания в Мексике. Мы также наградили его орденом «Победы», румынское правительство установило ему высокое пожизненное содержание.

Напряженно для внешнеполитических интересов Советского Союза развивались в 1946-1947 годах события в Польше. Козырной картой близкого к Советскому Союзу руководства Польши стал вопрос о новой границе, о землях, отошедших

к Польше от Германии в свете договоренностей СССР, Англии и США в Потсдаме в 1946 году. Мы оказали самую серьезную организационную и техническую поддержку правительству Берута в ходе выборной кампании. В Польшу несколько раз выезжал заместитель министра госбезопасности Селивановский с большой группой наших работников оперативно-технических служб во главе с начальником отдела оперативной техники Палкиным.

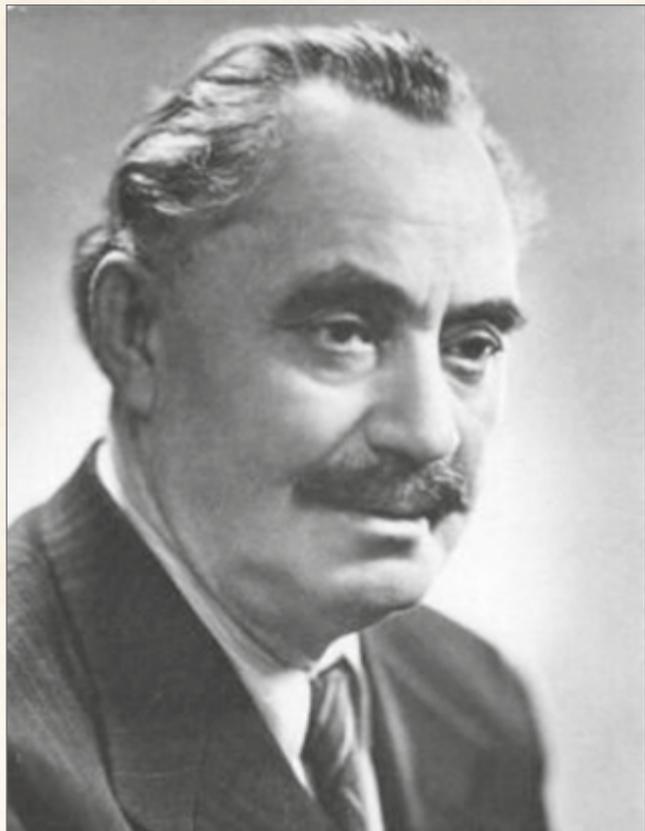
По линии службы разведки и диверсий в Польшу была направлена оперативная группа во главе с Героем Советского Союза полковником Мирковским. Она оказала существенную помощь польской службе безопасности в борьбе с партизанскими формированиями остатков Армии Крайовой и в организации дезинформационной операции против английской и американской разведки, которая продолжалась вплоть до 1952 года. В ее ходе удалось эффективно парализовать действия агентуры эмигрантских кругов Польши, захватить и перевербовать курьеров английской и американской разведок.

Уникальная ситуация сложилась в Болгарии. Во время войны мне приходилось часто встречаться с Георгием Димитровым, возглавлявшим Коминтерн до того, как он был распущен в 1943 году. В течение года он являлся заведующим международным отделом ЦК ВКП (б). Когда в 1944 году Димитров вернулся в Болгарию, он позволил Царице и ее сыну, наследнику престола, покинуть страну, забрав с собой все семейные ценности. Зная, какую угрозу могут представлять монархические круги в эмиграции, Димитров решил уничтожить всю политическую оппозицию внутри страны: ключевые фигуры бывшего парламента и царского правительства Болгарии подверглись репрессиям и были ликвидированы. В результате этой акции Димитров стал единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, не имевшим среди эмиграции организованной оппозиции, реально

▲ Вышинский А.Я.

▲ Димитров Г.

претендующей на власть. Преемники Димитрова пользовались плодами этого положения более тридцати лет. Генерал Иван Винаров, один из руководителей разведки Болгарии, работавший под моим началом в 4-м управлении в годы войны, позднее, когда мы встретились с ним в 70-х в Москве, говорил: мы использовали ваш опыт и уничтожили всех диссидентов, до того как они смогли сбежать на Запад.

Тем не менее, обстановка в Болгарии порой складывалась исключительно напряженно. В критические дни обострения политического кризиса в 1947 году мы направили в распоряжение Димитрова большую группу сотрудников нашей службы во главе с полковником Студниковым. Задача наших людей заключалась в оказании всемерного содействия болгарской службе безопасности и нейтрализации и при необходимости устранении политических противников Димитрова. Непосредственную координацию действий нашей спецслужбы с бол-

▲ Рыбкин Б.А.

гарской в случае необходимости должен был возглавить член болгарского руководства Червенков, являвшийся к тому же родственником Димитрова.

Иным было положение в Чехословакии. Наш резидент в Праге Борис Рыбкин к концу 1947 года создал нелегальную резидентуру, действовавшую под прикрытием экспортно-импортной компании по производству бижутерии, используя ее в качестве базы для возможных диверсионных операций в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Чешская бижутерия известна во всем мире, и это облегчало Рыбкину задачу создания дочерних компаний «дистрибьютеров» в наиболее важных столицах Западной Европы и Ближнего Востока. В задачи Рыбкина входило использование курдского движения против шаха Ирана и правителей Ирака, короля Фейсала Второго и премьер-министра Нури Сайда. В конце 1947 года Рыбкин погиб в автомобильной катастрофе в Праге, но к этому вре-

мени его организация уже начала активно действовать.

В 1948 году, накануне перехода власти от Эдварда Бенеша к Клементу Готвальду, Молотов вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии. Чтобы напомнить Бенешу о его тесных неофициальных связях с Кремлем, я должен был предъявить ему расписку на десять тысяч долларов, подписанную его секретарем в 1938 году, когда эти деньги нужны были Бенешу и его людям для переезда в Великобританию. В противном случае мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведок, подписанном в 1935 году в Москве, секретном до-

говоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 году и покушения на премьер-министра Югославии.

Молотов подчеркнул, что я не уполномочен вести какие-либо переговоры по вопросам чешской политики: моя задача заключалась лишь в том, чтобы передать наши условия, предоставив Бенешу право решать, как он их выполнит. Молотов повторил свои инструкции очень четко, пристально глядя на меня сквозь пенсне. Я ответил, что считаю такое деликатное задание более подходящим для человека, лично знающего Бенеша и непосредственно с ним связанного по прежней работе. Таким человеком был Зубов, наш резидент в Праге в предвоенные годы, которого Сталин и Молотов в свое время посадили в тюрьму за то, что он в 1938 году сообщил о несостоятельности плана Бенеша опереться на сомнительных людей в Белграде и, более того, — денег им не дал. Молотов на это сказал, чтобы я лично выполнил поручение с привлечением нужных людей, а как — это уже на мое усмотрение. Было ясно, что он не хотел брать на себя ответственность за то, какими методами я буду действовать: его интересовал только результат. Я должен был покинуть Прагу через двенадцать часов после разговора с Бенешем, не дожидаясь ответа.

Вместе с Зубовым (с сентября 1946 года Зубов находился на пенсии; после систематических избиений в тюрьме, которым подвергал его следователь Родос, он стал фактически инвалидом: довольно заметно прихрамывал и ходил, опираясь на палку) мы приехали в Прагу поездом в январе 1948 года, но остановились не в посольстве, а в скромном отеле, где представились членами советской торговой миссии. Наша бригада специального назначения — 400 человек, переодетых в штатское, — уже была в Праге. Эту группу скрытно переправили для поддержки и защиты Готвальда.

Официальные советские представители и без того оказывали

на Бенеша весьма сильный нажим, а тут еще и мы должны были внести свою лепту. Зубов и я провели в Праге целую неделю, и за это время Зубову, который перед войной встречался с Бенешем в присутствии нашего посла Александровского, удалось, используя все свое умение и прошлые связи, на пятнадцать минут встретиться с Бенешем в его резиденции, расположенной в самом центре Праги. Смысл нашего послания он довел до президента, сказав, что в стране произойдут кардинальные перемены независимо от того, сохранится нынешнее руководство или нет, но, по его мнению, Бенеш был единственным, кто мог бы обеспечить плавную и бескровную передачу власти.

В соответствии с инструкциями Зубов сказал Бенешу, что не ожи-

дает от него ответа, а всего-навсего передает ему неофициальное послание. По словам Зубова, Бенеш казался сломленным, больным человеком, который постарается сделать все, что можно, с тем, чтобы избежать взрыва насилия и беспорядков в Чехословакии.

Выполнив свою миссию, мы сели в поезд Прага-Москва. Как только поезд пересек границу, я сразу же, используя каналы связи местного обкома партии, послал, как мне и было приказано, шифровку Молотову и ее копию Абакумову, тогдашнему министру госбезопасности: «Лев получил аудиенцию и передал послание» («Лев» — кодовое имя Зубова). Через месяц Бенеш мирно уступил бразды правления Готвальду. ■

▲ Зубов П.Я.

А.В. ОКОРОКОВ

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД 1926–1927 годов

▲ Китайская Красная армия

С о дня Боксерского восстания прошло два десятка лет, и Китай вновь стал ареной противостояния ведущих мировых держав. Здесь тесно переплелись китайский национализм, японский империализм и российские военно-стратегические интересы, а позже — советский коммунизм. К этому времени страна представляла собой фактически раздробленную на отдельные районы территорию. Каждый район управлялся военным правителем, находившимся в постоянной войне с соседним.

К началу 1920-х гг. на политической арене Китая доминировали две силы, активно поддерживаемые советским государством: Народная партия (Гоминьдан, ГМД, создана в 1912 г.). С 1927 г. стала правящей партией. В 1949 г. власть Гоминьдана была свергнута), выступавшая с общедемократическими декларациями, и Коммунистическая партия Китая (КПК). Первая, возглавляемая Сунь Ятсеном, а с 1925 г. Чан Кайши, занимала в стране к середине 1920-х гг. довольно прочные позиции и дей-

ствовала в основном в провинции Гуандун в Южном Китае. Вторая — КПК, была слаба и малочисленна. Это, в свою очередь, обусловило ее вхождение в Гоминьдан в 1923 г. на правах коллективного члена.

Первые попытки советских властей наладить связь с Сунь Ятсеном были предприняты в 1920 г. полковником царской армии М.Г. Поповым и генералом А. Потаповым. Интересно, что Сунь Ятсен характеризовался как ста-

▲ Окорокков А.В.

ромодный милитарист, «который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного». В 1922 г. между Сунь Ятсеном и советскими дипломатами завязалась оживленная переписка и были установлены личные контакты.

В 1925—1928 гг. ГМД подготовил и осуществил так называемый Северный поход, в результате которого было достигнуто формальное объединение страны под руководством Чан Кайши. Фактически же на большей территории страны власть продолжала концентрироваться в руках местных правителей. Попытки ГМД упрочить свою власть в тех или иных провинциях наталкивались на активное противодействие, зачастую сопровождавшееся вооруженными столкновениями.

Отметим, что успех Северного похода стал возможен лишь благодаря всесторонней помощи Советского Союза, рассчитывавшего с приходом к власти «дружественной» партии упрочить свои политические позиции на Дальнем Востоке и в Азии. Кроме поставок вооружения в китайскую армию были командированы советские военные специалисты — советники и инструкторы.

Согласно решению советского правительства от 21 марта 1925 г., с марта 1925 г. по июль 1926 г. национальные армии Китая получили от СССР: винтовок — 38 828; патронов японских — 17 029, германских — около 12 млн., патронов для трехлинейных винтовок — 46,2 млн.; 48 орудий; 12 горных пушек; более 10 тыс. ручных гранат; 230 пулеметов с патронами к ним; 18 бомбометов; медикаменты и т. п. До конца октября 1926 г. получили дополнительно 3,5 тыс. винтовок, 11,5 млн. патронов, 3 самолета, 4 тыс. шашек, 10 огнеметов и т. п. (См.: Примаков В. М. Записки волонтера. М, 1967. С. 15).

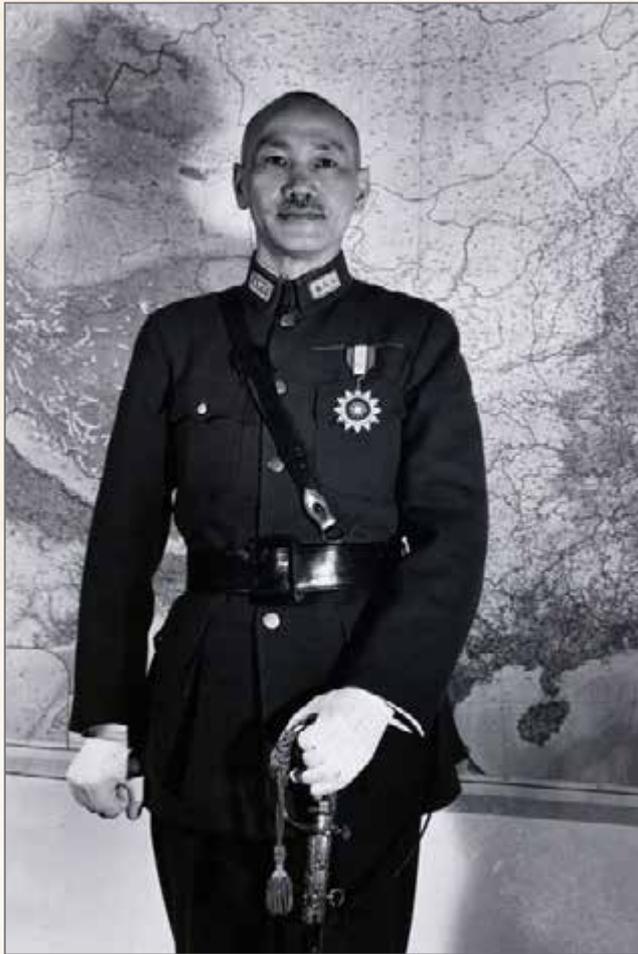
Первая группа советников (первая «пятерка») прибыла в Гуанчжоу во второй половине 1923 г. В советский советнический аппарат, включивший в себя Кайфынскую и Калганскую группы, входили: главный военный советник — П. А. Павлов (с 1924 г. — В. К. Блюхер), главный политический советник при Сунь Ятсене — М. М. Бородин, начальник военного отдела Южнокитайской группы советников, образованной в январе 1924 г. Н. В. Куйбышев, советник при штабе Чан Кайши В. П. Рогачев, а также С. Н. Наумов, Е. В. Теслен-

ко, М. Ф. Куманин, С. В. Шалфеев, В. Поляк, Я. Герман, Н. Терешатов, М. Чубарева, Д. Угер, П. И. Смирнов, А. Я. Климов, А. Я. Лапин, В. М. Примаков, П. Зюков, Н. Д. Петкевич, А. А. Аргентов, И. Корнеев, В. М. Акимов, И. Корейво, К. Б. Калиновский, Н. Г. Рогов, С. С. Чекин, Р. А. Таиров, М. Г. Ефремов, Н. А. Соколов. В организации офицерской военно-политической школы на о. Вампу (Хуанпу) близ Гуанчжоу принимали участие А. И. Черепанов (главный советник), Н. А. Шевалдин (пехотный советник, работавший под фамилией Прибылев), Е. А. Яковлев (советник по инженерному делу), Т. А. Бесчастнов, Г. И. Гилев (артиллерийские советники), а в разработке её учебной программы — И. Я. Разгон, Степанов, А. И. Черепанов, В. П. Рогачев, И. К. Мамаев, А. С. Бубнов, Г. И. Гилев, М. И. Дратвин, С. Н. Наумов. Советские военные советники находились и непосредственно в частях Национально-революционной армии (НРА), в частности, в сведенных к июлю 1926 г. шести корпусах (позже — в восьми корпусах). Среди них: А. И. Черепанов — в 1-м корпусе, И. Я. Зенек (Зебровский) — во 2-м, Ф. Г. Мацейлик — в 3-м, В. Н. Панюков (Коми) и В. Е. Горев — в 4-м, А. Б. Портненко — в 5-м, Н. И. Кончиц и Лунев, А. Н. Черников, — в 6-м, И. К. Мамаев — в 7-м, Ф. И. Ольшев-

▲ Командный состав

▲ Чан Кайши

ский (Войнич) — в 8-м. Постановление о создании революционной армии было утверждено на 1-м съезде Гоминьдана в 1924 г. В 1925 г. эта армия стала именоваться Национально-революционной армией (НРА).

Калганская группа военных советников начала работать в 1-й национальной армии Фэн Юйсяна, штаб которого располагался в Калгане. Группа состояла в апреле 1925 г. из 29 военных советников-инструкторов, двух политических работников, одного врача и четырех переводчиков. К сентябрю их численность увеличилась до 35 советников, а в январе—феврале 1926 г. — до 36 советников. В марте 1926 г. их численность уменьшилась до 27 человек.

Кайфэнская (Кайфынская) группа военных советников (Хэнань) была

▲ Сунь Ятсен

организована 21 июня 1925 г., когда в г. Кайфэн, где находились штабы 2-й и 3-й национальных армий, прибыла основная группа советников. В сентябре 1925 г. она насчитывала 30 советников, в ноябре 1925 г. — 22, в январе 1926 г. — 21 советника. В Кайфэнской группе советников, работавших во 2-й и 3-й армиях в разное время, насчитывалось от 21 до 43 человек. Из них 10 человек имели высшее военное образование, 6 окончили школу «Выстрел». В группе имелось 2 врача, 2 инженера — специалисты по боеприпасам, 7 политработников).

К 1926 г. в Китае действовало 5 национальных армий: 1-я начала создаваться в 1924 г. и была окончательно сформирована весной 1926 г., возглавлялась Фэн Юйсяном; 2-я возглавлялась генералом Ху Цзинъи, затем — генералом

Юэ Вэйцзюнем; 3-я возглавлялась генералом Суэ Юэ. Последние две армии являлись формально самостоятельными, но фактически подчинялись Фэн Юйсяну; 4-я — командующий Го Сунлин; 5-я, вошедшая в группировку Фэн Юйсяна весной 1926 г., возглавлялась генералом Фае Чжэнъюном.

К началу 1926 г. группа советских советников насчитывала около 40 специалистов, которые в сентябре этого года были сведены в единую группу советников на севере Китая. Всего же с 1924 по 1927 г., по данным В. И. Иваненко, в китайской армии находилось до 135 советских военных советников, по подсчетам В. Усова, за период с 1925 по 1927 г. — около 150 военных, военно-политических советников и инструкторов.

Благодаря помощи советских военных советников были фактически созданы и отстроены все структуры Национально-революционной армии (НРА)[13]. *Постановление о создании революционной армии было утверждено на 1-м съезде Гоминьдана в 1924 г. В 1925 г. эта армия стала именоваться Национально-революционной армией (НРА).*

Так, под руководством первого главного военного советника П. А. Павлова был разработан план реорганизации НРА, утвержденный правительством Сунь Ятсена. В дальнейшем он корректировался и реализовывался при непосредственном участии В. К. Блюхера, занявшего пост главного военного советника, после смерти П. А. Павлова (июнь 1924 г.). По его же инициативе в НРА была введена и военная присяга.

План предусматривал создание высшего военного руководства (Совета обороны), подготовку офицерских кадров для НРА, организацию политической работы, создание в частях

ячеек Гоминьдана, меры по укреплению тыла. Кардинально планировалось изменить всю систему боевой подготовки — проводить ее с учетом требований войны и особенностей ее ведения в условиях Китая, с учетом опыта Гражданской войны в России.

Практическое осуществление разработанного плана началось летом 1924 г. На юге Китая (остров Вампу) была открыта школа по подготовке офицерских кадров для новой армии. Правительство Сунь Ятсена не располагало достаточными средствами на ее организацию и обеспечение: оно смогло приобрести для нее лишь всего 30 маузеров. Тогда по указанию советского правительства в Китай был направлен военный корабль «Боровский» с грузом оружия и боеприпасов (8 тыс. винтовок, 9 млн. патронов, орудия, снаряды). В общей сложности на нужды школы Вампу СССР израсходовал более 900 тыс. рублей.

Советские военные советники приняли самое активное участие в подготовке учебных программ, раз-

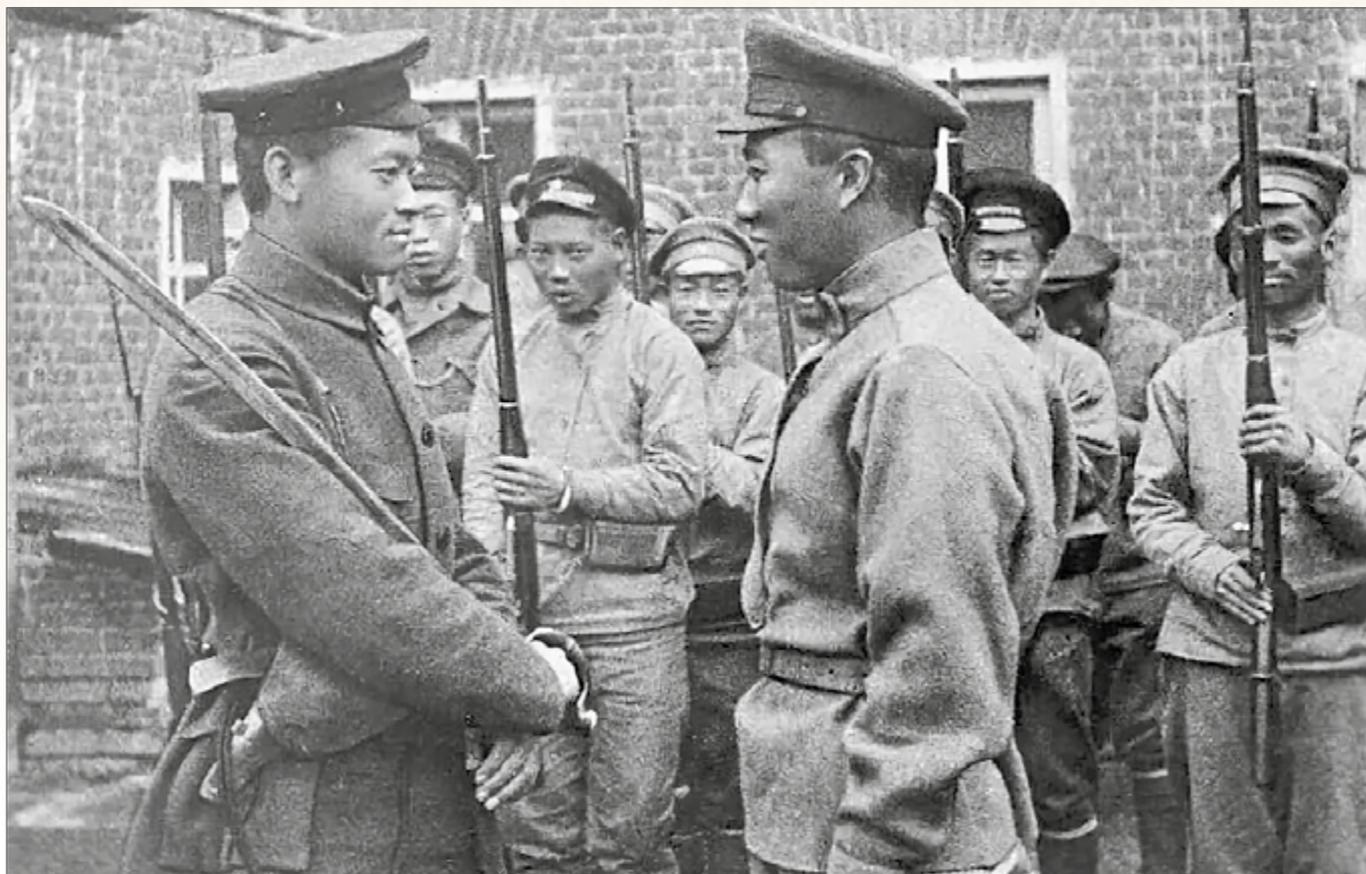
работке методики занятий, непосредственно проводили занятия.

По инициативе советских военных специалистов были подготовлены наглядные пособия, применение которых значительно повысило эффективность обучения.

На базе школы были созданы 9 полков, укомплектованных слушателями, окончившими школу и составившими «1-ю дивизию Вампу». Советником школы длительное время был А. И. Черепанов.

В 1925 г. в школе был открыт политкласс, в котором обучались офицеры для ведения политической работы в НРА. Через год в политклассе насчитывалось 500 курсантов.

Школа Вампу была основным центром по подготовке офицерских кадров для НРА, она выпустила около 4500 офицеров. Немалое количество китайских военных проходило обучение в учебных заведениях СССР.

▲ Офицеры-китайцы

▲ Павлов П.А.

Так, в 1927 г. закончили теоретический и практический курс 50 человек, в военных училищах проходили подготовку 86 человек, из них летом 1927 г. училища окончили 35 авиаспециалистов и 21 пехотный и кавалерийский командир. В том же году в советские военные учебные заведения были приняты 163 человека, из них 8 — в Военную академию.

При Главном штабе и Политическом департаменте, а также в корпусах и дивизиях были учреждены должности советников. Разработанная советскими военными специалистами система материального обеспечения НРА позволила поставить командование революционной армии в зависимость от революционного правительства. Однако введение всех новшеств в организационную систему НРА тормозило отсутствие у администрации Сунь Ятсена финансовых средств. В связи

▲ Черепанов А.И.

с этим Советский Союз предоставил правительству на юге Китая заем в 10 млн. юаней и направил в Гуанчжоу советника по бюджетным вопросам для оказания помощи стабилизации финансов.

Следует сказать, что кроме выполнения своих непосредственных обязанностей военные советники являлись поставщиками различной информации и разведанных с места событий. Их работа в этом ключе определялась специальным секретным документом «Инструкция военным советникам в Китае касательно их отношений с Разведывательным управлением» от 6 сентября 1926 г. В нем отмечалось, что советники обязаны были собирать точную информацию об армии, в которой они работали (в соответствии со специальной программой агентов-резидентов Разведуправления); информировать о лицах, которые

могут быть использованы в качестве агентов; собирать и передавать через старших «резидентов» любую информацию (в том числе и опубликованную) военного значения; составлять отчеты, доклады (даже не приведенные в должный порядок, «сырые» материалы) относительно революционного движения в подведомственных им районах, деятельности антисоветских лиц и групп, об официальных беседах с различными людьми; собирать графические и фотоматериалы объектов и регионов, представляющих интерес в военном отношении.

Что же касается вооружения, то перед началом Северного похода Народной революционной армии не хватало 15 000 винтовок, 100 пулеметов, из 130 орудий половина была неисправной, требовала замены Уз имевшегося на вооружении армии огнестрельного оружия.

Не лучше обстояло дело и в национальных армиях. В начале 1926 г. в 1-й национальной армии по многим дивизиям оставалось по 30 патронов на винтовку и по 50 снарядов на орудие. В связи с такой ситуацией правительство Советской России приняло решение оказать революционным армиям дополнительную помощь. В 1924—1925 гг. расходы СССР на поставку военных материалов и подготовку командных кадров для вооруженных сил Китая составили десятки миллионов рублей. Только национальным армиям в 1925—1926 гг. было отправлено около 43 000 винтовок и 87 млн. патронов, 60 орудий различных систем, 230 пулеметов с патронами, 10 000 ручных гранат, 4000 шашек, а также бомбометы и самолеты. Для НРА (на юг Китая) в мае—октябре 1926 г. было доставлено 28 500 винтовок, 31 млн. патронов, 145 различных орудий, 19 000 снарядов, 100 000 ручных гранат, более 20 самолетов, 100 бомбометов и другие военные материалы. В дальнейшем поставки оружия и боеприпасов для НРА были продолжены.

Следует заметить, что одновременно с помощью правительству Сунь Ятсена Советский Союз оказывал военную помощь так называемым национальным армиям под командованием генералов, заявившим о стремлении бороться с милитаристскими режимами Чжан Цзолина (Цзолина), У Пейфу (Пей-фу) и других лидеров на севере Китая. Эти национальные армии являлись ощутимой силой, сковывавшей действия стремившихся укрепить свое влияние в Китае Японии и Англии, и тем самым значительно облегчали положение правительства в Гуанчжоу.

По опыту работы школы Вампу на севере были созданы учебные пункты по подготовке командных кадров. В них только по линии первой и второй национальных армий прошло обучение в общей сложности около 4200 человек. Программа обучения была разработана советскими советниками, которые были и преподавателями в школе. Учебно-материальная база школы была полностью

создана на средства СССР. Советники обучали военному делу студентов и готовили из активистов Гоминьдана агитаторов. На таких курсах прошли обучение около 220 человек.

Советский Союз оказывал материальную помощь и партизанским отрядам, действовавшим в тылу войск милитаристов. Так, во Внутреннюю Монголию в 1926 г. было отправлено 1000 винтовок, 5 тяжелых пулеметов, 500 ручных гранат, 1 млн. патронов для винтовок и 50 000 патронов для пулеметов; одновременно в партизанские отряды направлялись советские военные инструкторы, имевшие опыт Гражданской войны в России.

Заметим, что в Национально-революционной армии Китая в период Северного похода служило и несколько бывших белых офицеров и генералов. Среди них генералы В. П. Тонких, А. В. Шалавин — в Кайфэнской группе, П. П. Ивановринов — в Калганской.

Тонких Владимир Павлович. Окончил академию Ген штаба. Полковник. В Гражданскую войну служил в белых войсках Восточного

фронта. Занимал должности: 16—23 сентября 1918 г. — начальник штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии, затем — начальник штаба 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с марта—апреля 1919 г. — начальник штаба Южной группы войск Западной армии, с 23 мая 1919 г. — начальник штаба Южной (с 18.09.1919 г. Оренбургской) армии. В мае 1919 г. преподавал в Иркутском военном училище. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. В середине 1920-х гг. служил в китайской красной армии. Был включен в Кайфынскую группу советских военных советников. В 1928 г. вернулся в СССР и продолжал работать по военному ведомству. Скончался в 1947 г.

Шалавин Алексей Николаевич. Полковник. В Гражданскую войну служил в белых войсках Восточного фронта. Занимал должности: 18 июня—13 сентября 1918 г. начальник штаба Омского военного округа, затем — и.д. начальника штаба 1-го сводного Сибирского, (на 9 мая 1919 г. — 4-го Сибирского армейского корпуса) и Северной группы войск 2-й армии,

▲ Боевая техника

с мая 1921 г. — начальник управления военно-учебных заведений во Владивостоке. Генерал-майор (с 20.08.1919 г.). В эмиграции в Китае. Служил в частях китайской красной армии. Был включен в Кайфынскую группу советских военных советников под псевдонимом Руднев. В 1925—1926 гг. преподавал артиллерию в Хэнаньской военной школе. В 1927 г. вернулся в СССР. Скончался в Москве в 1929 г.

Иванов-Ринов Павел Павлович — родился 26 июля 1869 г. в Семипалатинской области. Из дворян, сын офицера. В 1888 г. окончил Сибирский кадетский корпус, в 1890 г. — Павловское военное училище. Полковник, командующий отдельной Сибирской казачьей бригадой. В Гражданскую войну служил в белых войсках Восточного фронта. Являлся главой офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление

в Омске, был начальником гарнизона. С 13 июня по 7 сентября 1918 г. — командир Степного корпуса. Со 2 июля 1918 г. — генерал-майор, с 15 августа 1918 г. — войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сентября врио (с 7 сен. 1918 г. — постоянно) до 15 октября (2 или 4 ноября) 1918 г. — управляющий Военным министерством и с 5 сентября 1918 г. — командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.), с 3 (23) декабря 1918 г. — одновременно помощник Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15(20) мая 1919), с 23 декабря 1918 г. — командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919). С августа 1919 г. командир отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919). Осенью 1919 г. — помощник командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административ-

ной части. Георгиевский кавалер (9 сен. 1919). Генерал-лейтенант (10 августа 1919). С 23 марта 1920 г. в Харбине. С 7 июля 1921 г. начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродеково, в 1922 г. — начальник тыла армии. В 1925 г. служил в китайской красной армии. Был включен в Калганскую группу советских военных советников. Осенью 1925 г. выехал в СССР.

Противоборствующей революционному правительству стороне, в свою очередь, оказывалась значительная помощь со стороны ведущих мировых держав. Так, например, во время восстания в Гуанчжоу (август—сентябрь 1924 г.) мятежникам со стороны английских властей было послано около 30 тыс. винтовок и другого военного имущества.

Но вернемся к Северному походу.

Идея военного похода из Гуандунской базы на север, с целью объединения вооруженным путем

▲ Иванов-Ринов П. П.

▲ Шелавин А. Н.

▲ Е Тин

▲ Дратвин М.И.

Китая под властью Гоминьдана, принадлежала Сунь Ятсену. Официально его начало было провозглашено Национальным правительством 1 июля 1926 г. Однако еще в конце мая того же года в Хунань вступил Отдельный полк 4-го корпуса НРА под командованием коммуниста Е Тина.

К весне 1926 г. под его контролем Гоминьдана находились части НРА и национальные армии соседних с Гуандуном южных провинций: Гуанси и Гуйчжоу.

Расстановка сил милитаристов была следующей: Маньчжурия, провинция Шаньдун и центральный район Пекин— Тяньцзинь контролировались фэнтяньской группировкой под командованием Чжан Цзолиня и Чжан Цзунчана. Центральный Китай (юго-запад провинции Чжили, Хэнань, восточная часть Шэньси, Хубэй, Хунань) контролировался чжилийской группировкой, во главе которой стоял генерал У Пэйфу. Восточный Китай (провинция Цзянсу с Шанхаем, а также Ань-

хой, Чжэцзян, Цзянси, Фуцзянь) находился под властью маршала Сунь Чуаньфана, отколовшегося от чжилийской группировки.

Армии милитаристов, против которых действовала НРА, значительно превышали ее численность. Но помощь населения, приветствовавшего приход революционных войск, была весьма ощутима. Студенты, рабочие, крестьяне создавали санитарные отряды. Многие мирные жители выступили в поход вместе с НРА в качестве носильщиков, грузчиков, дорожных строителей, проводников и т.п. Определенную роль в расстановке сил играло и то, что силы милитаристов были разобщены, причем зачастую на противоборствующие группировки. К тому же в тылу у них на северо-западе находились сохранившиеся части 1-й Национальной армии Фэн Юйсяна. Как мы уже отмечали, в разработке плана боевых операций и боях активно участвовали советские военные специалисты во главе с В. К. Блюхером. Зачастую

они принимали непосредственное участие в боевых действиях.

Так, например, в феврале 1925 г. в одном из боев из-за нерасторопности главнокомандующего части НРА попали в тяжелое положение. Войска стали в панике отступать. Создалось угрожающее положение на флангах. Советские военные советники Степанов, Бесчастнов, Дратвин, Пало, невзирая на огонь противника, заняли высоту, выгодные позиции и открыли огонь по врагу. Отважное поведение советских командиров повлияло на моральное состояние китайских солдат и офицеров. Паника прекратилась, и вскоре под командованием советников подразделения революционной армии перешли в контрнаступление и обратили противника в бегство.

В другом бою отличился В. М. Примаков. Будучи раненым, он продолжал пулеметным огнем отбивать непрерывные атаки войск милитаристов. Советник Теруни при штурме города Учан шел во главе колонны и в самые критические

▲ Примаков В.М.

моменты брал руководство боем на себя.

Немалая заслуга в победе НРА в Северном походе принадлежит и советским авиаторам. Так, летчик Сергеев под Учаном за 6 дней налетал 37 часов. Вылетая на боевые задания, он вел разведку, сбрасывал бомбы, помогал наступавшим колоннам войск НРА. С низких высот он обстреливал вражеский бронепоезд, всякий раз заставлял его покидать позиции. Всего под Учаном советскими летчиками было сброшено 219 бомб, расстреляно 4000 патронов. Позднее, на Цзянсийском фронте, в течение шести дней боев при неблагоприятных условиях они находились в воздухе более 40 часов каждый, сбросили 115 бомб, израсходовали 7 тыс. патронов, доставили немало донесений, летали на разведку во вражеские тылы.

К концу августа 1926 г. вся провинция Хунань была полностью очищена от войск У Пэйфу. Революционная армия быстро двигалась

▲ Куйбышев Н.В.

к одному из крупнейших экономических центров страны — трехградью Учань. 10 октября 1926 г. части НРА захватили наиболее укрепленный из этих трех городов — Учана и тем самым завершили разгром войск У Пэйфу в провинции Хубэй.

В сентябре 1926 г. основные силы НРА выступили в провинцию Цзянси против милитариста Сунь Чуаньфана, отколовшегося от У Пэйфу и контролировавшего пять провинций Восточного Китая. В ноябре войска НРА под командованием Чан Кайши заняли город Наньчан — центр провинции Цзянси, а к концу года — провинцию Фуцзянь.

Успехи Северного похода НРА возродили активность 1-й Национальной армии. В сентябре 1926 г. ее командующий Фэн Юйсян вернулся из СССР в Китай и заявил о присоединении своих частей к НРА. В кратчайшие сроки, при активном помощи СССР, армия восстановила свою боеспособность и выступила на соединение с НРА.

Под впечатлением побед НРА многие милитаристы, опасаясь разгрома, переходили на её сторону ради сохранения своих сил. Численность НРА возросла, но её революционно-политические качества снизились. Усилились разногласия и в командовании НРА, и в Гоминьдановском руководстве. Особенно остро встал вопрос о новом местонахождении Национального правительства (Гуанчжоу, откуда начался Северный поход, к этому времени стал уже глубоким тылом). Чан Кайши настаивал на переводе резиденции правительства и ЦИК Гоминьдана в Наньчан, где находилась его ставка. Левые гоминьдановцы, особенно коммунисты, настаивали на переводе правительства в Учань, где нес охрану полк коммуниста Е Тина и ширилось рабочее движение. Занявшая левые позиции конференция ЦИК Гоминьдана 15 октября 1926 г. приняла решение вызвать из-за границы Ван Цзинвэя, чтобы он вновь занял свой пост председателя Национального

правительства. Это решение было направлено на ослабление влияния Чан Кайши.

1 января 1927 г. Ухань был признан столицей Китая и резиденцией Национального правительства. Чан Кайши остался в Нанчане. 10 марта 1927 г. III пленум ЦИК Гоминьдана в Ханькоу лишил Чан Кайши его многочисленных ответственных постов в ЦИК Гоминьдана, но оставил пост главнокомандующего НРА. В уханьское правительство, которым руководил Ван Цзинвэй из-за границы, были введены два коммуниста: Тань Пиншань стал министром сельского хозяйства, Су Чжаочжэн — министром труда.

22 марта 1927 г. войска НРА под командованием Бай Чунси освободили Шанхай, а на следующий день Нанкин. Во время боев в городе произошли инциденты, в результате которых пострадало несколько иностранцев. 24 марта военные корабли Англии и США подвергли массовой бомбардировке занятый НРА Нанкин. В результате этой акции было убито и ранено около 2000 жителей и причинен большой материальный ущерб. 11 апреля 1927 г. Анпгая, США, Япония, Франция и Италия направили в ставку Чан Кайши и уханьскому правительству совместный ультиматум, требуя наказать виновных в инцидентах, происшедших при занятии Нанкина, принести извинения, уплатить весьма высокую компенсацию и запретить антииностранные действия на подвластных им территориях. Создалась угроза военной интервенции держав.

Демарш держав был воспринят Чан Кайши как сигнал к обузданию коммунистов. 12 апреля 1927 г. по приказу Чан Кайши в Шанхае и других городах страны были проведены антикоммунистические акции. 18 апреля 1927 г. Чан Кайши создал в Нанкине возглавленное им правительство, власть которого распространилась на четыре провинции: Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Аньхой.

В Ухане продолжалось сотрудничество левого крыла Гоминьдана с коммунистами. В первых числах апреля 1927 г. Национальное прави-

тельство вновь возглавил Ван Цзинвэй. Территория Уханьского центра включала провинции Хунань, Хубэй, Цзянси. Со всех сторон этому району угрожали враждебные силы: с севера — войска фэнтяньской группировки, с юга — армия гоминьдановского генерала Ли Цзишэня, с востока — войска Чан Кайши, с запада — армия сычуаньского милитариста Ян Сэня. Экономическое положение района, блокированного врагами, ухудшалось с каждым днем.

Трудности уханьского правительства усугубились в связи с мятежами военных командиров НРА, раздраженных действиями коммунистов, активизировавших выступления отрядов крестьянских союзов и рабочих пикетов. 17 мая 1927 г. командир дивизии НРА Ся Доуинь поднял мятеж, требуя обуздать крестьянские союзы. 21 мая 1927 г. командир полка НРА Сюй Кэсян в главном городе провинции Хунань Чанша разоружил рабочие пикеты и изгнал коммунистов. То же самое совершил в Нанчане командир корпуса НРА Чжу Пэйдэ.

15 июля 1927 г. ЦИК Гоминьдана в Ухане принял решение о разрыве с КПК, однако это не привело к объединению уханьской группировки Гоминьдана с нанкинской группой, позиции которой в это время усиливались. 20 июня 1927 г. к нанкинскому Гоминьдану примкнула группировка «си-шаньцев», имевшая влияние в Шанхае. Летом 1927 г. власть нанкинского правительства признали милитаристы, правившие в провинциях Гуанси, Гуандун, Сычуань. Но Ухань оставался самостоятельным. Ван Цзинвэй даже претендовал на партийное главенство в Гоминьдане.

В начале мая 1927 г. войска Чан Кайши возобновили Северный поход. Чтобы воспрепятствовать их продвижению и разгрому милитариста прояпонской ориентации Чжан Цзунчана, отступившего в Шаньдун, Япония высадила в шаньдунском порту Циндао свои войска. Это затруднило осуществление Северного похода. 12 августа Чан Кайши подал в отставку и уехал в Японию. В ноябре он вернулся и в декабре 1927 г.

был назначен главнокомандующим НРА.

В феврале 1928 г. IV пленум ЦИК Гоминьдана учредил в Нанкине возглавленное Чан Кайши Национальное правительство Китая. Официальной столицей Китая стал Нанкин.

В апреле 1928 г. НРА возобновила Северный поход. В союзе с НРА в походе приняли участие Национальные армии Фэн Юйсяна, контролировавшие провинции Хэнань, Шанси, Ганьсу, и армия губернатора провинции Шаньси Янь Сишаня. Войскам НРА противостояли армии коалиции северных милитаристов, возглавляемой Чжан Цзолинем.

Под напором НРА милитаристские войска отступили к центру провинции Шаньдун — городу Цзинань. Чтобы предотвратить разгром армии Чжан Цзолиня, японские войска обстреляли Цзинань, занятый НРА. Погибли тысячи гоминьдановских солдат и мирных жителей. По требованию Японии НРА была вынуждена оставить город Цзинань и зону железной дороги Тяньцзинь—Пукоу.

Более успешно продвигались войска Янь Сишаня, в июне 1928 г. занявшие Пекин (сразу же переименованный в «Бэйпин») и Тяньцзинь. Гибель Чжан Цзолиня в июне 1928 г. облегчила Гоминьдану объединение страны. Сын Чжан Цзолиня — Чжан Сюэлян, унаследовавший владения отца, в декабре 1928 г. признал нанкинское правительство. Весной 1929 г. власть Нанкина признал далай-лама Тибета. Придя к власти, Чан Кайши отказался выполнять «моральные» обязательства перед СССР и взял курс на освобождение Китая от иностранной зависимости и возвращение стране статуса великой державы. Отчасти это было следствием активной советской политики по советизации Китая и все нарастающего влияния советских представителей на внутреннюю жизнь страны.

В 1923 г. в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано 1-е коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе от 26 января 1923 г. В нем,

▲ Чжан Цзолинь

в частности, отмечалось: «Д-р Сунь Ятсен считает, что в настоящее время коммунистический строй, или даже советская система не могут быть введены в Китае, так как там не существуют те условия, которые необходимы для успешного утверждения коммунизма или советизма».

В рамках новой политики Чан Кайши была развернута широкая антикоммунистическая кампания. Ее следствием стали высылка из Китая советских специалистов и закрытие всех советских дипломатических представительств за исключением Маньчжурии, Внешней Монголии и Синьцзяна, где местные правители отказались выполнять указания из Нанкина.

В это время к Чан Кайши прикнули некоторые группы русских эмигрантов, увидевших в нем правителя, способного восстано-

▲ Хэ Лун

вить коммунизму. Многие белые офицеры поступили на китайскую военную службу. Один из них — Ю.Р. Лариков — позже стал первым иностранцем, произведенным в чин генерал-майора китайской армии.

Лариков Юрий Романович — родился в 1896 г. в семье профессора математики Московского университета. После окончания гимназии учился в Германии — в Гейдельбергском университете. С началом Первой мировой войны прервал учебу, вернулся в Россию и поступил в Михайловское артиллерийское училище. Участвовал в Гражданской войне. В 1921 г. эмигрировал в Китай, где вступил в китайскую армию. В 1930-е гг. служил в Академии Генерального штаба китайских вооруженных сил. В 1946 г. был произведен в генерал-майоры. После победы коммунистов вместе с оставшимися верными Чан Кайши войсками

эмигрировал на остров Тайвань, где до 1968 г. возглавлял Научно-исследовательский институт Военного министерства Национального правительства. Под псевдонимом В. Ушкуйник опубликовал брошюру «Памятка русскому человеку», изданную в Нью-Йорке в 1982 г. (переиздана в России в 1993 г.). Скончался 10 июня 1989 г. в Тайбэе (Тайвань).

Потеряв контроль над гоминьдановским правительством, СССР переключился на одностороннюю помощь КПК. Противоборство Гоминьдана и коммунистов вылилось в серию вооруженных восстаний, приведших в результате к созданию в 1928—1935 гг. в Центральном Китае советских районов.

Первое антигоминьдановское восстание КПК было начато 1 августа 1927 г. в Наньчане под руководством Чжу Дэ, Е Тина и Хэ

Луна. За ним последовала серия выступлений гоминьдановских войск в центральных и южных провинциях Китая: Хубэе, Хунани, Цзянси и Гуандуне, а в конце 1927—1928 гг. — крестьянские восстания.

Крупнейшим из них был район на юге провинции Цзянси, недалеко от столицы гоминьдановского Китая — Нанкина. Непосредственное участие в планировании и осуществлении восстаний принимали советские военные и политические советники.

Забегая вперед, отметим, что в конце июля 1930 г. коммунисты, опираясь на Красную армию Китая, созданную в 1927—1930 гг., взяли штурмом один из крупнейших китайских городов Чанша и объявили о создании советского правительства во главе с лидером КПК Ли Лисанем. В ответ на коммунистическое выступление Чан Кайши в течение 1930—1935 гг. предпринял пять военных походов в целях уничтоже-

ния советских районов. Последний из них увенчался успехом и привел фактически к разгрому Коммунистической партии.

Одновременно с боевыми действиями проводилась и жесткая антииностранный политика, направленная в первую очередь против СССР. Она сопровождалась арестами и высылкой советских служащих КВЖД, вооруженными захватами ее основных объектов и столкновениями на советско-маньчжурской границе (КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. С 1924 по 1935 г. находилась в совместном управлении СССР и Китая).

Территория Маньжурии как плацдарм для антисоветских выступлений был выбран не случайно. В это время Маньжурия имела довольно развитую экономическую и транспортную системы, а также одну из самых сильных армий в Китае, в рядах которой, по советским данным, служило около 70 000 русских эмигрантов.

Как уже отмечалось, в конце 1920-х гг. политика Чан Кайши стала принимать все более антисоветскую форму.

С середины июня 1929 г. китайские части и отряды, сформированные из белоэмигрантов, стали проводить систематические налеты на советскую территорию. Один из белых вооруженных отрядов, перейдя границу, вышел в 15 милях к северу от Нерчинска. Другой отряд переплыл Уссури и напал на сторожевую советскую заставу в районе Имана, убив нескольких советских пограничников.

10 июля 1929 г., нарушив советско-китайское соглашение 1924 г., китайские власти захватили телеграф Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) по всей линии, закрыли советское торговое агентство и все другие хозяйственные учреждения в северо-восточных провинциях Китая. Около 2000 советских железнодорожников были арестованы, многие, в том числе управляющий КВЖД Ермашев, были высланы из страны. Это стало началом событий, известных в истории как «Конфликт на КВЖД». ■

▲ Чжу Дэ

▲ Ли Лисан

Г. ПИКЕНБРОК

РАЗВЕДКА В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Пикенброк Ганс (1893-1959), немецкий разведчик, генерал-лейтенант вермахта. В германской армии с 1913 года. После демобилизации кайзеровской армии по решению Версальского мира, остался в рейхсвере. В 1927 году перешел в «Секцию иностранных армий», представлявшую собой замаскированную разведслужбу. В 1934 году рейхсвер был преобразован в вермахт. С 1936 по 1943 годы он начальник отдела военной разведки абвера (А-1) — заместитель начальника абвера адмирала Канариса. Организатор политической, технической и военной разведки за рубежом. Руководил разведывательными акциями во многих странах мира. Один из организаторов «пятых колонн». Непосредственно руководил широкомасштабными диверсионно-разведывательными операциями абвера накануне и во время Великой Отечественной войны. С марта 1943 года (по личной просьбе) в действующей армии, командир 208 пехотной дивизии на южном участке советско-германского фронта. Взят в плен на территории Чехословакии советскими войсками. Содержался в тюрьмах в Москве и Владимире. На Нюрнбергском

процессе по делу главных военных преступников выступал в качестве свидетеля обвинения. В 1952 году как военный преступник был приговорен к 25 годам заключения в лагерях. В октябре 1955 года в качестве не амнистированного заключенного передан ФРГ и в том же году был освобожден. Правительство ФРГ назначило генеральскую пенсию и выплатило ему крупную денежную компенсацию. Немцы в 2014 году (организация «Саксонский мемориал») обратились с ходатайством в Верховный Суд России о посмертной реабилитации Пикенброка. Слушание проходило в закрытом режиме, дело имело гриф «совершенно секретно». В реабилитации было отказано. «Пикенброк был обосновано приговорен к уголовной ответственности за шпионаж и участие в планировании, подготовке и ведении агрессивной войны против СССР. В соответствии с российским законодательством реабилитации он не подлежит».

Дневниковые записи Ганса Пикенброка, относящиеся ко времени его назначения на должность руководителя отдела «Абвер-1»:

...В мирное время абвер выполнял поручения отделов «Иностранные армии», «Иностранные ВВС» и т.д., Главного командования сухопутными войсками Германии (ОКХ), Главного командования военно-воздушными силами Германии (ОКЛ), Главного командова-

ния военно-морского флота (ОКМ) и Управления военной промышленности и вооружений при ОКБ, но чаще всего мы сотрудничали с отделом «Иностранные армии». Только во время военных действий мы получали приказы из оперативного управления Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКБ) и непосредственные задания (Норвегия, Дания, Россия или запланированная бриганадами высадка десанта).

...Когда в 1936 году я получил назначение в Управление Аусланд/Абвер при Военном министерстве, стоящие перед абвер-1 задачи можно было бы сформулировать следующим образом:

1. Организация основных разведопераций в странах: Франция, Чехословакия, Польша, Англия, Россия, Испания (гражданская война).
2. Организация второстепенных разведопераций в странах: Бель-

гия, Швейцария, Югославия, Румыния, США.

3. Страны, в которых запрещено проводить разведоперации: Австрия, Италия, Венгрия, Финляндия, Эстония, Япония, Болгария.
4. Все остальные страны интереса не вызывали и разведопераций на их территории не проводились. В это время вермахт находился на начальной стадии формирования, поэтому главным объектом разведки были армии сопредельных стран — Польши и Чехословакии.

...Уже в это время германская пропаганда активно выступала проводником официального внешнеполитического курса рейха на объединение с Австрией (аншлюс). Вмешательство абвера не требовалось, поскольку исчерпывающая информация поступала в Берлин от сотрудничавшего с австрийцами Генерального штаба вермахта, «зарубежных организаций» НСДАП, дипломатических и военных миссий. Главной задачей абвера на 1937 и начало 1938 стала разведка в странах, препятствующих

аншлюсу или рассматривающих его как акт агрессии (Франция, Польша, Чехословакия, Югославия). Незадолго до аншлюса поступило распоряжение активизировать разведку в районе итало-австрийской границы, поскольку Муссолини временами занимал достаточно жесткую позицию, а дружеские отношения между ним и Гитлером установились только после объединения Германии и Австрии...

...Отделение абвера в Мюнхене без агентурного вмешательства получало достоверную информацию из Австрии и итальянского Южного Тироля от прогермански настроенных правительственных чиновников. В это время мюнхенское отделение работало на балканском, чехословацком, швейцарском и непродолжительное время на итальянском направлениях. Венгерские разведслужбы сотрудничали с абвером в проведении разведопераций против Чехословакии, Югославии и Румынии. На чехословацком направлении работали также отделения абвера в Дрездене и Бреслау (ныне

Вроцлав. - *Примеч. перев.*), на польском — отделения в Бреслау, Кенигсберге и Штетине. Отделения абвера в Мюнстере, Висбадене и Штутгарте вместе с филиалами Кёльна и Оренбурга работали против Франции...

...Непосредственно после аншлюса отделы «Иностранные армии» и «Иностранные ВВС» поручили абвер-1 проведение нескольких разведопераций на территории Чехословакии. Перед агентурными группами была поставлена задача разведать структуру, вооружение и эшелонирование строящихся фортификационных сооружений на чехословацкой границе, уточнить местоположение гражданских и военных аэродромов (временных взлетно-посадочных полос), цейхгаузов и арсеналов на юго-западе долины Вага. Возросшее число и направленность заданий однозначно указывали на намерения Гитлера и ОКБ оккупировать Чехию. Разведоперации прошли в целом успешно, поскольку нам удалось завербовать в пограничной области большую группу действовавших из идейных побуждений

▲ Кёнигсберг

▲ Спецсвязь

агентов из числа судетских немцев и призванных в чешскую армию фольксдойче. Для усиления разведопераций на территории Чехии были дополнительно учреждены отделения абвера в Вене и Нюрнберге. Отдел «Абвер-1» в Вене был укомплектован отборным контингентом, поскольку устоявшиеся родственные связи между судетскими немцами, австрийцами и чехами открывали широкие возможности для проведения диверсионно-разведывательных операций абвера в этом регионе.

КАТЕГОРИИ АГЕНТУРЫ

В зависимости от целей боевого использования наших агентов и способов передачи информации или выхода на связь с «Центром» мы различали несколько агентурных категорий:

1. Агенты мирного времени

В эту категорию входили завербованные иностранцы, выходцы из низших слоев населения, временно проживающие на территории данной страны немцы и фольксдойче, в основном передававшие информацию о передислокации войск и строительстве оборонительных фортификационных сооружений. На-

именее ценная агентура, поскольку при объявлении военных действий резко ограничивалась возможность передачи информации, и немцы (фольксдойче) находились под пристальным наблюдением спецслужб или были вынуждены вообще покинуть страну пребывания.

2. Агенты кризисного периода

В эту категорию входили агенты (немцы или граждане нейтральных стран), действовавшие в период обострения внутривнутриполитической ситуации в разрабатываемой стране или в период нагнетания международной напряженности. Посредством условных фраз (кодов, шифров) они передавали полученную информацию (например, о мобилизационных мероприятиях в стране пребывания) по телефону, в письмах, телеграммах или при возвращении на родину. К этой же категории мы обычно относили и агентов, получавших въездную визу в интересующую нас страну в «смутные времена» и имевших возможность совершать «ознакомительные поездки по стране» на личном автотранспорте или по железной дороге.

3. Агенты военного времени

Агентура этой категории была «законсервирована» до начала воен-

ных действий и вербовалась из граждан вражеских стран или, на крайний случай, из граждан близлежащих нейтральных государств. Не привлекалась к выполнению разведзаданий в мирное время (допускалось выполнение агентами контрольных и проверочных заданий).

4. Агенты-радисты

До 1939 г. мы предпочитали готовить радистов из граждан Германии или фольксдойче, поскольку вербовка и подготовка агентов были сопряжены с наименьшими материальными и прочими затратами. От этой практики пришлось отказаться, так как эта категория агентуры неизбежно подлежала практически стопроцентной ликвидации после начала военных действий.

5. Агенты влияния

«Штучная» вербовка высокопоставленных правительственных чиновников вражеских стран. Эта категория агентуры работала, как правило, на безвозмездной основе — из идейных побуждений.

6. «Особо доверенные лица»

Секретные нештатные сотрудники, завербованные из числа инженерно-технического персонала круп-

нейших промышленных предприятий рейха, «богемной среды» и т.д., а также военнослужащие. Так, при подготовке плана «Гельб» («Желтый план» — вторжение во Францию. - *Примеч. перев.*) ОКБ потребовалась вся имеющаяся информация по каналу Альберта в Бельгии (профиль, береговые откосы, глубины, мосты и т.д.). Наши секретные сотрудники нашли необходимую документацию в фирмах, которые производили монтажно-строительные работы после 1919 года в рамках возмещения материального ущерба по условиям Версальского договора. Одновременно по запросу ОКЛ, уточняющего местоположение наземных объектов, мы разыскивали производственно-технологические планы крупнейшего металлургического завода в Люксембурге. Из агентурных источников была получена достоверная информация о намерениях администрации завода вместе со всей документацией скрыться на территории Франции. Но с помощью агентуры нам удалось найти необходимые документы в архивах одной немецкой страховой компании и немецкой строительной фирмы, которая выступала субподрядчиком при сооружении этого промышленного объекта.

МЕТОДЫ ВЕРБОВКИ

Периодически отделения абвера помещали в зарубежной прессе объявления о льготном кредитовании служащих государственных предприятий. Кредитные банки располагались при этом в сопредельных государствах. Например, работавшие с французскими ссудополучателями банки размещались в Бельгии, Голландии или Швейцарии (филиал абвера в Кёльне учредил один из таких банков в Нидерландах). На наши объявления откликалось множество нуждающихся в срочной ссуде. Неперспективные в разведывательном отношении лица получали отказ, а заинтересовавшие нас офицеры, унтер-офицеры и служащие военных ведомств вражеских стран приглашались на собеседование в банк, где с ними и заключались договоры

кредитования с крайне низким ссудным процентом. Если в оговоренные договором сроки ссуда не возвращалась (а это происходило в подавляющем большинстве случаев), к разработке подключались наши эксперты: в обмен на продление кредита от ссудополучателей требовали некоторую конфиденциальную информацию. На первом этапе вербовку не форсировали, и наши требования могли ограничиваться, например, копиями приказов по батальону. Постепенно задания усложнялись. Результаты такой методики были отнюдь неплохими: как правило, тот, кто сделал первый шаг, продолжал сотрудничать с нами и в дальнейшем.

Так в поле зрения кёльнского филиала абвера попал живущий на широкую ногу французский офицер-кавалерист. Он содержал дорогостоящую подругу, наделал массу долгов и постоянно нуждался

в деньгах. В обмен на служебную информацию о его кавалерийском полке ему была обещана крупная ссуда. Когда мы выудили из него все, представлявшее хоть маломальский интерес, выяснилось, что его долги не только не уменьшились, но еще более увеличились. Наш куратор предложил ему подать соответствующий рапорт и подготовиться к экзаменам для поступления на курсы Генерального штаба. Агент выдержал экзамен и приступил к учебе в одном из военных училищ. Благодаря этому мы получили возможность ежегодно получать секретное досье французского Генштаба «Бельгийские королевские вооруженные силы». Выяснилось, что лучшие выпускники военного училища будут отправлены в Академию Генштаба в Париже. Офицер получил приказ «трудиться изо всех сил», что и было сделано! Он был переведен в Париж и передал нам среди прочего секретный меморандум «Французские воору-

▲ Париж

▲ Разведывательный полет

женные силы». Потом началась война, и связь с ним прервалась.

Кёльнский филиал провел еще несколько удачных вербовок: так, в голландский кредитный банк обратился с просьбой о ссуде фенрих боевого корабля французского ВМФ «Жанна д'Арк» (фактически речь шла о легком учебном крейсере. — *Примеч. ред.*), которому явно не хватало скромного денежного довольствия на дорожную содержание. Он без колебаний согласился сотрудничать с немецкой контрразведкой и передал всю интересующую нас информацию о «Жанне д'Арк»: радиооснащение, сигнальные и радиотелеграфные коды, вооружение и боевая подготовка экипажа, дислокация флота и намечаемые перегруппировки боевых кораблей. Моряк был крайне неосторожен в обращении с попавшими к нему в руки деньгами и быстро попал под подозрение французской контрразведки. Однако верхом легкомыслия стал его визит в Голландию с добытыми сведениями в военно-морской форме. По возвращении домой он был арестован и казнен по обвинению в государственной измене.

Этот и аналогичные ему случаи окончательно убедили нас в том, что из-за опасности разоблачения целесообразно одновременно выдавать крупные денежные суммы завербованным агентам. Исключение было сделано только для неоднократно проверенных кадровых сотрудников

абвера, задействованных в трансатлантических операциях. Разведчики, которых мы забрасывали из Португалии в Америку, получали для обеспечения необходимого по «легенде» уровня жизни в США драгоценные камни — бриллианты. Такое финансирование разведопераций абвер-1 гарантировало определенную маскировку нашим агентам и всячески приветствовалось бюджетно-финансовым управлением ОКБ, поскольку экономило вермахту валюту.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СПЕЦТЕХНИКА

Мы применяли новейшие достижения науки и техники для организации разведки (сбора информации) на территории интересующих нас стран:

а) Для аэрофотосъемки стратегических объектов (Чехословакия, Польша, Франция, Англия и СССР) самолеты-разведчики оснащались фотоаппаратурой с высокой степенью оптического разрешения. В мирное время такая деятельность представляла собой нарушение нейтралитета, поэтому при проведении подобных операций соблюдалась особая секретность: разведывательные полеты осуществлялись на высотах от 13 000 метров и выше. При этом противник не только не видел воздушных разведчиков, но и не слышал их. Главная сложность состояла в том, что работать

на таких высотах можно было только в абсолютно ясную погоду. Результаты были вполне удовлетворительными: удавалось получить отчетливые аэрофотоснимки укреплений, аэродромов, железнодорожных линий, мостов и т. п., что в свою очередь помогало нам не распылять силы и намечать приоритетные направления агентурной разведки. Следует добавить, что ни один самолет-разведчик не был обнаружен вражескими службами ПВО. Согласно договоренности с главным штабом ОКЛ осуществлявшая аэрофотосъемку эскадрилья особого назначения «Ровель» возвращалась в состав люфтваффе в случае начала военных действий. Для заброски агентов-парашютистов в русский тыл Управлению Аусланд/Абвер/ОКВ на время войны была придана эскадрилья «Гартенфельд».

б) Наши агенты установили фотоэлементы на маяках и плавучих бакенах в Гибралтарском проливе. Например, аппаратура фиксировала прохождение восточным курсом морского конвоя из 10 фрахтеров и 6 военных судов сопровождения, а на следующую ночь мы получали фотоснимки 16 судов, идущих западным курсом из Средиземноморья в Атлантику. Агенты незамедлительно оповещали об этом базу германского подводного флота в Бордо. Аналогичные посты слежения кригсмарине располагались и в проливе Ла-Манш.

▲ Аэрофотосъемка объекта

в) Для аэрофотосъемки в туманную погоду и фотографирования укрытых маскировочными сетями укреплений самолеты-разведчики люфтваффе оснащались фотокамерами с инфракрасной оптикой.

г) Инженеры подотдела «Абвер-1/Г» (технические средства разведки) сконструировали аппаратуру микрофильмирования, позволявшую уменьшить стандартный лист писчей бумаги с текстом (рисунками, картами, схемами и т.п.) до размеров машинописной «точки». Информацию можно было считывать с помощью микроскопа или увеличивать до исходных размеров в проекционных аппаратах. Обязательными условиями было использование высокочувствительной фотопленки и качественной фотобумаги. Абвер успешно использовал аппаратуру для передачи инструкций зарубежной агентуре. Причем наличие у агентов микроскопов обуславливалось их профессией (врач, биолог, химик, ювелир и т.п.) или их хобби (нумизматика, филателия, фалеристика, сфрагистика и т.п.).

д) На швейцарской и голландской границах были оборудованы экспериментальные микрофоны направленного действия. Созданные на основе новейших свето-

волновых технологий микрофоны позволяли операторам принимать устойчивый звуковой сигнал, находясь на значительном удалении от интересующих объектов. Главный недостаток аппаратуры заключался в том, что ее можно было использовать только на равнинной местности — не допускалось препятствий между передающим и приемным

устройствами (складки местности или искусственные преграды).

е) В 1936 г. абвер сформировал так называемую «И-сеть» (внутренняя агентурная сеть) восточнее Одера. Тогдашняя слабость вермахта заставляла считаться с тем, что в случае войны с Францией или Польшей Германии, возможно, придется отступить до Одерской оборонитель-

▲ Расшифровка снимков

▲ Ровель, командир эскадрильи особого назначения

▲ Гартенфельд, командир эскадрильи особого назначения

ной линии. В десятикилометровой полосе восточнее Одера были завербованы не подлежащие призыву в армию немцы (преимущественно женщины). После обучения на курсах радистов они были «законсервированы» до начала позиционной войны в этом регионе. В 1937 г. аналогичная ей сеть (так называемая «А-сеть») была создана западнее «линии Мажино» из не подлежащих призыву в армию французов. Французская агентура поставляла нам ценную развединформацию с сентября 1939 по май 1940.

Позже связь прервалась — часть агентов-радистов была эвакуирована вглубь страны, а другие бежали, воспользовавшись неразберихой первых дней войны.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Важнейшим аспектом деятельности агента можно назвать своевременную передачу полученной информации в разведцентр. Самые ценные донесения (особенно во время войны) становятся бесполезными, если поступают слишком поздно...

...Телефон и телеграф — это два наибо́льших способа передачи разведдонесений в мирное время, но во время войны использование этих видов связи ограничено или вообще невозможно. Рацией агенты-непрофессионалы пользуются неохотно — угроза пленения и разоблачения слишком велика. Тем не менее, рация — это наилучший, хотя и требующий длительной спец-

подготовки способ передачи развединформации в военное время. Все вышеперечисленные способы связи с разведцентром, вне всякого сомнения, требуют применения шифров, кодов или маскировки передаваемой информации...

Мы добились определенных успехов в работе с симпатическими чернилами: технический отдел абвер-1 разработал состав, который не вступал в реакцию с йодом и не становился видимым при нагревании — причем, все компоненты можно было свободно приобрести в любой аптеке. Наши агенты годами переправляли донесения из Великобритании в Португалию, пользуясь услугами королевской почты! Мы получали письма, побывавшие на перлюстрации и с явными следами хи-

мических исследований, но ни один из написанных спецчернилами текстов так и не был обнаружен сотрудниками британской «Сикрет сервис»!

...Во время войны становится практически невозможным и использование секретных кодов в корреспонденции — специально обученные телеграфисты не принимают телеграммы, содержащие, по их мнению, закодированную информацию. В этой ситуации было возможным использование отдельных, оговоренных заранее кодовых слов и их сочетаний, а также передача сведений при пересылке официальных деловых бумаг (счетов, калькуляций, ценников и т. п.).

...Наилучший и наиценнейший способ получения сведений — это собеседование с агентом. Только при личной встрече можно со всей определенностью установить, насколько важной информацией располагает агент (насколько надежны его источники информации), и передать ему дополнительные инструкции или задание в том случае, если его поведение не вызывает подозрений.

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ ВО ФРАНЦИИ

При проведении разведопераций в Западной Европе руководство подотдела «Абвер-1» исходило из национальной специфики каждой конкретной страны. При этом базовые принципы агентурной разведки в мирное и военное время имели ряд существенных различий. Начну с описания нашей деятельности в мирный период.

До начала войны международный туризм был одной из важнейших доходных статей бюджета Франции. Из-за большого числа иностранцев и относительно поверхностного погранично-таможенного контроля у нас не возникало проблем при внедрении нашей агентуры. Самым серьезным препятствием на нашем пути было... французское уголовное законодательство, ограничившее действие принципа презумпции невиновности в статьях по обвинению в шпионаже и государственной измене: доказательство неучастия в шпионской деятельности возлагалось

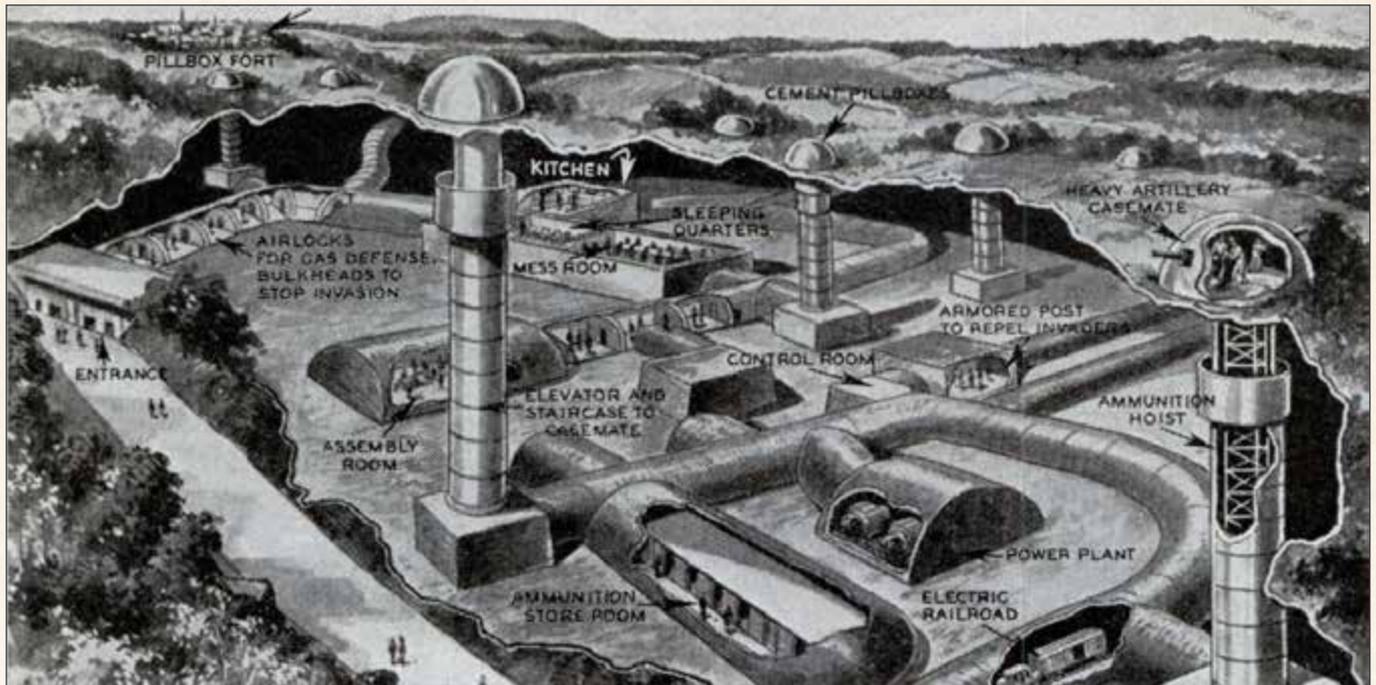
на самого обвиняемого. При вербовке мы учитывали тот факт, что французские мужчины традиционно тратят много денег на женщин. Содержание дорогостоящих подруг неизменно заставляло их жить не по средствам, делать долги и приводило в руки наших вербовщиков. Учитывали мы и то, что характерной чертой французского менталитета является редкое сочетание патриотизма и отчужденности от госструктур, не дающих средне-статистическому французу чувства защищенности и уверенности в завтрашнем дне, что неизбежно приводило его в ряды недовольных режимом. При вербовке агентуры среди французских военных мы, в первую очередь, обращали внимание на тех, кто вел беспорядочный образ жизни и имел долги...

Одной из важнейших задач, поставленных перед абвером в 1936 — 1937 гг., была разведка «линии Мажино». Мы узнали, что строительство отдельных участков фортификационных укреплений было поручено частным строительным фирмам. Нам было на руку, что система обеспе-

▲ Линия Мажино

▲ Подземная часть линии Мажино

чения мер секретности была организована иначе, чем в других европейских странах, где проведение такого рода работ было прерогативой государства. Так, в 1936 в поле зрения немецкой разведки попал один французский предприниматель, получивший подряд на строительство одного из участков «линии Мажино». Французские власти обвинили его в «низком качестве строительных работ и умышленном срыве правительственного задания» и собирались арестовать. Француз бежал в Швейцарию, где очень легко пошел на контакт с нашим агентом и за определенную плату передал ему всю интересующую нас проектно-сметную документацию...

Непосредственно перед вторжением во Францию мы получили чрезвычайно ценную информацию от «агентуры кризисного периода»; агентов, собиравших информацию под прикрытием туристических бюро; в ходе опроса вернувшихся из служебных командировок во Францию «нейтралов» и завербованных граждан Германии. В первые дни войны Управление Аусланд/Абвер/ОКВ оказалось в своего рода «мертвой зоне». У меня есть несколько объяснений возникшему «разведыватель-

ному вакууму»: во-первых, законы военного времени предполагали более суровые наказания за шпионаж; во-вторых, многие из завербованных нами агентов только сейчас стали отдавать себе отчет в содеянном; в-третьих, после объявления военных действий гражданское население было эвакуировано из прилегающих к «линии Мажино» районов, а несколько оставшихся агентов не рисковали пользоваться рациями из-за большого числа расквартированных здесь армейских подразделений и активизации сотрудников французского «Второго бюро». Мы были вынуждены прибегнуть к помощи ВО (секретные «военные организации» Управления Аусланд/Абвер/ОКВ) Бельгии и Швейцарии и приступили к заброске на территорию Франции агентов абвер-1 с заданием «разыскать старую агентуру и вынудить ее к продолжению сотрудничества». Процедура получения въездной визы во Францию в связи с началом войны была усложнена (требовались дополнительные справки из торгово-промышленной палаты и консульства), поэтому большая часть наших агентов нелегально пересекала бельгийско-французскую и франко-швейцарскую границы.

Мы испытывали серьезные затруднения с внедрением агентуры в районы оперативно-стратегического развертывания французской армии. Развединформация о дислокации подразделений противника стала поступать в немецкий Генштаб только в конце 1939 и начале 1940. К началу нашего наступления в мае 1940 г. мы вновь располагали обширной оперативной информацией о противнике, главным образом благодаря усилиям нашей «старой агентуры», самостоятельно возобновившей связь с разведцентром через нейтральные страны. Вполне оправдала себя практика обучения наших агентов-радиостов работе с симпатическими чернилами.

Во Франции Управление Аусланд/Абвер/ОКВ фактически не практиковало высадку агентов-парашютистов, поскольку мы и так достаточно эффективно внедряли агентуру через оборудованные на границе «окна», а десантирование на парашютах в районах дислокации французских войск предполагало ненужный риск.

Отделения абвера, созданные после капитуляции французского правительства на неоккупированной территории, маскировались под различные редакции, издательства

и юридические фирмы. Если офицеры абвера выдавали себя за французов, то для них разрабатывались «легенды», согласно которым места их рождения находились на отчужденных французских территориях (Эльзас-Лотарингия, Па-де-Кале) — это создавало определенные трудности французской полиции в случае проверки.

У Управления Аусланд/Абвер/ОКВ существовало множество методов маскировки и прикрытия французских агентов-маршрутников. Основопологающий принцип подготовки заключался в следующем: если агент выдавал себя за коммивояжера, торговца марками или антиквариатом (скупщика табака или шерсти на Балканах), он должен был в обязательном порядке овладеть и соответствующими профессиональными навыками.

После завершения французской кампании были учреждены регио-

нальное отделение абвера в Париже и филиалы в Бордо и Дижоне, а также отделения в Гааге (Голландия) и Брюсселе (Бельгия). На вновь созданные отделения и филиалы были возложены следующие обязанности:

Массированная вербовка агентов в оккупированной и неоккупированной частях Франции для их последующего использования на британском направлении. Сбор разведывательной информации о военных приготовлениях Великобритании (высадка десанта на побережье Ла-Манша или в Северную Африку). Абвер-1 не занимался разоружением французской армии — эти вопросы входили в компетенцию «Комиссии по заключению перемирия» и ее органов. Руководитель немецкой «Комиссии по заключению перемирия» во Французском Марокко заверил губернатора в том, что германские спецслужбы не будут заниматься разведывательной деятельностью

на подведомственной ему территории. Канарис выразил резкое несогласие с действиями руководителя «Комиссии» и в связи с необходимостью получения оперативной информации о намерениях британцев в этом регионе высказался за отмену той части заключенного соглашения, которая ограничивала действия разведслужб в Марокко.

В начале 1942 г. в моем присутствии состоялась встреча адмирала Канариса и руководителя французского «Второго бюро» в чине контр-адмирала (не могу вспомнить сейчас его имени). Шеф абвера вызвал француза из неоккупированной части Франции в Париж для обсуждения возникшей у него идеи: задействовать агентуру французской контрразведки в антибританских диверсионно-разведывательных операциях. Канарис считал, что широкие круги французской общественности должны испытывать определен-

▲ Адмирал Канарис

▲ Типпельскирх

ную неприязнь к Великобритании из-за недостаточной военной помощи с ее стороны в 1940 г. Также он исходил из того, что французы не захотят, чтобы Франция повторно стала театром военных действий в случае войны с Великобританией, так как это неизбежно повлечет новые жертвы среди гражданского населения и новые разрушения промышленных объектов. Французский контр-адмирал дал очень уклончивый ответ: он прямо не отклонил это предложение, а дипломатично заявил, что не уполномочен заключать такие соглашения без консультации с правительством. При отъезде он заверил адмирала Канариса в том, что в ближайшее же время уведомит отделение абвера в Париже о принятом правительством решении. Задуманная Канарисом совместная германо-французская акция так никогда и не состоялась.

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Географическое положение «островной империи» и сравнительно ограниченный пассажиропоток затрудняли инфильтрацию агентуры в Великобританию. Число агентов абвер-1, действовавших на территории Британии, было несопоставимо с нашей агентурой, например, во Франции. Британский национальный характер — глубокий патриотизм всех слоев населения в сочетании с заносчивостью и презрительным отношением ко всему «остальному миру» — чрезвычайно затруднял вербовку агентуры. Британские офицеры и государственные чиновники привыкли к размеренной и экономной жизни, не проявляя ни малейшей склонности к долгам, как их французские коллеги.

Мне достоверно известно только об одном случае удачной вербовки

британского офицера немецкими спецслужбами. Один английский моряк в 1935 г. проводил отпуск в Германии. Абвер «устроил» ему знакомство с молодой немецкой женщиной, опытным агентом германской контрразведки, которая и склонила англичанина к сотрудничеству. Практически сразу же после начала шпионской деятельности «Секрет сервис» арестовала завербованного нами агента, и он был приговорен к длительному сроку тюремного заключения или каторжных работ. Судебный процесс вызвал широкий общественный резонанс: офицер Королевского флота был изобличен в шпионаже и государственной измене — это было совершенно неслыханно для Великобритании.

Однако нам удалось использовать в своих целях непоколебимую уверенность британцев в том, что «поданный империи никогда не пойдет

▲ Лондон

на сотрудничество с вражеской разведкой». Эта граничащая с апломбом убежденность приводила к тому, что члены многочисленных британских клубов, позабыв об элементарных мерах предосторожности, без тени сомнения обсуждали в своем кругу совершенно секретные проекты правительства, чего ни при каких обстоятельствах не стали бы делать граждане ни одной другой страны мира. «Великосветский шпионаж» приносил нам необыкновенно высокие дивиденды в Великобритании. Агент абвера, выдававший себя за благовоспитанного и преуспевающего «человека из общества и джентльмена» (например, из доминионов), за один проведенный в клубе вечер добывал порой значительно больше информации, чем разветвленная агентурная сеть.

В течение длительного времени британская «Интеллидженс сервис» считалась одной из лучших разведок мира. Мы соглашались с этим утверждением, но только отчасти. Адмирал Канарис утверждал, что британцы прекрасно организовали экономическую и политическую разведки, зато их военная разведка значительно уступает аналогичным французским, русским, японским, итальянским или польским разведслужбам. Главная ошибка руководителей британской разведки заключалась в том, что они пренебрегали (или не в полной мере пользовались) услугами профессиональных военных: так, выполнение специальных поручений возлагалось на прекрасных дипломатов, инженеров или экономистов, но абсолютных дилетантов в военном отношении...

В получении разведдонесений из Англии было заинтересовано, главным образом, главнокомандование люфтваффе. ОКЛ интересовали новейшие разработки британских авиаконструкторов, новые типы боевых самолетов, бортовое вооружение и т. п. После начала бомбардировок Великобритании от наших агентов требовалась информация о [74] нанесенном материальном ущербе, выводе из строя промышленных объектов, возникновении «узких мест» в снабжении военно-промышленных

предприятий запчастями, деталями, оборудованием и т. д. в результате воздушных налетов.

ОКМ интересовали перегруппировки боевых кораблей Королевского флота, сроки отправки и маршруты крупных морских конвоев.

При разработке операции «Морской лев» ОКХ поручало нам разведку береговых укреплений противника, а после ее отмены — подготовку Великобритании к высадке континентального десанта.

Завербованные в предвоенные годы сотрудники британских авиационных предприятий (инженеры, техники, предприниматели) после объявления войны отправляли замаскированные под деловую переписку разведдонесения по почте через Копенгаген/Дания и позже через Португалию, успешно используя симпатические чернила.

После начала войны Великобритания ужесточила иммиграционное законодательство. Теперь «залегендрованная» для агента абвер-1 профессия перестала считаться достаточным основанием для въезда в страну. Нам пришлось идти от обратного и вербовать агентов из числа тех лиц, которые имели легальное право на получение въездной визы. Выходцам из США или Южной Америки было даже проще работать на «островах» — их американские паспорта, в определенном смысле, считались здесь «свидетельством политической благонадежности», в то время как европейские визитеры не выглядели «безупречно» с точки зрения британских спецслужб. Мне известно о двух или трех случаях вербовки аргентинских предпринимателей. Правда, переданные ими сведения ограничивались «клубными сплетнями» и информацией из открытых источников.

В целом безрезультатно закончились наши попытки организовать сбор развединформации через сотрудников посольств дружественных Германии стран (Венгрия, Румыния, Испания). А та информация, которую они все же передавали нам из Лондона, не относилась к категории секретной и была получена из открытых

источников — газетные и журнальные публикации об организации снабжения продовольствием, последствия воздушных налетов и т. п.

Несомненной заслугой британских спецслужб следует признать проведенную ими крупномасштабную операцию по дезинформации немецкого руководства о сроках и местах высадки англо-американского десанта. Британцы дезинформировали нас через посольства, консульства, «двойных агентов» и т. д. Достоверная информация о намерениях союзников высадить десант в Марокко (Касабланка), переданная в Берлин сотрудниками ВО «Португалия», не была должным образом оценена ОКБ из-за обилия ложных сообщений.

О намерениях британцев высадить небольшие отряды командос Специальной авиадесантной службы (САС), например, на французском побережье Канала, мы могли судить по активизации агентуры в данном регионе...

ОКЛ постоянно запрашивал нас о прогнозах погоды на северо-западном направлении (Англия, Канада, США, Гренландия, Исландия). Агенты-радисты абвер-1 должны были ежедневно выходить на связь с «Центром» и передавать метеорологические прогнозы (если это не мешало выполнению основного задания и не было сопряжено с дополнительным риском). После вступления Соединенных Штатов в войну американские радиостанции перестали передавать в эфир метеосводки. Мы завербовали в Норвегии добровольцев, которые отправились к побережью Восточной Гренландии на рыболовецком баркасе. Норвежцы оборудовали метеорологическую станцию на борту судна, вмержшего в полярный лед севернее Шпицбергена/Ян-Майен. Через непродолжительное время связь с метеостанцией внезапно прервалась. По всей видимости, она была обнаружена подразделениями американской береговой охраны. Мы отправили в Гренландию самолет-разведчик, который зафиксировал полное разрушение станции...

▲ Подводная лодка U 278

Первые после начала войны попытки забросить агентов-парашютистов в Англию закончились для нас полным провалом: мы не учли усилившийся полицейский контроль на основных железнодорожных и автомобильных магистралях и временную в обязанность всех британских констеблей проверку вызывающих подозрение лиц в сельской местности. Мы потеряли несколько агентов, прежде чем научились действовать со стопроцентной гарантией.

От агентов, которых мы готовили к работе в Великобритании, требовалось безукоризненное знание английского литературного языка. Кроме этого они должны были совершенно свободно разговаривать на диалекте той местности, куда осуществлялась заброска; правильно употреблять характерные местные выражения и принятые здесь сокращения; варьировать произношение и т. д. Особые требования предъявлялись к одежде, которая в обязательном порядке приобреталась исключительно в британских магазинах. Содержимое карманов (вплоть до последнего клочка бумаги!) должно было соответствовать тщательно разработанной «легенде»: почтовые квитанции, любительские фотогра-

фии членов семьи, использованные билеты и т. п. В случае неожиданной проверки агент должен был дать исчерпывающую и достоверную информацию о своей квартире, месте работы, отпуске, уик-энде или месте последнего ночлега. Например, полиция по своим каналам могла сделать запрос о последнем месте работы, названном агентом, и в случае малейшего несоответствия рушилось все с таким трудом возведенное здание. Агент обязательно должен был иметь при себе продуктовые карточки текущего месяца, талоны на одежду, увольнительную записку с места работы. Особую сложность вызывало обеспечение агентуры продуктовыми карточками, так как систематически менялся цвет каждой новой серии, а выезжающие из пределов Великобритании лица были обязаны сдать неиспользованные карточки. Только тот, кто в течение длительного времени проживал в Великобритании до начала войны и мог представить подходящие рекомендации, имел неплохие шансы на продление въездной визы. Я полагаю достоверной информацией об одном из агентов абвер-1, который был заброшен в Англию в 1940 и вплоть до моей отставки в 1943

передавал по радию ценную разведывательную информацию в Германию. Он сожительствовал с женщиной, представительницей древнейшей профессии, которую хорошо знал еще до объявления военных действий и не сомневался в ее преданности...

Мы неоднократно забрасывали в Великобританию агентов на подводных лодках и рыболовецких судах, перевозивших беженцев из Голландии и Бельгии. Последний способ был наименее предпочтительным, поскольку в этом случае агенты отправлялись без снаряжения (раций, батарей питания и т. п.) из-за ужесточившегося контроля со стороны сотрудников иммиграционных служб и береговой полиции.

Руководство кригсмарине вообще очень неохотно сотрудничало с абвером и категорически отказывалось участвовать в операциях по эвакуации агентов из-за реальной угрозы обнаружения и ликвидации подводных лодок и их экипажей в интенсивно патрулируемых и хорошо охраняемых прибрежных регионах. Проблема поиска подходящих для высадки агентуры пунктов в густо заселенных районах побережья была для нас одной из важнейших задач в разведывательной войне с Англи-

ей. При этом неоценимую помощь оказали нам экипажи эскадрилий особого назначения люфтваффе, совершавшие разведывательные полеты над «островами» еще до начала войны.

Из Бельгии и Голландии мы обычно забрасывали агентуру морским путем. Практиковались два варианта: 1. На небольшом судне (с прекрасными мореходными качествами) с бельгийским или голландским экипажами два-три агента с рациями перебрасывались ночью к заранее обусловленной точке высадки на британском побережье. После этого суда с экипажами возвращались в порты приписки, а агенты максимально удалялись от места высадки и до рассвета прятали рации в обустроенных тайниках, чтобы вернуться за ними несколькими днями позже. Первое время агенты проживали на конспиративных квартирах. Технически сложный вопрос трудоустройства агентуры решался нами либо посредством подлинных разрешений на работу, выданных английскими фирмами, либо безукоризненно сработанными фальшивыми разрешениями. Большая часть заброшенных агентов так и не вышла в эфир — то ли они по каким-то причинам не смогли забрать рации из тайников, то ли были арестованы британскими спецслужбами, то ли передумали работать на нас.

2. Выдавая себя за «беженцев с территории рейха» или голландских евреев, наши агенты просачивались на вражескую территорию. Суда с десятками беженцев на борту по ночам тайно уходили из голландских портов и, переправив «груз» на английское побережье, возвращались обратно. Управление Аусланд/Абвер/ОКВ официально уведомило руководство гестапо об операциях по внедрению агентуры, и тайная полиция некоторое время не вмешивалась в наши оперативные разработки. В соответствии с разработанными «легендами» некоторые наши агенты должны были сообщить британским властям о каких-либо конфликтах или стычках с представителями правоохранительных органов или

военнослужащими, которые и «послужили причиной их поспешного бегства из Германии». Мы не сомневались в том, что все наши люди благополучно устроятся на работу, потому что в ходе подготовки каждый из них освоил профессию, которая в обязательном порядке должна была заинтересовать британцев. Мы не ждали от этой группы агентов передачи разведывательных донесений особой важности — в данном случае мы рассчитывали на возобновление старых знакомств и обретение новых источников информации.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ

Разработка аутентичной биографии для наших агентов всегда была одним из самых сложных и кропотливых видов работы. Достоверная «легенда» — это залог успеха всякой разведоперации, своего рода обоснование нахождения агента именно в этом месте, а не в каком-либо другом. Тщательно разработанная «легенда» декларирует финансовые дела разведчика, определяет его жизненный уровень и возможность распоряжаться определенными денежными суммами. Второй немаловажный момент — это правильный выбор профессии агента. Экзотическая или общественно малозначимая работа не может служить достаточным прикрытием агенту, действующему на вражеской территории в военное время. Так, в предвоенные годы во Франции мы приобретали для наших резидентов небольшие продуктовые магазинчики, табачные лавки, газетные киоски. Таким образом, наши резиденты легализовали получение определенных доходов и могли проводить конспиративные встречи с агентурой, не вызывая ни малейшего подозрения. Другая группа — агенты-маршрутники, агенты-коммивояжеры и т. д. — казалась бы, также имела возможность беспрепятственно выезжать в любые интересующие нас районы страны. Ошибочность нашей методики в полной мере проявила себя после начала военных действий и прину-

дительной эвакуации гражданского населения, например, из непосредственно прилежавших к «линии Мажино» населенных пунктов и вообще из районов дислокации гарнизонов пограничных и фортификационных укреплений на территории Франции.

Нам приходилось всячески маскировать разведдеятельность офицеров и сотрудников абвера и на территории нейтральных государств — в противном случае страна пребывания могла не продлить им визу и выдворить из страны. Наши офицеры-разведчики, как правило, работали под дипломатическим прикрытием. Гражданские агенты абвер-1 числились сотрудниками торговых представительств Германии. В некоторых случаях учреждались специальные экспортно-импортные фирмы. Ино Роланд, резидент абвер-1 и глава экспортной компании «Трансатлантика» в Буэнос-Айресе, настолько успешно вел торговые дела с несколькими европейскими государствами, что фактически содержал агентурную сеть в Аргентине и приобретал необходимое оснащение для диверсионно-разведывательных операций абвера в этом регионе. Следует добавить, что реализация подобного рода проектов выглядела не только экономически, но и коммерчески обоснованной при концентрации усилий германских внешнеторговых организаций в предвоенное и особенно в военное время.

Во Франции мы неоднократно пытались установить контакты с сотрудниками и техперсоналом инженерно-конструкторских бюро, занимающихся разработкой новейших систем вооружений. Речь шла и о перспективных исследованиях французских радиологов и физиков-ядерщиков, которые в тот момент, строго говоря, не могли считаться разработкой нового оружия: радиоактивное заражение, действие облучения, расщепление атомного ядра и т. п. Я получил конкретные указания на этот счет незадолго до отставки в 1943 г.: во-первых, получить результаты лабораторных исследований французов; во-вторых, выяс-

▲ Авиационный завод в США

нить, как далеко вперед в области управления цепной реакцией ушли наши главные противники — США и Великобритания; в-третьих, получить аналитическую информацию об общем уровне ядерных исследований в мире и возможностях боевого применения атомного оружия. Управление Аусланд/Абвер/ ОКБ предполагало использовать полученную развединформацию при заброске агентуры в Великобританию и Соединенные Штаты.

АГЕНТУРНАЯ СЕТЬ В США

До объявления Германией и Италией войны Соединенным Штатам 11 декабря 1941 г. организация разведывательных операций на североамериканском континенте была для Управления Аусланд/Абвер/ОКВ относительно несложным делом. В разведывательном плане нас мало интересовали сухопутные силы и во-

енно-морской флот, поскольку информация о структуре, вооружении, дислокации и тактико-стратегических доктринах американских вооруженных сил регулярно публиковалась в открытых источниках, специальных и военных печатных изданиях. Повышенный интерес абвера вызвала авиационная промышленность США (производительность, возможности перевода оборонной промышленности на военные рельсы, новейшие конструкторские разработки и принимаемые на вооружение типы самолетов). При этом американские власти, промышленники и прочие ответственные лица проявляли редкостное легкомыслие и доверчивость, всячески «содействуя» нам в получении секретной развединформации.

Мы использовали несколько способов внедрения агентуры на интересные нас военно-промышленные объекты (заводы, фабрики, конструкторские бюро и т. д.). Главная

специфика нашей деятельности заключалась в том, что в Америке практически ничего не значили прекрасно изготовленные или подлинные дипломы, свидетельства, аттестаты и т. п. Могло пройти немало времени, прежде чем внедренный агент привлекал внимание руководства своим прилежанием и неординарными деловыми качествами. В Германии мы вербовали прекрасных инженеров и техников и забрасывали их в США после соответствующей подготовки. Они появлялись в офисах американских авиакомпаний в безупречно сшитых костюмах и занимались на работу простыми монтажниками или сборщиками. В некоторых случаях потребовались годы напряженного труда, несколько вовремя и в нужном месте оброненных профессиональных замечаний или безукоризненно выполненных чертежей, чтобы вызвать повышенный интерес работодателя. Талантливые агенты (многие из них впоследствии

были допущены к разработке самых секретных проектов) действительно пробивались наверх, благодаря высокому профессионализму, а не проверкам на лояльность и благонадежность — в этом также заключалась одна из особенностей разведдеятельности абвера на американском континенте. Если по каким-либо причинам профессиональная карьера агентов не складывалась, их главной задачей становилось налаживание устойчивых долговременных контактов с инженерно-техническим персоналом предприятий, на **которые** они были внедрены.

После вступления США в войну по всей стране прокатилась волна арестов немцев, заподозренных в шпионаже. Наши впечатления о полном бездействии американской полиции оказались ложными: оказалось, что ФБР давно вело слежку за многими германскими агентами, а большинство радиопередатчиков

было запеленговано. Легкомысленная недооценка американской полиции сказывалась и в поведении многих агентов, которые для получения информации и вербовки осведомителей намекали о своей деятельности в немецких клубах. В результате этих арестов была ликвидирована практически вся агентурная сеть довоенного времени, и мы были вынуждены приступить к созданию новой. Однако не могло быть и речи о привлечении к сотрудничеству этнических немцев, поскольку все они находились под пристальным наблюдением американских спецслужб.

Серьезные сложности доставляла нам дорогостоящая и длительная операция по заброске агентуры из Европы. Пассажирское авиасообщение с Америкой на период военных действий было временно прекращено, а билеты на трансатлантические лайнеры можно было приобрести только через систему

предварительной продажи, что крайне не осложняло проведение оперативных разведывательных мероприятий.

Время от времени возникала необходимость отправки агентуры через Аргентину или Бразилию. Проблематичность южноафриканского варианта заключалась, в первую очередь, в невозможности оснащения агентуры радиопередатчиками. В том случае, когда агент выдавал себя за беженца и ввозил в страну контейнеры с имуществом, мы маскировали аппаратуру под бытовую технику, например, вмонтировали радиоприемники в холодильники или радиоприемники. По части пеленгации американские спецслужбы значительно оторвались от своих европейских коллег, поэтому мы предпринимали беспрецедентные меры предосторожности: частая смена мест и времени выхода в эфир, например, сеанс радиосвязи из перемещающегося по трассе автомобиля,

▲ Варлимонт

▲ Эрвин Лахузен

регулярная смена частот и сокращение времени передачи.

Чтобы получить въездную визу в США, Бразилию, Аргентину или Мексику, требовалось доказать наличие устойчивых деловых связей с представителями торгово-промышленных кругов каждой из упомянутых стран. Достаточным основанием для выдачи визы в американском консульстве считалось предъявление делового письма, в котором было написано о необходимости присутствия европейского партнера в США, например, для заключения договора или уточнения условий контракта. Наши агенты в большинстве случаев могли предъявить подлинную деловую переписку с солидными и хорошо известными в американских промышленных кругах фирмами и обосновать таким образом необходимость получения визы, хотя получение такого рода документов и вызывало определенные сложности для Управления Аусланд/Абвер/ОКВ.

Мне достоверно известно о попытках организовать переброску агентуры морским путем: так, 8 агентов абвер-2 высадились на атлантическом побережье США с борта подводной лодки. Правда, все они были арестованы и приговорены к смертной казни. Следует отметить, что попытки проведения диверсионных операций на североамериканском континенте в целом не увенчались успехом. Удовлетворительные результаты мы имели только в области военно-промышленной разведки.

Целесообразность заброски каждого агента в США во время войны всесторонне обсуждалась на самом высоком уровне и была связана с прозаической причиной — катастрофической нехваткой валюты. Сразу же после 1939 г., еще до вступления США в войну, британцы исключили для нас возможность легального въезда в Америку по германским паспортам, например, из Лиссабона: перед отправкой трансатлантических судов британские спецслужбы негласно проверяли списки пассажиров в рамках проводимой политики репрессалий. Так что немцы и фольксдойче могли

выехать в Америку только по иностранному паспорту. Определенные сложности доставляло и получение въездных виз в нейтральную Португалию. В определенном смысле было проще добираться через Южную Америку, хотя этот путь требовал в несколько раз больше времени. Было признано нецелесообразным и использование воздушной линии Лиссабон — Южная Америка, так как все вылетающие этим маршрутом (в том числе и немецкие правительственные чиновники) подвергались тщательной проверке.

После вступления США в войну граждане Германии потеряли возможность легального въезда в страну. Американцы ограничили выдачу въездных виз не только для подданных захваченных рейхом стран, но и для лиц, побывавших на оккупированных территориях.

АБВЕР-1 И «БАРБАРОССА»

Начиная с августа — сентября 1940 г., резко увеличилось число разведпоручений от руководства отдела «Иностранные армии. Ост» ОКХ. Вне всякого сомнения, активность главного командования сухопутными войсками Германии была связана с подготовкой кампании в России. О сроках нападения на СССР я узнал в январе 1941 во время беседы с Канарисом. Не знаю, из каких источников черпал информацию адмирал, но он назвал мне предварительную дату вторжения в Советский Союз — 15 мая 1941 г...

...В марте 1941 я присутствовал на совещании адмирала Канариса и руководителя абвер-2, оберста Лахузена, в связи с подготовкой Управления Аусланд/Абвер/ОКВ к операции «Барбаросса». С февраля 1941 по 22 июня 1941 я как руководитель абвер-1 неоднократно проводил служебные совещания с оберквартирмейстером-4 ОКХ, генерал-лейтенантом фон Типпельскирхом и руководителем отдела «Иностранные армии. Ост» ОКХ, оберстом Кинцелем в рамках подготовки операции «Барбаросса». Речь шла об уточ-

нении различных заданий, стоящих перед абвером, в связи с подготовкой операции вторжения, а также об уточнении имеющейся информации о Красной Армии, дислокации и вооружении противостоящих нам русских войск...

Все отделения и филиалы абвера получили приказ активизировать диверсионно-разведывательную деятельность на территории СССР. Одноименный приказ был отправлен и в отделения военной контрразведки и главные штабы соответствующих армий и групп армий. Для координации диверсионно-разведывательной деятельности Управление Аусланд/Абвер/ОКВ сформировало при главном штабе Восточного фронта отдел военной контрразведки под кодовым названием «Штаб Валли-1». Этот штаб располагался в местечке Сулеювек под Варшавой. Начальником «штаба Валли-1» был назначен майор Баун как лучший эксперт по России. Позже, когда по примеру абвер-2 и абвер-3 были сформированы «штабы Валли-2» и «Валли-3», этот орган управления диверсионно-разведывательными подразделениями обычно называли «штабом Валли». Начальник «штаба Валли», оберстлейтенант Хайнц Шмальшлегер, непосредственно руководил сбором развединформации, организацией акций диверсий и саботажа на территории СССР..

Из докладов оберста Лахузена в штаб-квартире Канариса мне стало известно о широкомасштабных диверсионных операциях абвер-2 на территории России. С февраля по май 1941 я присутствовал на нескольких совещаниях руководства абвер-2 при заместителе начальника оперативного управления ОКВ, генерале Вальтере Варлимонте. Обычно эти совещания происходили в здании кавалерийского училища в Крампнице. На одном из них было принято решение усилить «Полк особого назначения «Бранденбург-800» и откомандировать в распоряжение начальников штабов групп армий на Западном и Восточном фронтах несколько усиленных батальонов и рот «Бранденбург-800». ■

Ю.П. ПЕТРОВ, доктор исторических наук, профессор

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЗАН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

С осени 1941 года, после того как линия фронта под Ленинградом стабилизировалась и гитлеровские войска перешли к обороне, обстановка для партизанских действий к северу от линии Псков — Дно — Старая Руса — река Волхов стала ухудшаться. Особенно с большими трудностями сталкивается партизанское движение в тылу 18-й армии — в приморских и примыкавших к Ленинграду районах, а также в северо-восточ-

ных районах — к востоку от линии Красногвардейск — Шимск в непосредственной полосе Ленинградского (Северного) и Волховского фронтов (Волховской группы войск). Северо-восточные районы становятся ареной ожесточенных боев за Ленинград. Плотность вражеских войск в них непрерывно нарастала. В северо-восточных районах области в непосредственной полосе Ленинградского и Волховского фронтов армейский тыловой район

по существу сливался с районом военных действий. С увеличением плотности вражеских войск, ожесточенности боев увеличивались в этих районах и трудности для партизанской борьбы.

Особенно осложняются условия деятельности партизанских частей, сформированных в Ленинграде. Являясь летом и в начале осени основной ударной силой партизанской борьбы в области, они не располагали необходимыми базами,

▲ На задание

а поэтому вынуждены были периодически выходить в советский тыл, чтобы пополнить личный состав, получить оружие и боеприпасы. Однако теперь боевые порядки вражеских войск, блокировавших Ленинград, сильно уплотнились, и возвращение партизан в Ленинград стало почти невозможным. Некоторые из ленинградских отрядов, возвращаясь после напряженных боев из вражеского тыла, погибли при попытке перейти линию фронта.

Направить новые отряды из Ленинграда также становится все труднее. С середины сентября за 20 дней настойчивых попыток перейти через линию фронта в тыл гитлеровских войск смогли только 8 партизанских отрядов из 21, которые понесли при этом большие потери. Неудачей заканчивается попытка забросить партизанские отряды в тыл врага через Неву в ее верхнем течении. Вскоре гитлеровцы перекрывают путь, ко-

торым ранее неоднократно пользовались партизаны, — через реку Воронку на Ораниенбаумском плацдарме, где оборонялась Приморская оперативная группа советских войск Ленинградского фронта.

Областной штаб партизанского движения в связи с этим сообщал: «На Ленинградском фронте насыщенность позиций противника, длительная устойчивость линии фронта, минные поля, проволочные заграждения, густая система дзотов, бдительное наблюдение за передним краем исключают всякую возможность наземного проведения отрядов в тыл противника».

С конца осени по существу остался только один путь для перехода ленинградских партизан через линию фронта в тыл врага — между районным центром Кириши и Жихаревскими торфоразработками. Но этот путь был в полосе Волховской группы войск, и для того, чтобы восполь-

зоваться им, партизанским отрядам необходимо было преодолеть блокадное кольцо, пройти к тому же большое расстояние. Но уже в декабре плотность вражеской обороны и на этом участке настолько возросла, что и здесь перейти фронт также стало невозможным.

Менее плотной оставалась оборона врага лишь в полосе Северо-Западного фронта. Однако этот фронт отстоял от Ленинграда слишком далеко.

Все это усложняло реализацию «Плана связи и руководства партизанскими отрядами в Ленинградской области», разработанного областным штабом партизанского движения и утвержденного Военным советом Ленинградского фронта. Из-за невозможности переправить партизан через линию фронта в октябре пришлось расформировать 13 отрядов, подготовленных для действий в тылу. Новое пополнение для партизанских

сил области стало поступать из Ленинграда в значительно меньших размерах, чем раньше. А большинство ленинградских партизанских отрядов, находившихся в оккупированных районах области с середины осени, выходит за линию фронта в полосу Волховской группы войск и Северо-Западного фронта.

Все это не могло не ослабить партизанские силы области. Основная тяжесть борьбы легла теперь на местные отряды. К тому же рано наступившая зима ухудшила и без того тяжелые условия деятельности местных отрядов. Почти все они не имели соответствующего обмундирования и снаряжения. Стали иссякать боеприпасы, тол. Из-за отсутствия связи со штабом партизанского движения оказать им какую-либо поддержку не представлялось возможным.

После стабилизации линии фронта под Ленинградом гитлеровцы резко усилили борьбу с партизанами. Особое внимание гитлеровское командование обращало на обеспече-

ние коммуникаций к северу от линии Псков — Дно — Старая Русса — река Волхов, где на сравнительно небольшом участке фронта находились основные силы группы армий «Север» — все соединения 18-й армии, непосредственно блокировавшей Ленинград, и часть соединений 16-й армии, противостоявших Волховской группе советских войск.

Командование 18-й немецкой армии, обеспокоенное силой ударов партизан по своим коммуникациям и тылам во время боев на дальних и ближних подступах к Ленинграду, первым начало широкие мероприятия против партизан. По приказу Кюхлера из района боевых действий было выселено почти все население и укреплены все полевые и гарнизонные комендатуры. Комендатурам придаются так называемые поисковые команды со специально подготовленными собаками для выявления и преследования партизан. Помимо охранных батальонов, комендант армейского тылового района получает

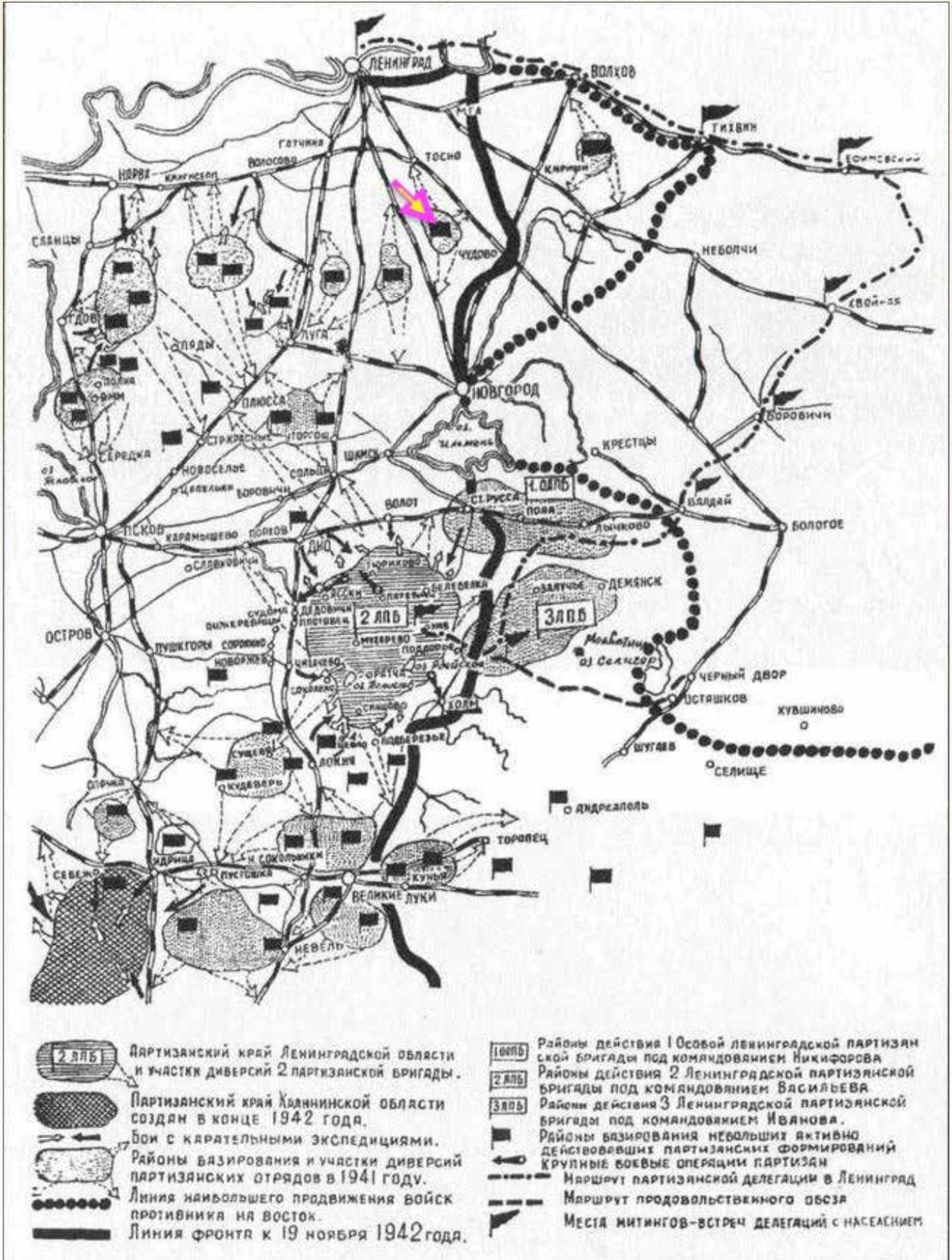
в свое распоряжение полевые части и подразделения, выведенные в тыл на пополнение и отдых. Все населенные пункты в прифронтовой полосе и, как правило, тылового района 18-й армии или занимают немецко-фашистскими войсками, или сжигаются, чтобы они не стали базой партизан. Опасаясь десантов с моря и стремясь обеспечить безопасность коммуникаций 18-й армии, проходивших также по прибрежным районам к портам Эстонии и Латвии, гитлеровцы создают здесь сильные гарнизоны и устанавливают особый режим.

Несколько позже широкие меры по охране тыла от воздействия партизан оккупанты принимают в 16-й армии, а также в тыловом районе группы армий «Север». Формируются новые охранные и карательные части. По указанию главного командования вермахта в группу армий «Север» для борьбы с партизанами направляются специальные подразделения финских войск, приспособленных для действий в лесистой

▲ В засаде

▲ Партизанский край

▲ Партизанские бригады

местности в зимних условиях. Для выявления партизан захватчики стремятся создать широкую сеть осведомителей.

С середины осени почти одновременно по всей оккупированной территории к северу от линии Псков — Дно — Старая Русса — река Волхов захватчики начинают планомерные операции против партизан. Как отмечал в своем отчете командир эйнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Шталлекер, «проводится прочесывание оккупированных территорий силами целых дивизий». Захватчики прежде всего стремятся выявить места расположения партизанских отрядов, их лагерей и баз, а затем превосходящими силами окружить и уничтожить их.

Партизанские отряды при явном превосходстве сил врага, как правило, маневрируют, стремясь уйти из-под ударов, сохранить силы для дальнейшей борьбы. При каждой возможности они продолжают совершать налеты и диверсии, выводят из строя живую силу и технику врага.

Одной из главных забот партизан в условиях наступавшей зимы становится сохранение своих баз и подготовленных лагерей. Однако численно небольшие, разобщенные партизанские отряды не могут порой отстоять их даже тогда, когда это было бы возможно при объединении нескольких отрядов. Нередко партизанские отряды, имея ограниченное количество баз, привязываются к ним, стремясь сохранить их, и подолгу остаются в местах, уже известных оккупантам. Во всем этом сказывались отсутствие опыта, недостаточная подготовка личного состава к партизанской борьбе, слабость материального обеспечения, особенно нехватка оружия и боеприпасов.

Во много раз превосходящими силами, в основном полевыми частями, гитлеровцы обрушиваются на партизанские отряды прифронтовых районов, особенно примыкавших к Ленинграду. Главное командование вермахта и командующий группой армий «Север» внимательно сле-

дят за операциями против партизан в районе боевых действий 18-й армии. Командиры корпусов и дивизий непосредственно руководили операциями против народных бойцов.

Несмотря на многократное превосходство сил врага, самоотверженную борьбу ведут партизаны Волосовского и Кингисеппского районов. До последней возможности сражаются ораниенбаумские, красногвардейские и другие партизаны прифронтовых районов области, примыкавших к Ленинграду.

Главное военное командование гитлеровской Германии, характеризуя положение группы армий «Север», 12 октября в своем дневнике отмечало: «26-й армейский корпус сжег северо-западнее Бегуниц (на дороге Кингисепп-Красное Село.-Ю.П.) 6 партизанских лагерей». 4 ноября начальник штаба 18-й армии в своем разговоре с командующим тыловым районом группы отмечал: «В районе Кингисеппа усиливается деятельность партизан, хотя и достигнуты успехи в их подавлении».

▲ Партизанская разведка

Против партизанских отрядов в тыловых районах группы «Север», 18-й и 16-й армий развернули борьбу три охранные дивизии — 207, 285 и 281-я, многочисленные охранные батальоны и другие карательные части. К началу ноября, по заявлению командиров дивизий Тидемана, Байера и Плото, было уничтожено 1767 партизан, 1813 казнено и 643 передано полиции безопасности и службе безопасности. 4 ноября командующий группой армий «Север» Лееб специально рассмотрел действия охранных дивизий по подавлению партизан.

Тяжелую борьбу приходилось вести партизанам северо-восточных, а также центральных районов области, оказавшимся по существу зажатыми вражескими войсками, противостоящими Ленинградскому и Волховскому фронтам (поэтому количество вражеских гарнизонов и плотность их войск в этих районах были наибольшими).

В ноябре развертываются бои между партизанами и захватчиками

в Оредежском районе. В помощь карательным подразделениям оккупанты перевели в Оредеж один из батальонов 285-й охранной дивизии. В отчете о действии гитлеровцев говорится: «Операции против партизан велись севернее Торковичей, севернее и восточнее Оредежа, а также вокруг озера Белого».

В это тяжелое время население всячески помогает партизанам, предупреждает их об опасности. 22 ноября местные жители своевременно сообщили отряду И.И. Исакова, что захватчики окружают партизан и намереваются на следующий день напасть на них. «Предупрежденные населением бойцы, — говорится в отчете районного штаба партизанского движения, — приготовились к отходу и за час до прибытия фашистов снялись с базы». Когда гитлеровцы после минометного обстрела бросились на партизанский лагерь, там уже никого не было. Все же врагу удалось уничтожить несколько баз оредежских партизан.

Почти ежедневно приходилось отбиваться от карателей лужским партизанам. В Луге находился штаб 285-й охранной дивизии, а в близлежащих населенных пунктах — полки и батальоны этого соединения и их штабы. В октябре дивизия активизировала свои действия против партизан под Лугой. Со второй половины октября развернулись карательные операции против партизанских отрядов, находившихся в северо-западной части Лужского района. Выпавший снег сделал уязвимыми лагеря партизанских отрядов, их связи с местными жителями. По следам и проложенным тропам в лесу гитлеровцы легко обнаруживали партизан, устраивали засады, окружали партизанские стоянки и базы.

В начале ноября карателям удалось выследить лагерь отряда С.И. Полейко. Заметив карателей, разведчица А.В. Петрова (член бюро райкома ВЛКСМ) дала предупредительный выстрел. Начался бой. Силы были неравны, но никто из партизан,

даже раненые, не сдавался. Петрова убила двух карателей и смертельно ранила офицера. Последнюю пулю из нагана отважная партизанка выпустила в себя.

В течение месяца карательная экспедиция гитлеровцев пыталась сломить сопротивление лужских партизан.

В помощь 285-й охранной дивизии была выделена авиация. Бои носили напряженный характер. Враг считал, что ему удалось достигнуть поставленных целей, и писал победные репортажи. «С 20 октября по 19 ноября охранными войсками уничтожено 286 партизан и разрушено 9 лагерей базового типа, — отмечал оперативный отдел штаба группы армий «Север». — Было захвачено или уничтожено снаряжение, ручные гранаты, мины, взрывчатые вещества общим весом 9 тонн, 8 пулеметов, огнестрельное оружие».

Но заявления захватчиков о полном уничтожении лужских партизан являлись вымыслом. Партизаны про-

должали совершать диверсии. Оккупантам пришлось бросить против партизан новые силы. Упорная борьба шла за каждую базу, за каждый лагерь. Во второй половине ноября 11-й батальон 322-го полка карателей натолкнулся в 20 километрах западнее Луги (район вокруг Папоротного озера) на 5 зимних лагерей партизан. Хотя захватчики поспешили сообщить, что «после упорного боя большинство из них уничтожено», партизанская борьба северо-западнее Луги продолжается.

Напряженные бои с оккупантами приходится выдерживать и партизанам Плюсского, Лядского, Стругокрасненского и других центральных районов области.

Но, несмотря на все эти трудности, борьба продолжалась. Маневрируя, партизаны продолжали наносить удары по врагу. Южнее Луги командование 285-й охранной дивизии в конце ноября 1941 года вынуждено было отметить «усиленные действия партизан в районах, где их до сих пор

не было». Оккупанты вновь бросают свои подразделения туда, где, по их недавним заявлениям, партизанское движение было подавлено. В оперативных документах группы армий «Север» в конце ноября 1941 года записано: «285-я охранная дивизия рассеяла вновь появившиеся партизанские лагеря в округах Ляды и Струги Красные».

Для охраны своих колонн на шоссе Николаево — Малый Уторгош (ответвление от Киевского шоссе), которое широко использовалось в целях снабжения войск 16-й немецкой армии, державших фронт вдоль реки Волхов, в ноябре 1941 года направляется 65-й резервный полевой батальон. Врагу пришлось задержать в армейском тылу и другие резервные полевые части, которые предназначались для пополнения боевых соединений, действовавших на фронте.

Против партизан западной части области, являвшейся тыловым районом группы армий «Север», гитлеровское командование использова-

▲ Использование артснарядов для диверсий

ло не только части охранных дивизий, но и карательные отряды, сформированные в Эстонии и Латвии.

Суровые испытания выпали на долю партизан Сланцевского района. В ноябре тяжелые потери понес один из активнейших отрядов, командиром которого являлся С.Н. Пирогов, а комиссаром А.А. Минин. В ожесточенном бою оба они погибли. Собрание коммунистов, созванное парторгом отряда В.С. Санталовым, решило борьбу не прекращать, а для руководства отрядом избрать новых командира и комиссара. Командиром был избран хорошо зарекомендовавший себя в боях В.П. Андронов, а комиссаром В.С. Санталов, бывший парторг строительства, способный партийный работник. Тяжеляряды партизан и в других отрядах. С наступлением зимы оккупантам удалось разгромить все базы партизан. Но и в этих труднейших условиях борьба продолжалась.

В октябре гитлеровцы силами 207-й охранной дивизии и полицейских батальонов, сформированных из отщепенцев в Прибалтике, повели наступление против гдовских партизан. Особенно напряженные бои завязались 27 октября. Превосходящим силам оккупантов партизаны могли противопоставить три небольших отряда и несколько боевых групп, а всего около 200 человек. Гитлеровцы заняли правобережье Плюссы и захватили продовольственные базы отрядов. Однако окружить и уничтожить партизан захватчикам не удалось. Поредевшие в боях отряды партизан сумели организованно выйти из-под ударов врага, и, опираясь на поддержку населения, продолжали свои действия главным образом в северной части Гдовского района. В бессильной ярости захватчики обрушились на мирное население, мстя ему за свои неудачи. «В районе действий 207-й охранной дивизии, в северной части Гдова, — констатирует оперативный отдел группы армий «Север» в конце 1941 года, — расширяются операции по усмирению».

Несмотря на все принимаемые меры, гитлеровцы не могли оградить свои тылы и коммуникации от пар-

тизан. В отчете эйнзатцгруппы «А» за ноябрь 1941 года говорится: «Во-круг Чудского озера, прежде всего восточнее и юго-восточнее его, а также по обеим сторонам шоссе Псков — Луга партизанское движение представляет главную трудность в охране оккупированной территории».

Вооруженным партизанским силам, действовавшим в полосе Ленинградского и Волховского фронтов, удается не только сохранить за собой многие районы базирования, но и по-прежнему угрожать основным коммуникациям гитлеровских войск. Поэтому командование группы армий «Север» вынуждено было уделять неослабное внимание мерам борьбы с партизанами.

В середине ноября в тыловой район были возвращены все охранные части, ранее отправленные на фронт. В штабе командующего группой армий «Север» в декабре 1941 года была составлена карта района действий ленинградских партизан. Эта карта показывает, что в полосе Ленинградского фронта непосредственно за тыловым районом 18-й армии (в Волосовском районе) действовали партизаны, которые угрожали дорогам, идущим в направлении к Эстонии. На эти же дороги выходили и сланцевские партизаны.

Устойчивая группировка партизан была севернее Гдова. Близ фронта, почти в районе боевых действий, устраивали налеты на врага тоснен-

▲ Герман А.В. Командир 3-ей партизанской бригады, Герой Советского Союза посмертно

▲ Дети в партизанском отряде

ские партизаны. По-прежнему наиболее крупным партизанским районом, как это подтверждает и штабная карта, являлась территория западнее Луги. По существу весь северо-западный участок Варшавской дороги и Киевского шоссе был подвержен ударам партизан. Партизаны были и северо-восточнее Луги, и в треугольнике железных дорог Середка — Псков — Новоселье. В полосе Волховского фронта наибольшую опасность для оккупантов представляли партизаны, находившиеся на севере Новгородского района по обеим сторонам железной дороги Новгород — Ленинград.

Борьба с партизанами отнимала у оккупантов много сил и средств. Только в тылу 18-й армии для охраны железных, шоссейных и грунтовых дорог, а также для подавления партизанского движения осенью и зимой 1941/42 года было привлечено не менее 40 тысяч вражеских солдат и офицеров вермахта (не считая карательных органов и войск), а это составляло 4-5 дивизий, которые гитлеровцы могли бы использовать на фронте. И, несмотря на это, как указывалось в отчете эйнзатцгруппы «А», «борьба

с партизанами была чрезвычайно тяжелой и подчас малоуспешна».

Все же вследствие превосходства в силах, лучшего вооружения и маневренности, а также зимних трудностей, вставших перед партизанами, из-за их недостаточной опытности гитлеровцам удалось значительно ослабить партизанские действия в тылу 18-й армии, особенно в полосе Ленинградского и Волховского фронтов. Оставшиеся на оккупированной территории немногочисленные партизанские отряды, несмотря на огромные трудности и лишения зимы 1941/42 года, не сложили оружия и продолжали борьбу. Даже без связи с советским тылом, а следовательно, и без его поддержки, они вели довольно-таки активные действия: устраивали диверсии, засады и налеты в тылу врага.

По-прежнему успешно сражались с врагом лужские отряды. Оперативный отдел группы армий «Север» указывал в конце февраля 1942 года: «Растет партизанская деятельность в 30-40 километрах западнее и в 20 километрах северо-восточнее Луги». Несмотря на тяжелые зимние

условия и усиленное преследование со стороны крупных карательных отрядов, продолжалась партизанская борьба и в Сланцевском районе. Великие и кингисеппские партизаны.

В полосе Ленинградского и Волховского фронтов вблизи отметки Финев Луг действовал новгородский партизанский отряд, состоявший из рабочих Тесовостроя.

Боевые группы партизан оперировали в прифронтовой полосе 18-й армии — на дорогах вблизи Сиверской и Красногвардейска, где размещались многие армейские штабные учреждения и различные карательные органы оккупантов. 26 марта 1942 года партизаны, несмотря на то, что в Красногвардейске находились две комендатуры — полевая и местная, устроили засаду вблизи него, во время которой был убит командир эйнзатцгруппы «А» бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Шталлекер — один из свирепых гитлеровских сатрапов, виновник многих кровавых расправ с населением Ленинградской области.

На границе прифронтовой полосы 18-й армии и ее тылового рай-

▲ Возница

она в декабре самоотверженную борьбу вели несколько тосненских отрядов, постоянно преследуемых захватчиками. В январе 1942 года в Тосненском районе остался лишь один отряд численностью 30 человек, располагавший единственной базой в 14 километрах от Радофинникова. Продовольствия у него не было. Партизаны питались одной кониной, запасы которой тоже подходили к концу. Все попытки добыть продукты в населенных пунктах, до отказа заполненных вражескими солдатами, были безрезультатны. В ожесточенных стычках с врагом партизаны несли потери. Зимнюю одежду шили из одеял, тол выплавливали из найденных артиллерийских снарядов. Чтобы оккупанты не могли выявить последнюю базу, где находились раненые и больные, бойцы отряда ходили на диверсии за 50 километров. В таких условиях они вели борьбу вплоть до февраля 1942 года.

В еще более трудных условиях вплоть до апреля 1942 года вел

героическую борьбу партизанский отряд Волосовского района.

Часть местных отрядов в тылу 18-й армии, постоянно преследуемая превосходящими силами врага, потеряв базы и не имея никаких возможностей для продолжения вооруженной борьбы в течение зимнего периода 1941/42 года вышла в советский тыл или разделилась на небольшие группы, которые вели главным образом политическую работу среди населения и совершали отдельные диверсии. В Осьминском районе погибло значительное количество партизан, в том числе и командир отряда Я. А. Цветков. Оставшиеся партизаны с помощью подпольщиков укрылись в глухих населенных пунктах, с тем чтобы при первой возможности возобновить вооруженную борьбу. Секретарь Полновского райкома партии В. А. Разыграев в своем отчете в Ленинградский обком ВКП(б) писал, что после выхода в советский тыл основной части партизанского отряда в районе осталось 9 коммунистов, из них два члена райкома партии, ко-

торые «перешли на нелегальную работу и способны будут организовать и возглавить партизанское движение при подходе Красной Армии или с наступлением весны».

В это тяжелое время действия местных партизанских отрядов в полосе Ленинградского и Волховского фронтов поддерживают те ленинградские городские и областные отряды, которым удается проникнуть через линию фронта на оккупированную территорию. В сложных зимних условиях успешно совершали рейды по тылам немецко-фашистских войск 164-й партизанский отряд под руководством Д. И. Власова и А. А. Пржевальского, 189-й — под командованием М. А. Волоцкого и А. И. Ополченного и другие, направленные за линию фронта Ленинградским штабом партизанского движения.

Зимой 1941/42 года значительные потери понесли и подпольные организации к северу от линии Псков — Дно — Старая Русса — река Волхов. Оккупанты схватили и публично казнили партийного организатора обко-

ма Полновского района В.И. Кушникова. В перестрелке с гитлеровцами погиб партийный организатор Волотовского района П.А. Васькин. Гитлеровцам удалось ликвидировать основное ядро Волотовской подпольной организации. Особенно ослабло подполье в прифронтовой полосе 18-й армии и в оккупированной северо-восточной части области. Из этих районов гитлеровцы выселили подавляющую часть населения, а вместе с ним и участников подпольных ячеек.

Тяжелое положение, которое сложилось зимой 1941/42 года для партизанского движения на оккупированной территории к северу от линии Псков — Дно — Старая Русса — река Волхов, не могло не сказаться здесь и на деятельности подпольных партийных органов. Одни вынуждены были ограничить эту деятельность, а другие из-за гибели секретарей райкомов и актива прекратили ее совсем.

Лужский райком партии и районный партизанский штаб превратились

по сути дела в один из партизанских отрядов, который в меру своих сил и средств проводил боевые операции. Но даже сам факт присутствия руководителей района на оккупированной территории имел огромное значение.

И.Д. Дмитриев, секретарь Лужского РК ВКП(б) и руководитель районного штаба партизанского движения, в этой связи пишет: «Трезво оценивая обстановку уже с позиций сегодняшнего дня, я снова прихожу к выводу, что мы поступили правильно. И в Луге, и в деревнях советские люди знали, что партизанский штаб продолжает находиться в районе, что секретарь райкома, председатель райисполкома и другие хорошо известные им партийные и советские работники не бежали, не прекратили борьбы с оккупантами». Это вдохновляло советских людей на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, придавало новые силы, вселяло уверенность в победе над врагом.

Сократили сферу своей деятельности из-за возросших преследова-

ний оккупационных властей Сланцевский, Гдовский, Полновский, Осьминский и другие районные комитеты партии.

Секретари Пожеревицкого, Славковичского и Уторгошского РК ВКП(б) вместе с возглавляемыми ими партизанскими отрядами вынуждены были выйти в Партизанский край, образовавшийся в юго-восточных районах области.

В октябре гитлеровцам удалось разгромить отряды, возглавляемые секретарем Чудовского райкома партии Н.А. Голышевым и Солецкого — Н.И. Грозным. В тяжелые месяцы конца 1941 и начала 1942 года пали в неравном бою секретари райкомов партии: Сланцевского — [143] К.С. Климчук, Стругокрасненского — Г.В. Ежов, Тосненского — С.А. Крючин, Лядского — Г.Ф. Большов, Волосовского — В.Т. Кашерин и В.А. Ключин. Всего в этот период в борьбе с гитлеровскими захватчиками погибло 48 секретарей РК ВКП(б), т.е. более половины из оставшихся для нелегаль-

▲ Над планом операции

ной деятельности на оккупированной врагом территории. Вместе с гибелью секретарей РК ВКП(б) прекратили свою деятельность зимой и в начале весны 1942 года значительная часть районных комитетов партии. Коммунисты, возглавлявшие партизанское движение области, в трудные зимние месяцы 1941/42 года понесли наибольшие потери.

Трудности, которые испытывало партизанское движение севернее линии Псков — Дно — Старая Русса — река Волхов в полосе Ленинградского

и Волховского фронтов, сохранялись длительное время. Только после многократных ударов Красной Армии по гитлеровской военной машине, поддержанных всем советским народом, в результате огромной созидательной деятельности Ленинградской партийной организации по развитию партизанского движения обстановка здесь коренным образом изменилась.

В то время как в полосе Ленинградского и Волховского фронтов происходило свертывание вооруженных партизанских действий, в юго-

восточных районах области, в полосе Северо-Западного фронта, эти действия с осени 1941 года все больше и больше нарастают, партизанское движение укрепляется, приобретая новый размах.

Ленинградский обком ВКП(б) и его оперативная группа на Северо-Западном фронте вместе с Военным советом фронта стремятся всемерно развить здесь партизанское движение, подчинить его задачам, решаемым советскими войсками. Конкретные условия, сложившиеся в полосе Северо-Западного фронта, во многом способствовали этому.

Немецко-фашистские войска группы армий «Север» не имели в полосе Северо-Западного фронта такого превосходства в силах, какое было у них против советских войск, непосредственно оборонявших Ленинград. На Северо-Западном фронте не произошло таких кровопролитных боев, какие развернулись на дальних и ближних подступах к Ленинграду. Положение на этом фронте не было столь напряженным и в основном стабилизировалось раньше, чем на Ленинградском. Плотность вражеских войск в полосе Северо-Западного фронта также была меньше. Враг не располагал здесь столь многочисленными гарнизонами, как в населенных пунктах центральной и западной частей области. Все это позволяло партизанам, действовавшим в полосе Северо-Западного фронта, в случае необходимости сравнительно легко выходить в советский тыл для пополнения своих рядов и получения боеприпасов. В свою очередь Ленинградский обком ВКП(б) и Военный совет фронта могли направлять в тыл врага новые отряды, укреплять ранее созданные.

В полосе Северо-Западного фронта оседало немало военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении и перешедших к партизанским формам борьбы. Вливаясь в местные отряды или действуя самостоятельно, они значительно укрепляют вооруженные партизанские силы юго-восточных районов области. Сюда же, стремясь выйти в советский тыл, пробиваются многие ленинградские

▲ Наблюдатель-разведчик

▲ Установка транспортной мины

отряды, личный состав которых также пополняет силы местных партизан. Огромные лесные массивы с незамерзающими болотами позволяют создавать в юго-восточной части области крупные партизанские базы.

Все это во многом предопределило то, что центр партизанской борьбы из центральных и западных районов области с осени 1941 года перемещается в юго-восточные районы, в полосу Северо-Западного фронта — южнее озера Ильмень, в бассейны рек Полисть и Шелонь.

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск — 10-го и 2-го корпусов 16-й армии — от Пскова и Острова к Старой Руссе и Холму привело к растянутости их коммуникаций. Создались благоприятные возможности для действий партизан Дновского, Дедовичского, Поддорского и других юго-восточных районов.

Уже в первые дни вторжения в юго-восточные районы гитлеровцы ощутили на себе силу ударов партизан. Успешны были их действия

в Дновском районе. Отряд под руководством В. И. Зиновьева разгромил конный взвод, затем в деревне Гачки, расположенной недалеко от железной дороги Дно — Старая Русса, внезапно напал на колонну вражеских автомашин, забросав ее гранатами, а спустя некоторое время совершил налет на вражеские подразделения, сделавшие привал около этой деревни. Главным образом из засад на дорогах уничтожали живую силу и технику врага партизаны Дедовичского, Пожеревицкого и других юго-восточных районов области.

Партизанским отрядам удается не только наносить удары по отдельным подразделениям врага, но и задерживать перегруппировку и подтягивание к линии фронта новых соединений. Военный совет Северо-Западного фронта высоко оценил действия сводного отряда имени Ленинградского обкома ВКП (б) под командованием П. Н. Невского и И. А. Ступакова, который задержал переброску 3-й моторизованной ди-

визии гитлеровцев из-под Луги к Старой Руссе, где советские войска нанесли контрудар по вражеским войскам. В связи с этим член Военного совета фронта В. Н. Богаткин писал, что отряд, обнаружив ночью 19 августа 3-ю гитлеровскую дивизию на марше, «своими активными, внезапными действиями заставил ее повернуть на север, где она попала в болотистые места, чем был сорван на значительное время марш дивизии».

По неполным данным, партизанские отряды юго-восточных районов области за вторую половину июля и август уничтожили в полосе Северо-Западного фронта почти 100 автомашин с живой силой, боеприпасами и горючим, а также 10 танков. Противник потерял только убитыми более 500 своих солдат и офицеров.

Уже первые значительные удары партизан по тылам и коммуникациям 16-й вражеской армии всполошили ее командующего Буша, который до второй мировой войны был начальником русского отдела генераль-

▲ Перед операцией

ного штаба сухопутных войск и слыл «специалистом по русским делам». Буш, видимо, раньше многих понял надвигавшуюся на его войска опасность с другой стороны фронта. Уже 19 июля он признал то, что двумя неделями позже вынуждены были признать командующий группой армий «Север», а затем и главное командование вермахта — целеустремленный характер действий партизан. «Необходимо считаться, — говорилось в приказе по 16-й армии, — с фактом планомерной подготовки противником партизанской войны». Буш, как и его шеф Лееб, массовыми репрессиями пытался подавить партизанское движение. Приказ Буша гласил: «Партизаны подлежат расстрелу. Если возникнет подозрение, что население покровительствует партизанам, то необходимо взять заложников и при первом же нападении на германских солдат их расстреливать. Населенные пункты, со стороны которых соверше-

но нападение на немецкие войска, должны немедленно подвергаться массовым репрессиям». За этим приказом, санкционирующим массовые репрессии, уничтожение советских людей и населенных пунктов, последовали другие, еще более жестокие приказы командования 16-й армии, направленные на подавление партизанского движения.

Одновременно усиливают борьбу с партизанами эйнзатцгруппа «А», тайная полевая полиция и другие карательные органы.

Однако, несмотря на все принимаемые врагом меры, партизанское движение в тылу 16-й армии ширилось и нарастало.

В начале июля Военный совет Северо-Западного фронта, рассмотрев состояние партизанского движения в полосе фронта, выделил для его усиления командиров, а также материальные средства. Одновременно в составе Политуправления

создается специальный отдел. «Этот отдел, — говорится в отчете Политуправления, — непосредственно проводит всю работу по организации партизанских отрядов и руководству их боевой деятельностью... Вся работа по организации и руководству партизанским движением координируется с обкомом партии». Это был первый отдел в составе политоргана, который взял на себя руководство партизанским движением в полосе действий своих войск.

В последующем по решению ЦК ВКП(б) такие отделы (а в армиях — отделения) создаются во всей действующей армии.

В середине июля 1941 года Военный совет Северо-Западного фронта организовал среди командно-политического и партийного актива широкий обмен мнениями по вопросу о роли и месте партизанского движения в борьбе против гитлеровской агрессии.

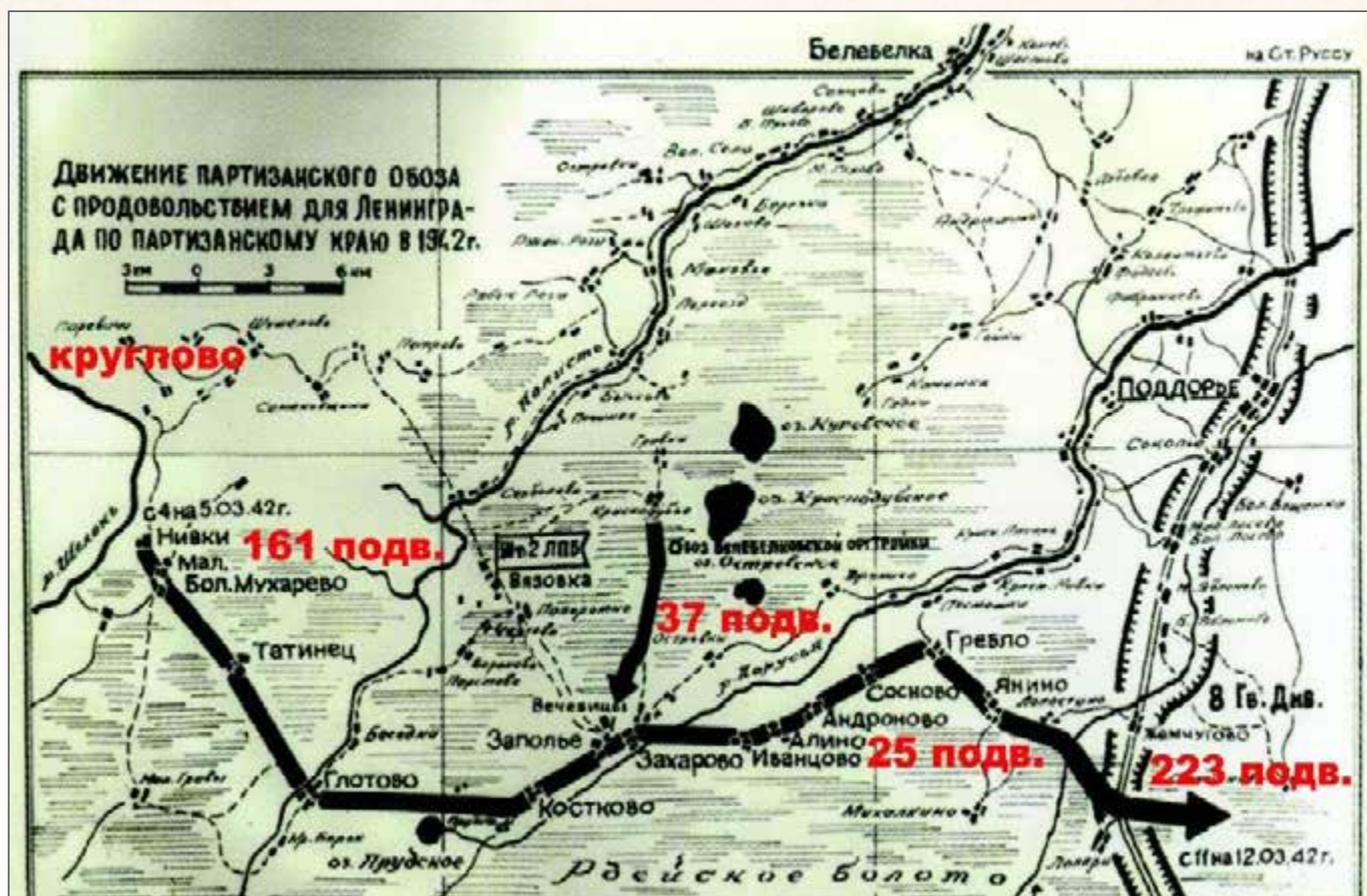
В ходе обмена мнениями наряду с очевидными успехами партизанского движения в полосе фронта выявились и его недостатки: личный состав партизанских отрядов, в том числе и многие руководители, был плохо знаком с тактикой партизанской борьбы. Партизаны часто не могли правильно расставить силы, определить форму действий, объекты нападения и т.д. Приемы партизанской борьбы каждым отрядом отработывались самостоятельно, иногда на горьком опыте, что, естественно, приводило к ненужным издержкам, а порой и к тяжелым жертвам. Для устранения этих недостатков было решено выработать соответствующую инструкцию по организации и действиям партизанских отрядов. Горячее обсуждение вызвал также вопрос о наиболее целесообразных формах объединения вооруженных партизанских сил. Уже первые действия партизан показали, что руководить большим числом

сравнительно небольших партизанских отрядов, количество которых к тому же непрерывно росло, а тем более подчинить их действия интересам Красной Армии крайне затруднительно. Разбросанные по всей оккупированной территории и, как правило, не выходявшие за пределы своего района, партизанские отряды часто воевали разрозненно, не согласовывая свои действия с общим положением на фронте. Отсутствие средств связи у большинства отрядов еще больше усложняло руководство ими.

Рост партизанских сил, необходимость улучшения руководства ими, подчинение их деятельности задачам, решаемым действующей армией, требовали укрепления партизанских отрядов. В то же время, если в начале войны, когда фронт быстро продвигался на восток и гитлеровские войска не были готовы к партизанской борьбе, действия небольших отрядов (30-

50 человек) были весьма активны, то в последующем, по мере уплотнения боевых порядков гитлеровских войск вследствие возросшего сопротивления Красной Армии и после принятия захватчиками специальных мер по охране своих коммуникаций, эффективность действий партизан падает. В этих новых условиях многие отряды не могли создать прочную базу для своих действий, отразить натиск крупных подразделений врага и переходят к обороне. Это обстоятельство позволяло захватчикам перехватывать инициативу, выбирать место и время удара по партизанам.

Обстановка обязывала концентрировать партизанские силы на определенных направлениях, объединять небольшие отряды в более крупные формирования — бригады, которые смогли бы не только отстоять район своего базирования и отразить натиск карательного подразделения или части, но и сохранить за собой иници-

▲ Движение продовольственного обзора

▲ 3-я партизанская бригада

ативу действий, успешно совершать налеты на вражеские гарнизоны, а также тылы и коммуникации.

Говоря о первом приобретенном опыте, секретарь Славковичского РК ВКП(б) и командир отряда Л.В. Цинченко, писал: «Небольшому отряду, каким был наш "Пламя», приходилось все труднее и труднее. Не было подготовленных баз, не было надежного снабжения, не было связи с Большой землей. Каратели постоянно нас преследовали... Война научила нас, что, если малыми партизанскими отрядами и группами, особенно имеющими хорошие базы, можно успешно вести разведку и диверсии, то бороться с крупными силами врага очень трудно. Чтобы бить оккупантов по большому счету, нужны были партизанские соединения. И их время быстро пришло».

Одновременно, как показал первый опыт партизанской войны, нужно было повысить огневую мощь партизанских сил, военную подготовку их

личного состава. Различного рода «якорцы» («проколы»), с помощью которых партизаны должны были дезорганизовывать движение на дорогах, зажигательные «портсигары», бутылки с горючей смесью оказались малоэффективными, как и винтовки старых образцов с ограниченным количеством патронов, которыми, как правило, вооружались вначале партизаны.

Фашистским войскам, хорошо оснащенным автоматическим оружием, все шире привлекавшим для борьбы с партизанами танки, самолеты, артиллерию, необходимо было противопоставить соответствующую огневую мощь: вооружить партизан автоматами, пулеметами, противотанковыми ружьями, а по возможности и легкой противотанковой артиллерией. Для диверсий на шоссейных и железных дорогах требовались взрывчатое вещество, специальные взрыватели, мины. Повышение огневой мощи партизан было обусловле-

но характером партизанских действий в войне против гитлеровских войск.

В соответствии с предложениями политуправления Северо-Западного фронта разработано «Инструкцию по организации и действиям партизанских отрядов и групп». В ней подробно рассматривались приемы проведения засад, налетов и т.д. Она ориентировала партизан прежде всего на разрушение дорог, мостов, связи, уничтожение складов. «Сила партизан, — подчеркивалось в инструкции, — в их активности, инициативе и дерзости». Инструкция была разослана во все партизанские отряды.

Это была первая инструкция по организации партизанских действий в Великой Отечественной войне. Она сыграла значительную роль в обобщении накопленного опыта партизанской борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Рассматривая вопрос «О партизанском движении в полосе Се-

веро-Западного фронта», Военный совет фронта 28 июля подчеркнул необходимость сведения партизанских отрядов в бригады, а затем через несколько дней утвердил план их формирования. Одновременно соответствующие отделы получили указание обеспечить партизан оружием, боеприпасами, снаряжением. Было также принято решение пополнить партизанские части кадровыми военнослужащими, уже имевшими опыт партизанской борьбы.

Решение Военного совета Северо-Западного фронта поддержал Ленинградский обком ВКП(б). В августе в юго-восточных районах области развертывается формирование партизанских бригад. Каждая из них объединяла от двух до пяти отрядов. Командир и комиссар бригады одновременно возглавляли один из отрядов бригад. В помощь командованию бригады назначался начальник штаба, организовывались две ячейки — по снабжению и медицинскому обслуживанию. Каждая бригада получала свой номер, а иногда и наименование — по основному району, где она формировалась.

Каждый партизан принимал присягу. В основу ее была положена присяга, принятая в Красной Армии.

В 1-ю Новгородскую партизанскую бригаду вошли три городских и новгородских отряда и два отряда, сформированные в сельской местности. Всего в бригаде было 275 вооруженных бойцов. В бригаду была направлена переносная радиостанция.

Тогда же началось формирование 2-й партизанской бригады, которая вскоре стала ведущей силой в партизанском движении Ленинградской области. Ее основу составили Порховский и Дновский партизанские отряды (около 100 человек), вышедшие в советский тыл. Командиром 2-й бригады был назначен старший политрук Н. Г. Васильев — кадровый политработник, а комиссаром С. А. Орлов — секретарь Порховского райкома партии, член Ленинградского обкома ВКП(б). Оба хорошо знали район, где предстояло действовать бригаде.

Перед бригадой была поставлена задача выйти в тыл врага, в район

озера Полисть, и объединить партизанские отряды, действовавшие в Дедовичском, Белебелковском и примыкавших к ним районах. В начале августа бригада прибыла в деревню Вязовку, расположенную на западном берегу реки Полисти. Эта деревня стала базой бригады.

В середине августа бригада установила связь с отрядом Дедовичского района и сводным партизанским отрядом Поддорского, Белебелковского и других юго-восточных районов. Оба эти отряда влились в состав бригады. К концу августа в бригаду вошли Сошихинский и Славковичский отряды, а также отряд имени комиссара И. В. Красавина (названный так в честь погибшего комиссара). В бригаде стало уже свыше 600 партизан. Вступали в бригаду и военнослужащие, оказавшиеся в окружении (около 400 человек). Из них образовались отряды «Боевой» и «Храбрый» — наиболее подготовленные в военном отношении. В сентябре 2-я бригада состояла из 10 отрядов, насчитывавших около 1000 человек.

Вначале в бригаде не хватало оружия и патронов. Партизаны зачастую были вооружены учебными и малокалиберными винтовками и даже дробовиками. По указанию командования личный состав бригады с помощью населения приступил к поискам оружия и боеприпасов, оставленных на поле боя. Местные жители, очевидцы многих боев, знали, где нужно его искать. С помощью колхозников группа партизан обнаружила тщательно замаскированный склад боеприпасов, оставленный советскими войсками. На складе находилось 350 тысяч патронов и 700 снарядов для 45- и 76-миллиметровых орудий. Помимо прямого назначения снаряды могли быть использованы партизанами и для минирования. Чтобы доставить эти боеприпасы в партизанский лагерь, колхозники окрестных сел выделили около 50 подвод.

Одновременно в бригаде шла напряженная учеба: учились все — и командиры, и рядовые.

В каждом отряде была создана партийная организация, а в большинстве из них — и организация ВЛКСМ.

Они непрерывно росли за счет лучших партизан. Создание сети партийных и комсомольских организаций, развертывание политической работы среди личного состава, напряженная учеба, поддержка населения — все это привело к тому, что к концу сентября 2-я бригада превратилась в сильное партизанское соединение, способное решать несравненно более крупные задачи, чем отдельные партизанские отряды.

В августе из трех районных отрядов — Залучского, Поддорского и Молвотицкого — организуется 3-я Залучская партизанская бригада, объединившая около 200 бойцов под руководством секретарей Залучского райкома партии И. И. Иванова и И. П. Сергеева. Почти одновременно с Залучской была создана 4-я Старорусская бригада, которая объединила три старорусских отряда и один сводный — всего свыше 100 человек. Командиром бригады стал зам. директора леспромхоза И. И. Грозный, а комиссаром-секретарь Старорусского РК ВКП(б) С. М. Глебов. В сентябре возникла 4-я бригада Валдайского направления (наряду с 4-й Старорусской бригадой). Тогда же создаются 5-я бригада Бологоевского, 6-я Боровичского, 7-я Маловишерского и 8-я Вышневолоцкого направления. В начале октября в полосе Северо-Западного фронта имелось 8 партизанских бригад, объединявших 68 партизанских отрядов численностью 6515 бойцов. В ноябре организуется еще одна бригада, — 9-я, в которую вошли партизанские отряды Мошенского и Пестовского районов Ленинградской области.

Кроме того, в полосе Северо-Западного фронта были созданы еще две бригады, получившие наименование особых — 1-я Особая и 2-я Особая партизанские бригады. На них возлагались специальные задачи, главным образом разведывательного характера. В последующем эта специфика во многом утратилась. 1-я и 2-я Особые бригады имели в своем составе больше военнослужащих, они были лучше вооружены, чем обычные бригады, располагали более многочисленными радиосредствами.

1-я Особая партизанская бригада Ленинградской области объединила партизанские отряды Лычковского, Демянского, Крестецкого, Мстинского и Полавского районов, всего 500 человек. Командиром бригады назначили майора А. Никифорова, а комиссаром армейского политработника Я. Сафронова. Личный состав бригады был вооружен автоматическим оружием. Радиостанция типа А-19 позволяла держать постоянную связь не только с советским тылом, но и с отрядами, также имевшими радиостанции. Бригада базировалась в советском тылу — в Крестецком и Полавском районах и отсюда ее отряды совершали успешные налеты на ближайшие тылы вражеских войск.

Во 2-ю Особую партизанскую бригаду входило несколько отрядов общей численностью 386 человек. Ее командиром также был кадровый военный майор А. М. Литвиненко, а комиссаром — старший политрук В. И. Терехов. Один из отрядов бри-

гады почти целиком состоял из военнослужащих.

Всего в полосе Северо-Западного фронта летом и осенью 1941 года было сформировано 12 партизанских бригад, из которых половина действовала в тылу врага: 1-я Новгородская (непродолжительное время), 2-я и 3-я Залучские, 4-я Старорусская, 1-я и 2-я Особые. Остальные 6 бригад являлись резервными, и их личный состав шел на пополнение действовавших бригад. Это были первые партизанские бригады в годы Великой Отечественной войны.

Организация партизанских бригад явилась крупным этапом развития вооруженного отпора в тылу врага. Она дала возможность партизанским силам сохранить инициативу в трудной и напряженной борьбе с гитлеровской оккупационной армией, успешно решать новые, более сложные задачи. Создание бригад улучшило руководство вооруженными партизанскими силами, позволило направ-

вить усилия партизан на уязвимые звенья вражеского тыла, подчинить их действия общим задачам советских войск. Появилась возможность более успешно проводить рейды в тыл врага на большую глубину. Закрепленные за бригадами районы базирования благоприятствовали дальнейшему упрочению связей партизан с местным населением, развертыванию широкой политической работы. Устойчивая связь бригад с местным населением обеспечила постоянный приток нового пополнения, облегчила снабжение партизан продовольствием. Более прочной стала связь с советским тылом, который оказывал партизанам большую помощь вооружением и боеприпасами.

В свою очередь укрупнение вооруженных партизанских сил вынудило врага увеличить гарнизоны для охраны коммуникаций, особенно железных дорог и станций, а это потребовало от него дополнительных контингентов войск.

▲ Разведка маршрута

▲ На маршруте обоза

Бригада становится основным формированием, способным решать важные задачи вооруженной борьбы на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории. Так впервые в истории Великой Отечественной войны были найдены наиболее целесообразные формы объединения вооруженных партизанских сил для успешных действий в тылу врага.

Стремясь оказать помощь бригадам в их становлении, Политуправление Северо-Западного фронта направляет своих уполномоченных в те из них, которые действовали на важных направлениях и с которыми вначале не было радиосвязи.

Такое посещение бригад и отрядов работниками Политуправления являлось одной из важных форм руководства партизанской борьбой на оккупированной территории в начале войны.

В оккупированных врагом юго-восточных районах Ленинград-

ской области вели боевые действия 1-я Особая, 2-я и 3-я Залучские, а также 4-я Старорусские бригады. Вслед за ними включилась в борьбу и 2-я Особая бригада. Их удары по фашистским войскам поддерживали ленинградские отряды, а также подразделения Красной Армии, оказавшиеся в окружении и перешедшие к партизанским формам борьбы. Весь тыл 16-й гитлеровской армии был охвачен пламенем партизанской войны.

На левом крыле 16-й армии в тылу 10-го армейского корпуса активно действовали партизаны 4-й Старорусской бригады. Ее отряды разрушали мосты, уничтожали автомашины с гитлеровскими солдатами, техникой, горючим, рвали связь, дезорганизуя руководство вражескими войсками. Этими действиями партизаны затрудняли перегруппировку фашистских войск, препятствовали их наступлению. Во время переброски дивизии

СС «Мертвая голова» к Старой Руссе в состав 10-го армейского корпуса 16-й армии партизаны не только разрушали мосты, но и нападали на саперов вражеской дивизии, пытавшихся их восстанавливать. Старорусские партизаны затрудняли проведение операций и другим вражеским соединениям на этом участке фронта.

Для усиления ударов по вражеским коммуникациям и тылам партизаны часто объединялись с оказавшимися в окружении отдельными подразделениями советских войск. В отчете разведывательного отдела 10-го армейского корпуса гитлеровцев по этому поводу говорится: «В районе действий корпуса в сентябре находились еще многочисленные разрозненные подразделения советских войск, которые часто действовали сообща с партизанами». Вскоре старорусские партизаны нанесли сосредоточенные удары по коммуникациям врага, идущим к Старой

Руссе. В этой связи в том же отчете гитлеровцев указывалось: «В октябре в окрестностях Старой Руссы снова появились партизаны и подрывные группы, которые минировали шоссе и железнодорожное полотно».

Командующий 16-й армией Буш приказал коменданту 584-го армейского тылового района генералу Шпейману лично возглавить операцию против партизан в районе Старой Руссы. Однако, несмотря на то что гитлеровцы привлекли к этой операции несколько охранных батальонов, а также значительное число подразделений 10-го армейского корпуса, им не удалось уничтожить старорусские отряды. Когда враг сосредоточивал против них намного превосходящие силы, партизаны, как правило, уходили из-под ударов. Прекрасно зная местность и поддерживаемые населением, они, маневрируя в ближайшем тылу гитлеровцев, наносили врагу значительные потери.

Южнее старорусских партизан также действовала в прифронтовом районе 1-я Особая партизанская бригада. Базируясь в населенных пунктах за линией фронта советских войск, она часто совершала рейды в Старорусский, Полавский, и Лычковский районы, в тыл соединений 10-го армейского корпуса гитлеровцев, нападая на штабы, резервные и обслуживающие подразделения, транспорт, подвозивший на фронт боеприпасы и продовольствие. Оккупанты вынуждены были прекратить движение по отдельным дорогам в Лычковском районе.

9 октября отряд полавских партизан под командованием Т.П. Петрова, входивший в состав 1-й Особой бригады, совершил налет на пункт связи 10-го корпуса в деревне Свиной. Получив от подпольной группы И.И. Ширкина подробные сведения об охране пункта связи, партизаны забросали его гранатами. Была нарушена связь штаба корпуса с дивизиями и уничтожено подразделение гитлеровцев, обслуживавшее пункт связи, а также находившиеся здесь автомашины.

С ноября боевые действия разворачивает и 3-я Залучская бригада.

Ее отряды находились в районе дислокации 2-го армейского корпуса гитлеровцев, примыкавшего к району 10-го корпуса. Нападая на обозы, партизаны срывали снабжение дивизий 2-го армейского корпуса.

Командующий 16-й армией Буш, обеспокоенный возросшей активностью партизан, приказывает в октябре командирам 2-го и 10-го корпусов провести совместную карательную акцию против партизан. Для этого враг снимает с переднего края новые армейские и корпусные части и подразделения. Однако партизаны, заблаговременно предупрежденные населением, вновь уклонились от удара карателей. Это вынуждены были признать и сами гитлеровцы. «Усилия, направленные на проведение совместной операции 10-м армейским корпусом против партизан, — говорилось в очередном докладе разведотдела 10-го армейского корпуса, — потерпели провал». Объясняли это гитлеровцы следующим: «В связи с нехваткой войск». В последующем подобное объяснение причин провала операций против партизан становится стереотипным.

Тогда же, в октябре, командующий группой армий «Север» Лееб в связи с непрерывным ростом партизанских нападений на тылы 16-й армии обязал командиров дивизий взять на себя охрану определенных районов от партизан в тылу своих частей. «В тылу правого крыла группы армий «Север», — отмечает американский историк Хауэлл, — число партизанских отрядов увеличилось до такой степени, что командующий группой армий был вынужден выделить для своих боевых дивизий районы по контролю за действиями партизан».

Наряду с массовыми репрессиями — расстрелами всех подозреваемых в партизанских действиях, сжиганием сел, жители которых могли помочь партизанам, гитлеровцы поощряли предателей и изменников, устанавливая денежное и продовольственное вознаграждение для тех, кто будет содействовать им в борьбе с партизанами». С помощью давно обанкротившейся политики кнута

и пряника гитлеровцы намеревались подавить народное движение на захваченной ими советской территории.

В конце октября, несмотря на все меры, принимаемые гитлеровцами, активность партизан в тылу 16-й немецко-фашистской армии еще больше возрастает.

Грозой для оккупантов был отдельный партизанский отряд под командованием В.Б. Савченко, укомплектованный бойцами 6-го Ленинградского партизанского полка. Всего в отряде насчитывалось 240 человек. Легкоподвижный, имевший большой боевой опыт, этот отряд в ночь с 5 на 6 ноября 1941 года с помощью полавских партизан проник через линию фронта в тыл дивизии СС «Мертвая голова» с задачей совершить нападение на штабные учреждения и резервные подразделения соединения, которые находились в деревне Дедно. Общая численность гарнизона в деревне составляла около 600 офицеров и солдат. Предварительно заминировав дороги, идущие из Дедно в окрестные села, партизаны ночью внезапно напали на фашистский гарнизон. Почти одновременно партизаны отряда В.Б. Савченко совершили налет на два соседних села — Соловьеве и Вязовку, где помимо различных подразделений дивизии «Мертвая голова» находился лагерь военнопленных. Во время налета было убито более 250 фашистских солдат и офицеров, взорвано два склада с боеприпасами, уничтожено 17 автомашин и обоз с продовольствием. Кроме того, партизаны освободили из плена 420 красноармейцев.

Позже гитлеровский генерал Г.Г. Беккер писал, что дивизия СС «Мертвая голова», находясь на советско-германском фронте в составе 16-й армии, «встретила энергичное противодействие советских патриотов, организованных в партизанские отряды». 18 ноября в дивизии были созданы три боевые группы, направленные на подавление партизан, а 25 ноября еще две.

Командование группы армий «Север» и 16-й армии принимало все новые меры против партизан. 11 ноября во исполнение директивы глав-

▲ Сидят: нач разв. Кучугура В., нач. ОО Виноградов Л.,
стоят: нш Сыроквашин С.В., к-р отр. Храмко Н.Б., к-р Голодов В.Е.

нокомандующего сухопутными силами фашистской Германии Браухича и приказов Лееба Буш распорядился выделить специальные «дозорные отряды», призванные своевременно предупреждать о возможном нападении партизан и вести с ними борьбу. Для подавления партизанских выступлений в тылу 2-го корпуса в район Молволиц направляется 1-й кавалерийский полк СС, проявлявший особую жестокость к населению. В конце ноября — начале декабря оккупанты выдвигают новые части и подразделения западнее шоссе Старая Русса — Поддорье. Вскоре по приказу Лееба во всех полевых дивизиях учреждаются истребительные команды.

Против партизан, действующих в тылу 16-й армии, командующий 1-м воздушным флотом генерал Кортен бросает самолеты. Воздушная разведка противника пытается выявить базы партизан и маршруты их передвижения. Бомбардировке подвергаются все населенные пункты, леса и болота, в которых, по мнению гитлеровцев, могли укрыться партизаны.

При обнаружении партизан в труднодоступной местности с самолетов сбрасывались на парашютах специальные подвижные отряды.

И все же партизаны держат в своих руках инициативу в прифронтовом районе 16-й армии, по-прежнему совершают диверсии там, где захватчики их не ожидали. 19 ноября партизаны внезапно напали на колонну артиллерийской части, которая следовала к фронту. Нанеся врагу потери, они скрылись. «Преследование, — констатируется в докладе разведывательного отдела армии, — не дало никаких результатов». Гитлеровцы были вынуждены признать, что в районе боевых действий 16-й армии «партизаны, беспокоившие немецкие войска, имели инициативу и беспрепятственно появлялись в различных местах, чтобы после огневого налета, поджога населенного пункта или других диверсий вновь исчезнуть».

В конце ноября по приказу командующего 16-й армией Буша командиры 2-го и 10-го армейских корпусов вновь предприняли широкую опера-

цию против партизан в своем прифронтовом тылу. Но и она не дала сколько-нибудь ощутимых результатов. 3 декабря по приказу Буша гитлеровцы начали выселять из прифронтового района все гражданское население, чтобы облегчить карательные действия против партизан.

В тыловом районе 16-й армии особенно успешно действовала 2-я партизанская бригада, находящаяся в районе озера Полисть. Операции этой бригады вышли за рамки области, слились с действиями партизан соседней Калининской области, оказали заметное влияние на развитие партизанского движения в Латвии. На ее опыте прошла окончательную проверку основная тактическая единица в вооруженной партизанской борьбе — бригада, достаточно сильная и подвижная для того, чтобы самостоятельно решать боевые задачи на захваченной врагом территории.

Район боевых действий 2-й партизанской бригады охватывал неправильный четырехугольник, ограниченный железными дорогами Дно — Старая Русса, Дно — Бежаницы и шоссейными дорогами Холм — Бежаницы, Старая Русса — Холм. Военный совет Северо-Западного фронта и оперативная группа Ленинградского обкома ВКП(б), направляя 2-ю бригаду именно в этот район, исходили главным образом из возможности эффективного воздействия на важнейшие коммуникации 16-й армии врага. Этот район был удобен и для базирования партизанских сил: здесь находились крупные Серболовские, Полистовские и Рдейские лесные массивы, большие, до 60 километров в диаметре, лесные торфяные болота. Это благоприятствовало действиям партизан, позволяло им незаметно выходить на железнодорожные коммуникации и своевременно укрываться от ударов превосходящих сил врага.

Прибытие 2-й бригады в район своего базирования совпало с усилением политической работы среди населения, проводимой местными партийными организациями, с подготовкой народного восстания против захватчиков. Было признано целе-

сообразным объединить пропагандистские силы — создать единый коллектив агитаторов. Большевистская газета, листовка, убедительное правдивое слово, сказанное в беседе или на сходке, радовали и ободряли советских людей. Только за период с августа по ноябрь главным образом в Белебелковском и Дедовичском районах было проведено 369 собраний и свыше 100 бесед с колхозниками на общеполитические темы, по материалам газет и листовок. Все это во многом способствовало тому, что местное население проникалось мыслью о возможности успешной борьбы с захватчиками.

В конце сентября 1941 года созрели все условия для народного восстания. Сигналом к этому послужил

переход к активным действиям 2-й бригады. Население, в первую очередь Белебелковского и Дедовичского районов, всячески поддерживало бригаду. Многие вступали в ее ряды. Бригада непрерывно росла. Жители по собственной инициативе были партизанскими разведчиками, сообщая сведения о планах и намерениях врага, о его численном составе и вооружении.

С началом восстания многие члены подпольных организаций и групп из населенных пунктов вливаются в состав 2-й бригады. Часть руководителей подпольных организаций и групп становится во главе партизанских отрядов и подразделений.

Бои вначале развернулись в Белебелковском районе, а затем стали

перемещаться на северо-запад в Дедовичский район по направлению к железным дорогам Дновского узла и в Волотовский район к шоссе на дороге Чихачево — Старая Русса, а также к югу — в Ашевский район Калининской области. Партизаны успешно выбивали врага из деревень и сел. Отдельные вражеские гарнизоны не смогли противостоять все возрастающим народным силам. Гитлеровцы удирали в города и крупные населенные пункты под защиту более сильных гарнизонов, которые успели создать прочную оборону. Восставшие упраздняли аппарат оккупационных властей — «местную» администрацию, старост, полицейских и т.д.

Направленные против восставших и ее вооруженной опоры — 2-й бригады, карательные отряды гитлеровцев терпели одно поражение за другим. За осень партизанские отряды 2-й бригады провели свыше 30 боев. Во всех этих боях огромную роль играло восставшее население. Вскоре значительная территория в юго-восточной части области была освобождена от захватчиков. «В конце ноября 1941 года, — констатирует западногерманский историк Эрих Гессе, — обширный район болот между рекой Ловатью и железнодорожной линией Дно — Ловать (Дно — Новосокольники. — Ю.П.) в тылу 16-й армии был полностью занят партизанами».

Партизанский край представлял собой обширную территорию, которая простиралась с севера на юг на 120 километров и с запада на восток на 80 километров. Его общая площадь составляла 9600 квадратных километров.

Ядро Партизанского края составляли два района Ленинградской области: почти весь Белебелковский район и две трети (восточная часть) Дедовичского района. В него входили также восточная часть Ашевского района Калининской области, а также некоторые деревни Дновского и Поддорского районов Ленинградской области. На территории Партизанского края в мирное время было 30 сельсоветов и 170 колхозов. В освобожден-

▲ Юный партизан докладывает к-ру 11 отряда Гвоздёву Г.В о противнике

▲ На боевое задание

ных районах имелось 400 деревень.

Это была первая территория, отвоеванная народом у фашистских захватчиков, первый Партизанский край в тылу гитлеровских войск, своеобразная советская республика в кольце вражеского окружения. Здесь была одержана народом первая победа на оккупированной фашистскими войсками советской территории.

Партизанские соединения юго-восточных районов Ленинградской области оказывали все возрастающую помощь войскам Северо-Западного фронта.

За первые 6 месяцев войны помимо действий на железнодорожных коммуникациях партизаны в полосе Северо-Западного фронта уничтожили, по далеко не полным данным, свыше 700 различных автомашин, 275 мотоциклов. 100 подвод с боеприпасами, свыше 20 складов с горючим, боеприпасами и продовольствием, 80 мостов на шоссейных

и проселочных дорогах. Только убитыми немецко-фашистские войска потеряли более 7000 солдат и офицеров.

Для борьбы с партизанами и охраны объектов и коммуникаций в тылу 16-й армии ее командование бросило значительные контингенты войск: почти все части 281-й охранной дивизии, 10 охранных и полицейских батальонов, многочисленные карательные подразделения, эйнзатц-группы тайной полевой полиции и др., а всего не менее 30 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. По существу, партизаны своими действиями связали 3-4 пехотные фашистские дивизии, которые гитлеровцы могли использовать на фронте. Кроме того, периодически враг бросал против партизан отдельные части и подразделения полевых дивизий, входившие в состав 10-го п 2-го корпусов, а также различные вспомогательные и резервные части.

Возрастающая активность партизан в тылу 16-й армии вызывала все большее беспокойство не только у командующих армией и группы «Север», но и в главной ставке немецко-фашистских войск. «Вражеская партизанская деятельность южнее озера Ильмень, — подчеркивало командование вермахта 26 ноября 1941 года, — продолжает усиливаться».

Юго-восточные районы Ленинградской области в полосе Северо-Западного фронта становятся активнейшими партизанскими районами, ведущими в развертывании всенародной партизанской войны. Действия партизан в тылу 16-й армии с осени 1941 года были, пожалуй, в числе самых интенсивных на всей оккупированной советской территории.

Немецко-фашистское командование все больше и больше убеждалось в том, что эпизодическими мерами,

▲ Перед маршем

хотя и с привлечением значительных сил, в том числе и полевых войск, подавить партизанское движение в тылу 16-й армии невозможно, что необходимо планомерное руководство для борьбы с ним. Партизанское движение здесь стало таким фактором, который нужно было, как и конкретное соотношение сил на фронте, учитывать штабу армии. Поэтому в декабре руководство борьбой против партизан, которое в начале войны было возложено главным образом, на эйнзатцгруппу «А», по предложению командующего группой армий «Север», одобренному гитлеровским генеральным штабом сухопутных войск, возлагается непосредственно на штаб 16-й армии и его основной отдел — оперативный. С этого времени планирование всех операций против партизан и их осуществление стали составной частью общих военных действий 16-й армии. Надежды

правителей фашистской Германии расправиться с партизанским движением путем полицейской акции потерпели крах.

Впервые в истории войны руководство действиями против партизан в тылу одной из своих армий непосредственно взял на себя вермахт. Этим немецко-фашистское командование намеревалось обезопасить свой тыл. Однако подобным надеждам не суждено было сбыться. С переходом соединений Северо-Западного фронта в наступление партизанское движение в тылу гитлеровской 16-й армии усилилось еще больше.

Своеобразная обстановка, сложившаяся в Партизанском крае, определяла и характер партийного и советского руководства в нем. Вся жизнь края была подчинена интересам его военной защиты. Поэтому все партийное и советское руководство

здесь было сосредоточено в руках командования бригады.

После того как командование 2-й бригады установило в октябре радиосвязь с советским тылом (а с ноября связь поддерживалась и авиацией), партийное и советское руководство жизнью Партизанского края стало более целеустремленным. Теперь руководители Партизанского края своевременно получали соответствующие указания Ленинградского обкома ВКП(б) и Военного совета Северо-Западного фронта, а в случае надобности могли обращаться к ним за советами и помощью.

Все руководство как партийной, так и советской работой в Партизанском крае осуществлял комиссар 2-й бригады С. А. Орлов — член Ленинградского обкома ВКП(б) и, по существу, его уполномоченный. Он непосредственно направлял деятельность всех партийных организаций края —

и в партизанских частях, и в территориальных парторганизациях. В отдельных районах края аналогичные функции выполняли комиссары партизанских частей. В своеобразных условиях, сложившихся в крае, существование районных комитетов партии было нецелесообразным, и они, по существу, прекратили свою деятельность. Вместе с тем встал вопрос об органах местной власти в освобожденных районах. Создание обычных органов Советской власти — районных Советов депутатов трудящихся — было невозможно: многие члены Советов погибли, некоторые находились в армии, в советском тылу, а часть в партизанских отрядах и других районах и т. д. Проводить новые выборы не позволяла обстановка.

Этот вопрос всесторонне рассматривался на совещании партийного и советского актива Белебелковского района, созванном С. А. Орловым 3 сентября 1941 года. После обмена мнениями было принято решение создать организационную тройку (оргтрройку). Вся последующая деятельность оргтрройки Белебелковского района также проходила под руководством комиссара бригады. Вскоре оргтрройки учреждаются и в других освобожденных районах Партизанского края. Как правило, в них входили партийный работник, работник райисполкома и военно-административный работник.

Таким образом, оргтрройки, возникшие на освобожденной от врага территории, были своеобразными органами Советской власти, в силу специфики своей деятельности выполнявшими партийные функции.

Наряду с партийными организациями партизанских частей при оргтрройках и в некоторых сельсоветах были созданы территориальные организации.

Наиболее крупная партийная организация была создана в Дедовичском районе в ноябре 1941 года одновременно с учреждением районной тройки. Вначале в ней насчитывалось 24 коммуниста. Парторгом комиссар бригады С. А. Орлов назначил Е. М. Петрову, которая, как уже отмечалось, одновременно являлась

заместителем председателя оргтрройки по партийно-массовой работе.

Партийные организации в сельсоветах возглавляли парторги, которых в зависимости от обстановки либо выбирали коммунисты, либо назначала районная организация ВКП(б).

На общих собраниях коммунистов обсуждались наиболее важные вопросы. Так, общее собрание коммунистов Дедовичского района, состоявшееся 27 марта 1942 года, обсудило вопрос об агитационно-массовой работе. Рассматривая политическую работу среди населения как важнейшее средство мобилизации всех сил на оборону края, на борьбу с гитлеровскими захватчиками, коммунисты наметили конкретные меры по ее усилению. В Партизанском крае действовало 25 комсомольских организаций, объединявших 180 членов ВЛКСМ Дедовичского района. Работая под руководством партийных организаций, они были инициаторами многих политических и хозяйственных дел в районе, укреплявших оборону края.

Активной была жизнь в партийных, а также в комсомольских организациях и в других районах Партизанского края.

Создание организационных троек, укрепление партийных и комсомольских организаций во многом способствовало возрождению широкой политической деятельности в крае.

В начале ноября 1941 года первый самолет с Большой земли, приземлившись в Партизанском крае, доставил свежие газеты — «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Ленинградскую правду» (специальный выпуск для оккупированных районов), а также брошюры и листовки Ленинградского обкома ВКП(б) и Политуправления Северо-Западного фронта. С этого времени почти ежедневно в Партизанский край доставлялось 250 экземпляров газеты «Правда» и значительное количество других центральных газет, а всего около 1200 экземпляров.

Вскоре в Партизанском крае появились местные газеты. Первой таковой газетой было «Большевикское знамя» — орган Поддорского райкома партии и райсовета. 23 февраля 1942 года, в День Красной Армии, вышел первый номер газеты «Народный мститель» — орган партийной организации 2-й бригады.

Ни на одной другой территории в гитлеровском тылу в это время

▲ Ручная мельница

не выходило столько подпольных газет, сколько в Партизанском крае Ленинградской области.

Важнейшей задачей в Партизанском крае являлось восстановление деятельности сельских Советов. В Белебелковском районе удалось восстановить все ранее существовавшие 11 сельсоветов, а в Дедовичском — 8. Были восстановлены 4 сельсовета в Ашевском районе Калининской области. Оргтройки руководили сельскими советами, систематически поддерживали с ними живую связь и оказывали им практическую помощь в работе.

Чтобы обеспечить охрану общественного порядка, обезвредить диверсантов и шпионов, которых враг засылал в Партизанский край, по инициативе Прудского и Шушеловского сельсоветов Белебелковского района стали создаваться группы народного ополчения. Созданные почти повсюду группы народного ополчения (в некоторых сельсоветах они назывались «группами обороны» или «дружинами») играли важную роль в обороне края.

Под руководством оргтроек и сельсоветов налаживалась и хозяйственная жизнь в крае. Необходимо было прежде всего восстановить колхозы, обеспечить продовольствием население и партизан. В крае были восстановлены колхозы, которые взяли на себя обязательства по созданию продовольственных запасов для партизан и семей воинов Красной Армии. Все колхозы с учетом своих возможностей по решению оргтроек стали выполнять государственные поставки. Вскоре в «госфонде» имелось уже 326 тонн муки, 1700 голов скота, достаточное количество крупы, меда, овощей, сена и т. д. Помимо сдачи продуктов в «госфонд» колхозники по своей инициативе выделили часть продуктов для улучшения питания больных и раненых партизан. Всесторонняя помощь населения позволила партизанам неплохо подготовиться к зимним боевым действиям.

Восстановленные колхозы развернули подготовку к весеннему севу — ремонтировали инвентарь, заготавливали семена. В апреле на со-

вещании председателей сельсоветов и колхозов были решены конкретные вопросы проведения сева. Гитлеровцы бомбардировкой с воздуха и артиллерийскими обстрелами пытались сорвать весенний сев. Деятельную помощь колхозам в проведении сева оказывали партизаны, непосредственно не участвовавшие в боевых действиях. Почти все конское поголовье было направлено в колхозы, которые очень нуждались в тягловой силе. Сев был проведен дружно и организованно.

Уборка урожая проходила в условиях напряженных боев с карателями. Наиболее трудоспособное население ушло на защиту Партизанского края. Вся тяжесть уборки урожая легла на плечи пожилых колхозниц и многодетных матерей. Ни бомбардировки с воздуха, ни артиллерийский и пулеметный обстрелы не смогли остановить советских патриотов.

Под руководством троек в Партизанском крае были восстановлены сельские больницы, медицинские и ветеринарные пункты. Большое внимание уделялось профилактической и противоэпидемической работе. В медицинские учреждения Дедовичского района с конца марта по июль 1942 года обратилось около 2000 человек, из них 60 человек, главным образом партизаны, находились на стационарном лечении. По выздоровлении они вернулись в свои отряды. «Эпидемических заболеваний в районе нет», — говорилось в сообщении из Дедовичского района.

Большое внимание уделялось восстановлению школьной сети. В эту работу активно включились учителя, комсомольские и пионерские организации. Были собраны уцелевшие учебники, книги, наглядные пособия, приведены в порядок школьные здания. Партизанский край жил теми же интересами и заботами, что и вся страна. Корреспондент газеты «Известия» В. Стариков в «Письмах из Партизанского края» сообщал: «Жизнь в этих местах напоминает обычную жизнь советских сел и деревень. Временами забываешь, что находишься в глубоком тылу у немцев».

Каждый советский праздник, ка-

ждая дата, близкая нашему народу, отмечались в Партизанском крае. В дни праздника 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, как это было и до войны, на улицах сел и деревень появились лозунги, плакаты, портреты руководителей партии и правительства. В Партизанском крае была отмечена 18-я годовщина со дня смерти основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Вместе со всей страной население Партизанского края участвовало в военно-политических кампаниях, направленных на быстрейший разгром гитлеровских захватчиков: в создании фонда обороны, в подписке на Военный заем и т. д. В фонд обороны колхозники Партизанского края внесли 35 тысяч рублей наличными и на 86 тысяч рублей облигациями государственных займов. В Дедовичском районе подписка на Военный заем составила 66 тысяч рублей, из них более двух третей колхозники внесли наличными.

Ряды партизан непрерывно пополнялись новыми бойцами за счет колхозников и местной интеллигенции. Только в Дедовичском районе в партизаны вступило 675 человек. Тесная связь партизан с населением являлась основой успешного развития партизанского движения в крае.

Жители Партизанского края, как и весь советский народ, с неослабным вниманием следили за героической борьбой защитников города Ленина, которые в то время переживали тяжелые времена блокады. Население края стремилось помочь Ленинграду, ставшему символом несгибаемой воли советских людей в борьбе с захватчиками.

В феврале 1942 года на расширенном совещании командно-политического состава бригады совместно с руководителями районных партийных организаций и оргтроек после того как было заслушано сообщение начальника партизанского отдела Северо-Западного фронта А. Н. Асмолова о военно-политическом положении страны, о защитниках Ленинграда, комиссар бригады С. А. Орлов предложил обра-

тяться к населению Партизанского края с призывом послать для осажденных ленинградцев обоз с продовольствием. Участники совещания поддержали предложение комиссара.

Почти одновременно было принято решение послать письма в Центральный Комитет партии и в Ленинградский обком ВКП(б), в которых рассказать о жизни в Партизанском крае, о том вкладе, который вносит его население в общую борьбу советского народа против гитлеровских оккупантов. Письма эти должны были подписать партизаны и колхозники.

Решение послать письма в Центральный Комитет партии и в Ленинградский обком ВКП(б), а также обоз с продовольствием для ленинградцев поддержало все население края. Каждый привозил в помощь ленинградцам все, что мог: мешок пшеницы, куль ржи, ведро крупы, тушу мяса или банку меда.

С большой опасностью для жизни многие колхозники, проживавшие на границах края и вне его пределов, минуя вражеские кордоны, доставляли продовольствие на партизанскую базу в деревне Нивки Дедовичского района. Здесь было собрано более 3 тысяч пудов продовольствия. Колхозники Дедовичского района снарядили для доставки продовольствия ленинградцам 161 подвод, Белебелковского района — 37, Ашевского и Поддорского районов — 25 подвод.

Вручить письма ЦК партии и обкому ВКП(б) и доставить продовольствие ленинградцам население края и его защитники поручили специально выделенной делегации. Одновременно она должна была передать в фонд Красной Армии 127 тысяч рублей, собранных населением Партизанского края. Вскоре обоз был готов к следованию в советский тыл. 5 марта 1942 года из деревни Нивки начали

свой путь 223 подводы, разделенные на 7 групп.

Много трудностей предстояло преодолеть посланцам Партизанского края. Главная из них — пересечь линию фронта, которая проходила через Рдейские болота, считавшиеся непроходимыми. Двум партизанским отрядам, заблаговременно выдвинутым к линии фронта, поручалось обеспечить для обоза безопасный переход через фронт.

Поскольку противник вел тщательную авиаразведку, двигаться приходилось только ночью. Однажды вражеские самолеты обстреляли деревню Березняки, где обоз остановился на дневку. Загорелось два дома. Но ни возчики, ни охрана обоза, ни население деревни, своевременно предупрежденное о необходимости соблюдать меры предосторожности, ничем не демаскировали спрятанные подводы.

▲ Формирование продовольственного обоза

▲ Пулеметчики

15 марта 1942 года обоз подошел к линии фронта и до вечера укрывался в лесу. Сопровождающие, соблюдали полную тишину, объясняясь друг с другом главным образом жестами. Копыта лошадей были обернуты в тряпье, а морды замотаны мешковиной. Ночью по сигналу ракеты партизанские отряды, заранее ознакомленные с участком обороны врага, быстро оттеснили оборонявшийся здесь гитлеровский батальон и образовали свободный коридор шириной в полтора километра. В него и устремился обоз с продовольствием. Со стороны Холма враг бросил к участку прорыва подкрепление на автомашинах. Но партизаны при поддержке советской артиллерии отбили контратаки пехотных подразделений гитлеровцев. Почти всю ночь сохранялся коридор, по которому без потерь прошел весь обоз. Несколько раненых бойцов охраны были немедленно отправлены в армейский госпиталь.

Газета «Правда», отмечая самоотверженность населения Партизанского края, снарядивших и доставивших продукты героическому городу, в передовой статье 16 марта писала: «Навсегда останется в памяти волнующая картина этих 200 подвод, которые по глухим дорогам, с величайшей опасностью для жизни возчиков, безвестных колхозников, везут продовольствие для братьев в Ленинград».

За линией фронта, в советском тылу, все продовольствие с подвод перегрузили на автомашины. По пути в Ленинград на станции Всеволожская делегация была встречена заместителем председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгиным. Там же было принято все собранное продовольствие.

По прибытии в Ленинград делегация вручила секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову письма от партизан и населения Партизанского края и чек на 127 тысяч рублей, которые были собраны в фонд Красной Армии и сданы в Валдайское отделение Гос-

банка. В конце апреля делегация возвратилась с письмом ленинградцев в Партизанский край. Это письмо-обращение трудящихся Ленинграда — яркое свидетельство единства всех советских людей, которые героически защищали свою Родину от немецко-фашистских захватчиков как на фронте, так и в тылу.

Существование Партизанского края имело огромное военно-политическое значение. Оно наглядно продемонстрировало непреклонную волю советского народа довести борьбу с оккупантами до победного конца. Полнокровная политическая и хозяйственная жизнь Партизанского края явилась еще одним подтверждением силы и непобедимости советского строя, патриотизма советских людей, которые не покорились врагу.

В то же время существование Партизанского края подрывало престиж гитлеровского политического и военного руководства и его миф о непобедимости фашистской армии. ■

П.Н. МИЛЮКОВ

Из воспоминаний

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ВЛАСТИ

▲ Николай II

Между старой властью, ликвидировавшей саму себя, и властью, вновь созданной 2 марта 1917 года, имеется ли какое-либо юридическое преемство? Между ними прошла революция, и это обстоятельство, казалось бы, само по себе подсказывает отрицательный ответ. Тем не менее, между обоими неоднократно пытались найти преемственную связь. Одни вели власть Временного правительства от распоряжения царя, назначившего перед своим отречением кн. Львова премьером с правом составить самому свой кабинет. Другие искали связи в том акте, которым Николай II, отрекаясь, передал свою власть брату

великому князю Михаилу Александровичу.

Те, кто считает этот акт незаконным, указывают на условный характер отречения Михаила — до решения Учредительного Собрания и на его ссылку на «полную власть» Государственной Думы. С большим, по-видимому, вероятно, председатель Государственной Думы хотел установить это преемство и полемизировал пространно с кадетской партией (и ее лидером), которая этому помешала. По мере дальнейшего рассказа мы увидим, что все эти попытки не находят достаточного оправдания. Другое дело, как само Временное правительство смотре-

ло на свою власть. Считало ли оно, что к нему перешел весь суверенитет власти, который оно должно передать Учредительному Собранию, или же были элементы этого суверенитета, которыми оно не обладало?

Были решения, перед которыми оно останавливалось, считая их вмешательством в права Учредительного Собрания (например, вопрос о будущей форме правления); с другой стороны, из своего состава оно выделило настоящую диктаторскую группу, которая не остановилась и перед этим решением. Все это — вопросы, которые могут занимать строгого законоведа. Для историка, а тем более для мемуариста, неко-

Миллюков Павел Николаевич (1859-1943), русский политический деятель, историк, публицист. Родился в Москве в семье профессора-архитектора 15 (27) января 1859 года. Окончил Московский университет (1882 г.) Защитил диссертацию на степень магистра истории (1892 г.). В 1894 году за связь со студенческим движением уволен из университета и выслан в Рязань до 1897 года. Несколько лет провел за границей, выступая с лекциями по русской истории в Софийском и Чикагском университетах. Сотрудничал с журналом «Освобождение». В 1905 году вернулся в Россию и стал активным деятелем «Союза освобождения», членом земских и городских съездов, одним из учредителей «Союза Союзов». Миллюков один из главных организаторов партии кадетов, с 1907 года председатель её ЦК, редактор газеты «Речь». Член Государственной думы 3-4-го созывов. После поражения революции 1905-1907 годов занял контрреволюционную позицию. В годы I мировой войны апологет империалистической политики царизма, прозван «Миллюков-Дарданелльский». Вместе с тем резко критиковал правительство за неспособность обеспечить успешное ведение войны. В 1917 году министр иностранных дел буржуазного Временного правительства 1-го состава (до 2 (15) мая). Нота Миллюкова от 18 апреля (1 мая), под-

тверждавшая готовность Временного правительства тайным союзническим договорам и готовность продолжать войну «до победного конца», вызвала взрыв возмущения революционных рабочих и солдат. Выйдя в отставку, Миллюков играл видную роль в различных контрреволюционных организациях. После победы Октябрьской революции 1917 года сотрудничал с белогвардейцами и интервентами. С 1920 года в эмиграции — Лондон, Париж. Издавал газету «Последние новости». Выступал приверженцем «новой тактики» борьбы против Советской власти, рассчитанной на перерождение диктатуры пролетариата и подрыв её изнутри. В годы II мировой войны (1939-1945) выступал против сотрудничества русской эмиграции, приветствовал успехи Красной Армии. Автор работ по истории России XVIII-XIX вв., Февральской и Октябрьской революций. Умер 31 марта 1943 года в Экс-ле-Бель, департамент Савойя, Франция.

торое указание содержится в самом названии «временное», — скромное самоопределение, которое удержалось до самого конца существования этого правительства.

Я упоминаю обо всем этом вкратце теперь же, при переходе к новому историческому моменту, так как среди этих толкований, возможных и невозможных, мне пришлось вести свою собственную линию. Она оказалась удачной вплоть до создания Временного правительства, хотя это не была уже линия прогрессивного блока; остальные подчинялись со-

здавшейся обстановке и даже пошли далее. Моей исходной точкой в это время было то положение, которое германские законоведы определяют понятием Rechtsbruch — «перерыва в праве» (лучше перевести «нарушение правовых норм» или попросту — «беззаконие» — ldn-knigi). Но она предполагала, что перерыв этот был единовременным и окончательным (до Учредительного Собрания). Обстоятельства, сложившиеся при функционировании Временного правительства, этому понятию не соответствовали. Rechtsbruch оказался явле-

нием длительным, ибо революция продолжалась: она вступила в новую «стадию», продолжавшую новообразование права. И тут моя тактика потерпела крушение. Повторяю, что все это станет яснее по мере продолжения моего рассказа: здесь отмечены только самые главные линии.

Утром 27 февраля я проснулся от звонка швейцара, который пришел сказать, что в казарме Волынского полка происходит что-то неладное. Окно моей квартиры — на углу Бассейной улицы и Парадного переулка — выходило в короткий переу-

лок, в конце которого помещались ворота полка. Ворота были открыты; во дворе кучки солдат что-то кричали, волновались, размахивали руками. После событий последних дней в этом не было ничего неожиданного. Но сразу почувствовалось, что события эти вступают в новую стадию.

Раздался звонок из Таврического дворца. Председатель созывал членов Думы на заседание. С вечера члены сеньорен-конвента знали, что получен указ о перерыве заседаний Государственной Думы. Ритуал заседания был тоже установлен накануне: решено было выслушать указ, никаких демонстраций не производить и немедленно закрыть заседание. Конечно, в казарме Волынского полка ни о чем этом не знали. Волнения происходили совершенно независимо от судьбы Государственной Думы.

Я пошел в Думу обычным путем, по Потемкинской улице. Жена меня провожала. Улица была пустынная, но пули одиночных выстрелов шлепались о деревья и о стены дворца. Около Думы никого еще не было; вход был свободен. Не все собиравшиеся депутаты были осведомлены

о том, что предстояло. Заседание состоялось, как было намечено: указ был прочитан при полном молчании депутатов и одиночных выкриках правых. Самоубийство Думы совершилось без протеста.

Но что же дальше? Нельзя же разойтись молча — после молчаливого заседания! Члены Думы, без предварительного сговора, потянулись из зала заседания в соседний полуциркульный зал. Это не было ни собрание Думы, только что закрытой, ни заседание какой-либо из ее комиссий. Это было частное совещание членов Думы. К собравшимся стали подходить и одиночки, слонявшиеся по другим залам. Не помню, чтобы там председательствовал Родзянко; собрание было бесформенное; в центральной кучке раздались горячие речи. Были предложения вернуться и возобновить формальное заседание Думы, не признавая указа (М. А. Караулов), объявить Думу Учредительным Собранием, передать власть диктатору (ген. Маниковскому), взять власть собравшимся и создать свой орган, — во всяком случае, не разъезжаться из Петербурга.

Я выступил с предложением — выждать, пока выяснится характер движения, а тем временем создать временный комитет членов Думы «для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями». Эта неуклюжая формула обладала тем преимуществом, что, удовлетворяя задаче момента, ничего не предreshала в дальнейшем. Ограничиваясь минимумом, она все же создавала орган и не подводила думцев под криминал. Раздались бурные возражения слева; но собрание в общем уже поколебалось, и после долгих споров мое компромиссное предложение было принято, и выбор «временного комитета» поручен совету старейшин.

Это значило — передать его блоку. В третьем часу дня старейшины выполнили поручение, наметив в комитет представителей блоковых партий — и тем, надо прибавить, предreshив отчасти состав будущего правительства. В состав временного комитета вошли, во-первых, члены президиума Думы (Родзянко, Дмитрюков, Ржевский) и затем представители фракций: националистов (Шульгин), центра (В. Н. Львов), ок-

▲ Петроград, 1917 год

▲ Петроград

тябристов (Шидловский), к. д. (Милуков и Некрасов — товарищ председателя); присоединены, в проекте, и левые: Керенский и Чхеидзе. Проект старейшин был провентилирован по фракциям и доложен собравшимся в полуциркульном зале. К вечеру, когда выяснился состав временного комитета, выяснился и революционный характер движения, — и комитет решил сделать дальнейший шаг: взять в руки власть. Намечен был и состав правительства; но так как, по списку блока, премьером был намечен кн. Львов, то формальное создание правительства отложено до его приезда, по срочной телеграмме, в Петербург. В ожидании этого момента, временный комитет занялся восстановлением административного аппарата и разослал комиссаров Думы во все высшие правительственные учреждения.

Пока принимались все эти меры к созданию новой власти, физиономия Таврического дворца успешно совершенно измениться. Ворота дворца были заперты, но уже с утра

в помещении Думы просочились — прежде всего, «чистая публика», интеллигенты, имевшие касательство к политике. Помню мои первые впечатления. Я стоял у главного входа, и мимо меня, во главе небольшой группы, шествовал мой старый знакомец Чарнолуцкий. Он имел вид власть имущего, пришедшего сюда не зрителем, а участником; взгляд был напряженный и сосредоточенный, в руках он держал наперевес ружье. Меня он не заметил, хотя я был в двух шагах от него. «Вот первый конкурент на власть, вооруженный символом господства», мелькнула у меня мысль: «это — та самая революция, о которой так много говорили и которой никто не собирался делать». В то же время раздался выстрел, и из караульной комнаты вынесли за руки и за ноги офицера думской охраны. Он виноват был тем, что носил мундир. Незадолго перед тем начальник караула — тоже в мундире — вбежал в полуциркульный зал, моля нас о защите. Его спросили, за народ он или против народа, и он не знал, что ответить.

Немного дальше, в круглой Екатерининской зале шла ко мне навстречу более мирная группа интеллигентов. Во главе ее — тоже старая знакомая, Татьяна Богданович, племянница Короленко и жена моего сотоварища по редактированию «Мира Божия». Взволнованным, умоляющим голосом она меня спрашивала: неужели и теперь Государственная Дума не станет во главе народного движения? Неужели она не возьмет власти? Я имел тысячу оснований объяснить ей, что Думы больше нет и что я лично не хочу, чтобы именно она взяла власть. Но разговоры о власти уже начались в полуциркульном зале, и я спешил туда, сказав ей только, что вопрос об этом поставлен и будет решен в связи с выяснением происходящего движения.

После полудня за воротами дворца скопилось уже многочисленная толпа, давившая на решетку. Тут была и «публика», и рабочие, и солдаты. Пришлось ворота открыть, и толпа хлынула во дворец. А к вечеру мы уже почувствовали, что

мы не одни во дворце — и вообще больше не хозяева дворца. В другом конце дворца уже собирался этот другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов, спешно созванный партийными организациями, которые до тех пор воздерживались от возглавления революции. Состав совета был тогда довольно бесформенный; кроме вызванных представителей от фабрик, примыкал, кто хотел, а к концу дня пришлось прибавить к заголовку «Совет рабочих» также слова «и солдатских» депутатов. Солдаты явились последними, но они были настоящими хозяевами момента.

Правда, они сами того не признавали, и бросились во дворец, не как победители, а как люди, боявшиеся ответственности за совершенное нарушение дисциплины, за убийства командиров и офицеров. Еще меньше, чем мы, они были уверены, что революция победила. От Думы, как тот офицер караула, они ждали не признания, а защиты. И Таврический дворец к ночи превратился в укрепленный лагерь. Солдаты привезли с собой ящики пулеметных лент, ручных гранат; кажется, даже втащили и пушку. Когда где-то около дворца послышались выстрелы, часть солдат бросилась бежать, разбила окна в полуциркульном зале, стали выскакивать из окон в сад дворца. Потом, успокоившись, они расположились в помещениях дворца на ночевку. Появились радикальные барышни и начали угощать солдат чаем и бутербродами. Весь зал заседаний, хоры и соседние залы были наполнены солдатами.

Потом в зале заседаний, вперемешку с солдатами, открылись заседания «Совета р. и с. депутатов». У него были свои заботы. Пока мы принимали меры к сохранению функционирования высших государственных учреждений, Совет укреплял свое положение в столице, разделив Петербург на районы. В каждом районе войска и заводы должны были выбрать своих представителей; назначены были «районные комиссары для установления народной власти в районах», и население

приглашалось «организовать местные комитеты и взять в свои руки управление местными делами». Временный комитет Думы был оттеснен в далекий угол дворца, по соседству с кабинетом председателя. Но для нужд текущего дня обеим организациям, думской и советской, пришлось войти в немедленный контакт. Помещения думских фракций были заняты соединенными комиссиями. А. И. Шингарев сделался председателем продовольственной комиссии, назначенной Советом; наш спутник по путешествию, полковник Энгельгарт, кооптированный временным комитетом Думы, засел вместе с левыми, Пальчинским и Федоровским, в военной комиссии.

Ряд других комиссий: юридическая, по приему арестованных, по внутреннему распорядку дворца были организованы при уча-

стии к. — д. Ичаса. Бывшие министры или приходили сами в Думу (как Протопопов) или приводились туда арестованными. Тут случился характерный эпизод с Керенским, который спешил выступить в своей роли товарища председателя Совета депутатов и кандидата на пост министра юстиции. Студенты с саблями привели Щегловитова, и Родзянко хотел, по-видимому, его отпустить. Вызванный по требованию студентов Керенский, несмотря на возмущения Родзянко, объявил его арестованным, «раньше создания временного комитета Думы» и велел отвести на ночлег в министерский павильон Думы. Оттуда все арестованные министры и другие лица были на следующий день переведены в Петропавловскую крепость.

На следующий день, 28 февраля, положение окончательно выясни-

▲ 1917 год

лось. Мы были победителями.

Но кто — «мы»? Масса не разбилась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума, как помещение — или Дума, как учреждение? Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем совершившегося. На его последнюю телеграмму царю, что «решается судьба родины и династии», он получил 28 февраля ответ, разрешавший ему лично сформировать ответственное министерство. Вплоть до 2 марта он в телефонном разговоре с ген. Рузским держался за это предложение и объявлял, что «до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания», — хотя в то же время и признавался, что «сам висит на волоске, власть усколь-

зает у него из рук и он вынужден был ночью на 2-ое назначить Временное правительство». Только в виде информации он передал Рузскому о «грозных требованиях отречения (царя) в пользу сына при регентстве Михаила Александровича».

Вплоть до 31/2 часов 2 марта царь готов был отослать телеграмму в этом смысле, подчиняясь советам начальников фронтов. События развертывались быстро и оставляли позади всю эту путаницу. Тем не менее, в течение этих дней фикция победы Государственной Думы, как учреждения, поддерживалась ее председателем.

Действительно, весь день 28 февраля был торжеством Государственной Думы, как таковой. К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной Думы, с изъявлениями

своего подчинения Государственной Думе. Навстречу им выходил председатель Думы, — правда, чередовавшийся с депутатами, из числа которых на мою долю выпала значительная часть этих торжественных приемов и соответственных речей. Приехали ко мне офицеры одного из полков с специальной просьбой съездить с ними в казармы и сказать приветственную речь. Я поехал. Меня поместили на вышке, кругом которой столпился весь полк. Мне пришлось кричать сверху, чтобы меня могли услышать. Я поздравил полк с победой, но прибавил, что предстоит еще ее закрепить; что для этого необходимо сохранить единение с офицерством, без которого они рассыпятся в пыль, и воздержание от всяких праздничных увлечений. Наш праздник — впереди. Прием был самый горячий, и офицеры остались довольны. Конечно, тут действовала не столько моя речь, сколько факт прибытия к полку видного члена Государственной Думы. Голос мой сильно пострадал от этого и других таких же усилий.

Но в помещении Думы еще предстояло устранить допущенную Родзянкой двусмысленность. Временный комитет существовал независимо от санкции председателя, и так же независимо он, а не председатель, наметил состав Временного правительства. Не он, а кн. Львов должен был это правительство возглавить, а не «назначить». Роли блока, председателя и намеченного премьера были определены окончательно, — как и решение династического вопроса. Оставалось лишь выполнить намеченное. Но как примирить это с позицией председателя, поддержанной нашим же признанием роли Думы, как учреждения? Это оставалось тревожной задачей, которая должна была быть разрешена немедленно, — до приезда кн. Львова. А Родзянко явно тянул и колебался, в очевидном расчете нас как-то перехитрить.

Необходимо было как можно скорее выяснить его отношение к уже принятым мерам: правам временного комитета и состава Временного

▲ Михаил Александрович

▲ Родзянко М.В.

правительства. Я решил воспользоваться для этого моментом, когда Родзянко вернулся к нам из поездки в Мариинский дворец с известием, что Совет министров ушел в отставку. Произошла следующая сцена, которую я запомнил во всех подробностях. «Михаил Владимирович, — говорю я председателю, — надо решаться». Я разумел, конечно: решиться окончательно признать революцию, как совершившийся факт. Родзянко попросил четверть часа на размышление и удалился в свой кабинет. Мы сидели группой у дверей кабинета, ожидая ответа.

В эти минуты тягостного ожидания раздался телефонный звонок. Спрашивали полковника Энгельгарта. Наш коллега подошел к телефону. Из Преображенского полка: «Преображенский полк отдает себя в распоряжение Государственной Думы». У членов комитета отлегло от сердца. «Передайте немедленно Михаилу Владимировичу это сообщение, полковник». Энгельгарт уходит в кабинет. Комитет напряженно ждет, какое впечатление произведет

▲ Керенский А.Ф.

это известие на старого гвардейца. Наконец, Родзянко выходит и садится к столу. «Я согласен», говорит он, повышая голос и стараясь придать ему максимальную значительность: «Но — только под одним условием. Я требую, — и это относится особенно к вам, Александр Федорович (Керенский), чтобы все члены комитета (о правительстве не упоминалось) безусловно и слепо подчинялись моим распоряжениям»...

Мы остолбенели. До такой степени и тон, и содержание ультиматума Родзянки не подходили к сложившемуся положению. Этой степени подчинения не требовал даже Штюрмер от своего Совета министров... С нами говорил диктатор русской революции!

Будущий диктатор Керенский сдержался и скромно напомнил, что он всё-таки состоит товарищем председателя Совета рабочих депутатов. Остальные молчали. Но мы знали Родзянку: «Вскипел Бульон, потек во храм!» Как ни как, согласие было дано, а завтра, 1 марта, приедет кн. Львов, и всё войдет в наме-

ченные рамки. Георгии Евгеньевич, действительно, приехал — и после полудня пробрался в помещение Таврического дворца. Мы почувствовали себя, наконец, *au complet* (В полном составе.); временный комитет и правительство собрались для предварительного обмена мнений. Я не помню содержания беседы: едва ли она и сосредоточивалась на специальных вопросах. Но хорошо помню произведенное на меня, а вероятно и на других, впечатление. Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких, расплывчатых формах и отделялся общими фразами.

В конце совещания ко мне нагнулся И. П. Демидов и спросил на ухо: «ну, что? ну, как?» Я ему с досадой ответил одним словом, — тоже на ухо: «шляпа!» Не знаю выражало ли это то, что я чувствовал.

Я, во всяком случае, был сильно разочарован. Я знал князя очень мало и поверхностно. Другие знали еще меньше и поверили моему выбору на слово. Я как бы являлся

▲ Львов Г.Е.

ответственным лицом за выбор... В.В. Шульгин писал потом: кн. Львов «непререкаемо въехал на пьедестал премьера в милюковском списке». А мой друг Набоков, тоже позднее, писал: «он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи». Когда друзья его спрашивали, как он мог согласиться, он, потупившись, отвечал: «Я не мог не пойти»... Что это был за человек, бывший незаменимым для «дела» и оказавшийся непригодным для «политики»?

Было бы, конечно, нелепо обвинять кн. Львова за неудачу революции. Революция — слишком большая и сложная вещь. Но мне казалось, что я имею право обвинять его за неудачу моей политики в первой стадии революции. Или, наконец, обвинять себя за неудачу выбора в исполнители этой политики? Но я не мог выбирать, как и он «не мог не пойти».

Что же, спрашивал себя В.В. Шульгин: был лучше Родзянко? И он правильно отвечал, как и я: нет,

▲ Шульгин В.В.

Родзянко был невозможен, — ему «не позволили бы левые!» А нам, кадетам, имевшим «все же кой-какую силу», могли бы «позволить»? В обнаженном виде к этому сводился весь вопрос. Мой ответ выяснится из дальнейшего.

Во всяком случае, я не хотел бы быть несправедливым к кн. Львову. Прежде чем писать следующие строки, я прочел подробную биографию Львова, написанную его ближайшим сотрудником Т.И. Полнером, — и написанную с любовью и с глубоким уважением к личности своего героя. Он ищет тоже объяснений, но не оправданий. Позволю себе взять оттуда несколько штрихов, мне до тех пор неизвестных.

Первые 10 лет жизни князь Львов провел в деревне, в атмосфере семейной любви и доброжелательства к крестьянам. За это время он узнал сельский быт, так сказать, изнутри, мог говорить с мужиком его языком и знал все его особенности и нужды. В последующем 20 лет он про-

вел на службе в земских учреждениях — и там осмыслил свои детские впечатления. По-славянофильски он ценил «народную душу», по Константину Аксакову конструировал русскую историю. Отношение к крестьянам выражалось старой формулой: «мы — ваши, вы — наши». Отношение к государству — по аксаковской же формуле: власть монарху, но мнение — «земле». Зла русской жизни он органически не мог и не хотел видеть и от него отталкивался, поскольку соприкасался с ним. Он брал действительность, как данное, и из него извлекал наибольшее добро — не путем борьбы, а путем приспособления, «Всё образуется» благодаря народной мудрости: к этому сводилась его философия. Те, кто сверху, — только мешают ей проявиться. Достаточно поговорить по душе, пошутить, посмеяться, и лучше всяких приказов дело будет сделано. Собеседник будет вашим.

Формальная наука не пошла князю впрок. Он возненавидел класси-

цизм и просидел по два года в двух классах гимназии. Он избрал юридический факультет, как «самый легкий», и приезжал из деревни в университет, только чтобы сдавать экзамены. Зато практические, прикладные знания, нужные для деревни, он старался усвоить во всех деталях, чтобы применять их к жизни, как на сельском сходе, так и в своем «дворянском гнезде», Поповке.

При отце Поповка прошла через искус дворянского оскудения, но была восстановлена деловитостью сына. В городской среде и в культурном обществе Львов уходил в себя, не блистал красноречием, не вступал в споры и производил даже на ближайших товарищей молодости, как гр. Д. Олсуфьев, впечатление человека хитрого и себе на уме. В других и в самом себе он ценил тип «деляги», не любил распоряжений сверху и «статистики», недоверчиво относился к «бюрократии» и к официальному законодательству. Народ сам все устроит; он знает, что ему нужно.

К общественной деятельности кн. Львов подошел при посредстве земства — и вложил в нее все, тогда уже вполне сложившиеся, черты своей личности. Земская работа шла тогда под флагом либерализма. Но Львов оставался чужд политике и сосредоточил свою деятельность в той части работы, которую наш сатирик зло, но несправедливо, осмеял прозвищем «лужения умывальников». В этой деловой работе Львов развертывался вовсю и был сам собой. Он проявлял необычайную изобретательность, кипучую энергию, знание жизни и умение собрать у себя молодежь, действуя не приказом, а примером, лаской и шуткой. Он был при этом чрезвычайно прост и обходителен: никакого начальственного тона. Наступила открытая борьба с правительством; Львов по кадетскому списку прошел в обе первые Думы, но пользовался депутатским званием не для боевых выступлений, а для того, чтобы продвинуть те же свои деловые предприятия. Для меня он прошел бледной тенью и не оставил никаких воспоминаний.

Он вспоминал, правда, что в Выборге мы ночевали на одной кровати; но это было немудрено, так как кроватью был пол, и все лежали впопалку. Из Выборга он уехал, не написав воззвания; и его не осуждали. Все свои привычки он перенес и в руководство земской организацией, когда началась война. «Политику» тогда делало правительство; он защищал от «политики» свое «дело». Когда, помимо деловых препятствий, усилились и политические преследования, тон общественных организаций, как мы видели, стал подниматься. Поднимался и тон выступлений кн. Львова: различить политику от дела становилось уже трудно. Но, и говоря о «принятии на себя ответственности», Львов продолжал возлагать надежду на «народную душу», которая «всегда выводила страну из опасности». «Только высокий подъем духа народного, только национальный подвиг могут спасти наше погибающее отечество», писал он в непроизнесенной речи. Однако, события опережали славянофильскую лирику. Кн. Львов «с некоторым недоумением» говорил: «я чувствую, что события идут через мою голову».

Со всех сторон его выдвигали в спасители родины. Он пропустил момент сказать «решительное: нет». «К половине 1916 г. он «окончательно сдался», говорит его биограф. «О революции он не думал», представляя себе судьбы России в виде монархии с министерством, ответственным перед законно-избранным народным представительством. Это была позиция «блока». Но о путях и способах добиться этого он не имел никакого представления. А у блока была уже намечена своя тактика. Таким мы его пригласили в премьеры. Он «не мог не пойти»... Приехав, он, по своему обычаю, начал присматриваться. Отсюда и та неопределенность, которая, при первой встрече, вызвала мою досаду. Мы не знали, «чьим» он будет, но почувствовали его не «нашим».

Ждать, однако же, было некогда. Новая власть была создана. Теоретизировать было рано в те моменты, но очевидность была у всех на глазах. Нужно было немедленно

вступить в управление государством и определить, хотя бы вчерне, свои отношения к другим факторам положения: к Думе, к Совету рабочих депутатов, к царю. Из своего тесного уголка в Таврическом дворце каждый министр входил в связь с персоналом своего министерства. Ко мне явились служащие министерства иностранных дел. Н. Н. Покровский просил оставить его в помещении, пока он найдет квартиру. Я тем охотнее согласился, что не собирался переезжать. Пришел французский посол Палеолог и очень настаивал, чтобы в нашей декларации мы заявили о верности союзникам. Я ему обещал это. Принесли мне бумажку за подписью четырех великих князей: они соглашались на ответственное министерство. Они запоздали, и я сказал принесшим: это интересный исторический документ — и положил бумажку в портфель. Подписавшие были очень обижены моим невниманием.

Родзянко остался вне власти. Но он продолжал быть председателем Думы, не распущенной, а только отсроченной царским указом. Он пытался считать Думу не только существующей, но и стоящей выше правительства. Но это была Дума «третьего июня», — Дума, зажата в клещи прерогативами «самодержавной» власти, апрельскими основными законами 1906 года, «пробкой» Государственного Совета, превратившегося в «кладбище» думского законодательства. Можно ли было признавать это учреждение фактором сложившегося положения?

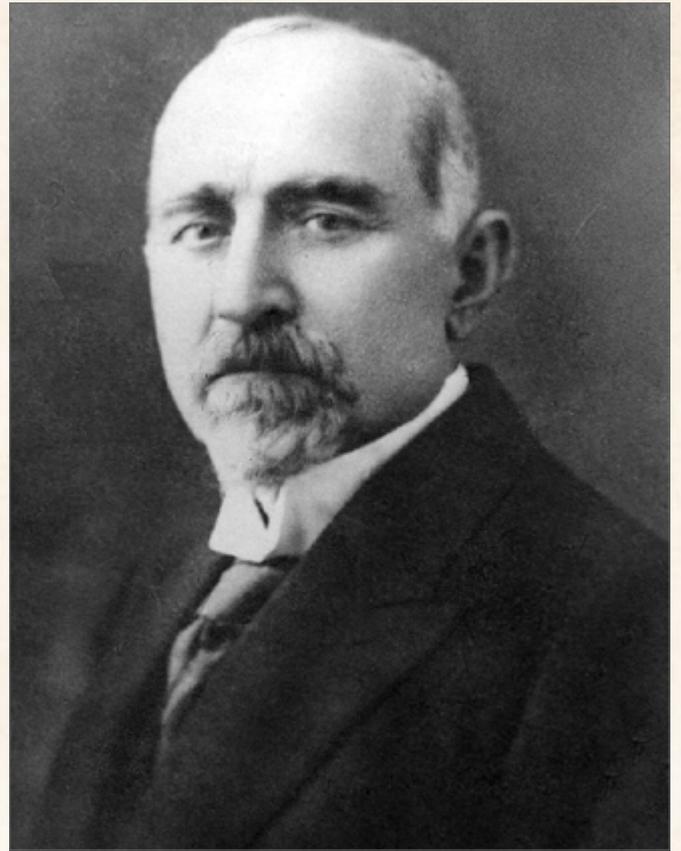
Дума была тенью своего прошлого. К тому же, срок ее избрания наступал в том же году. Временное правительство потом решило выдавать до этого срока содержание депутатам и не возражало против созыва председателем ее наличного состава. Но это и все, что осталось от Думы после того, как она послужила символом революции в первые дни образования власти. Родзянке, конечно, трудно было стать на эту точку зрения. Не знаю, когда именно он составил свою собственную теорию, изложенную в его воспоминаниях.

▲ Рuzский Н.В.

Но основные ее черты он относит к описываемому моменту, утверждая, что его план был немедленно созвать Думу, как учреждение. «Государственная Дума... явилась бы носительницей верховной власти и органом, перед которым Временное правительство было бы ответственным. Таков был проект председателя Государственной Думы. Но этому проекту решительно воспротивились, главным образом, деятели кадетской партии». Родзянко, конечно, имеет в виду меня, ее «лидера», и мои возражения, только что приведенные. Я не помню, чтобы я излагал их ему лично; но мое мнение было ему известно, и оно стало мнением блока. Кн. Львов только к нему присоединился. Родзянко очень ошибался, полагая, что слабость Временного правительства зависела от того, что оно не возглавило себя Государственной Думой. Он сам признает тут же, что это послужило бы лишь источником еще большего ослабления. Но его ошибка шла дальше. Он

▲ Чхеидзе Н.С.

не понимал того основного положения социалистов, о котором я не раз упоминал здесь: по их теории, русская революция должна была быть «буржуазной», и, сохраняя «чистоту риз», они принципиально не хотели входить в состав этого правительства. Мы их включили в состав нашего правительства, как представителей левых фракций Думы, — и очень дорожили их участием.

Но Чхеидзе, председатель Совета рабочих депутатов, отказался. Керенский, товарищ председателя Совета, лично приглашенный, дорожил министерским постом, как козырем в своей игре, и, можно сказать, вынудил согласие Совета. «Трудовик», объявивший себя, когда понадобилось, с. — ром, он теперь готовился на роль «заложника революционной демократии» в стане «буржуазии» и принимал соответственные позы. Это место было ему нужно до зарезу.

А Совет решил представителей демократии в правительство не посылать. В воспоминаниях Суханова,

Мстиславского и некоего «гр. В.В-ого» рассказано, как Керенский преодолел это препятствие. Он произнес бесвязную речь, рекомендуя себя, требуя «доверия» и поддержки, заявляя о «готовности умереть», обещая «с почетом» освободить из Сибири политических заключенных, «не исключая и террористов». «Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук... Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня!» Произнеся эту речь «то замирающим шепотом, то захватывающими нотами, с дрожью в голосе», Керенский выбежал из собрания, не дождавшись голосования, но с предполагаемым разрешением «объявить правительству, что он входит в его состав с разрешения Совета, как его представитель».

Помимо принципиального взгляда на правительство, как на «буржуазное», была и другая причина воздержания социалистов соучастия во власти. Я упоминал, что со-

циалистические партии держались в стороне от широкого рабочего движения последних дней перед революцией. Они были застигнуты врасплох, не успев организовать в стране своих единомышленников. Родзянко, который смешивает всех левых в одну кучу, приписывает им заранее обдуманый план. Такого плана не существовало, и именно поэтому правительство было сильно.

Керенский именно на идее буржуазной революции разыгрывал и в течение восьми месяцев свою посредническую роль.

Даже Ленин вплоть до июля держался этой идеи, а его ученики, Зиновьев и Каменев, на этом основывали свое недоверие к своевременности октябрьского переворота. Возвращаясь к первым дням революции, ораторы на съезде советов 30 марта откровенно признавали эту «психологическую» причину своего воздержания от власти. «Нам не было еще, на кого опереться. Мы имели перед собой лишь неорганизованную массу», говорил Стеклов. «Мы не чув-

вовали в первые дни революции почвы под ногами для захвата власти», повторял военный врач Есиповский. При отсутствии этой почвы, подчеркивал Суханов (Гиммер), социалистам «пришлось бы делать своими социалистическими руками буржуазное дело, и это было бы гибелью доверия демократии и социалистических партий к своим вождям». Таким образом, «буржуазное» правительство получило отсрочку и не могло не быть признано, именно как власть по праву.

Однако же, и Совет не хотел отказать от своей доли фактической власти. Между этими двумя, главнейшими факторами необходимо было установить определенное соглашение. Потребность в этом чувствовалась едва ли не больше со стороны Совета, нежели со стороны Временного правительства. По крайней мере, инициатива переговоров принадлежала исполнительному комитету Совета р. и с. депутатов. Поздно вечером 1 марта от его имени явилась к временному комитету Думы

и правительству делегация в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Соколова, Филипповского и др. с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями.

Они принесли и готовый текст этих условий, которые должны были быть опубликованы от имени правительства. Для левой части блока большая часть этих условий была вполне приемлема, так как они входили в ее собственную программу. Сюда относились: все гражданские свободы, отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, созыв Учредительного Собрания, которое установит форму правления, выборы в органы самоуправления на основании всеобщего избирательного права, полная амнистия. Но были и пункты существенных разногласий, по которым завязался продолжительный спор, закончившийся соглашением только в 4 часа утра. Кн. Львов отсутствовал. Гучков в эту ночь с 1 на 2 марта ездил на вокзалы Варшавский и Балтий-

▲ Палеолог Морис

▲ Ленин В.И.

▲ Николай II после отречения

ский, чтобы предупредить прибытие в Петербург войск, посланных царем для усмирения восстания. Надо пояснить, что еще 28 февраля в Ставке смотрели на волнения в столице, как на бунт, который можно усмирить.

Для этой цели были назначены части войск с Северного и Западного фронта, ген. Иванов назначен диктатором с объявлением военного положения в Петербурге, и царь выехал 1 марта из Ставки в Царское. Но в то же время наши инженеры Некрасов и прогрессист Бубликов вместе с левыми вошли в связь с железнодорожным союзом и оказались хозяевами движения по всей железнодорожной сети. Под этими впечатлениями находился и исполнительный комитет Совета р. и с. депутатов, и, может быть, этой угрозой объясняется и настроение делегатов и их сравнительная уступчивость в ночь на 2 марта.

В. В. Шульгин очень картинно описал внешнюю сторону нашего совещания с делегатами. «Это продолжалось долго, бесконечно... Чхеидзе лежал... Керенский иногда вскакивал и убегал куда-то, потом опять появлялся... Я не помню, сколько часов все это продолжалось. Я совершенно извелся и перестал помогать Милюкову, что сначала пытался делать...

направо от меня лежал Керенский, ... по-видимому, в состоянии полного изнеможения. Остальные тоже уже совершенно выдохлись». Шульгин наклонился к Чхеидзе спросить, почему они так настаивают на выборном офицерстве. Чхеидзе «поднял на меня совершенно усталые глаза, поворочал белками и шепотом же ответил: «...Вообще все пропало... чтобы спасти, надо чудо... Надо пробовать... Хуже не будет... Потому что, я вам говорю, все пропало»... Один Милюков сидел упрямый и свежий».

Увы, я тоже не был «свежим». Это была уже третья бессонная ночь, проведенная безвыходно в Таврическом дворце. Обрывки ночи я проводил на уголке большого стола в зале бюджетной комиссии, прикрываясь шубой, по соседству с лежавшим рядом Скобелевым, который тоже не проявлял радужного настроения. Но меня поддерживало сознание важности переговоров, по-видимому, далеко не всем ясной.

Шаг за шагом я отвоевывал у делегации то, что было в их тексте неприемлемого. Так, я не согласился считать «вопрос о форме правления открытым» (они хотели тут провести республиканскую форму). Они согласились также вычеркнуть требование о выборности офицеров, о чем спро-

сонку услышал Шульгин. Я ограничил «пределами, допускаемыми военно-техническими условиями», осуществление солдатами гражданских свобод и отстоял «сохранение строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы», при введении равенства солдат «в пользовании общественными правами». Но я не мог возражать против «неразоружения и невывода из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении» и только что обеспечивших нам победу. Ведь было неизвестно в тот момент, не придется ли им сражаться далее с посланными на столицу «верными» частями. О настроении солдат я уже говорил.

Когда, наконец, все было согласовано между нами в тексте, который должен был появиться от имени правительства, я поставил вопрос, какие компенсации может дать в обмен Совет р. и с. депутатов. Вопрос был для делегатов неожиданный, но они признали его справедливостью. Н. Д. Соколов тут же набросал проект такого заявления от имени Совета. Я признал его неприемлемым — и написал свой. Мой проект был принят, и в нем заключалось обязательство Совета восстановить порядок. «Нельзя допускать разъединения и анархии».

Нужно немедленно пресекать все бесчинства, грабежи, врывание в частные квартиры, расхищение и порчу всякого рода имущества, бесцельные захваты общественных учреждений. Упадок дисциплины и анархия губят революцию и народную свободу. Не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами... Армия сильна лишь союзом их». Это было приблизительно то же, что я говорил солдатам с вышки полка. И это было принято к напечатанию от имени Совета! Соглашение было подписано и признано окончательным...

Но в это время вернулся Гучков из своего объезда. Он начал возражать — и сорвал соглашение. Реше-

ние было отложено на следующий день, и в промежутке примирительное настроение делегации изменилось. По настоянию Родзянко, 2 марта к вечеру переговоры возобновились, и обещанная правительству поддержка была введена в ограниченные рамки. Совет подчеркивал, что «новая власть создается из общественно-умеренных слоев общества» и что, следовательно, за нею надо присматривать. «В той мере», в какой она будет осуществлять эти (свои) обязательства, «демократия должна оказать ей свою поддержку». Это было знаменитое «постольку — поскольку». При этом еще правительство должно было обязаться не пользоваться военными обстоятельствами для промедления реформ, ею признанных. Все соотношение между нашими обязательствами, сформулированными ими и добровольно принятыми нами — и их обязательствами, фор-

мулированными мною и принятыми ими, таким образом затушевывалось и менялось в сторону классовой подозрительности.

Тут уже намечались зародыши будущих затруднений в отношениях между нами, «цензовиками», и «революционной демократией». Оба заявления появились в печати рядом: их заявление, проредактированное нами, от имени правительства и мое заявление, проредактированное и дополненное ими, от имени Совета р. и с. депутатов. А для полюбовного разрешения дальнейших разногласий при выполнении взаимных обязательств была создана «контактная комиссия» («Контактная комиссия» была образована 10 марта. (Примеч. ред.). К ее функционированию я еще вернусь. То, что можно было сделать на бумаге, было, во всяком случае, сделано.

Оставалось решить последний из больших вопросов образования

новой власти: определить положение царя. Что Николай II больше не будет царствовать, было настолько бесспорно для самого широкого круга русской общественности, что о технических средствах для выполнения этого общего решения никто как-то не думал.

Никто, кроме одного человека: А. И. Гучкова. Из его показаний перед чрезвычайной комиссией видно, что он и сам не знал, как это совершится, так как не знал окончательной формы, в какой совершится ожидавшийся им переворот. Он не исключал и самых крайних форм устранения царя, если бы переворот совершился в форме, напоминавшей ему XVIII столетие русской истории, — в форме убийства. Но если бы переворот совершился в форме, которую он лично предпочитал — в форме военного провозглашения, то он желал бы удаления царя в форме наиболее «мягкой» — отречения от престола.

Он признал перед комиссией, что существовал у него и у его «друзей» (которых он не хотел называть) «план захватить по дороге между ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем... одновременно арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собою новое правительство». Как известно, с некоторыми вариантами — и независимо от Гучкова — осуществилась первая половина плана; но новое правительство уже составилось раньше, — так же независимо, — и пригласило его в свой состав. Во всяком случае, он считал себя первым кандидатом на то, чтобы добиться от царя отречения, и после того как оказалось, что кандидатура Родзянко не встречает поддержки ни правительства, ни левых, выставил, в форме почти ультимативной, свою собственную.

Вечером 1 марта он «заявил, что, будучи убежден (уже издавна) в необходимости этого шага, он решил его предпринять во что бы то ни стало и, если ему не будут даны полномочия от думского комитета, готов

▲ Гучков А.И.

сделать это за свой страх и риск». Изложение тут, мне кажется, несколько ретушировано; но непреклонность решения и настроение, которое немцы называют Schadenfreude (Злорадство.), хорошо известны из политической карьеры Гучкова. Низложение государя было венцом этой карьеры. Правительство не возражало и присоединило к нему, по его просьбе, в свидетели торжественного акта, В. В. Шульгина. Поручение комитета и правительства было дано путешественникам в форме, предусмотренной блоком. Царь должен был отречься в пользу сына и назначить регентом великого князя Михаила Александровича. Этим обеспечивалось известное преемство династии.

Однако, в течение дня 2 марта петербургские настроения продолжали прогрессировать, и плану блока стала грозить опасность слева. Около 3 часов дня меня просили выйти к публике, собравшейся в колонной зале дворца, и объявить формально об образовавшемся правительстве. Я с удовлетворением принял предложение: это был первый официальный акт, который должен был доставить новой власти, так сказать, общественную инвестиру. Я вышел к толпе, наполнявшей залу, с сознанием важности задачи и с очень приподнятым настроением. Темой моей речи был отчет о выполненной нами программе создания новой власти. Слова как-то нанизывались сами собой; по окончании речи я ее записал и отдал журналистам. Речь была напечатана в очередных выпусках газет — и, увы, отметила исторический этап, который, в свою очередь, уже уходил в прошлое...

Среди большинства слушателей настроение было сочувственное — и даже восторженное. Но были в публике и принципиальные возражатели. Передо мной здесь митинговали левые. И с места в карьер мне был поставлен ядовитый вопрос: «Кто вас выбрал»? Я мог прочесть в ответ целую диссертацию. Нас не «выбрала» Дума.

Не выбрал и Родзянко, по запродавшему поручению императора. Не выбрал и Львов, по новому, готовившемуся в ставке царскому указу,

о котором мы не могли быть осведомлены. Все эти источники преемственности власти мы сами сознательно отбросили. Оставался один ответ, самый ясный и убедительный. Я ответил: «нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались, как на канонический источник нашей власти. Но тут же надо было оговориться. «Мы ни минуты не сохраним этой власти после того, как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверие». Увы, до этой минуты — Учредительного Собрания — нам не удалось установить преемства нашей власти: она размельчалась столькими дальнейшими переменами и приспособлениями, — пока не потонула в новом перевороте.

Нужно было затем рекомендовать собранию избранных революции. Я начал: «во главе мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность, так непримиримо преследовавшую старым правительством». Немедленно последовало с той же стороны возражение: «цензую». Я ответил, в духе возражавших: «да, но единственную, которая даст потом возможность организоваться и другим слоям русской общественности». Ответ был — на свою голову; но он не мог не удовлетворить самых убежденных сторонников «стадиальности» русской революции. Я перешел к рекомендации отдельных членов правительства. Керенский, телефониовавший мне с утра о своем окончательном согласии, обошелся без рекомендации. С аплодисментами прошли всероссийски известные имена вождей думской оппозиции. Менее известные имена думских оппонентов старого правительства справа по финансовым и церковным вопросам, Годнева и В. Львова, публика проглотила молча. Всего труднее было рекомендовать никому неизвестного новичка в нашей среде, Терещенко,

единственного среди нас «министра-капиталиста». В каком «списке» он «въехал» в министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего Некрасова, откуда вышел и неожиданный радикализм «прогрессистов», Коновалова и Ефремова. Об этом источнике я узнал гораздо позднее событий...

Очередь дошла до самого рогатого вопроса о царе и династии. Я предвидел возражения и начал с оговорки. «Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я скажу его.

Старый деспот, доведший Россию до «полной разрухи, добровольно откажется от престола — или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». В зале зашумели. Послышались крики: «Это — старая династия!» Я излагал с уверенностью позицию, занятую блоком, но эти выкрики меня несколько взволновали. Я продолжал повышенным тоном. «Да, господа, это — старая династия, которую, может быть, не любите вы, а, может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто что любит. Мы не можем оставить без ответа и без разрешения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентарную и конституционную монархию. Быть может, другие представляют иначе.

Но если мы будем спорить об этом сейчас, вместо того чтобы сразу решить вопрос, то Россия окажется в состоянии гражданской войны, и возродится только что разрушенный режим. Этого сделать мы не имеем права». Я говорил с сознанием своей правоты, и аргумент, видимо, подействовал. Но затем я опять сослался на высшего судью. «Как только пройдет опасность и установится прочный мир, мы приступим к подготовке Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразил общее мнение России, мы или наши противники». Признаюсь,

в этом заключительном аккорде было немного логики. Но настроение значительной части собрания было, все же, на моей стороне. Меня проводили оглушительными аплодисментами и донесли на руках до министерского помещения.

А к вечеру, в сумерках, в той же зале произошла следующая сцена. Я увидел Родзянко, который рысцой бежал ко мне в сопровождении кучки офицеров, от которых несло запахом вина. Прерывающимся голосом он повторял их слова, что после моих заявлений о династии они не могут вернуться к своим частям. Они требовали, чтобы я отказался от этих слов. Отказаться я, конечно, не мог; но, видя поведение Родзянко, который отлично знал, что я говорил не только от своего имени, но и от имени блока, я согласился

заявить, что я высказывал свое личное мнение. Я знал особенность Родзянки — теряться в трудных случаях; но такого проявления трусости я до тех пор не наблюдал. С тем же настроением, в тот же вечер он настаивал, чтобы я как можно скорее заключил наше соглашение (уже испорченное вмешательством Гучкова) с Советом р. и с. депутатов. И на следующее утро он проявил то же свойство в случае, несравненно более значительном...

Наши делегаты, Гучков и Шульгин, только в 3 часа пополудни выехали навстречу царю и только в 10 часов вечера приехали в Псков. За это время в настроении царя произошло значительное изменение. Выезжая, в ночь на 28 февраля из ставки, он еще рассчитывал усмирить восстание и дал ген. Иванову широкие полно-

мочия, — хотя ген. Алексеев уже убеждал его дать «конституцию».

Остановленный в ночь на 1 марта в Малой Вишере, в виду опасности столкнуться с восставшими войсками, он уже соглашался на «конституцию». Все же, решив повернуть на Псков под покровительство ген. Рузского, он колебался между усмирением и уступками, смотря по ходу событий. Но, приехав во Псков в 8 часов вечера 1 марта и узнав, что революция побеждает, он услышал от Рузского совет «идти на все уступки» — и поручил Родзянке составить «ответственное» министерство.

К утру 2 марта он узнал от того же Рузского, что эта уступка уже недостаточна, и что все войска перешли на сторону восставших. А после завтрака Рузский принес ему семь телеграмм от великого князя Нико-

▲ Таврический дворец

лая Николаевича, ген. Алексеева и от командующих фронтами. Все они настаивали на отречении царя от престола по формуле блока, переданной Алексеевым: отречение в пользу сына с регентством Михаила. Николай согласился и на это, составил соответствующую телеграмму, но, как сказано выше, до 3¼ часов она не была отослана. А потом он узнал о предстоящем приезде Гучкова и Шульгина — и переменял намерение. Вместо передачи сыну, он решил передать престол Михаилу и в этом смысле составил текст отречения. Когда приехали депутаты, он встретил их «спокойно» и передал им свое последнее решение готовым. Гучков перед чрезвычайной комиссией объяснял довольно пространно, почему он отступил от поручения временного комитета. Он хотел увезти с собой во что бы то ни стало хоть какой-нибудь готовый акт отречения — и не хотел настаивать. Уже после подписания акта Шульгин напомнил о князе Львове, и царь написал бумагу о его назначении премьером. Шульгин хотел таким образом установить преемственность власти и предложил поставить на бумаге дату до отречения, когда Николай еще имел право распорядиться. Перед комиссией Гучков хотел было затушевать этот факт, но это ему не удалось: комиссия констатировала, что назначение кн. Львова произошло совершенно независимо от царского указа.

В Петербурге ночь на 3 марта, в ожидании царского отречения, прошла очень тревожно. Около 3 часов ночи мы получили в Таврическом дворце первые известия, что царь отрекся в пользу великого князя Михаила Александровича.

Не имея под руками текста манифеста имп. Павла о престолонаследии, мы не сообразили тогда, что самый акт царя был незаконен. Он мог отречься за себя, но не имел права отречься за сына. Несколько дней спустя я присутствовал на завтраке, данном нам военным ведомством, и возле меня сидел великий князь Сергей Михайлович.

Он сказал мне в разговоре, что, конечно, все великие князья сразу поняли незаконность акта императора. Если так, то, надо думать, закон о престолонаследии был хорошо известен и венценосцу. Неизбежный вывод отсюда — что, заменяя сына братом, царь понимал, что делал. Он ссылался на свои отеческие чувства — и этим даже растрогал делегатов. Но эти же отеческие чувства руководили царской четой в их намерении сохранить престол для сына в неизменном виде. И в письмах императрицы имеется место, в котором царица одобряет решение царя, как способ — не изменить обету, данному при короновании (В этом смысле я истолковал «последний совет царицы» в «Последних новостях». (Прим. автора).). Сопоставляя все это, нельзя не прийти к выводу, что Николай II здесь хитрил, — как он хитрил, давая октябрьский манифест. Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять данное обещание обратно. Не даром же Распутин обещал сыну благополучное царствование...

Но и независимо от всех этих соображений, пришедших позднее, замена сына братом была, несомненно, тяжелым ударом, нанесенным самим царем судьбе династии — в тот самый момент, когда продолжение династии вообще стояло под вопросом. К идее о наследовании малолетнего Алексея публика более или менее привыкла: эту идею связывали, как сказано выше, с возможностью эволюции парламентаризма при слабом Михаиле. Теперь весь вопрос открывался вновь, и все внимание сосредоточивалось на том, как отнесется великий князь к своему назначению. Родзянко и Львов ждали в военном министерстве точного текста манифеста, чтобы выяснить возможность его изменения. В здании Думы министры и временный комитет принимали меры, чтобы связаться с Михаилом Александровичем и устроить свидание с ним утром. Выяснились сразу два течения — за и против принятия престола великим князем. Конечно, за этим разногласием стоял принципиальный вопрос — о русском государст-

венном строе. Один ночной эпизод меня в этом окончательно убедил. Мы сидели втроем в уголке комнаты: я, Керенский и Некрасов. Некрасов протянул мне смятую бумажку с несколькими строками карандашом, на которой я прочел предложение о введении республики.

Керенский судорожно ухватился за кисть моей руки и напряженно ждал моего ответа. Я раздраженно отбросил бумажку с какой-то резкой фразой по адресу Некрасова. Керенский грубо оттолкнул мою руку. Он еще вечером объявил себя республиканцем в Совете р. и с. депутатов и подчеркнул свою роль «заложника демократии». Начался нервный обмен мыслями. Я сказал им, что буду утром защищать вступление великого князя на престол. Они заявили, что будут настаивать на отказе. Выяснив, что никто из нас не будет молчать, мы согласились, что будет высказано при свидании только два мнения: Керенского и мое — и затем мы представим выбор великому князю. При этом было условлено, что, каково бы ни было его решение, другая сторона не будет мешать и не войдет в правительство. Утром вернулись делегаты из Пскова. Я успел предупредить Шульгина по телефону на станции о петербургских настроениях. Гучков прямо прошел в железнодорожные мастерские, объявил рабочим о Михаиле — и едва избежал побоев или убийства.

Свидание с великим князем состоялось на Миллионной, в квартире кн. Путятинна. Туда собрались члены правительства, Родзянко и некоторые члены временного комитета. Гучков приехал позже. Входя в квартиру, я столкнулся с великим князем, и он обратился ко мне с шуточной фразой, не очень складно импровизированной: «А что, хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно! А?» Я ответил: «Да, ваше высочество, очень спокойно править, соблюдая конституцию». С этим мы оба вошли в комнату заседания.

Родзянко занял председательское место и сказал вступительную речь, — мотивируя необходимость

отказа от престола! Он был уже, очевидно, распропагандирован — отнюдь не в идейном смысле, конечно. После него в том же духе говорил Керенский. За ним наступила моя очередь.

Я доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть — и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до открытия Учредительного Собрания. Оно окажется уткой ладей, которая потонет в океане народных волнений. Стране грозит при этом потеря всякого сознания государственности и полная анархия. Вопреки нашему соглашению, за этими речами полился целый поток речей — и все за отказ от престола. Тогда, вопреки страстному противо-

действию Керенского, я просил слова для ответа — и получил его. Я был страшно взволнован неожиданным согласием оппонентов — всех политических мастей. Подошедший Гучков защищал мою точку зрения, но слабо и вяло.

К этому моменту относится импрессионистское описание Шульгина, из которого я позволю себе привести несколько строк. «Это была как бы обструкция... Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столько учтивый и выдержанный, никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянку, Керенского, всех...

Белый, как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло». Следует набор отрывочных фраз, отчасти взятых из моей первой речи. «Если это мож-

но назвать речью, эта речь его была потрясающей»...

Внешняя сторона здесь схвачена верно; но, конечно, Шульгин немножко преувеличил.

В моем «карканы» была все-таки система. Я был поражен тем, что мои противники, вместо принципиальных соображений, перешли к запугиванию великого князя. Я видел, что Родзянку продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Все это было так мелко в связи с важностью момента... Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть, участникам и самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру — за всю Россию — и мы должны нести риск, как бы велик он ни был. Только тогда с нас будет снята ответственность за будущее, которую мы на себя взяли. И в чем этот риск состоит? Я был под впечатле-

Учредительное собрание 1917 года

нием вестей из Москвы, сообщенных мне только что приехавшим оттуда полковником Грузиновым: в Москве все спокойно, и гарнизон сохраняет дисциплину. Я предлагал немедленно взять автомобили и ехать в Москву, где найдется организованная сила, необходимая для поддержки положительного решения великого князя.

Я был уверен, что выход этот сравнительно безопасен. Но если он и опасен — и если положение в Петрограде действительно такое, то, все-таки, на риск надо идти: это — единственный выход. Эти мои соображения очень оспаривались впоследствии. Я, конечно, импровизировал. Может быть, при согласии, мое предложение можно было бы видоизменить, обдумать. Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем же поставленного, чем к защите старого... Но согласия не было; не было охоты обсуждать дальше. Это и повергло меня в состояние полного отчаяния... Керенский, напротив, был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: «Ваше высочество, вы — благородный человек! Я теперь везде буду говорить это!»

Великий князь, все время молчавший, попросил несколько минут для размышления. Уходя, он обратился с просьбой к Родзянко поговорить с ним наедине. Результат нужно было, конечно, предвидеть. Вернувшись к депутации, он сказал, что принимает предложение Родзянки. Отойдя ко мне в сторону, он поблагодарил меня за «патриотизм», но... и т.д. Перед уходом обе стороны согласились поддерживать правительство, но я решил не участвовать в нем.

Мы с Гучковым вышли вместе — и поехали на одних санях. В чрезвычайной комиссии он заявил, что, уезжая, согласился на убеждения друзей — «временно» остаться в правительстве; но мне он сказал, что уходит. Я считал, таким образом, наше решение общим. Я чувствовал себя, после пяти бессонных ночей во дворце и после только что слу-

чившегося крушения моих надежд, в состоянии полного изнеможения. Приехав домой, я бросился в постель и заснул мертвым сном. Через пять часов, вечером, меня разбудили. Передо мной была делегация от центрального комитета партии: Винавер, Набоков, Шингарев. Все они убеждали меня, что в такую минуту я просто не имею права уходить и лишать правительство той доли авторитета, которая связана с занятой мною позицией. Широкие круги просто не поймут этого. Я уже и сам чувствовал, что отказ невозможен, — и поехал в вечернее заседание министров. Там я нашел и Гучкова.

В квартире на Миллионной приглашенные нами юристы, Набоков и Нольде, писали акт отречения. О незаконности царского отречения, конечно, не было и речи, — да, я думаю, они и сами еще не знали об этом. Отказ Михаила был мотивирован условно: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего»,

выраженная Учредительным Собранием. Таким образом, форма правления, все же, оставалась открытым вопросом. Что касается Временного правительства, тут было подчеркнуто отсутствие преемства власти от монарха, и великий князь лишь выражал просьбу о подчинении правительству, «по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». В этих двусмысленных выражениях заключалась маленькая уступка Родзянке: ни «почина» Думы, как учреждения, ни, тем более, «облечения», как мы видели, не было.

Родзянко принял меры, чтобы отречение императора и отказ Михаила были обнародованы в печати одновременно. С этой целью он задержал напечатание первого акта. Он, очевидно, уже предусматривал исход, а, может быть, и сговаривался по этому поводу.

Временное правительство вступало в новую фазу русской истории, опираясь формально только на свою собственную «полноту власти». ■

▲ Павел Миллюков

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Б.М. ШАПОШНИКОВ

Окончание, начало в № 16

Между тем международная обстановка обострялась все более, фашистская Германия развязывала в Европе одну агрессию за другой. В марте 1938 года она захватила Австрию, а в сентябре состоялось подписание позорного Мюнхенского соглашения об аннексии Судетской области Чехословакии. Все сложнее становились события в Испании, где

положение республиканцев ухудшалось. Нарастала угроза нашей стране и со стороны Японии. В июле 1938 года японские милитаристы предприняли вооруженное нападение на нашу территорию у озера Хасан. Они хотели проверить нашу боевую готовность. Получив приказ командования, советские войска 2 августа перешли в наступление. Боевые действия продолжались не-

делю и закончились крахом японской авантюры.

По приказу Шапошникова почти: все эти дни я провел на дежурстве у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома Ворошилова. Сюда часто заходил Борис Михайлович, чтобы получить необходимую информацию о ходе боевых действий. Последующий

▲ Аншлюз Австрии

анализ боев у озера Хасан вылился в подготовку Генеральным штабом проекта приказа, вносившего коррективы в боевую и оперативную подготовку войск и штабов с учетом выявленных некоторых недостатков в боевой подготовке войск Дальневосточной (Приморской) армии. Как и всегда, начальник Генерального штаба скрупулезно изучал проект отработанного документа, предлагал свои дополнения, поправки, разъяснения. Затем проект приказа был доложен им наркому обороны. По словам Бориса Михайловича, проект был с удовлетворением воспринят наркомом и одобрен Политбюро ЦК партии.

Осень 1938 года. В сентябре, когда над Чехословакией нависла опасность, а мы еще не знали, что мюнхенское предательство сорвет ее оборону, и собирались оказать ей вместе с Францией, как это предусматривалось договором, помощь,

штаб Киевского особого военного округа получил директиву привести в боевую готовность Винницкую армейскую группу и вывести ее к государственной границе СССР.

Вся работа штаба Киевского военного округа, как и других округов, протекала по указаниям Шапошникова. Мы, штабные работники, вновь и вновь убеждались в непререкаемом авторитете Бориса Михайловича, его огромной эрудиции, получали от него все новые теоретические и практические навыки по организации, планированию и проведению операций армейского и фронтового масштаба. Здесь, да и на всех учениях, маневрах, которыми руководил Шапошников, все мы, работники Генштаба, буквально поражались умению Бориса Михайловича оценивать оперативно-стратегическую обстановку по картам. Обратила на себя внимание и такая деталь: в полевых поездках он никогда не держал карты в руках, хотя ори-

ентировался по местности прекрасно.

Однажды я спросил его, как ему это удается.

– Что ж, если вас это заинтересовало, могу поделиться добрым советом, данным мне в свое время моим начальником генералом Орановским, у которого в дивизии я был старшим адъютантом. Так вот, для лучшего чтения карты он посоветовал мне практиковать следующую методику. Перед выездом в поле по карте наметить себе маршрут, изучить его, запомнить местные приметы, а затем уже без карты отправляться в поездку и ехать по памяти. Благодаря таким упражнениям я развил свою топографическую память и по карте легко могу представить себе местность.

Он улыбнулся с лукавым огоньком в глазах и закончил:

– Добрый совет дорого стоит, голубчик. Воспользуйтесь им. Мне это все очень пригодилось.

▲ Мюнхенский сговор, 1938 г.

▲ Англо-французская делегация в Москве, 1939 г.

Вот уж поистине: талант и труд неотделимы. Борис Михайлович неустанно совершенствовался сам и щедро делился всем, что умел, с окружающими его по работе. Его личный пример оказывал огромное влияние на формирование качеств работников Генерального штаба. Его вежливость в отношениях с подчиненными, скромность и большой такт, дисциплинированность и предельная исполнительность — все это воспитывало у работавших вместе с ним людей чувство ответственности и высокую культуру личного поведения. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны видел он свою главную обязанность и смысл существования Генерального штаба. Все это, вместе взятое, создавало тот непередаваемый словами дух сплоченности, который отличал все коллективы, руководимые Борисом Михайловичем Шапошниковым.

1939 год оказался до предела насыщенный событиями, резко осложнившими международную обстановку:

дело шло ко второй мировой войне. Оперотдел Генштаба трудился, не покладая рук (к этому времени произошло мое частичное перемещение по службе: оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, я был назначен по совместительству заместителем начальника оперативного отдела). Не останавливаясь на общеизвестных фактах международной обстановки того времени, скажу лишь, что они непосредственно отражались на нашей повседневной работе. Генеральный штаб с неослабным вниманием следил за тем, как разворачиваются события. Все, кому довелось участвовать в работе XVIII съезда партии, сохранили в своей памяти содержательную речь на съезде начальника Генштаба РККА Шапошникова. Она была пронизана духом глубокой партийности, непоколебимой верой в силы Советского государства и его армии и флота.

«Для решения грандиозных задач новой эпохи, в которую мы вступили, эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму, — говорил

он с трибуны съезда, — трудящиеся Советской страны в своем мирном труде должны быть гарантированы от нападения агрессоров».

Центральный Комитет партии и Советское правительство выполняли указания XVIII съезда — не дать империалистам втянуть нашу страну в войну. Еще не имея тогда всех данных закулисных махинаций правящих кругов империалистических держав, Советское правительство тем не менее предугадывало двойную игру капиталистических держав.

В августе 1939 года в Москве состоялись переговоры с военными делегациями Франции и Англии. Их участники обсуждали вопросы координации действий армий трех государств: Советского Союза, Англии, Франции — в случае возникновения агрессии в Европе. Представители английской и французской армий, излагая на переговорах планы своих стран, ограничивались общими, нередко очень туманными рассуждениями. Их планы фактически не были рассчитаны на военное сотрудничество с СССР.

▲ Советско-германский договор 1939 г.

По поручению Советского правительства план советской военной делегации участникам переговоров представил Шапошников. Он изложил три варианта возможных совместных действий Красной Армии и вооруженных сил Англии и Франции в случае, если в Европе начнутся агрессивные действия против стран — участниц переговоров. План был тщательно продуман, четок, обстоятельно аргументирован. Все три варианта совместных действий, предложенные Советским Союзом, характеризовались детальной разработкой, обоснованностью, смелостью замыслов, служили примером четкого военного планирования и позволяли надеяться на успешность отражения агрессии фашистской Германии. Правительства Англии и Франции не приняли предложения СССР. Убедившись в нежелании Англии, Франции и Польши заключить соглашение о совместной борьбе против гитлеровской агрессии, Советский Союз принял пред-

ложение Германии заключить пакт о ненападении. Подписав 23 августа этот пакт, СССР расстроил планы международной реакции и повернул ход событий в более благоприятную для себя сторону. Япония была вынуждена, признав свое поражение у Халхин-Гола, пойти на подписание с нами 15 сентября соглашения о ликвидации конфликта. А в Европе уже началась вторая мировая война.

Слаженная работа руководимого Шапошниковым оперативного центра, безусловно, способствовала разгрому японских милитаристов на Халхин-Голе, успешному осуществлению освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию осенью 1939 года. Большую работу под руководством Бориса Михайловича проделал Генеральный штаб в связи с назревавшим конфликтом между СССР и Финляндией и в ходе его.

Как известно, попытки Советского правительства решить проблему путем обоюдного, взаимовыгодного

соглашения наталкивались на отказ со стороны правящих кругов Финляндии, за спиной которых стояли империалистические державы, надеявшиеся использовать ее территорию как плацдарм для нападения на нашу Родину. Центральный Комитет партии и Советское правительство в условиях тревожной обстановки, складывавшейся на северо-западных рубежах нашей страны, требовали от Наркомата обороны выработки необходимых контрмер для обеспечения безопасности страны.

Главный военный совет РККА рассмотрел вопросы боеготовности Советских Вооруженных Сил на случай возникновения спровоцированного Финляндией военного конфликта. Генеральный штаб предложил разработанный им еще ранее с учетом возможности возникновения такого конфликта и одобренный наркомом обороны частный план отражения агрессии.

Докладывая план Главному военному совету, Борис Михайлович

подчеркнул, что сложившаяся международная обстановка требует, чтобы ответные военные действия были проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае конфликт затянется.

Борис Михайлович очень тщательно готовил каждый документ, выходящий из Генерального штаба. Это в первую очередь относится к докладом правительству, Главному военному совету. Несколько позже, когда состоялись мои первые поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично со Сталиным, я имел возможность убедиться, что Шапошников пользовался там особым уважением. Сталин называл его только по имени и отчеству. Только ему одному разрешал курить в своем рабочем кабинете, а в разговоре с ним никогда не по-

вышал голоса, если и не разделял высказываемой им точки зрения на обсуждаемый вопрос. Но это чисто внешняя сторона их отношений. Главное же заключается в том, что предложения Шапошникова, всегда глубоко продуманные и глубоко аргументированные, как правило, не встречали особых возражений.

На этот раз Главный военный совет не принял плана, предложенного начальником Генштаба. Сталин предпочел ему предложения командования войсками Ленинградского военного округа, сводившиеся к тому, что основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава, на которую и возлагалась задача прорвать в случае агрессии на Карельском перешейке линию Маннергейма и разгромить здесь главные силы финляндской армии.

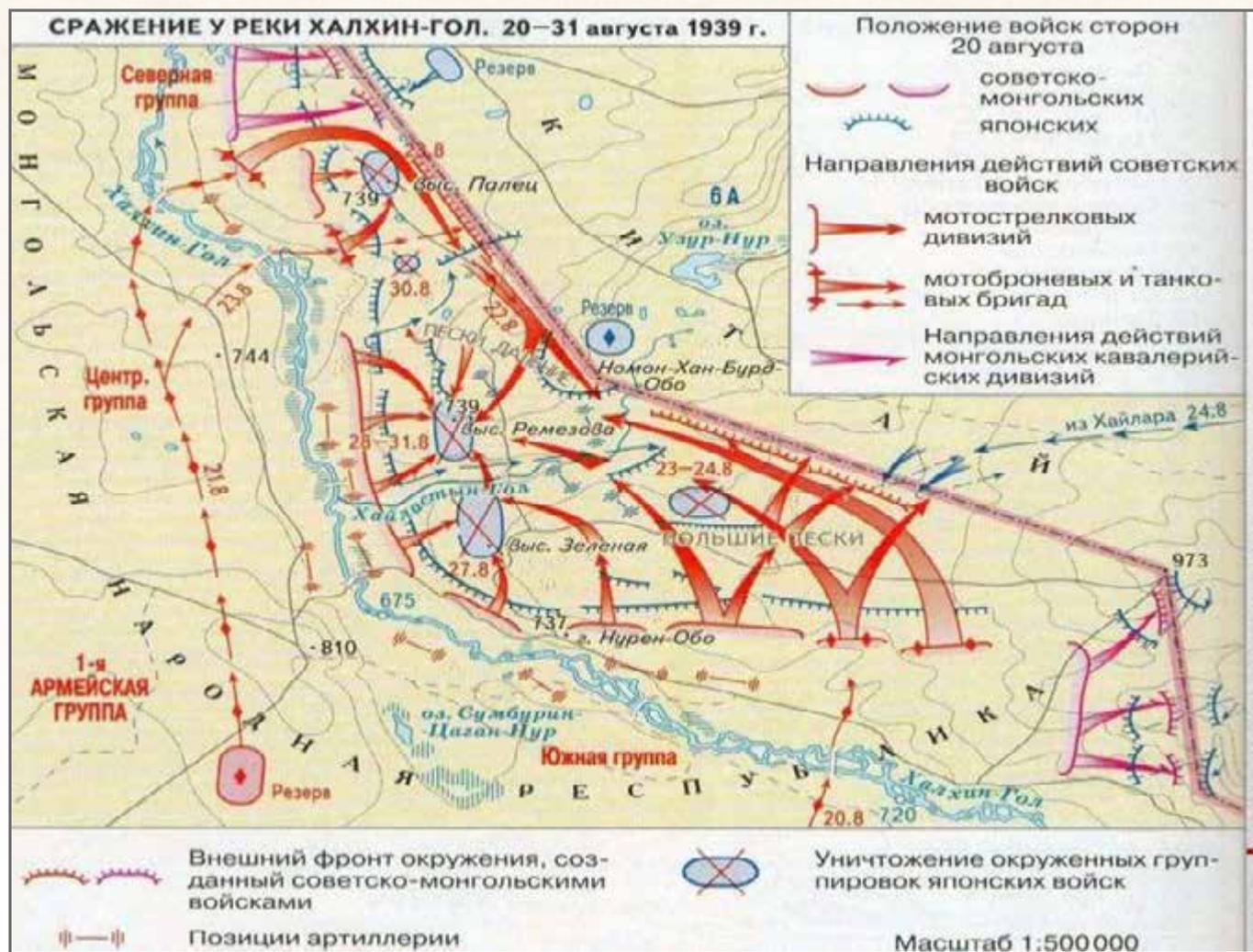
Видя, что его доводы не встреча-

ют поддержки, Борис Михайлович по своему обыкновению не стал спорить, но и не отказывался от них. Сталин обратил на это внимание и объяснил переутомлением Шапошникова.

– Борис Михайлович, надо вам позаботиться о своем здоровье, — сказал он. — Поезжайте в Сочи, подлечитесь и отдохните.

И Шапошников отправился в Сочи.

Разработанный командованием и штабом Ленинградского военного округа вариант контрудара был представлен в срок и утвержден. Непосредственное командование войсками 7-й армии было возложено на К.А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около 1500 километров, предусматривались действия крайне слабым по своему составу 8-й армии

▲ Бои на реке Халхин-Гол

комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А. Фролова. Эти армии не были полностью укомплектованы.

26 ноября 1939 года возле селения Майнила с финской стороны был открыт огонь по советским пограничникам. В последующие дни эти провокационные действия возобновились. 30 ноября части Красной Армии начали военные действия, вызванные необходимостью обеспечить безопасность нашей границы. В течение декабря войска Ленинградского округа, преодолевая ожесточенное сопротивление и неся серьезные потери, смогли пройти лишь зону заграждений и подойти к главной полосе обороны линии Маннергейма. Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Потребовалось значительно усилить действующие войска дополнительными соединениями, вооружением и техникой. Эти и другие немаловажные обстоятельства утвержденным планом не предусматривались, поэтому ряд вопросов пришлось решать экспромтом.

В конце декабря 1939 года Главный военный совет вынужден был приостановить наступление наших войск, с тем чтобы более надежно организовать управление, заново спланировать операцию по прорыву линии Маннергейма и провести к ней

соответствующую подготовку. Эти вопросы были рассмотрены на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в первых числах января 1940 года. На него были приглашены командующий войсками и члены Военного совета Ленинградского военного округа, командующие войсками Западного и Киевского особых военных округов (они находились в декабре в качестве наблюдателей и советников в войсках Ленинградского округа), а также ряд ответственных лиц из Наркомата обороны и Генерального штаба. Подготовку заседания возложили на Шапошникова. Как раз тогда я был временно привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам. Вспоминая то время, я снова и снова испытываю чувство глубокой благодарности к дорогому Борису Михайловичу за огромную помощь мне добрым словом, советами и наставлениями.

7 января 1940 года по предложению Генерального штаба был создан на Карельском перешейке для прорыва линии Маннергейма Северо-Западный фронт, командование войсками которого возложили на командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко. Членом Военного совета фронта был назначен А. А. Жданов, а начальником штаба — командарм 2-го ранга И. В. Смородинов.

Окончательная разработка плана прорыва линии Маннергейма была возложена на С. К. Тимошенко и Генеральный штаб. После утверждения пересмотренного плана командование фронта, армий, Генеральный штаб и аппарат Наркомата обороны проделали огромную работу по подготовке прорыва и наступления в целом. На фронт прибыли новые войска и все необходимое. Действовавшие ранее войска, пополнившись, получили передышку. Кроме того, была произведена необходимая перегруппировка. В начале февраля подготовительные работы в войсках и штабах были закончены. 11 февраля 1940 года фронт перешел в наступление, прорвал оборону противника и успешно стал продвигаться вперед.

Видя неизбежность краха своих замыслов, правительство Финляндии обратилось к Советскому Союзу с просьбой о заключении мира,

8 апреля 1940 года в Кремле по решению мартовского Пленума ЦК ВКП(б) для подведения итогов зимней кампании и внесения необходимых коррективов в организацию, вооружение и боевую подготовку Красной Армии состоялось расширенное заседание Главного военного совета. В его работе участвовали члены Политбюро ЦК партии, руководители Наркомата

обороны, командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов военных округов и армий, командиры корпусов и дивизий, побывавших на фронте, руководители высших военно-учебных заведений и ответственные работники Генерального штаба. В ходе обсуждения вопроса «Об основных принципах организации боевой подготовки войск и штабов» был выработан ряд принципиальных решений, направленных на усиление обороноспособности и боеготовности Красной Армии. Особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличилось число учений и маневров.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство произвели значительные перемещения в руководящем составе Наркомата обороны. Реорганизация длилась фактически вплоть до начала Великой Отечественной войны. В мае 1940 года действовавший при Совнаркоме СССР Комитет обороны возглавил К.Е. Ворошилов, а наркомом обороны стал Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли. Наиболее вероятным противником в нем называлась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на ее стороне может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступить Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный «сырьевой придаток» Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник «Антикоминтерновского пакта»).

Б.М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал

концентрированно основных сил страны именно здесь. Не исключая нападения Японии на наш Дальний Восток, он предлагал сосредоточить там такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение.

Говоря далее о предполагаемом направлении главного удара противника, Борис Михайлович считал, что самым выгодным для Германии, а следовательно, наиболее вероятным является развертывание основных сил немецко-фашистской армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участке Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были согласно плану также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств. В целом предусматривалось, что Германии потребуется для развертывания сил на наших западных границах 10-15 дней от начала их сосредоточения. О возможных сроках начала войны в докладе ничего не говорилось. Такковы его общие контуры.

Проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии

в сентябре 1940 года был доложен И.В. Сталину в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. К великому нашему сожалению, в представлении ЦК партии этого важнейшего оперативного документа не участвовал один из основных его составителей и автор главных его идей, Борис Михайлович Шапошников. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо него был назначен генерал армии К.А. Мерецков. Таким образом, от Наркомата обороны план представляли нарком С.К. Тимошенко, новый начальник Генерального штаба К.А. Мерецков и его первый заместитель Н.Ф. Ватутин.

О том, что предшествовало перемещению Б.М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. И.В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем

▲ Бронеколпак, линия Маннергейма

только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

— А каково ваше мнение? — спросил Сталин.

Борис Михайлович понимал, что Коммунистическая партия и Совет-

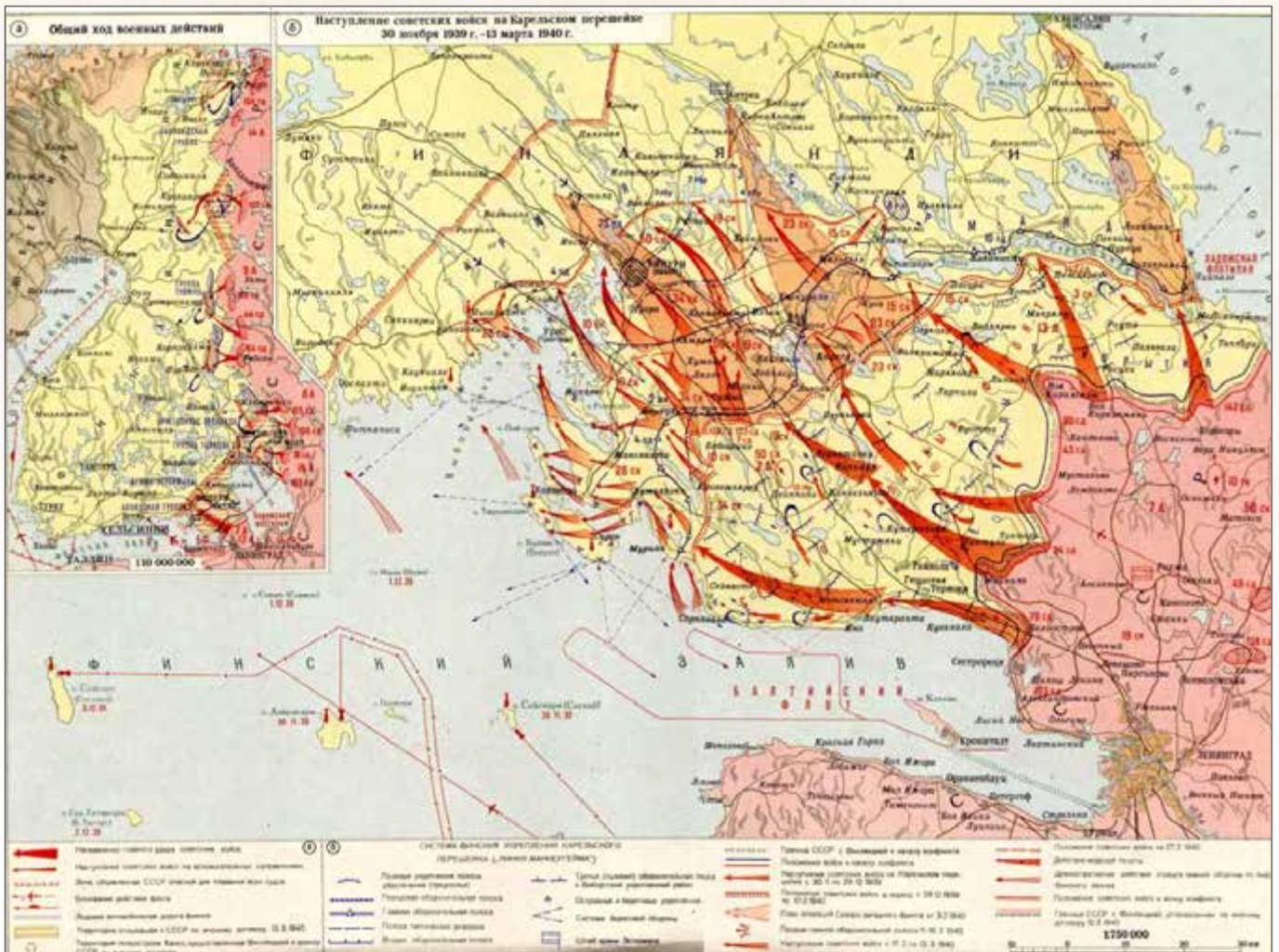
ское правительство выразили свое отношение к его военной деятельности, присвоив ему 7 мая 1940 года высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Будучи исключительно дисциплинированным человеком, он ответил, что готов служить на любом посту, куда его назначат.

Менее чем за год до начала Великой Отечественной войны Шапошников был назначен заместителем народного комиссара обороны. На него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, деятельностью Главного военно-инженерного управления и Управления строительства укрепленных районов. Он приложил немало усилий, чтобы укрепить оборонительную линию на западной границе.

С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к совет-

ским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии. В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с Запада. Дел было очень много, и как-то незаметно сложилось, что с весны 1941 года, особенно второй ее половины, все работники Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились на своих служебных местах.

В один из таких вечеров я встретил Бориса Михайловича. Заместитель наркома только что возвратился

▲ Советско-финляндская война

▲ Участок линии Маннергейма

из инспекционной поездки к нашим западным границам. Рассказ свой он начал с сообщения о том, что в Западном особом военном округе строительство полевого фронтового командного пункта развернулось полным ходом (такое указание западным приграничным округам было дано Генштабом 27 мая).

Телефонный звонок прервал нашу беседу. Уже положив трубку, Борис Михайлович вдруг закашлялся, что часто с ним случалось в последнее время при длительных телефонных переговорах. Не желая затруднять его продолжением разговора, я встал, чтобы уйти. Он поднял на меня усталые глаза и, как бы извиняясь за свою слабость, сказал:

– Так вот, голубчик вы мой... Возвращайтесь к своим делам...

В роковую ночь начала войны командование приграничных округов держало непрерывную связь с руководством Наркомата обороны и Генеральным штабом. В 4 часа с минутами 22 июня 1941 года нам стало известно от оперативных органов

окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия. Началась Великая Отечественная война.

22 июня 1941 года руководство вооруженной борьбой осуществлялось Главным военным советом. На следующий день была создана Ставка Главного Командования. Одновременно при ней был создан институт постоянных военных советников, в который наряду с другими военными, партийными и государственными деятелями вошел Шапошников.

По указанию Ставки в помощь командованию фронтов была направлена из центрального аппарата Наркомата обороны группа ответственных работников. Днем 22 июня

И. В. Сталин позвонил Г. К. Жукову, бывшему в то время начальником Генштаба, и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания.

В тот же день генерал армии Жуков вылетел в Киев, а на Западный фронт отбыли заместители наркома обороны Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик. Наше оперативное управление превратилось в некий улей, куда прилетавшие с линии фронта «пчелы» доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке. Информация распределялась по трем отделам, сложившимся соответственно трем главным направлениям боевых действий: Северо-Западному, Западному и Юго-

▲ В июле 1941 года

Западному. Не переставая, работали «бодо» — телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтовые управления, слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватаю.

Надо иметь в виду, что в первый день войны из Генерального штаба на Юго-Западный фронт уехал не только его начальник Жуков, находившийся там до 27 июня. Уехали и другие руководители Генштаба.

Главная работа Оперативного управления сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты — географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на ка-

ком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...

В первые дни войны, когда руководящие лица Наркомата обороны и Генштаба по приказу Сталина были посланы на основные направления фронтов, все оставшиеся в распоряжении Наркомата обороны средства связи были брошены на установление с ними немедленного контакта. У нас, работников Генерального штаба, невольно создавалось впечатление, что Генеральный штаб в самый ответственный момент оказался предоставленным самому себе. Все решения принимались наверху помимо него, и он был лишь передаточной инстанцией.

Однако, когда попытки Главного командования остановить быстрое продвижение в глубь нашей страны мощных группировок врага силами не изготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удалось, оно пришло

к единственно правильному в тех условиях решению — использовать подходившие из глубины страны от мобилизованные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Главное командование решило в связи с этим ряд новых и довольно сложных проблем. Срочное их решение потребовало от него немедленного привлечения к ответственной и кропотливой работе соответствующим образом организованного аппарата, военных специалистов и прежде всего аппарата Генерального штаба. В связи с этим структуру Наркомата обороны и Генерального штаба, существовавшую до начала Великой Отечественной войны и не совсем отвечавшую требованиям развернувшейся войны, пришлось перестраивать. Решением ЦК партии и ГКО были реорганизованы отдельные центральные управления Наркомата обороны и Генерального штаба. Шаг за шагом Генштаб превращался в рабочий орган Ставки, ибо никакого другого специального аппарата для этой цели она не имела.

В числе мероприятий, направленных на улучшение работы Генштаба применительно к потребностям начавшейся войны, я считаю, одним из весьма важных было решение Ставки, принятое в ночь на 30 июля 1941 года, о назначении начальником Генерального штаба Маршала Советского Союза Шапошникова. Сталин предпочел использовать командный опыт Жукова непосредственно в войсках, назначив его командующим Резервным фронтом. Этот фронт был образован в разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону.

Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков рассказал, как при очередном своем докладе в Ставке он попросил Сталина освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт, где он, видимо, смог бы принести больше пользы Родине. Сталин отпустил Жукова, не дав определенного ответа на его просьбу. Примерно через полчаса он снова пригласил Жукова к себе.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас от обязанностей начальника Генерального штаба. На это место назначим Шапошникова. Правда, у него со здоровьем не все в порядке, но ничего, мы ему поможем. А вас используем на практической работе. У вас большой опыт командования войсками в боевой обстановке. В действующей армии вы принесете несомненную пользу. Естественно, что вы остаетесь заместителем наркома обороны и членом Ставки.

Так состоялось возвращение Шапошникова к руководству Генеральным штабом. Сам Жуков оценил это событие кратко и исчерпывающе; «Борис Михайлович являлся одним из наиболее глубоких военных ученых нашего государства, сочетавших знание теории военной науки с большим практическим опытом

работы по оперативно-стратегическим вопросам... 30 июля 1941 года, когда меня назначили командующим Резервным фронтом, Шапошников стал вновь начальником Генерального штаба. Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в Действующей армии и особенно со стороны Генштаба».

Шапошников немедленно включился в работу. Он начал ее с участия 30 июля в обсуждении в Ставке вопроса о мероприятиях по усилению обороны Ленинграда. В тот момент Ставка располагала данными, что на Северо-Западном направлении враг, где его наступление, хотя и с большим трудом, было времен-

но приостановлено, спешно готовит с целью овладения Ленинградом три ударные группировки: одну — для наступления на Копорское плато, вторую — в районе Луги для удара вдоль шоссе Луга — Ленинград, третью северо-западнее Шимска для наступления на новгородско-чудовском направлении. В Ставку были вызваны главком Северо-Западного направления Ворошилов и член Военного совета Жданов.

По возвращении из Ставки в Генштаб (это было около 4 часов утра 31 июля) Борис Михайлович объявил мне, что в Ставке среди других вопросов стоял вопрос об усилении аппарата командования Северо-Западного направления и что Ворошилов по окончании заседания предложил назначить меня на должность начальника штаба. Шапошников поинтересовался моим мнением. Я совершенно искренне считал, что если Климента Ефремовича не удовлетво-

▲ Сталин и Шапошников

рял в этой должности такой способный, всесторонне подготовленный оперативный работник, как М. В. Захаров, то уж я, безусловно, вряд ли ему подойду. Шапошников предупредил меня, что вечером Ставка вновь будет заниматься Северо-Западным направлением и что, видимо, вопрос о моем назначении будет решен. Он рекомендовал использовать оставшееся время для более детального изучения оперативной обстановки на этом направлении.

Шапошников отпустил меня. Весь день я просидел, погрузившись в карты и бумаги. А глубокой ночью, вернувшись из Кремля, начальник Генштаба вызвал меня к себе и протянул лист бумаги:

– Вот, читайте.

Это было постановление о назначении Василевского начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба, причем инициатором постановления, как заявил Борис Михайлович, был Сталин, и он сам написал это постановление. Естественно, что вопрос о моем назначении начальником Северо-Западного фронта уже не поднимался.

1 августа я приступил к исполнению своих новых обязанностей. Вполне понятно, что в ту тяжелую и крайне напряженную пору мне вряд ли удалось бы успешно справиться с ними, не опираясь повседневно и ежечасно на помощь и поддержку Бориса Михайловича. У нас с ним сложились самые лучшие отношения, какие только можно пожелать. И это необычайно помогало делу.

В сложнейшей обстановке первых месяцев Великой Отечественной войны Шапошников внес неоценимый вклад в завоевание нашей грядущей победы над врагом. Именно в эти дни с особой силой проявились его полководческий талант и выдающиеся организаторские способности. При его прямом участии разрабатывались операции большого масштаба в начальный период войны. Его непосредственное руководство обеспечивало быструю перестройку работы всех крупных штабов.

Улучшению стратегического руководства войсками Борис Михайлович уделил первостепенное внимание. По его заданию и при его самом живом участии было срочно разработано и уже 10 августа 1941 года введено в действие положение, которым регламентировалась работа фронтовых управлений и управлений Генерального штаба. Шапошников подписал специальную директиву, устанавливавшую порядок передачи боевых донесений и оперативных сводок с фронтов в Центр. В соответствии с ней штабы фронтов обязаны были заканчивать свои донесения и сводки в Генштаб не позднее 2 часов ночи ежесуточно, а спешные, особо важные передавать лично дежурному заместителю начальника Генштаба. Эти и другие предпринятые Шапошниковым меры послужили важным средством для того, чтобы установить планомерность и порядок в штабной службе, что было необычайно важно в той обстановке. Сам Борис Михайлович был олицетворением этого порядка. Его неизменное спокойствие, твердость и воля, умение подойти к решению всякого вопроса основательно, без спешки и нервозности передавались всем окружающим и давали такой эффект, который был бы невозможен при иных условиях. Наше Оперативное управление, занимавшее центральное место в Генштабе, как и другие управления, непосредственно связанные с организацией боевой деятельности войск, быстро входило в тот ритм, который диктовала война.

Был и другой момент, и о нем нельзя не сказать, оценивая роль Шапошникова как руководителя Генерального штаба. С начала августа 1941 года мне пришлось ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки сопровождать его в поездках к Верховному Главнокомандующему. В августовские и сентябрьские дни 1941 года эти встречи, как правило, происходили в Кремле, в кабинете Сталина. Как я уже говорил, превращение Генерального штаба в рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования произошло не сразу и не так уж гладко. Сначала Сталин

высказывал резкое недовольство его деятельностью. Тяжелая обстановка на фронтах порождала многие недостатки в деятельности Генштаба. К тому же, не скрою, Сталин не всегда принимал оптимальные решения, не всегда проявлял понимание наших трудностей. Сталин как Верховный Главнокомандующий вызывал для рассмотрения очередного вопроса то одно, то другое ответственное лицо как с фронта, так и из тыла. Он требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждаемому вопросу и, получив таковые, иногда спрашивал совета, а в первое время чаще сразу решал сам, отдавая распоряжения без единого лишнего слова. Взвалив на свои плечи огромную ношу, Сталин не щадил и других. В ходе Великой Отечественной войны, как, пожалуй, ни в какое время, проявилось в полной мере самое сильное качество Сталина: он был отличным организатором. А организаторские способности играли тогда, конечно, огромную роль, ибо непосредственно от них зависело принятие верного оперативного плана, обеспечение фронта и тыла материальными и людскими ресурсами, действия с учетом перспективы длительной и тяжелой войны.

Были в деятельности Сталина того времени и просчеты, причем иногда серьезные. Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Первоначальные неудачи Красной Армии показали некоторых ее командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложнейшей обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться. Сталин же исходил из того, что, если боевые действия развиваются не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену руководителя. Перемещения касались всего аппарата Наркомата обороны, Генштаба и руководства войсками. Однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны

далеко не всегда давало положительные результаты. Сталин мало опирался и на Генеральный штаб, далеко недостаточно использовал знания и опыт его работников. В таких условиях Генштаб не мог развернуться и работать в меру своих сил. Надо иметь в виду, что и сама система обслуживания им Ставки только еще вырабатывалась.

Во время поездок с Шапошниковым в Кремль я имел возможность воочию убедиться, каким высоким уважением пользовался Борис Михайлович у Сталина. Работая в непосредственном контакте с Верховным Главнокомандующим, Шапошников представлял подготовленную Генштабом информацию, высказывал аргументированные предложения, на основе которых Ставка давала затем директивы. Сталин всегда с большим вниманием прислушивался к рекомендациям и мнению Бориса

Михайловича. Это, конечно, отнюдь не означало, что Верховный Главнокомандующий всякий раз соглашался с ними. Как мне думается, Сталин особенно ценил Шапошникова за то, что тот никогда не приспособливал свое суждение по решаемому вопросу к мнению, которое уже складывалось в Ставке. Он умел с достоинством отстаивать свои суждения, если был убежден в их правильности.

Но Сталин знал и другое: если решение принято, Шапошников будет проводить его в жизнь со всей присущей ему энергией вне зависимости от того, совпало оно с его собственной точкой зрения или нет. Личный авторитет Шапошникова, безусловно, благотворно сказывался на процессе превращения Генерального штаба в надежный рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования. По мере того как разворачивались события, Сталин все больше стал

придерживаться правила — принимать всякое ответственное решение по военному вопросу лишь после предварительного доклада начальника Генерального штаба.

С первых дней августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была чуть ли не ежечасно заниматься ходом событий на Юго-Западном стратегическом направлении. К этому времени обстановка там сложилась весьма нелегкая. Продолжавшееся на протяжении двух месяцев до этого Смоленское сражение имело своим итогом задержку наступления врага на главном московском направлении, что явилось для нас крупным стратегическим успехом. Советское командование получило дополнительное время как для создания новых мощных резервов, так и для укрепления Москвы. Основные группировки врага, действовавшие на московском на-

▲ Кирпонос М.П.

▲ Василевский А.М.

▲ Еременко А.И.

▲ Буденный С.М.

правлении, были изрядно измотаны. В гитлеровской ставке начались серьезные дискуссии о необходимости изменения всего замысла кампании. Директивой от 30 июля фашистское командование предусматривало остановить наступление группы армий «Центр» на Москву. Несколько позже 2-я танковая группа и 2-я армия группы армий «Центр» были повернуты на юг.

Это решение Гитлера и верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии вовсе не свидетельствовало, что они отказываются от взятия Москвы. Они хотели закрепиться на юге, высвободить значительные силы, а потом пойти на советскую столицу.

В результате обстановка на Юго-Западном направлении резко осложнилась. Во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов шли ожесточенные оборонительные бои. В те дни довольно часто я получал указание вызвать для переговоров командующих и членов военных советов этих фронтов или главнокоман-

дующего Юго-Западного направления. Телеграфная переговорная для обслуживания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты Поскребышева, личного секретаря Сталина. Рядом с нею была комната библиотеки Сталина, которой пользовались мы, работники Генштаба, при отработке документов в Кремле. Переговоры с фронтами обычно вел Шапошников. В особо важных случаях это дело брал на себя Сталин. Такие переговоры в присутствии некоторых членов ГКО и Шапошникова Верховный Главнокомандующий вел вечером 4 августа с командующим Юго-Западным фронтом генерал-полковником М. П. Кирпоносом и членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым. Сталин подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы немецкие войска г перешли на левый берег Днепра, и потребовал от них совместно с главнокомандующим этого направления С. М. Буденным и командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым теперь же

наметить план создания крепкой оборонительной линии, проходящей приблизительно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее на север по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра.

Однако на другой день, 4 августа, утром противник, продолжая наступление в полосе Южного фронта, овладел районом Кировограда. 8 августа его 2-я армия и 2-я танковая группа перешли в наступление в направлениях Могилев, Гомель и Рославль, Стародуб. Было очевидно, что враг стремится выйти во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта. Чтобы ликвидировать угрозу, нависшую над войсками центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрыть направление на Брянск, 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А. И. Еременко.

Еременко в тот же день был вызван в Ставку для получения указаний

по новой должности лично от Верховного Главнокомандующего. При этой встрече в кремлевском кабинете Сталина, кроме него самого и некоторых членов ГКО, присутствовали Шапошников и я. Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, поинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. Еременко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Затем И. В. Сталин кратко, но четко обрисовал в целом сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, обратив при этом особое внимание на Западное и Юго-Западное направления. Дал он вкратце и оценку вражеских сил и высказал свое мнение о том, чего можно ожидать от противника в недалеком будущем. Он заметил, что, вероятнее всего, противник и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера — через Калинин и с юга — через Брянск, Орел. Для этой цели фашисты на брянском направлении в качестве основной ударной группировки держат 2-ю танковую группу генерала Гудериана. Это направление для нас сейчас наиболее опасно еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом. Хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правобережным войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого все же надо. Исходя из всего этого, основная и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Тут же был определен состав войск Брянского фронта.

— Выслушав все это, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что в «ближайшие же дни, безусловно»,

разгромит Гудериана. Эта твердость импонировала Верховному.

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, — бросил он вслед выходящему из его кабинета Еременко...

Когда мы возвращались в Кремль, я понял, что начальник Генерального штаба значительно осторожнее оценивает наши возможности, нежели Еременко. Реальное соотношение сил складывалось далеко не в нашу пользу.

В последующие дни оперативно-стратегическая обстановка на Юго-Западном фронте продолжала быстро осложняться. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17 августа — Николаев. 16 августа войска Брянского фронта тоже вступили в тяжелые оборонительные бои против 2-й танковой группы и 2-й армии фашистов, наносивших удар на Конотоп и Чернигов. В Генштабе становилось все яснее, что командующий Брянским фронтом явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Корсунский укрепленный район.

17 августа Шапошников и я решили при докладе Верховному поставить вопрос об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Но Сталин был уверен, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу, то, во всяком случае, задержит ее, не выпустит на юг, и отклонил наше предложение.

Член Ставки ВГК командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков направил 19 августа Верховному Главнокомандующему доклад, в котором высказывал, по существу, ту же точку зрения, что и Генеральный штаб. В тот же день Ставка в ответе Жукову сообщила, что его соображения насчет вероятного продвижения немецких войск в сторону Чернигов, Конотоп, Прилуки считает правильными. «Это продвижение, — говорилось далее в ответе, — будет означать обход нашей киевской группы

с восточного берега Днепра и окружение наших войск Третьей и Двадцать первой армий. Известно, что одна колонна противника пересекла Унечу и вышла на Стародуб. С целью помешать в осуществлении замысла противника создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых будет сообщено особо».

Как мы видим, Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб были едины в оценке складывающейся обстановки. Все дело в том, сможет ли решить Брянский фронт поставленную перед ним задачу. Все последующие дни Ставка и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. И Шапошников и я с самого начала считали, что Брянский фронт не располагает достаточными силами для достижения победы над группировкой Гудериана и должен решать более скромную задачу — сдержать его наступление. Мы предпринимали все возможное, чтобы укрепить опасное направление, и прежде всего Брянский фронт, резервами — танками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию соседних фронтов, резерва Главного командования, а также части дальней бомбардировочной авиации.

24 августа при обсуждении вопроса пришли к заключению о целесообразности объединить усилия наших войск, действовавших против наступающей с севера на конотопском и гомельском направлениях вражеской группировки. Для этого следовало расформировать Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту. Прежде чем окончательно принять это решение, Верховный Главнокомандующий посчитал нужным запросить мнение самого Еременко. В телеграфных переговорах с ним вместе со Сталиным в моем присутствии принимал участие Шапошников, уточнявший не вполне ясную к тому моменту обстановку на Брянском фронте. Телеграфные переговоры Верховного Главнокомандующего с командующим Брянским фронтом показали,

что последний по-прежнему настроен весьма оптимистично.

В ночь на 25 августа Ставка издала подготовленную нами тут же в Кремле после окончания переговоров с Еременко директиву, по которой Центральный фронт с 26 августа упразднялся. Его войска передавались Брянскому фронту.

Читателю может показаться странным, как быстро принимались столь важные решения. Одни фронты расформировывались, другие создавались. Одни армии переставали существовать, другие возникали. Должен сказать, что одна из особенностей войны заключается в том, что она требует скорых решений. В непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но и не совсем удачные решения. В данном случае организационные решения преследовали цель усилить Брянский фронт, и Шапошников как начальник Генерального штаба поддерживал их. Однако у него возникало беспо-

койство, что преувеличение командующим Брянским фронтом своих возможностей может в дальнейшем повлиять на оценку реальной обстановки Верховным Главнокомандующим. Сталин все еще надеялся, что Еременко выполнит свое обещание разбить «подлеца Гудериана».

27 августа Ставка решила провести 29 — 31 августа воздушную операцию против 2-й танковой группы противника на брянском направлении. В выполнении задания должно было участвовать не менее 450 боевых самолетов. В ночь на 30 августа в адрес Еременко была отправлена директива, которая обязывала войска Брянского фронта перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая дальнейшее наступление на Кричев, Пропойск (Славгород), к 15 сентября выйти на фронт Петровичи, Климовичи, Новозыбков, Щорс. Это означало бы крах правого фланга немецкой группы армий «Центр». Но попытки фронта выполнить эту директиву

оказались безуспешными. Не смогли его войска и остановить врага. Его танковым соединениям удалось прорваться на левом фланге Брянского фронта за реку Десну. 7 сентября они вышли к Конотопу. Противник сумел активизировать свои действия во всей полосе Юго-Западного фронта...

Вечером 7 сентября Военный совет Юго-Западного фронта сообщил главкому Юго-Западного направления и Генеральному штабу, что обстановка на фронте стала еще более тяжелой. Противник сосредоточил превосходящие силы, развивает успех на конотопском, черниговском, остерском и кременчугском направлениях. Ясно обозначилась угроза окружения основной группировки 5-й армии. Фронт прилагал основные усилия на кременчугском направлении, чтобы ликвидировать здесь вражеский плацдарм. Резервов у фронта больше не оставалось. Военный совет фронта просил разрешения отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й

▲ Август 1941 г.

▲ Кузнецов Н.Г.

▲ Ворошилов К.Е.

армии на рубеж реки Десны. Военный совет Юго-Западного направления согласился с предложениями Военного совета фронта. Обсудив столь тревожное донесение, мы с Шапошниковым пошли к Верховному Главнокомандующему с твердым намерением убедить его в необходимости немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток и оставить Киев. Мы считали, что подобное решение в тот момент уже довольно запоздало и дальнейший отказ от него грозил неминуемой катастрофой для войск Юго-Западного фронта в целом.

Разговор был трудный и серьезный. Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от него. Попытки Бориса Михайловича объяснить, что такова неумолимая действительность, не возымели действия. И только 9 сентября нам было разрешено наконец передать командующему Юго-Западным фронтом: «Верховный Главкоман-

дующий санкционировал отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на реку Десна на фронте Брусилово — Воропаево с обязательным удержанием фронта Воропаево — Тарасовичи и Киевского плацдарма». Иными словами, было принято половинчатое решение.

Борис Михайлович заметно осунулся в те тяжелые сентябрьские дни. Выглядел он крайне переутомленным и усталым. На его плечах в первую очередь лежала весьма неблагоприятная миссия по несколько раз в сутки докладывать Верховному об обстановке, становившейся все более напряженной, и высказывать предложения, которые из нее вытекали. При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Однако обстановка диктовала только такой выход.

Ухудшилось положение и под Ленинградом. Ставка приняла решение назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии Жукова. Вместо Буденного главком-

мом Юго-Западного направления назначался Тимошенко, Западного фронта — генерал-лейтенант Конев. Шапошникову и мне было приказано вызвать Тимошенко в Ставку и продумать вместе с ним предложения по Юго-Западному фронту.

Примерно в то же время Сталин, считавший исключительно тяжелым положение Ленинградского фронта, отдал распоряжение возвратившемуся из Ленинграда наркому Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецову относительно Балтийского флота:

– Ни один боевой корабль не должен попасть в руки противника.

Затем распорядился, чтобы была подготовлена телеграмма командующему с приказанием все подготовить на случай уничтожения кораблей.

Рассказывая об этом эпизоде в своих воспоминаниях, Кузнецов пишет, что он отказался подписать такую телеграмму, мотивируя это тем, что Балтийский флот оперативно подчинен командующему Ленинградским фронтом и потому такая

▲ Тимошенко С.К. на западной границе

директива может быть дана только за подписью Верховного Главнокомандующего. Сталин после короткого размышления приказал Кузнецову отправиться к начальнику Генерального штаба и заготовить телеграмму за двумя подписями: Шапошникова и Кузнецова. Однако Борис Михайлович отказался поставить свою подпись под телеграммой. Составив ее текст, он отправился к Сталину вдвоем с Кузнецовым. Выслушав доводы начальника Генштаба и наркома ВМФ, Сталин оставил документ у себя.

Вплоть до 17 сентября Сталин отказывался серьезно рассматривать предложения, поступавшие к нему от главкома Юго-Западного направления, члена Ставки Жукова, Военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального штаба. Объяснялось это, на мой взгляд, тем, что он преуменьшал угрозу окружения основных сил фронта, переоценивал предпринятое Западным, Резервным и Брянским фронтами наступление во фланг и тыл мощной группировке врага, нано-

сившей удар по северному крылу Юго-Западного фронта. Сталин, к сожалению, всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось.

Не имея возможности убедить Верховного, Борис Михайлович говорил мне, когда мы возвращались из Кремля:

– Ну что поделаться, голубчик. На войне очень многие люди оценивают обстановку и предлагают возможное решение. Но решать-то приходится одному. Иначе невозможно. Ох и нелегкая эта обязанность! И если мы с вами считаем, что принятое решение не было оптимальным, значит, не все, что от нас требовалось, сумели сделать. А делать нужно...

Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, разрешил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронта отдало

приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и Ставкой была утеряна... Выход из окружения осуществлялся в крайне тяжелых условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно. 20 сентября погибли в бою командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета, секретарь ЦК КП(б) Украины М.А. Бурмистенко и начальник штаба генерал-майор В.И. Тупиков.

Враг добился успеха дорогой ценой. Советская Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше десятка его кадровых дивизий. Противник потерял более 100 тысяч солдат и офицеров. Более месяца сдерживали советские войска группу армий «Центр» действиями на киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой.

Октябрь и ноябрь 1941 года для Генштаба и его начальника были еще более напряженными, чем предыду-

щие месяцы войны. Стратегическое положение Советской Армии к первой военной осени оставалось крайне тяжелым. Гитлеровские войска еще не утратили полностью своих преимуществ. Несмотря на огромные потери, которые с начала агрессии составили к концу сентября 1941 года свыше полумиллиона человек, они продолжали продвигаться на восток. Фашистская армия по-прежнему владела стратегической инициативой, имела превосходство в силах и средствах, удерживала господство в воздухе. На северо-западе мы не сумели предотвратить прорыв фашистов к городу Ленина, началась ленинградская блокада. Серьезная неудача, постигшая наши войска на южном крыле советско-германского фронта, создала реальную угрозу Харьковскому промышленному району и Донбассу. Под ударом оказались отрезанные от своих соседей наши войска в Крыму.

После того как наши войска беспримерной стойкостью в обороне и решительными контрударами нанесли весьма чувствительные удары войскам группы армий «Центр», их первая попытка прорваться с ходу к Москве была сорвана. Вместе с тем в Генштабе отдавали ясный отчет в том, что переход врага здесь от наступления к обороне носил сугубо вынужденный и временный характер. Центр развернувшейся борьбы продолжал оставаться на Западном стратегическом направлении, и именно здесь, на московском направлении, гитлеровцы намеревались быстро решить судьбу войны в свою пользу.

30 сентября — 2 октября 1941 года противник нанес сильные удары по советским войскам, прикрывавшим московское направление. Три наших фронта вступили в тяжелое, кровопролитное сражение. Началась великая Московская битва. Противнику удалось прорвать нашу оборону и окружить значительную часть оборонявшихся на московском направлении советских войска в районе Вязьмы. Неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых

резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны.

За ошибки на войне приходится дорого расплачиваться. Оказавшись в окружении, советские войска своей упорной героической борьбой в районе Вязьмы сковали до трех десятков вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, срочно приступить к организации обороны на Можайском рубеже. К середине октября в четырех армиях, прикрывавших основные направления на Москву, насчитывалось уже 90 тысяч человек. Одновременно на Западный фронт перебрасывались три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока.

В ночь на 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы. Главным рубежом обороны для советских войска стала Можайская линия. Сюда теперь направлялись все возможные силы и средства. Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей — Ворошилова, Молотова.

По предложению Шапошникова в качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я. Одной из основных задач, возложенных на меня, была срочная отправка войска, оторвавшихся от противника и отходивших с запада, на рубеж Можайской линии и организация обороны на этом рубеже. В помощь мне Борис Михайлович выделил группу командиров Генштаба и две колонны автомашин. В мое распоряжение прибыл генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров с группой командиров. Они должны были принимать прибывавшие сюда войска с фронта и из тыла.

Вместе с командованием фронта за пять дней общими усилиями

удалось направить на Можайскую линию из состава войска, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы мы ежедневно докладывали Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба. Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и командующий Западным фронтом генерал-лейтенант И. С. Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени уже был отозван из Ленинграда и находился в войсках Резервного фронта.

Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. Начальник Генерального штаба очень внимательно выслушал мой доклад. Расспросил, какие конкретно части и в каком составе сосредоточены для обороны на Можайском рубеже. Затем сказал, что 9 октября Сталиным и им была подписана директива, согласно которой командующим войсками Можайской линии обороны был назначен генерал-лейтенант П. А. Артемьев, оставшийся в то же время командующим войсками Московского военного округа. Ввиду чрезвычайной важности удержания этого оборонительного рубежа все войска, расположенные на Можайской линии обороны, подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Через сутки пришлось дополнить эту директиву другой. Согласно ей командование Можайской линии обороны переименовывалось в Управление Московского Резервного фронта. Этой же директивой предписывалось образовать к 11 октября в Московском Резервном фронте 5-ю армию, командующим которой назначался командир 1-го гвардейского корпуса Д. Д. Лелюшенко.

— Образование Московского Резервного фронта надо рассматривать как временную меру, вызванную

▲ Жуков Г.К.

чрезвычайными обстоятельствами, — подытожил наш разговор Борис Михайлович. — Реорганизованный Западный фронт сможет взять на себя управление 5-й и другими армиями, которые занимают оборону на Можайском рубеже. Наша с вами задача использовать каждую минуту для насыщения Можайской линии войсками, выдвинув туда все, что возможно...

Обсуждение наших возможностей на тот момент продолжалось довольно долго. В изнеможении откинувшись на спинку кресла, Борис Михайлович на минуту задумался, потом вдруг сказал:

— А знаете, Александр Михайлович, почти три десятка лет назад мне довелось делать доклад юбилейного характера для офицерского состава лагерного сбора Туркестанского полка, в котором я проходил цензовое командование ротой. Доклад делал вечером 25 августа 1912 года, а на другой день вся Россия отмечала юбилей — столетие Бородинского сражения. До этого, еще в период учебы в академии, пришлось готовить разработку и по теории военного искусства, связанную с сопо-

ставлением сражений Отечественной войны 1812 года и русско-японской войны. Тема формулировалась так: «Подход к полю сражения и усиленная разведка на основании Бородино и Вафангоу».

Бородино! Я слушал рассказ Бориса Михайловича, и память воскресала торжества в России в честь 100-летия Бородинского сражения. Объявленный сбор пожертвований на сооружение памятников, чтобы увековечить бессмертную славу русского оружия... Затем перед глазами вставало только что виденное всего лишь несколько дней назад на этом самом Бородинском поле, у Можайска... Грустный, с опавшей листвой, осенний лес вдали. Фигуры бойцов, споро отбрасывающих землю на брустверы окопов и траншей. Предупреждающие команды «воздух!» при появлении в небе очередного воздушного разведчика врага.

Снова в памяти: густые колонны французов, развертывающиеся в боевой порядок, с развевающимися знаменами. Наполеон на коне на рекогносцировке. А теперь: Гитлер где-то в бункере, по дорогам громящие колонны танков с паучьей

свастикой на бортах, в небе самолеты с той же свастикой. Вздрагивает земля от тяжелых ударов фугасных бомб. Солдаты в серо-зеленых шинелях, с автоматами, изрыгающими непрерывный поток смертельного огня... К Бородинскому полю, к полю русской ратной славы, вплотную подошла совсем другая война.

Как бы в тон моим мыслям Борис Михайлович закончил свое воспоминание:

— Вот уж, голубчик, не думал я тогда, что Бородино снова окажется в поле моего зрения. И отнюдь не в качестве темы юбилейного доклада. В такой войне, как теперь, все обстоит иначе. Но и мы ведь другие. Давайте продолжим...

10 октября Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов, о назначении Жукова командующим объединенным Западным фронтом, а Конева — его заместителем.

12 октября на заседании ГКО вновь рассматривались проблемы, связанные с обороной Москвы. Помню, какими уставшими и напряженными были лица участников заседания. Решался вопрос об укреплении ближних подступов к Москве, ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы третьей оборонительной линии — Московской зоны обороны (первой была Вяземская, второй — Можайская). От имени Ставки Верховного Главнокомандования Сталин и Шапошников подписали директиву, основная идея которой была сформулирована в первых двух пунктах.

«Для лучшего объединения действий на западном направлении, говорилось в директиве, — Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23 час. 50 мин. 12 октября 1941 года слить Западный фронт с Московским Резервным фронтом.

2. Все войсковые части и учреждения Московского Резервного фронта подчинить командующему фронтом».

Руководство строительством рубежей, организация обороны и управление войсками Московской

зоны были возложены на генерал-лейтенанта П. А. Артемьева, назначенного заместителем командующего Западным фронтом, и Военный совет Московского военного округа.

Пружина сжалась до отказа. Дни сливались с ночами. Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном — отстоять Москву. Ставка энергично наращивала силы Западного фронта. К 13 октября положение здесь было таково: на калининском направлении вели ожесточенные бои 29, 31 и 30-я армии; на волоколамском оборонялась воссозданная 16-я армия под командованием К. К. Рокоссовского; на можайском направлении стояла 5-я армия, которой после ранения Д. Д. Лелюшенко 16 октября стал командовать Л. А. Говоров; на наро-фоминском действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. На малоярославецком направлении сражалась 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, на калужском — 49-я генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

14 октября враг, возобновив наступление, ворвался в Калинин. 17 октября Ставка создала новый, Калининский фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева (в него вошли три армии правого крыла Западного фронта и ряд соединений и частей из Северо-Западного фронта). Упорной обороной войска Калининского фронта остановили наступающего врага и заняли выгодное оперативное положение по отношению к его северной ударной группировке на московском направлении.

Наступила вторая половина октября. Гитлеровцы продолжали рваться к Москве. На всех основных направлениях к столице разгорелись ожесточенные бои. Опасность неизмеримо возросла. В связи с приближением линии фронта непосредственно к городу ГКО принял и осуществил в те грозные дни решение об эвакуации из Москвы некоторых правительственных учреждений, дипломатического корпуса, крупных оборонных заводов, а также научных и культурных учреждений столицы. В Москве оставались

Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для руководства страной и Вооруженными Силами партийный, правительственный и военный аппарат. Эвакуировался и Генеральный штаб. Сталин попросил непосредственно Шапошникову возглавить его работу на новом месте, с тем чтобы наладить в тылу страны запасной пункт управления, в более спокойной обстановке продумать все возможные меры и предложения, чтобы изыскать новые резервы и боевые

средства для нанесения нарастающих ударов по врагу. Между начальником Генштаба по месту новой дислокации и Ставкой устанавливалась прочная, надежная и постоянная связь. Оставшийся в Москве первый эшелон Генштаба — оперативная группа для обслуживания Ставки не должна была превышать десяти человек. Возглавлять ее было поручено мне.

Вопросы об обязанностях, ответственности рабочей группы и ее персональном составе Борис Михайлович решал со мной, исходя из со-

▲ Конев И.С.

▲ Говоров Л.А.

держания задач, которыми ей надлежало заниматься. Говоря кратко, они формулировались таким образом: всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без лишней мелочности информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск. В состав группы были включены начальники основных оперативно-стратегических направлений Оперативного управ-

▲ Ватутин Н.Ф.

ления и по одному работнику от основных управлений Генерального штаба.

16 октября должен был отбыть из Москвы Генеральный штаб. Я позвонил Сталину и попросил разрешения проводить на вокзал Шапошникова и других работников Генштаба. Однако в ответ получил указание прибыть в Ставку, где и проработал до поздней ночи. Так мы с Борисом Михайловичем и не попрощались. Почти не покидал я Ставку все последующие дни. Наша работа, безусловно, облегчалась тем, что в любом случае можно было опереться на совет и поддержку Шапошникова. Хотя в те дни его не было рядом, связь работала надежно, и я ежедневно поддерживал с ним контакт. Да и Сталин при рассмотрении очередных вопросов обычно спрашивал:

– Советовались с Борисом Михайловичем?

– Да, товарищ Сталин.

– Докладывайте.

К концу октября советские воины остановили врага на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска и далее по линии рек Нара и Ока, а на юго-западных подступах к Москве — в районе Тулы, где 50-ю армию стойко поддерживали отряды тульских рабочих.

Итоги октябрьских событий были очень тяжелы для нас. Армия понесла серьезные потери. Враг продвинулся вперед почти на 250 километров. Однако достичь целей, поставленных планом «Тайфун», ему не удалось. Стойкость и мужество защитников советской столицы, помощь тружеников тыла остановили фашистские полчища. Советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага. Большую роль в этом сыграла твердость руководства со стороны Центрального Комите-

та партии и ГКО. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Генеральный штаб, руководимый Шапошниковым, как рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования внес свою лепту в общее дело. Хочется с особой благодарностью сказать о том, что Советское правительство даже в эти исключительно тяжелые дни нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генштаба, обслуживавших Ставку в оперативном отношении. 28 октября 1941 года постановлением СНК СССР четверым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания. Я никогда не спрашивал Бориса Михайловича и потому не могу сказать с уверенностью, но все же полагаю, что он содействовал принятию этого постановления. Сталин при решении вопросов о поощрении тех или иных работников обычно считался с мнением их старших начальников.

Внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже

говорилось, что Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности Сталина.

Остановив октябрьское наступление врага на Москву, советское командование использовало выигранное время для дальнейшего усиления войск Западного направления и укрепления оборонительных рубежей. Крупным мероприятием явилось завершение подготовки очередных и внеочередных резервных формирований. Немалый вклад в это дело внес начальник Генштаба Шапошников. В исходе Московской битвы решающее значение имело то, что партия и советский народ своевременно сформировали, вооружили, обучили и перебросили под столицу новые армии.

В Генеральном штабе не сомневались, что гитлеровское командование также готовит войска к возобновлению наступления. В течение

первой половины ноября оно создало две мощные ударные группировки. 15 — 16 ноября они перешли в наступление, стремясь обойти Москву с севера, через Клин и Солнечногорск, и с юга, через Тулу и Каширу. Тяжелые для нас оборонительные бои продолжались всю вторую половину месяца. К концу ноября фашистским войскам удалось северозападнее столицы продвинуться к каналу Москва-Волга и форсировать его у Яхромы, а на юго-востоке достичь района Каширы. Дальше враг не прошел, утратив свои наступательные возможности. Его соединения, стремившиеся овладеть советской столицей, в первых числах декабря всюду вынуждены были перейти к обороне. Этим завершился наиболее трудный для нас оборонительный период битвы под Москвой. Наши войска готовились к переходу в контрнаступление.

Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как была

▲ Мерецков – третий слева

сорвана первая попытка противника прорваться к столице. Но от нее пришлось тогда отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. В конце ноября, когда враг окончательно выдохся, а его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления. Уверенность в успешности контрнаступления под Москвой была у ГКО и Ставки настолько велика, что 15 декабря, то есть через десять дней после его начала, было принято решение о возвращении в Москву аппарата ЦК и некоторых государственных учреждений. Что касается Генерального штаба, то он во главе с Шапошниковым возвратился уже в двадцатых числах ноября.

Борис Михайлович тут же включился в работу по подготовке контрнаступления. Следует подчеркнуть, что переход наших войск от обороны к наступлению под Москвой в значительной мере облегчили успешные наступательные действия, предпринятые в ноябре и декабре на севере — на тихвинском и на юге — на ростовском направлениях. Начальник Генерального штаба в глубокой тайне, с привлечением лишь двух-трех человек из Оперативного управления, в разгар оборонительных боев под Москвой изыскивал боевые средства и резервы, разрабатывал предложения для Ставки Верховного Главнокомандования о нанесении удара по врагу под Ростовом-на-Дону, Тихвином, а затем и под Москвой. В те дни Борис Михайлович мог отвести себе для сна не более двух-трех часов в сутки. В результате крайнего переутомления в конце ноября он заболел, ему пришлось прервать работу почти на две недели.

12 декабря, когда Борис Михайлович выздоровел, контрнаступление наших войск под Москвой было в разгаре. Все мы были бесконечно рады начавшемуся повороту в ходе ожесточенной борьбы на советско-германском фронте. К началу января 1942 года Западный фронт вышел

на рубеж Наро-Фоминск, Малоярославец, селения западнее Калуги, Сухиничи, Белев. Это была первая в Великую Отечественную войну крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага под Москвой были разгромлены и отброшены к западу на сто, а в ряде мест и до двухсот пятидесяти километров. Непосредственная угроза Москве и всему Московскому промышленному району была ликвидирована, и контрнаступление под Москвой переросло в общее наступление советских войск на Западном направлении. Но в ходе контрнаступления под Москвой выявился и ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях.

Используя свой многолетний опыт генштабиста, Борис Михайлович настойчиво, последовательно, шаг за шагом совершенствовал стиль и методы аппарата военно-стратегического и оперативного руководства. Он хорошо понимал, что успех боевых действий, находясь в прямой зависимости от имеющихся сил и средств, тем не менее может не дать нужного эффекта, если эти силы и средства используются неразумно и нет гибкого, целеустремленного руководства войсками. Вот почему Шапошников исключительное внимание уделял организации работы командования и штабов. Зимой и весной 1942 года Борис Михайлович по поручению Ставки отдал ряд директив о порядке планирования операций, о взаимодействии всех родов войск в ходе наступления, о противотанковой и противовоздушной обороне и т.д. Одновременно разрабатывался важнейший документ, который должен был сыграть и действительно сыграл в ходе войны несомненно положительную роль в установлении единых методов штабной работы, — «Наставление по полевой службе штабов Красной Армии». Оно было утверждено начальником Генерального штаба Шапошниковым 17 марта 1942 года и направлено в войска как руководство к действию.

В те же дни весны 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования

и Генеральный штаб должны были решить вопрос, которым определялся весь дальнейший ход борьбы с врагом: наступать или обороняться?

Чтобы читатель полностью представил обстановку того времени, сошлюсь на директивное письмо Ставки, посланное Военным советам фронтов и армий еще 10 января 1942 года. Инициатором его был Сталин. Во вступительной части письма Ставка обращала внимание на то, чтобы войска при переходе в общее наступление учли опыт, полученный при контрнаступлении под Москвой и в других зимних наступательных операциях 1941 года, и избежали бы недочетов, которые наблюдались там. Общая обстановка оценивалась в письме следующим образом: «После того как Красной Армии удалось достаточно измотать немецко-фашистские войска, она перешла в контрнаступление и погнала на запад немецких захватчиков. Для того чтобы задержать наше наступление, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями. Немцы рассчитывают задержать таким образом наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти в наступление против Красной Армии. Немцы хотят, следовательно, выиграть время и получить передышку.

Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

В директивном письме правильно отмечалось, что наши войска уже приобрели немалый боевой опыт, опираясь на который и учитывая уязвимость вражеской обороны, могут гнать врага с нашей территории. Однако, правильно оценивая к началу 1942 года фронтовую обстановку как благоприятную для продолжения наступления, Верховное Главнокомандование недостаточно полно учло реальные возможности Крас-

▲ Смоленское сражение

ной Армии. В результате имевшиеся в распоряжении Ставки девять армий резерва были почти равномерно распределены между всеми стратегическими направлениями. В ходе общего наступления зимой 1942 года советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Неоправданными оказались надежды, высказанные Сталиным в речи 7 ноября и в цитированном выше директивном письме, на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились.

В апреле 1942 года наши фронты перешли к обороне. Установилось некоторое затишье в боевых действиях. Мы стремились, закрепив успехи, сохранить за собой стратегическую инициативу, а фашисты хотели во что бы то ни стало вырвать ее из наших рук.

Вопрос о плане военных действий всесторонне обсуждался в Генштабе. Ни у кого из нас не было сомнений, что противник не позднее лета вновь предпримет серьезные активные действия, с тем чтобы, опять захватив инициативу, нанести нам поражение. Шапошников требовал от нас критически проанализировать итоги зимы, точнее раскрыть замыслы врага на весну и лето 1942 года, по возможности четче определить стратегические направления, на которых суждено будет разыгаться основным событиям. Только при этом условии Ставка Верховного Главнокомандования могла принять обоснованные решения. Все мы отлично понимали что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т.д., а быть может, и исход войны в целом.

Итак, наступать или обороняться? В Генеральном штабе и Ставке счи-

тали, что основной ближайшей задачей советских войск должна быть временная стратегическая оборона. Ее цель — изматывать оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах ударные группировки врага, и не только сорвать подготавливаемое фашистами летнее наступление, но и подорвать их силы и тем самым с наименьшими для нас потерями подготовить благоприятные условия для перехода Красной Армии в решительное наступление. К тому времени в основном был закончен перевод промышленности на военные рельсы. Удалось решить главную задачу — успешно завершить эвакуацию основных промышленных предприятий, материальных ценностей и рабочей силы на восток. В Поволжье, Средней Азии, на Урале и в Сибири были созданы новые предприятия и отрасли промышленности, преимущественно оборонной. Эти успехи, достигнутые титаническим трудом руководимого

Коммунистической партией народа, позволили улучшить обеспечение армии оружием и военной техникой.

Разрабатывая план на лето 1942 года, Ставка исходила из того, что враг хотя и был отброшен от Москвы, но все еще продолжал угрожать ей. Наиболее крупная группировка гитлеровских войск (более 70 дивизий) находилась на московском направлении. Это мнение, как мне хорошо известно, разделяло командование большинства фронтов.

Верховный Главнокомандующий Сталин, не считая возможным развернуть в начале лета крупные наступательные операции, был также за активную стратегическую оборону. Но наряду с ней он полагал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска. Начальник Генерального штаба Шапошников стоял на том, чтобы не переходить к широким контр наступательным действиям до лета. Жуков, поддерживая в основном Шапошникова, считал в то же время крайне необходимым разгромить в начале лета ржевско-вяземскую группировку врага.

К середине марта Генеральный штаб завершил все обоснования и расчеты по плану операций на весну и начало лета 1942 года. Главная идея плана: активная стратегическая оборона, накопление резервов, а затем переход в решительное наступление. В моем присутствии Борис Михайлович доложил план Верховному Главнокомандующему, затем работа над планом продолжалась. Сталин согласился с предложениями и выводами начальника Генштаба. В то же время было принято решение: одновременно с переходом к стратегической обороне предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций, что, по мнению Верховного Главнокомандующего, должно было закрепить успехи зимней кампании, улучшить оперативное положение наших войск, удержать стратегическую инициативу и сорвать меро-

▲ Рокоссовский К.К.

приятия гитлеровцев по подготовке нового наступления летом 1942 года. Предполагалось, что все это в целом создаст благоприятные условия для развертывания летом еще более значительных наступательных операций Красной Армии на всем фронте от Балтики до Черного моря.

Борис Михайлович хотя и не рассматривал такое решение как оптимальное, не считал возможным отстаивать далее свое мнение. Он руководствовался правилом, которому учил и нас: начальник Генштаба располагает обширной информацией, но Верховный Главнокомандующий оценивает обстановку с более высоких, самых авторитетных позиций.

В конце марта Ставка рассматривала предложение командова-

ния Юго-Западного направления о проведении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов широкой наступательной операции с целью разгрома крупной группировки противника на южном крыле советско-германского фронта. Командование направления просило у Ставки дополнительно значительных сил и средств. Шапошников доложил Сталину, что Генштаб не согласен с этим предложением. Сталин одобрил наше решение, но в то же время дал Тимошенко согласие на разработку частной, более узкой, чем тот намечал, операции с целью разгрома харьковской группировки врага наличными силами и средствами Юго-Западного направления.

Этот переработанный план 10 апреля был направлен в Ставку.

Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и завершило Сталина в полном успехе операции. Верховный дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

12 мая, то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, и это дало Верховному Главнокомандующему повод бросить Генштабу резкий упрек в том, что по нашему настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

К сожалению, последовавшие вскоре события подтвердили опасения Шапошникова. Наступление нашего Юго-Западного фронта, как известно, оказалось неудачным. В результате и обстановка, и соотношение сил на юге резко изменились в пользу противника, причем изменились именно там, где враг наметил свое летнее наступление. Это и обеспечило ему успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

Самого Бориса Михайловича в это время с нами в Генштабе уже не было. Напряженнейшая работа не могла не сказаться на его здоровье: весной 1942 года его болезнь обострилась. Врачи потребовали резко ограничить рабочее время. В конце первой декады мая я в связи с болезнью Бориса Михайловича вернулся по приказу Ставки в Москву из поездки на Северо-Западный фронт. Шапошников обратился в ГКО с просьбой перевести его на другой участок работы. 11 мая на меня было возложено временное исполнение обязанностей начальника Генерального штаба.

Государственный Комитет Оборона поручил Шапошникову, как заместителю народного комиссара

обороны, в меру своих сил оказывать содействие коллективам профессоров и преподавателей военных академий Генерального штаба и имени М.В. Фрунзе, организовать пересмотр старых и руководить разработкой новых боевых уставов и наставлений, обобщив в них опыт войны, возглавить работу по составлению истории Великой Отечественной войны. ГКО обязывал Шапошникова посвящать работе не более пяти-шести часов в сутки.

И на этом посту Борис Михайлович оставался верен себе, работая сколько мог. В короткий срок комиссия, которую он возглавлял, рассмотрела проекты нового Боевого устава пехоты, Полевого устава, боевых уставов родов войск. По его предложению в 1942 году в Генштабе был создан специальный отдел, который обобщал опыт войны и заботился о том, чтобы он полнее использовался в войсках. Затем отдел был развернут в управление, совместно с Военно-историческим отделом Генерального штаба заложившее основу научной разработки истории Великой Отечественной войны.

Борис Михайлович рассмотрел подготовленные Военно-историческим отделом материалы, обобщавшие зимние наступательные операции, проведенные Красной Армией в 1941/42 году. Он сделал обстоятельные замечания и рекомендовал более глубоко исследовать боевые действия зимой, сделать более четкие выводы и выработать практические рекомендации для войск. Под редакцией Шапошникова в это время опубликован ряд сборников, освещавших важнейшие операции Отечественной войны. Под его же непосредственным руководством и при прямом участии был создан трехтомный труд о битве под Москвой. Это была, по существу, первая монография по истории Великой Отечественной войны. Успевал он просматривать, кроме того, различные статьи и предложения, которые ему присылали на консультацию партийные и правительственные органы. Знакомился с работой архивных учреждений, давал советы о сборе и порядке хранения документальных материалов.

▲ Похороны Б.М. Шапошникова

Осенью 1942 года, несмотря на тяжелую обстановку на фронте, руководители Коммунистической партии и Советского государства сочли необходимым торжественно отметить 60-летие Бориса Михайловича. В приветствии Шапошникову, опубликованном всеми газетами, ЦК ВКП(б) и Советское правительство охарактеризовали его как активного организатора и выдающегося полководца Красной Армии. Юбилар был награжден вторым орденом Ленина (впервые Шапошников удостоен этой высокой награды в декабре 1939 года за успешную работу по руководству оперативной деятельностью Красной Армии). Имя маршала Шапошникова было присвоено Высшим стрелково-тактическим курсам «Выстрел» и Тамбовскому пехотному училищу.

С 25 июня 1943 года Шапошников являлся начальником Военной академии Генерального штаба (тогда она называлась Высшей военной академией имени К. Е. Ворошилова). Ни на минуту не прекращал он большой организационной и военно-теоретической работы, заботливо воспитывал офицеров и генералов, способных к оперативной работе в штабах и командованию крупными соединениями и объединениями

войск. В короткие сроки академия подготовила не одну сотню высококвалифицированных генштабистов и военачальников, проявивших высокие боевые и моральные качества на фронтах Великой Отечественной войны. Его самоотверженную деятельность неутомимого труженика вновь и вновь отметили партия и правительство высокими наградами: в феврале 1944 года Шапошников был награжден орденом Суворова 1-й степени, в ноябре орденом Красного Знамени (вторично), в феврале 1945 года — третьим орденом Ленина. Ранее он был награжден также двумя орденами Красной Звезды, медалями «XX лет РККА» и «За оборону Москвы».

На каждого из нас, кому выпало счастье работать и общаться с ним, он производил постоянное и неограниченное воздействие. И я всегда испытывал чувство гордости, когда Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

— А ну послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!

Да, Бориса Михайловича по праву можно считать создателем советской школы генштабистов. Все свои знания и опыт, накопленные более чем за сорок лет военной службы, он отдал Родине, достижению побе-

ды над врагом. И всего лишь сорок четыре дня не дожидаясь светлого дня 9 мая 1945 года. Он скончался 26 марта 1945 года. Через день на Красной площади в Москве состоялись похороны Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова. В тот день война держала меня далеко от Москвы, в районе Кенигсберга. На командном пункте 3-го Белорусского фронта, которым я тогда командовал, в глубокой тишине не слушали мы слова приказа, которые доносило с Красной площади радио: «...Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдадут честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения Маршала Советского Союза Шапошникова отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин.

28 марта 1945 года».

А на другой день, 29 марта, над Москвой прозвучал еще один салют, как бы сливаясь с тем, что был отдан накануне в честь дорогого моего учителя и друга: наша столица салютовала войскам 3-го Белорусского фронта, одержавшим, как говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего, «новую крупную победу. Они окончательно ликвидировали восточнопрусскую группировку немцев на побережье залива Фриш Гаф, перемолов в приморском «котле» полки и дивизии противника, на которые в свое время гитлеровское командование возлагало оборону северо-восточных границ Германии».

Советские войска неудержимо шли к победе, которую до последнего дня своей жизни ковал вместе с ними Борис Михайлович Шапошников. ■

ЛАДЫГИН ФЁДОР ИВАНОВИЧ, генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.)

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ II МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН

▲ Нюрнбергский трибунал

По истории II мировой и Великой Отечественной войн написаны монбланы, эвересты книг-фолиантов: многотомные энциклопедии, монографии, научные исследования, мемуары крупных государственных деятелей, полководцев, военачальников, академиков, политологов, экспертов и т. д. и т. п. — всех не перечислить. Всё большее

число «исторических исследований» появляется в самое последнее время — откровенно, нахально фальсифицирующих историю, переворачивающих хорошо известные факты с ног на голову, без зазрения совести нагло врущих, в том числе на «голубом» экране, глядя в глаза телезрителям, истощенным криком, с перекошенным от злобы лицом, перебивая

других участников шоу-диспута, «глядя на белое», доказывающих, что это «черное».

Среди огромного числа трудов по истории II мировой и Великой Отечественной войн есть множество работ, в том числе фундаментальных, фактических, научно-исторических, а также объективно разоблачающих военно-исторических фальсификато-

ров, что позволяет любому желающему установить истину или хотя бы иметь непредвзятое представление об исторической правде.

Тем не менее фальсификаторы не унимаются, нагромождают горы «исследовательского» мусора, злобно смердящего, отравляющего международную атмосферу. Автор настоящей статьи ставит перед собой целью не изобличать фальсификаторов (для них всё «божья роса»), а попытаться показать, почему и зачем они это делают. Ограничусь лишь некоторыми наиболее важными историческими событиями.

ПЕРВОЕ. В последние годы, даже десятилетия многие западные (и вслед за ними и нашенькие) фальсификаторы истории II мировой войны по заказу своей властной элиты «трудились» над тем, чтобы найти сподвижника, «союзника» Гитлеру, ответственного вместе с ним за развязывание самой разрушительной

войны в XX веке. Оказывается, «нашли» — путем подтасовок, передергивания говорившихся фраз и привязывания некоторых реально имевших место фактов (но из совершенно иной области), а главное, прибегая к беспардонной лжи, приписывания конкретным историческим личностям и даже странам горы вранья. И теперь уже ныне находящиеся в высоких властных креслах правители ряда западных стран ничтоже сумняшеся, не краснея, заявляют, что в развязывании II мировой войны наравне с Гитлером якобы виновен Сталин, наравне с фашистской Германией повинен Советский Союз. До какого же чудовищного кощунства доходят западные правители-лжецы! Воистину «современная западная демократия лжи».

Лгут, из кожи лезут не только за тем, чтобы доказать, что победил именно Запад, причем только США, Англия и Франция (хотя в победите-

ли последнюю пригласил И. Сталин). Но только не СССР, внесший решающий вклад в Великую Победу. Им это нужно, чтобы демонизировать не только Советский Союз, сколько русский народ. И ещё одна потаённая мысль преследует их и не всегда даёт спокойно спать. Ведь это именно их предшественники, лидеры их стран в 30-е годы прошлого века, взрастили, взлелеяли Гитлера в надежде, что он двинется только на восток. И поэтому в Нюрнберге, во время суда над фашистскими преступниками, некоторые места на скамье подсудимых следовало бы приготовить и для них. Теперь они хотят, чтобы ни у кого не возникло подобной «крамольной» мысли.

ВТОРОЕ. Во времена Советского Союза в нашей стране как-то стеснялись говорить о том, кто же действительно воевал во время Великой Отечественной войны против СССР. В действительности против

▲ Для III рейха, Чехия, завод Шкода

▲ Всё для фронта, всё для победы, Куйбышев

нашей страны в 1941-1945 гг. воевала не только фашистская Германия; с самого начала войны воевали на стороне Гитлера и другие «цивилизованные» европейские страны: Италия, Венгрия, Румыния, Испания, Финляндия. Фактически это был неоформленный союз семи европейских государств — сторонников фашизма. В последующем к ним присоединились воинские формирования словаков и хорватов. Что касается граждан других национальностей, то их по государственной принадлежности было больше — были среди них и русские выродки-добровольцы (типа власова и власовцев), и украинцы, и чехи, но их страны, будучи «оккупированными» немцами, всё же не были пособниками фашистов... Хотя, как сказать. Чешская танкостроительная промышленность «отметилась» на немецких танках, утюживших белорусские, украинские и русские земли. Авиационная промышленность поверженной Франции поднимала в советское воздушное пространство боевые, разведыва-

тельные самолеты немецкого люфтваффе. Высоколегированные стали и другие металлы Швеция регулярно отправляла на заводы, поставлявшие вермахту современные средства вооружения и военной техники. И это далеко не полный перечень «причастности» к агрессии против нашей страны не только Германии, но и других государств «цивилизованной» Европы.

ТРЕТЬЕ. Кто бывал в военно-исторических музеях в западных столицах, тот мог видеть, что, судя по иллюстрационным материалам (электронное табло и т.д.), основные события, основные сражения II мировой войны будто бы проходили в Северной Африке, Италии, на западном фронте, который был открыт чуть более чем за год до окончания шестилетней II мировой войны, и, конечно, на Тихом океане. Но сравните следующие фактические данные.

До открытия в июне 1944 года, через пять (!) лет после начала II мировой войны, второго фронта в течение трех лет Советский Союз

практически в одиночестве вёл тяжелейшие боевые действия против Германии и её сателлитов, на советско-германском фронте находилось до 75% войск противника, что в 15-20 раз больше, чем в боях союзных войск в Северной Африке и Италии. И даже после открытия второго фронта 6 июня 1944 года на севере Франции против англо-американских войск вели боевые действия вдвое меньше немецких дивизий, чем против советских войск. Всего за время войны Красная Армия разгромила в 3,5 раза больше дивизий немцев и их сателлитов, чем союзные войска; на советско-германском фронте совокупные потери Германии и её сателлитов составили не менее трёх четвертых от её общих потерь. Аналогичный относительный урон наша армия нанесла врагу и по основным видам боевой техники. И ещё. Только вдуматься: советско-германский фронт по своей протяжённости до 6 000 км, в четыре (!) раза превосходил суммарные (!) размеры североафриканского, итальянского и западного

фронтов. А по глубине? Посмотрите на географическую карту мира, желательно на глобусе, и замерьте расстояния: для советского солдата — от Немана до Волги (г. Сталинград — сейчас Волгоград), Кавказского хребта и обратно до Эльбы в Германии. И для англо-американских войск — от Ла-Манша до Эльбы.

Казалось бы, даже этих беспристрастных чисел более чем достаточно, даже если забыть, что река Эльба, на которой в апреле 1945 года встретились советские и американские солдаты, находится западнее, чем поверженный советскими войсками Берлин. Как можно говорить своим слушателям, что победу над Германией одержали США и Англия? Но американским СМИ, или, как их назвал президент Д. Трамп, «фабрикам лжи», да и отцу-прародителю этой «фабрики лжи», не менее лживому и одновременно нагло-агрессивному американскому истеблишменту, любая правда — нож острый в их «демократическое сердце».

Да и кого они обманывают, как и их вассалы по другую сторону Атлантики, тем более англосаксы? Спросите в самой глубинке России любого русского, в том числе молодого, взрослого человека (исключение могут составлять уже немощные от старости люди), где находится, например, Северная Корея, уверен, что каждые 8-9 из десяти скажут, что на Корейском полуострове или где-то там, но никто не ответил бы так, как молодые, пышущие здоровьем американские «парни»: показывая неуверенно на карту Европы, Ближнего и Среднего Востока и даже на карту Северной Америки — «Северная Корея где-то там». Стоит ли удивляться тому, что назначенный в какую-то достаточно крупную страну новый американский посол не знает название её столицы, а иногда — географического района её нахождения.

Переигрывая на свой эгоистический лад II мировую войну, переделывая историю мира и регионов, лжеисторики, лгуны-руссофобы вос-

питывают ущербных в общественном понимании людей, собственных отпрысков. Взрачивают мир лжецов.

Еще один из самых излюбленных приёмов очернителей нашей истории, её славных страниц, и прежде всего Великой Отечественной войны, — это умолчание, забвение. Особо попытки забвения касаются руководителей, осуществлявших твёрдое управление огромной страной, огромных масс народа, народного хозяйства, работающего в чрезвычайных условиях жесточайшей войны, боевых действий многомиллионных армий, всех составляющих жизнедеятельности государства. Весь этот самый сложный механизм якобы работал сам по себе, а победу в войне завоевал народ и армия. И не более того.

Грязная мысль западной русофобствующей элиты и нашенских псевдолиберальных «философов» проста: вычеркнем из памяти людской государственных руководителей, полководцев, забудут и о Победе.

▲ Парад Победы 24 июня 1945 г.

Государственный комитет обороны ГКО. с 30 июня 1941 г.

Сталин И.В. (председатель), Молотов В. М. (заместитель председателя), Ворошилов К. Е., Маленков Г. М. Берия Л. П.

▲ ГКО СССР

Да, Победа в Великой Отечественной войне — это результат тяжелейшего, каждодневного (в течение 1418 дней) ратного труда советского Солдата (от солдата до маршала), каждого труженика трудового фронта — от рабочего и хлебороба до министра. Но этот труд миллионов масс людей на полях сражений и в работающем на фронт тылу только тогда может дать положительный результат, принесет победу, когда он организован и кем-то руководим, и чем выше профессионализм и целеустремленность руководства, тем достижимее Победа. Победа в сражении на поле боя не достигается без полководца, и чем более он талантлив, тем достижимее Победа. В равной степени это относится и к трудовой деятельности, особенно в экстремальных условиях, в каких оказались труженики советского тыла

в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.

Это аксиома, но её необходимо повторять, когда столь агрессивны, оголтело нахраписты западные и доморожденные ниспровергатели героического прошлого нашего Отечества, нашего народа. Можно ли представить себе победу русских на Чудском озере без Александра Невского, победу на Куликовом поле без Дмитрия Донского, освободительный поход русских ополченцев на захваченную поляками Москву без Минина и Пожарского, разгром шведов под Полтавой без Петра Великого, победоносные походы в Европу русских чудо-богатырей без Александра Суворова, разгром турецкого флота русской эскадрой без Федора Ушакова, славу русского солдата и оружия в Отечественную войну 1812 года без Михаила Кутузо-

ва, героическую оборону Севастополя без адмирала Нахимова и многое, многое другое.

Не безымянна, если говорить о руководстве, и Великая Отечественная война 1941-1945 годов.

В самом начале войны незамедлительно вся система руководства страной была переведена в стратегическое состояние — стратегическое и в государственном, и в военном отношении.

Для оперативного управления всеми вопросами управления народным хозяйством и всей структурой обороны СССР 30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган СССР, сосредоточивший всю полноту власти в период войны, а руководство боевыми действиями осуществлялось через Ставку ВГК.

ГКО обладал всей полнотой власти в СССР. Председателем ГКО стал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин, членами комитета обороны — высокопоставленные партийные и государственные деятели. ГКО наделялся широкими законодательными, исполнительными и распорядительными функциями, он объединял военное, политическое и хозяйственное руководство страны. Постановления и распоряжения ГКО имели силу законов военного времени и подлежали беспрекословному исполнению всеми партийными, государственными, военными, хозяйственными и профсоюзными органами.

Управление со стороны ГКО было настолько оперативно и эффективно, что только в 1941 году в восточные районы страны было переведено свыше 1360 крупных промышленных предприятий, более 10 млн. человек. Там в начале 1942 года вступили в строй 1300 предприятий гражданского и военного назначения.

Управление промышленностью страны даже в самые тяжелые годы войны было столь высокоорганизо-

ванным, что за годы войны в СССР было произведено бронетанковой техники почти в 3 раза больше, чем в Германии, в 6,3 раза больше, чем в США, в 3,8 раза больше, чем в Англии; самолетов — в 2,6 раза больше, чем в Германии, в 3,2 раза больше, чем в США, в 1,5 раза больше, чем в Англии; артиллерийских орудий — в 4 с лишним раза больше, чем в Германии, в 7,7 раза больше, чем в США, в 5,4 раза больше, чем в Англии.

Другим после ГКО органом стратегического руководства явилась Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных сил СССР Первоначально высший орган стратегического руководства военными действиями советских вооруженных сил назывался Ставка Главного Командования. Ставку возглавлял И.В. Сталин, в ее состав входили крупные государственные и военные деятели. Ставка ВГК осуществляла стратегическое руководство РККА, ВМФ СССР, пограничными и внутренними войсками, партизанскими соединениями.

Ставка ВГК руководила фронтами, флотами и авиацией дальнего дейст-

вия, ставили им задачи, утверждала планы операций, обеспечивала их необходимыми силами и средствами, через Центральный штаб партизанского движения руководила партизанами.

И, очень важно, во главе этих двух структур стратегического руководства в войне стоял выдающийся государственный деятель XX века — Иосиф Виссарионович Сталин. Этому человеку участнику Великой Отечественной войны академик В.Б. Уткин дал ёмкое определение — Интегрированный полководец. В нём, в этой уникальной личности природа интегрировала всё для руководства такой страной, как СССР — и в годы его становления, и в годы военного лихолетья, и в годы общемирового триумфа.

Без титанической деятельности стратегических органов руководства управление страной, сверхтяжёлым трудом народного хозяйства, непрерывными боевыми действиями армии и флота и их обеспечением всем необходимым на огромном советско-германском фронте вряд ли было возможно. И как бы ни косте-

▲ Нижний Тагил

Водружение Знамени Победы над Рейхстагом

▲ Знамя Победы

рили сегодняшние и западные и доморощенные ниспровергатели И. Сталина, его цементирующую роль высококлассного руководителя нельзя отвергнуть.

ЦЕНА ПОБЕДЫ. Внимательный русский, российский читатель мог обратить внимание на то, что у двух родственных по отношению к России душ — западного и нашенского русофобов — всё же есть различное отношение к цене Победы. Тому две причины: западная «душа» считает, что, во-первых, победил гитлеровскую Германию Запад, а наша страна не при чем, и, во-вторых, его не волнует число граждан нашей страны, положивших свои жизни на алтарь Победы. Российский же русофоб полагает, что число жертв войны с нашей стороны не 26,5 млн. человек, а значительно больше (так уж ему хо-

чется!). И чем выше число человеческих смертей, тем его русофобствующей и антисоветствующей душонке легче: тогда можно ещё больший груз взвалить и на советский строй, и на сталинские репрессии, и собственно на Сталина, и на «некчёмство советских генералов-воjak» перед гитлеровскими фельдмаршалами.

Тем не менее, обратите внимание, обе эти «душонки» русофобов роднит одно и то же — словесные «пляски» на крови, «пляски на жертвах» войны, «пляски» на убиенных — не только погибших на полях сражений солдат и офицеров, но и безоружных детей, женщин и стариков, убиенных автоматными очередями, повешенных для устрашения на всеобщее обозрение на виселицах, зарытыми живыми в землю, сожженных в запертых домах.

Число жертв войны давно подсчитано, но русофобам всё неейметя! Сколько ещё им нужно смертей, чтобы их душонки утихомирились? Хотя западных русофобов это всё же не столь волнует. Один из присутствовавших на военном параде в Москве в честь 50-летия Победы на Поклонной горе в 1995 году рассказывал: «В торжественном выступлении перед прохождением военной техники было произнесено, что СССР потерял во время войны 27 млн. человек. Сидевший на трибуне президент США Билл Клинтон с удивлением громко произнёс: «Сколько, сколько?» Президент страны — бывшей союзницы СССР по антигитлеровской коалиции, приехавший на парад по случаю полувекового юбилея Победы, даже не удосужился заранее поинтересо-

▲ Разрушенный памятник Рокоссовскому К.К.

ваться хоть какими-то сведениями о пригласившей его стране. И этим он высказал всё и о себе, и о его отношении к России, русским людям.

Военная победа и государственное мародёрство. Два этих понятия антиподы: одно — военная победа — о светлом, о мужестве, о торжестве человеческого духа, о преданности своей стране, о готовности пожертвовать своей жизнью ради будущего своего народа; другое — государственное мародёрство — о самом мерзком, самом низменном, проявляемом «какбы-человеками» в отношении убитого, погибшего, а тем более о мерзости, фактически возведённой в ранг государственной политики. Разумеется, формально ни в одной из столиц западных государств не найти юридически оформленных актов о допустимости мародёрства.

Но чем иным можно объяснить, что правящие элиты в Вашингтоне, в Брюсселе, в ряде других столиц европейских государств в официальных речах, через средства массовой информации вдалбливают своим

и зарубежным слушателям, что победу во II мировой войне одержали Соединенные Штаты, Великобритания, Франция. В уже далёком 1980 году американский дипломат, официально работавший в представительстве США в ООН, искренне удивился словам советского дипломата о праздновании у нас Дня Победы над Германией: «А разве вы тоже воевали? А на чьей стороне?»

Представители правящего американского и «европейского» истеблишмента крадут у 8 688 400 советских воинов, погибших на полях сражений во II мировой и Великой Отечественной войнах, завоёванную их воинским трудом, потом, кровью и ценой собственной жизни ПОБЕДУ. Они обирают мёртвых. Вот почему они, правящая западная элита, — мародёры, а поскольку правящая — то и совершают государственное мародёрство.

В этом гнусном действе к ним примкнули и даже выбиваются в первые ряды правители «новых» стран Балтии — членов ЕС и НАТО, разрушители памятников советским воинам-освободителям. Особенно усердствует правительство Польши, за вызволение которой из-под фашизма сложили головы более половины всех советских воинов, погибших в боях за освобождение стран Восточной Европы — 600 из 1 100 тыс. человек.

С ещё большим остервенением борется с памятью, памятниками и могилами нынешняя киевская власть — ставленники Вашингтона и его западноевропейских союзников. Киевские власти усовершенствовали мародёрство: теперь они переименовывают проспект имени генерала Ватутина, командующего войсками 1-го Украинского фронта, освободившего в ноябре 1943 года столицу Украины и погибшего от рук бандеровских пособников фашизма, в проспект имени гитлеровского прихвостня Шухевича — порошковского героя Украины.

Обращает на себя внимание опаснейшее соседство, родство: мародёрство в отношении советских воинов идет рука об руку с возрождением в ряде стран «усеченной Европы» националистического экстремизма, расизма, фашиствующего национализма и попросту ортодоксального фашизма. Теперь расизм решил не ограничиваться Старым Светом: отголоски расизма всё более громко уже раздаются за океаном, у «европейского» сюзерена — Соединенных Штатов.

Не напоминает ли всё это события восьмидесятилетней давности, предгрозовые события 1930-х годов, за которыми последовали смертоносные грозы II мировой войны, унёсшей более 50 млн. человеческих жизней. *Не поздно ли будет завтра спрашивать у приверженцев пересмотра итогов II мировой войны: «Вы хоть понимаете, что вы натворили?»* ■

ЛЮДО МАРТЕНС

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР В АРМИИ И ЧИСТКА 1937–1938 ГГ.

26 мая 1937 года маршал Тухачевский, командармы Якир, Уборевич, Корг, комкоры Эйдеман, Путна и Примаков были арестованы и предстали перед судом военного трибунала. 12 июля был объявлен приговор.

С начала мая все они находились под подозрением. Восьмого мая в армии была восстановлена система военных комиссаров, использо-

вавшаяся в Гражданскую войну. Это нововведение отражало партийные страхи бонапартистских настроений в армии.

13 мая 1927 года директивой Наркома Обороны был снят контроль политкомиссаров над высшими офицерами. Военный командир становился ответственным за «общее политическое руководство в целях полной координации военных и по-

литических дел в соединении». «Заместитель по политчасти» должен был отвечать за «всю партийно-политическую работу» и докладывать командиру о политическом состоянии соединения. Военно-политическая Академия им. Толмачева в Ленинграде и комиссары Белорусского военного округа протестовали против «недооценки и снижения роли партийно-политических органов».

▲ Якир Иона

▲ Примаков

Мартенс Людо, бельгийский коммунист. Историк. Основатель и руководитель Партии труда Бельгии. Родился 12 марта 1946 года в семье столяра в Вингене, Западная Фландрия. В 1968 году основал группу «Вся власть рабочим», которая в 1979 году превратилась в Партию труда Бельгии (ПТБ). Был председателем ПТБ с момента её основания до 1999 года. С 1999 года находился в Демократической Республике Конго, поддерживая реформы президента Кабилы. Входил в редакционно-издательский совет Международного теоретического и общественно-политического журнала «Марксизм и современность», был его постоянным автором. Людо Мартенс был последним иностранцем, посетившем президента КНДР Ким Ир Сена незадолго до его смерти в 1994 году. Автор книг о франкоязычной Африке и СССР. В 1994 году опубликовал книгу «Другой взгляд на Сталина», в которой деятельность и личность И.В. Сталина были представлены в совершенно неприемлемом для Запада виде. На Западе книга запрещена к продаже. Мартенс скончался 5 июня 2011 года после продолжительной болезни.

В 1928 году СССР посетил Бломберг, один из высших офицеров Германии того времени. В докладе, сделанном им по итогам визита, отмечалось: «Чисто военный подход все более и более берет верх; все остальное подчинено ему».

После того, как в армию было призвано много солдат из деревень, влияние кулаков там стало заметным. Уншлихт, до 1930 года занимавший высокие посты в армии, в 1928 и 1929 годах заявлял, что опасность правого уклона была большей в армии, чем в гражданских парторганизациях.

В 1930 году десять процентов офицерского корпуса, то есть 4500 военных, составляли бывшие царские офицеры. Во время чистки осенью 1929 года Уншлихт не дал провести их массовую чистку из армии.

Все это показывает, что буржуазное влияние в армии оставалось довольно сильным в двадцатых-тридцатых годах, из-за чего армия оставалась не очень надежной частью социалистической системы.

Заговор?

В. Лихачев был офицером Красной Армии на Дальнем Востоке в 1937-1938 годах. Его книга «Дальневосточный заговор» рассказывает о существовании большого заговора в армии.

Журналист Александр Верт написал в своей книге «Москва, 41» главу под заглавием «Процесс Тухачевского». Он писал:

«Я вполне уверен, что чистки в Красной Армии во многом связаны с верой Сталина в неотвратимость войны с Германией. Что же отставил Тухачевский? Люди близкие к французской разведке давно еще говорили мне, что Тухачевский отставляет прогерманские интересы. Чехи рассказывали мне странную историю о визите Тухачевского в Прагу, когда в конце банкета — он уже был изрядно пьян — он вдруг выдал, что соглашение с Гитлером есть единственная надежда как для Чехословакии, так и для России. А затем перешел к оскорблениям Сталина. Чехи не преминули сообщить об этом Кремлю, и это стало концом Тухачевского, а с ним — и многих его последователей.

Посол США в Москве, Джозеф Дэвис, писал о своих впечатлениях 28 июня — 4 июля 1937 года:

«В самых лучших суждениях, похоже, ясно выражено, что, по всей видимости, существовал четко установленный военный заговор с целью переворота силами армии — не обязательно против Сталина, но антипартийный и антигосудар-

ственный, и что Сталин нанес удар по нему с характерной решительностью, быстротой и силой».

«Хорошо поговорил с Литвиновым. Я рассказал ему совершенно искренне о реакции на чистки в США и Западной Европе; и на казни генералов Красной Армии; что она определенно была нехорошей...

Литвинов отвечал честно. Он заявил, что они должны были «стать уверенными» с помощью чисток в том, что после этого не останется изменников, которые сотрудничают с Берлином или Токио; что однажды мир поймет, что то, что им пришлось сделать, было защитой правительства от «угрожающей измены». По сути дела, сказал он, они оказывают услугу всему миру тем, защищая себя от угрозы мирового господства Гитлера и нацистов, и что таким образом они сохраняют сильный Советский Союз как оплот против нацистской угрозы. Что мир еще поймет, насколько велик Сталин».

В 1937 году Абдурахман Авторханов работал в Центральном Комитете большевистской партии. Буржуазный националист, он был тесно связан с лидерами оппозиции и членами ЦК — выходцами с Кавказа. В книге «Правление Сталина» он сожалеет о том, что Тухачевский не захватил

▲ Корк

▲ Литвинов М.М

власть в 1937 году. Он заявляет, что в начале 1937 года после поездки в Англию Тухачевский так говорил своим высшим офицерам:

«В Британской Его Величества армии примечательно то, что там во главе не может быть агентов Скотланд-Ярда (намек на роль, которую играла госбезопасность в СССР). А что касается сапожников (намек на отца Сталина), то они сидят на базах снабжения и не лезут в партийные кадры. Британцы не отличаются говорливостью на темы патриотизма, потому что для них естественно быть просто британцами. В Британии нет «политической линии», правой, левой или центра; просто есть британская политика, которой одинаково усердно служат каждый лорд и рабочий, консерватор и лейборист, офицер и солдат... Британский солдат абсолютно не знаком с историей партии и производственными показателями страны, но с другой стороны он знает географию мира, так же,

как он знает свою казарму... Король облечен уважением, но у него нет личной власти... Офицеру требуются два качества — храбрость и профессиональные знания».

Робер Кулондр был послом Франции в Москве в 1936-1938 годах. В своих мемуарах он упоминает террор Французской революции, который сокрушил аристократию в 1792 году и подготовил французский народ к войне против реакционных государств Европы. В то время враги Французской революции, в особенности Англия и Россия, рассматривали революционный террор как предвестник разложения режима. Фактически, все было наоборот. То же самое, писал Кулондр, происходило и с Советской революцией.

«Вскоре после ареста Тухачевского, один из литовских министров, который знал некоторых лидеров большевиков, рассказывал мне, что маршал, расстроенный усилением роли коммунистической партии в ар-

мии, особенно в крепких, надежных армейских частях и соединениях, что препятствовало росту русской военной мощи, стал на деле главой движения, которое намеревалось задуть партию и установить военную диктатуру...

Моя переписка может подтвердить, что я правильно объясняю «Советский террор». Не стоит делать вывод, я об этом пишу постоянно, что режим разваливается, или что силы России на пределе. Напротив, это всего лишь болезнь роста страны, развивающейся слишком быстро».

Черчилль писал в своих мемуарах, что Бенеш «получил предложение от Гитлера при всех обстоятельствах уважать целостность Чехословакии в обмен на гарантии того, что она останется нейтральной в случае Франко-Германской войны».

Осенью 1936 года президенту Бенешу было передано сообщение от высших германских кругов с тем, чтобы если он хотел бы получить

▲ Гамарник

▲ Бенеш

преимущества, предложенные Гитлером, то ему следует поторопиться, так как ближайшие события в России могут свести на нет ту помощь, которую он мог бы дать Германии.

Пока Бенеш размышлял над этим волнующим намеком, ему стало известно, через Советское посольство в Праге установлены связи между важными фигурами в России и Германским правительством. Это было частью так называемого заговора военных и старых коммунистов для свержения Сталина и установления нового режима, основанного на прогерманской политике. Президент Бенеш не терял время, связавшись быстро, как только он смог, со Сталиным. Вслед за этим последовали безжалостные, но возможно и совсем не лишние чистки военных и политиков в Советской России...

Русская армия была очищена от прогерманских элементов за счет ослабления ее военной мощи. Произошел знаменательный поворот Советского правительства против Германии... Ситуация, безусловно, была

понятна Гитлеру до конца; но у меня нет данных о том, что Британское и Французское правительства были настолько же осведомлены. Для Чемберлена и Британского и Французского Генеральных штабов чистка 1937 года представлялась в основном как разгром Русской армии, а Советский Союз казался раздираемым на части дикой ненавистью и местью».

Троцкист Дойчер редко упускал возможность очернить и оболгать Сталина. Однако, несмотря на то, что он заявлял о Московских процессах, как о «вымышленных заговорах», вот что он написал о казни Тухачевского:

«Все версии противников Сталина сходятся к одному: генералы в самом деле планировали переворот... Главной частью заговора был дворцовый переворот в Кремле, завершающийся убийством Сталина. Также подготавливались решительные военные действия вне Кремля, нападение на здания ГПУ. Тухачевский был движущей силой заговора... Он действительно был единственным из всех военных и гражданских руководите-

лей того времени, кто многими своими напоминаниями Бонапарта и мог сыграть роль русского Первого Консула. Главный Военный Комиссар армии, Гамарник, позже покончивший жизнь самоубийством, был вовлечен в заговор. Командующий Ленинградским Военным Округом, Якир, должен был обеспечить содействие своего гарнизона. Генералы Уборевич, командующий Западным Военным Округом, Кокк, начальник Военной Академии в Москве, Примаков, заместитель Буденного в кавалерийском командовании, и некоторые другие, также входили в круг заговорщиков».

Дойчер, видный антикоммунист, даже согласившись с достоверностью заговора Тухачевского, ясно дает понять, что он подчеркивает «добрые намерения» тех, кто хотел «спасти армию и страну от безумного террора и чисток», и он заверяет читателей, что Тухачевский ни в коем случае не действовал «в интересах Германии».

Нацист Леон Дегрель в 1977 году в своей книге упоминает Тухачевского следующими словами:

«Кто бы мог подумать во времена преступного террора Французской революции, что вскоре после этого придет Бонапарт и железной рукой поднимет Францию из бездны? Несколькими годами спустя Бонапарт почти создал Объединенную Европу.

Мог возникнуть и русский Бонапарт. Молодой маршал Тухачевский, казненный Сталиным по доносу Бенеша, в 1937 году был птицей высокого полета».

8 мая 1943 года Геббельс отметил в своем журнале высказывание Гитлера. В нем говорилось о том, что нацисты прекрасно понимали важность получения преимущества за счет оппозиции и пораженческих настроений в Красной Армии.

«Фюрер объяснил еще раз дело Тухачевского и заявил, что мы крепко ошиблись в то время, когда думали, что Сталин развалил Красную Армию. На деле все было как раз наоборот: Сталин избавился от оппозиционеров внутри армии, тем самым, создав гарантию того, что в ней больше не будет пораженческих настроений...

По сравнению с нами Сталин имеет еще одно преимущество, не имея оппозиции в обществе, так как большевики ликвидировали ее с помощью чисток за последние двадцать пять лет... Большевизм уничтожил эту опасность во время, и мог впредь сосредоточить свои силы на борьбе с другими врагами».

Мы даем здесь еще и мнение Молотова. Кроме Кагановича Молотов был единственным членом из состава Политбюро 1953 года, который никогда не отрекался от своего революционного прошлого. В восьмидесятых годах он припомнил ситуацию в 1937 году, когда началась чистка:

«На весь этот период установилась крайне напряженная атмосфера; необходимо было действовать без жалости. Я думаю, это было оправдано. Если бы Тухачевский, Якир, Рыков и Зиновьев начали свою работу в военное время, борьба была бы исключительно трудной; число жертв было бы колоссальным. Обе стороны были бы обречены на сокрушительное поражение. Оппози-

ционеры имели связи, которые вели прямо к Гитлеру. Это уже слишком. Троцкий без сомнения имел такие связи. Гитлер был авантюристом, как и Троцкий, это была их общая черта. И, конечно, многих военных руководителей».

В исследовании, финансируемом армией США и проводившемся Рэнд Корпорэйшн, Роман Колковиц дал анализ отношений между партией и армией в Советском Союзе, отражавший точку зрения военных спецслужб. Интересно отметить, что он выступал в поддержку всех стремлений к профессионализму, милитаризму, аполитичности и привилегиям, имевшим место в Красной Армии начиная прямо с двадцатых годов. Конечно, Колковиц нападал на Сталина за подавление буржуазных и милитаристских тенденций.

После описания того, как Сталин определял положение армии в соци-

алистическом обществе в двадцатые годы, Колковиц писал:

«Красная Армия возникла из этого процесса, как дополнение к правящей партийной элите; ее офицерам было отказано в полноте власти, необходимой в военном деле; они находились в долговременном состоянии неуверенности в своем карьерном росте; военное товарищество, которое имеет склонность к исключительности, насильственно удерживалось открытым через продуманную систему контроля и идеологической обработки...

Сталин... затеял большую программу, нацеленную на внедрение в Советскую Армию современного оружия, оборудования и служб тыла. Но он оставался настороженным к склонности военных к элитарности и исключительности, пристрастие к которым росло вместе с их профессиональным возрождением. Все это настолько переполнило Сталина не-

▲ Д. Дэвис посол США И.В. Сталин, В.М. Молотов

▲ Жуков Г.К.

доверием, что во время обострения опасности войны в Европе, он ударил по армии массовыми чистками в 1937 году...

Зажатая со всех сторон тайными службами, политорганами, партией и комсомолом, свобода действий военных была жестко ограничена».

Отметим, что больше всего «ненавидит» армия США в Красной Армии: политическое воспитание («идеологическую обработку») и политический контроль (со стороны политорганов, спецслужб, партии и комсомола). С другой стороны, армия США благосклонно смотрит на стремление к автономности и на привилегии для высших офицеров («элитарность») и милитаризм («исключительность»).

Чистки, которые рассматривал Колквиц как этапы в партийной борьбе, направлялись Сталиным против «профессионалов» и бонапартистов из числа высших офицеров. Эти буржуазные течения смогли себя проявить только после смерти Сталина.

«Со смертью Сталина и последовавшим расколом в партийном руко-

водстве, ослабили механизмы контроля, и личные интересы и ценности военной верхушки вышли наружу. Широкий круг военных имел своего выразителя интересов в лице маршала Жукова. Жуков был способен избавить военные верхи от всепроникающего контроля политорганов; он ввел строжайшую дисциплину и разделение на ранги; он требовал реабилитации военных лидеров, подвергнутых чисткам и наказания тех, кто их преследовал».

Во время двух переворотов в верхах СССР Жуков дважды поддержал Хрущева силами армии, в 1953 году (дело Берии) и в 1957 году (дело Молотова-Маленкова-Кагановича).

Но как могли представить себе генералы Красной Армии сотрудничество с Гитлером? Если они и не были хорошими коммунистами, то были ли эти военные хотя бы националистами?

Прежде, чем отвечать на этот вопрос, надо ответить на другие вопросы. Почему это предположение должно различаться для Франции и Советского Союза? Не был ли

маршал Петен, победитель при Вердене, символом французского шовинистического национализма? Разве не были генерал Вейган и адмирал Дарлан страстными защитниками французского колониализма?

Несмотря на все это, все трое стали главными фигурами в сотрудничестве с нацистами.

Не будь в Советском Союзе свержения капитализма и жестокой борьбы с буржуазией, разве не имели бы все силы, тоскующие по «свободному предпринимательству», дополнительных причин для сотрудничества с немецким «энергичным капитализмом»?

И разве не показала Вторая Мировая война, что настроения, представленные во Франции маршалом Петеном, существовали и среди советских офицеров?

Генерал Власов играл важную роль в обороне Москвы в конце 1941 года. Арестованный немцами в 1942 году, он стал изменником. Но только 16 сентября 1944 года, после встречи с Гиммлером, ему было дано официальное разрешение на создание Русской Освободительной Армии, первая дивизия которой была образована в 1943 году. Предлагали свои услуги нацистам и другие пленные офицеры, вот их имена.

Генерал-майор Трухин, начальник оперативного отдела Главного штаба Балтийского флота, профессор Академии Генерального штаба. Генерал-майор Малышкин, начальник штаба 19-й армии. Генерал-майор Закутный, профессор Академии Генерального штаба. Генерал-майор Благовещенский, командир бригады; Шаповалов, командующий артиллерией корпуса; и Меандров. Командир бригады Жиленков, член Военного Совета 32-й армии. Полковники Мальцев, Зверев, Нерянин и Буняченко, командир 389-й дивизии.

Каковы были политические убеждения этих людей? Бывший офицер британских спецслужб и историк Кукридж писал:

«Окружение Власова представляло собой странный сброд. Наиболее интеллигентным из его офицеров был полковник Зыков (еврей). Он

был сторонником «правых уклонистов» Бухарина, и в 1936 году был сослан Сталиным в Сибирь, где провел четыре года. Другой свидетель сталинской чистки, генерал Василий Федорович Малышкин, бывший начальник штаба Дальневосточной армии; он попал в тюрьму во время дела Тухачевского. Третий офицер, генерал-майор Георгий Николаевич Жиленков, был армейским политкомиссаром. Они, как и многие другие офицеры, завербованные Геленом, были реабилитированы в начале войны в 1941 году».

Итак, мы узнаем, что некоторые высшие офицеры, осужденные и высланные в Сибирь, реабилитированные затем во время войны, перешли на сторону Гитлера! Действительно, меры, принятые во время Большой Чистки, были совершенно оправданы.

Объясняя свой переход к нацистам, Власов написал открытое письмо: «Почему я вступил на путь борьбы против большевизма».

Содержание этого письма весьма показательно.

Во-первых, его критика Советского режима идентична тому, что говорили Троцкий и правые круги Запада.

«Я видел, что жизнь русского рабочего очень тяжела, что крестьян силой затягивают в колхозы, что миллионы русских людей исчезли после ареста без всякого суда... Система комиссаров разрушила Красную Армию. Безответственность и слежка делают из командира игрушку в руках партийных работников в гражданской одежде или военной форме... Многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны или высланы в лагеря и никогда не вернулись».

Заметим, что Власов выступает за профессиональную армию, с полной автономией военных, совсем как в предыдущих цитатах из исследования американских военных.

Затем Власов поясняет, как его поражения вдохновили на переход к нацистам.

«Я видел, что война проиграна по двум причинам: нежелание рус-

ского народа защищать большевистское правительство и созданная им система насилия и безответственности армейского командования...»

Наконец, используя «антикапиталистические» разговоры нацистов, Власов объясняет, что Новая Россия должна войти в Европейскую капиталистическую и империалистическую систему.

«Мы должны построить Новую Россию без большевиков и капиталистов...»

Интересы русского народа всегда схожи с интересами германского народа и всех других европейских наций... Большевизм отделил русский народ от остальной Европы непроницаемой стеной».

Мы бы хотели сделать небольшое отступление для Солженицына. Этот человек стал официальным голосом для кучки слуг царского режима, буржуа, спекулянтов, кулаков, сводников, бандитов и власовцев, которые были законно репрессированы социалистическим государством.

Солженицын, литературный писака, живший двуличной жизнью во время нацистской оккупации. Шовинист, он ненавидел немецких захватчиков. Но еще больше он ненавидел социализм. Поэтому у него нашлось немного неодобрительных слов для генерала Власова, само-

го известного пособника нацистов. Хотя Солженицын не одобрял союз Власова с Гитлером, он весьма хвалебно говорил о ненависти Власова к большевизму.

Генерал Власов сотрудничал с нацистами после того, как попал в плен? Солженицын нашел способ объяснить и оправдать измену. Он писал:

«Вторая ударная армия Власова... была в 70 километрах в тылу немецких войск! И затем безжалостное сталинистское командование не смогло найти для усиления его войск ни людей, ни вооружения... Армия была без пищи, и в то же время Власову не дали разрешения на сдачу войск...»

Теперь это, конечно, было изменой Родине! Это, конечно, ужасное, самовольное предательство! Но Сталин... Ему надо засчитать пренебрежение и беспечность при подготовке к войне, замешательство и трусость в ее начале, бесцельные жертвы целых армий и корпусов только лишь для спасения собственной маршальской формы. Действительно, какую более жестокую измену надо искать у Верховного Главнокомандующего?»

Вот так Солженицын защищает предателя Власова от Сталина. Давайте рассмотрим то, что на самом деле произошло в начале 1942 года. Несколько армий получили приказ взломать немецкую блокаду Ленин-

▲ Генерал Власов (третий справа) со штабом

▲ Токаев

града. Но наступление быстро выдохлось, и командующий фронтом, Хозин, получил приказ от Сталина вывести армию Власова с передовых позиций. Маршал Василевский пишет:

«Власов, не обладавший многими необходимыми качествами командира, и будучи, на деле, нерешительным и трусоватым по природе, был совершенно пассивен. Угрожающее положение, в котором оказалась его армия, деморализовало его до конца, и он не сделал попытки вывести свои войска быстро и скрытно...

Я могу с определенным правом подтвердить крайне серьезную озабоченность, которую выказывал Сталин ежедневно о судьбе Второй ударной армии и об оказании ей всей возможной поддержки. Об этом свидетельствует целый ряд директив ВГК, которые я лично писал под диктовку Сталина.

Власов присоединился к врагу, хотя значительная часть его армии сумела прорваться сквозь немецкие войска и спастись.»

Русские нанялись в нацистскую армию, чтобы сражаться с Советским народом? Но, восклицает Солженицын, это же преступный Сталинский режим вынудил их к тому:

«Людей побуждала к вступлению во власовские подразделения Вермахта только последняя крайность, только предел отчаяния, только неистощимая ненависть к Советскому режиму».

Кроме того, говорит Солженицын, предатели-власовцы были больше антикоммунистами, чем пронацистами:

«Только осенью 1944 года начали формироваться дивизии Власова, состоявшие исключительно из русских... их первый и последний самостоятельный поступок — удар по немецким войскам... Власов приказал своим дивизиям помочь чешским повстанцам».

Эта сказка повторялась нацистскими и другими фашистскими преступниками во всех странах: когда германские фашисты были уже на грани поражения, все они вдруг обнаружили свое «национальное и независимое» призвание и вспомнили о своем «противостоянии» Германии, присматривая себе защиту под крылом империализма США!

Солженицын не опровергает того, что немцы были фашистами, но они были тупыми и слепыми фашистами. Если бы у них было чуть побольше ума, немецкие фашисты должны

были бы признать ценность их русских братьев по оружию, и они бы дали им некий уровень автономии:

«Немцы, по своей полной тупости и переоценке собственных сил, решили им только умирать за Германский Рейх, но отвергали их право планировать независимое будущее России».

Война еще была в разгаре, нацизм еще не был окончательно разбит, а Солженицын уже плакал о «бесчеловечной» участи арестованных власовцев! Он описывал сцены на освобожденной Советской земле:

«Заклученный, одетый в немецкие форменные брюки, кричал мне на чистом русском языке. Выше пояса он был обнажен, и его лицо, грудь, плечи и спина были в крови, когда сержант-особист гнал его вперед кнутом... я побоялся защищать власовца перед особистом... Эта картина останется навсегда в моей памяти. Это, помимо всего прочего, есть почти символ ГУЛАГа. Это должно быть на суперобложке этой книги».

Надо поблагодарить Солженицына за обезкураживающую откровенность: человек, который лучше всего представлял «миллионы жертв Сталинизма» был нацистский пособник.

Тайная антикоммунистическая организация в Красной Армии.

В целом чистки в Красной Армии представляют как акты глупости, произвола, слепых репрессий; обвинения были подтасованы, дьявольски замыслены для укрепления личной диктатуры Сталина.

Где же правда?

Конкретный и очень интересный пример можно получить из рассмотрения некоторых важнейших сторон этого вопроса.

Полковник Советской Армии, Г. А. Токаев, дезертировал в Британию в 1948 году. Он написал книгу, озаглавленную «Товарищ X», настоящий золотой прииск для тех, кто хочет попытаться понять всю сложность борьбы внутри большевистской партии. Инженер по авиации, Токаев с 1937 по 1948 год был партийным секретарем крупнейшей партийной организации Военно-Воздушной

Академии им. Жуковского. То есть, он был в числе руководящих кадров.

Когда он вступил в партию в 1933 году в возрасте 22 лет, он уже был членом тайной антикоммунистической организации. Во главе этой организации стоял один из высших офицеров Красной Армии, влиятельный член Центрального Комитета большевистской партии! Группа Токаева проводила тайные собрания, принимала резолюции и рассылала своих посланцев по стране.

В книге, изданной в 1956 году, он раскрывает политические идеи своей тайной группы. Чтение этой книги о тайной антикоммунистической организации весьма познавательно.

Прежде всего, Токаев представляет себя как «революционного демократа и либерала».

Мы были, заявляет он, «врагами любого, кто хотел разделить мир на «наших» и «чужих», на коммунистов и антикоммунистов.

Группа Токаева «провозгласила идеалы всеобщего братства» и «расценивала Христианство как одну из величайших систем всеобщих человеческих ценностей».

Группа Токаева была ярким приверженцем буржуазного режима, установленного Февральской революцией. «Февральская революция представляла собой проблеск демократии... который говорил о скрытой вере в демократию среди простого народа».

Печатавшаяся за границей газета меньшевиков «Социалистический вестник» была популярна в группе Токаева, как и книга «Истоки красно-

го террора» меньшевика Г. Аронсона.

Токаев подтвердил связи его антикоммунистической организации и социал-демократического Интернационала. «Революционное демократическое движение близко демократическим социалистам. Я работал в тесном сотрудничестве со многими убежденными социалистами, такими, как Курт Шумахер... Такие имена, как Эттли, Бевин, Спаак и Блюм много значат для человечества».

Токаев также боролся за «права человека» всех антикоммунистов. «В соответствии с нашими взглядами... не было более срочного и важного дела в СССР, чем борьба за права личности».

Многopартийность и разделение СССР на независимые республики были двумя существенными пунктами программы заговорщиков.

Группа Токаева, большинство членов которой представляли собой националистов, выходцев с Кавказа, выражали поддержку плана Енукидзе, который нацеливался на уничтожение «корней и ветвей» сталинизма, и замену сталинского «реакционного СССР» на «свободный союз свободных людей». Страна должна была быть разделена на десять естественных частей: Северо-Кавказские Соединенные Штаты, Украинская Демократическая Республика, Московская Демократическая Республика, Сибирская Демократическая Республика и т. д.

Подготавливая в 1939 году план свержения сталинского правительства, группа Токаева была готова «искать поддержку извне, особенно от партий Второго Интернационала... Должно было быть избрано новое Конституционное Собрание, и его первой мерой должно было стать прекращение однопартийного правления».

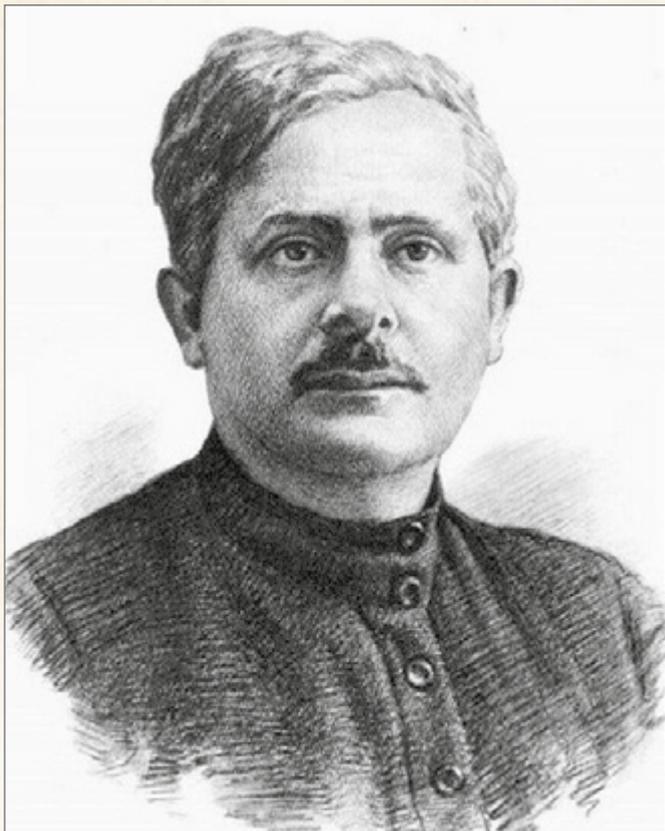
Группа Токаева, несомненно, была вовлечена в борьбу до конца с партийным руководством. Летом 1935 года «мы, оппозиция, армейская или гражданская, полностью отдавали себе отчет, что мы вступили в смертельную борьбу».

В конечном счете, Токаев рассматривал «Британию как самую свобод-

▲ Василевский А.М.

▲ Енукидзе

ную и самую демократичную страну мира». После Второй Мировой войны «мои друзья и я стали большими ценителями Соединенных Штатов».

Поразительно, что программа Горбачева повторила все слово в слово. Идеи, которые защищались тайной антикоммунистической организацией в 1931-1941 годах, снова появились, но теперь уже в руководстве партии в 1985 году. Горбачев осудил разделение мира на социалистический и капиталистический и обратился к «универсальным ценностям». В 1986 году Горбачев положил начало восстановлению отношений с социал-демократией. Многопартийность стала реальностью в СССР в 1989 году. Ельцин как-то напомнил премьер-министру Франции Шираку, что Февральская революция принесла «демократические надежды» в Россию. Трансформация «реакционного СССР» в «Союз свободных республик» завершилась.

Но в 1935 году, когда Токаев боролся за программу, примененную

Горбачевым 50 годами позже, он прекрасно сознавал, что он участвует в борьбе не на жизнь, а на смерть с большевистским руководством.

Кто входил в тайную группу Токаева?

Это были в основном офицеры Красной Армии, часто молодые офицеры, прибывшие из военных академий. Их руководитель, товарищ Х — настоящее имя никогда не называлось — был членом Центрального Комитета в тридцатых-сороковых годах.

Риц, флотский капитан-лейтенант, был главой тайного движения Черноморского флота. Четырежды исключенный из партии, он смог четыре раза восстановиться.

Генералы Осемян, заместитель начальника Главного Политического Управления Вооруженных Сил(!), и Алкснис были среди главных лидеров тайной организации. Все они были близки с генералом Кашириным. Все трое были арестованы и расстреляны во время процесса Тухачевского.

▲ Тухачевский

Еще несколько имен. Подполковник Гай, убитый в 1936 году в вооруженном столкновении с НКВД. Полковник Космодемьянский, сделавший «героическую, но преждевременную попытку свергнуть сталинскую олигархию». Генерал-полковник Тодорский, Начальник Академии им. Жуковского, и Смоленский, дивизионный комиссар, заместитель начальника Академии, ответственный за политическое воспитание.

На Украине группу поддерживал Николай Генералов, который встретился с Токаевым во время тайного собрания в Москве в 1931 году, и Лентцер. Оба были арестованы в Днепропетровске в 1936 году.

Катя Окман, дочь старого большевика, вступившего в конфликт с партией в начале революции, и Клава Еременко, вдова украинского офицера морской авиации в Севастополе, обеспечивали связи по всей стране.

Во время чистки групп Бухарина (правых уклонистов) и маршала Тухачевского большинство членов группы Токаева было арестовано и рас-

стреляно: «круги, близкие к товарищу Х, были почти полностью вычищены. Большинство было арестовано в связи с «правыми уклонистами». Наше положение, писал Токаев, стало трагическим. Один из наших кадров, Белинский, заметил, что мы сделали ошибку, поверив, что Сталин способен добиться успехов в индустриализации и культурном развитии. Риц говорил, что он был не прав, что это была борьба поколений, и что надо готовиться к тому, что будет после Сталина.

Несмотря на свою антикомму-

нистическую платформу, тайная организация Токаева поддерживала тесные связи с фракцией «коммунистов-реформаторов» в партии.

В июне 1935 года Токаев был послан на юг. Он дал некоторые комментарии о Енукидзе и Шеболдаеве, двух большевиках, которых обычно считают типичными жертвами «Сталинского произвола».

«Одной из моих задач было попытаться отвести угрозу от нескольких лидеров района Азовского и Черного морей и Северного Кавказа, главой которых был Б.П. Шеболдаев, пер-

вый секретарь обкома партии и член Центрального Комитета. Не то, чтобы наше движение было полностью согласно с группой Енукидзе — Шеболдаева, но мы знали, чем они занимались, и Товарищ Х считал нашим революционным долгом помочь им в критический момент.

Мы расходились в деталях, но при всем этом, они были храбрыми и уважаемыми людьми, которые много раз спасали членов нашей группы и которые имели значительные шансы на успех.»

«В 1935 году мои личные контакты позволили мне проникнуть в некоторые совершенно секретные дела, относящиеся к Центральному Комитету партии и связанные с «Абу» Енукидзе и его группой. Документы позволили определить, сколь много знают сталинисты о тех, кто работает против них...

Енукидзе был преданным коммунистом правого крыла...

Открытый конфликт между Сталиным и Енукидзе связан с законом от 1 декабря 1934 года, который вступил в силу сразу после убийства Кирова».

«Енукидзе позволял работать при себе нескольким людям, которые были технически подготовленными и полезными в обществе, но при этом были антикоммунистами».

Енукидзе был помещен под домашний арест в середине 1935 года. Подполковник Гай, руководитель организации Токаева, устроил его побег. В Ростове-на-Дону они провели собрание с участием Шеболдаева, первого секретаря обкома партии, Пивоварова, председателя Областного Совета, и Ларина, председателя Облсполкома. Затем Енукидзе и Гай двинулись на юг, но были задержаны НКВД близ Баку. Гай застрелил двоих, но и сам был убит.

Оппозиционная группа Токаева имела также связи с группой Бухарина.

Токаев заявлял, что его группа поддерживала тесные связи с другой фракцией в руководстве партии, группой главы Службы Безопасности Ягоды. «Мы знали силу... глав НКВД, Ягоды или Берии... в качестве не слуг,

▲ И.В. Сталин, слева Ежов Н.И.

а врагов режима».

Токаев писал, что Ягода защитил многих их людей, которые попадали в опасное положение. Когда Ягода был арестован, все связи группы Токаева с руководством госбезопасности были оборваны. Для их тайного движения это было громадной потерей.

«Возглавляемый теперь Ежовым, НКВД пошел еще дальше. Малое Политбюро добралось до заговорщицких организаций Енукидзе — Шеболдаева и Ягоды — Зелинского, и вплотную занялось связями оппозиционеров в центральных органах госбезопасности. Ягода был убран из НКВД, и мы потеряли крепкую опору в нашей оппозиции из госбезопасности».

Каковы были намерения, планы и деятельность группы Токаева?

Задолго до 1934 года, писал Токаев, «наша группа планировала убийство Кирова и Калинина, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В конце концов, убийство Кирова удалось другой группе, с которой мы имели связи».

«В 1934 году был план начать ре-

волюцию, арестовав целиком весь сталинистский 17-й Съезд партии».

Член нашей группы, Клава Еременко, в середине 1936 года предложила убить Сталина. Она знала офицеров из охраны Сталина. Товарищ Х отказался и «указал, что уже было не менее пятнадцати попыток убийства Сталина, все без успеха, но каждая стоила многих жизней отважных людей».

«В августе 1936 года... Мой вывод был таков, что время промедлений прошло. Нам надо немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию. Я был уверен тогда, как и сейчас, что если бы Товарищ Х призвал к оружию, то за ним сразу бы пошли многие видные деятели СССР. В 1936 году Алкснис, Осепян, Егоров и Каширин присоединились бы к нам».

Заметим, что все эти генералы были казнены после разоблачения заговора Тухачевского.

Токаев полагает, что в 1936 году у них было достаточно сторонников в армии для того, чтобы преуспеть в перевороте, который, поскольку Бухарин еще был жив, поддержали бы

крестьяне.

Один из «наших летчиков», вспоминал Токаев, представил Товарищу Х и Алкснису с Осепяном план бомбежки мавзолея Ленина и Политбюро.

20 ноября 1936 года в Москве Товарищ Х во время тайного собрания пяти членов организации предложил Демократову убить Ежова во время Восьмого Чрезвычайного Съезда Советов.

«В апреле 1939 года мы провели встречу лидеров подпольных оппозиционных групп, чтобы оценить положение дома и за границей. Кроме революционных демократов там присутствовали два социалиста и два правых военных оппозиционера, один из которых называл себя народным демократом-децентралистом. Мы приняли резолюцию, впервые определившую сталинизм как контрреволюционный фашизм, предательство рабочего класса... Резолюция была немедленно передана видным деятелям партии и правительства, и похожие конференции были организованы в других

▲ Уншлихт И.С.

▲ Ягода Г.Г.

▲ Уборевич

центрах... Мы начали оценку своих шансов в вооруженном восстании против Сталина». Заметим, что мысль «большевизм=фашизм» объединяла советских военных заговорщиков тридцатых годов, троцкистов, социал-демократов и западных католиков правого направления.

Вскоре после этого, Токаев беседовал со Смольнинским — это псевдоним одного из высших офицеров Ленинградского Военного округа — о возможности покушения на Жданова.

Кроме того, в 1939 году, в канун войны, состоялась еще одна встреча, где заговорщики обсуждали вопрос об убийстве Сталина в случае войны. Они нашли это неподходящим, так как им неким было заменить Сталина во главе государства, да и массы не пошли бы за ними.

Когда началась война, Токаеву, который хорошо говорил по-немецки, предложили участвовать в партизанской войне в тылу нацистов.

▲ Эйдеман

Партизаны, естественно, рисковали своей жизнью каждый миг, постоянно. В то время Товарищ X решил, что Токаев не должен принять это предложение: «Мы должны, насколько это возможно, оставаться в главных центрах, быть готовыми взять власть, если режим Сталина рухнет». «Товарищ X был убежден, что это был момент истины для Сталина. Жаль, что мы не могли видеть в Гитлере освободителя. Следовательно, говорил Товарищ X, мы должны быть готовы к падению режима Сталина, но нам не следует делать ничего, что может ослабить режим». Это обсуждение прошло на тайном собрании 5 июля 1941 года.

После войны, в 1947 году, Токаев был ответственным за переговоры с профессором Танком, специалистом по авионавигации, пытаюсь убедить того приехать в Советский Союз на работу. «Танк действительно был готов к работе над реактивным истребителем для СССР.. Я обсудил

суть дела с несколькими людьми, чье мнение было важным для меня. Мы согласились, что поскольку было бы неверно полагать, что советские авиаконструкторы не смогут разработать реактивный бомбардировщик, это будет не на пользу стране, как это должно было быть... СССР, как мы знали, не очень-то боялся внешних врагов; поэтому наши усилия должны быть направлены на ослабление, а не на усиление Советского монополистического империализма в надежде, что этим мы сделаем возможной демократическую революцию». Токаев признал здесь, что экономический саботаж был политической формой борьбы за власть.

Эти примеры показывают заговорщицкую сущность тайных групп в армии, прятавшихся внутри большевистской партии, наследники которых увидят признание их «идеалов» с приходом к власти Хрущева, и их внедрение в жизнь Горбачевым.

Решение о чистке было принято после разоблачения военного заговора Тухачевского. Открытие такого заговора в командовании Красной Армии, который имел связи с оппортунистическими фракциями в партии, вызвало настоящую панику.

В соответствии со стратегией большевистской партии подразумевалось, что война с фашизмом неизбежна. Раскрытие того, что несколько самых важных фигур в Красной Армии и несколько руководителей партии тайно способствовали планам переворота, показало, насколько серьезна внутренняя угроза, и что заговорщики имели связи с внешними врагами. Сталин прекрасно понимал, что столкновение Советского Союза с Германией будет стоить миллионов жизней советских людей. Решение физически уничтожить Пятую колонну не было знаком «диктаторской паранойи», как заявляла о том нацистская пропаганда. Скорее оно показывало решимость Сталина и большевистской партии противостоять фашизму не на жизнь, а на смерть. Уничтожая Пятую колонну, Сталин думал о спасении жизней нескольких миллионов соотечественников, которые пришлось бы отдать, если бы внешняя агрессия получила поддержку в виде саботажа, провокаций или внутренней измены.

В 1937 году усилилась кампания против бюрократизма в партии, особенно на среднем уровне. Во время этой кампании Ярославский решительно атаковал бюрократический аппарат. Он заявил, что в Свердловске половина членов Президиума Областного Совета не избиралась, а была кооптирована. Московский Совет собирался всего раз в году. Некоторые руководители даже не знают, как выглядят их подчиненные. Ярославский утверждал:

«Такой партийный аппарат, который должен бы помогать партии, зачастую ставит себя впереди партийных масс и партийных руководителей и еще больше увеличивает разрыв между массами и руководством».

Гетти писал:

«Центр пытался развязать критику аппарата среднего уровня рядовыми

активистами. Без официального разрешения и давления сверху сами по себе рядовые члены партии не были способны организовать и поддерживать такое движение против своих непосредственных руководителей».

Бюрократизм и произвол в подходе к людям в провинциальном аппарате подкреплялся тем, что этот аппарат имел фактическую монополию на опыт администрирования. Большевистское руководство вдохновляло массы на борьбу против этих буржуазных и бюрократических настроений. Гетти писал:

«Народный контроль снизу был наивностью; пожалуй, это была искренняя, но напрасная попытка использовать простой народ для слома закрытых региональных правящих структур».

В начале 1937 года областные сатрапы, подобные Румянцеву из Западной области, равной по территории западноевропейской стране, не могли быть убраны с поста в результате критики масс. Он был снят сверху, за связи с военным заговором, как пособник Уборевича.

«Два радикальных течения тридцатых годов слились в июле 1937 года, и итоговая стихия расстроила бюрократию. Кампания Жданова по партийному возрождению и охота Ежова на врагов сошлись и создали хаотичный «популистский террор», изменивший партию...»

Антибюрократический популизм и террор органов НКВД разрушил конторы и кабинеты, и самих кабинетчиков. Радикализм обернул политическую машину на себя и разрушил партийную бюрократию».

Борьба против проникновения нацистов и военных заговорщиков, следовательно, слилась с борьбой против бюрократизма и пережитков феодализма. Это была революционная чистка снизу и сверху. Чистка началась кадровым решением, подписанным 2 июля Сталиным и Молотовым.

Затем Ежов подписал смертные приговоры на 75 950 человек, чья непримиримая враждебность к Советской власти была общепризнанной: крупные уголовные преступники, кулаки, контрреволюционеры,

шпионы и антисоветские элементы. Эти дела должны были рассматриваться тройками в составе секретаря обкома партии, председателя областного Совета и начальника областного управления НКВД. Но, уже начиная с сентября 1937 года, руководство чистки на областном уровне и уполномоченные делегаты руководства партии стали требовать увеличения квоты на расстрел антисоветских элементов.

Зачастую чистка проводилась неэффективно и анархически. Уехав от ареста из Минска, полковник Куцнер приехал в Москву, где стал профессором Академии им. Фрунзе! Гетти цитирует показания Григоренко и Гинзбурга, двух противников Сталина: «Если кто-либо чувствовал, что его арест неминуем, то он мог уехать в другой город и, как правило, избежать ареста».

Секретари обкомов старались показать свою бдительность, осуждениями и исключениями большого числа низовых кадров и рядовых членов партии. Спрятавшиеся в партии противники вели дело так, чтобы исключить как можно больше коммунистов из партии. Вот что показал один из таких противников:

«Мы стремились исключить всех, кого только смогли. Мы исключали людей, когда не было оснований для этого. У нас была одна цель — увеличить число озлобленных людей и тем самым увеличить число наших сторонников».

Руководство гигантской, многонациональной страной, все еще пытающейся преодолеть свою отсталость, было крайне трудной задачей. Во многих областях стратегии Сталин делал упор на разработку генерального направления. Затем он давал задачу на выполнение одному из своих помощников. Для руководства проведением чистки он заменил либерала Ягodu, который легкомысленно отнесся к некоторым заговорам, на Ежова, старого большевика из рабочих.

Но через три месяца после начала чистки, проводимой Ежовым, появились сигналы о том, что Сталин не доволен способами проведения

операции. В октябре Сталин вмешался для того, чтобы подтвердить доверие руководителям экономики страны. В декабре 1937 года отмечалась двадцатая годовщина НКВД. Некоторое время в прессе раздувался культ НКВД, «авангарда партии и революции». Сталин даже не дождался следующего значительного события. В конце декабря были сняты с постов три заместителя наркома НКВД.

В январе 1938 года Центральный Комитет принял резолюцию о ходе чистки. В ней подтверждалась необходимость проявлять бдительность и проведения репрессий против врагов и шпионов. Но больше всего критики было уделено «фальшивой бдительности» некоторых партийных секретарей, которые нападали на массы, чтобы защитить себя. Это начиналось следующими словами:

«Пленум Центрального Комитета ВКП(б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на тот факт, что пока они направляют главные

усилия на чистку своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, ими совершаются и серьезные ошибки, и искажения, которые мешают делу очищения партии от двурушников, шпионов и вредителей. Несмотря на неоднократные директивы и предупреждения Центрального Комитета ВКП(б), во многих случаях партийные организации допускают совершенно неправильный подход и исключают коммунистов из партии в преступно легкомысленной манере».

Резолюция показывает две главных организационных и политических проблемы, из-за чего чистка уклонилась от намеченных целей: наличие коммунистов, заботящихся только о своей карьере, и наличие среди кадров, внедрившихся врагов.

«Среди коммунистов существуют еще нераскрытые и замаскированные убежденные карьеристы, которые стремятся стать заметными и продвигаются за счет рекомендаций на исключения из партии, репрессий членов партии, которые стремятся

оградить себя от возможной ответственности за недостаток бдительности, прибегая к огульным преследованиям членов партии...

Такого рода партийные карьеристы, озабоченные поисками благосклонности руководства, без разбора сеют панические слухи о врагах народа, и на партийных собраниях они всегда готовы поднять плач и стенания об исключенных из партии под разными формальными предложениями или вообще необоснованно...

Более того, многочисленным инстанциям известно о скрытых врагах народа, вредителях и двурушниках, организующих с провокационными целями представление лживых письменных показаний против членов партии и под прикрытием «повышения бдительности» добивающихся исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, стремясь таким путем отвести удар от себя и сохранить свои позиции в партийных рядах...

Они пытаются с репрессивными мерами разбить наши большевист-

▲ Молотов В.М.

▲ Берия Л.П.

ские кадры и посеять излишнюю подозрительность в наших рядах».

Мы бы хотели привлечь теперь внимание к преступному мошенничеству Хрущева. В своем Секретном докладе он посвятил целую главу осуждению «Большой чистки».

«Используя формулировку Сталина, а именно, что с приближением к социализму мы получим больше врагов... провокаторы, которые проникли в органы госбезопасности вместе с бессовестными карьеристами, начали защищаться от имени партии массовым террором против... кадров».

Читатель видит, что здесь отмечены те же два вида враждебных элементов, о которых Сталин предупреждал в январе 1938 года! Но на самом деле, «сталинская формулировка» была придумана Хрущевым. Да, некоторым коммунистам досталось ни за что, и во время чистки случались и преступления. Но Сталин с высочайшей дальновидностью осудил эти случаи уже через шесть месяцев после начала чистки. Восемнадцатью годами позже Хрущев будет использовать тех самых провокаторов и карьеристов, осужденных во времена Сталина, чтобы очернить чистки сами по себе и оскорбить Сталина.

Вернемся к резолюции января 1938 года. Вот некоторые выводы из нее:

«Сейчас время понять, что большевистская бдительность состоит главным образом в способности разоблачить врага независимо от того, насколько хитрым и искусным он может быть, независимо от того, как он спрятался, а не в безразборчивости или в исключениях «на всякий случай» десятками и сотнями тех, до кого можно добраться».

Направление должно быть на прекращение массовых огульных исключений из партии и установление действительно индивидуального и дифференцированного подхода к вопросам исключения из партии или восстановления исключенных людей в правах членства в партии...

Направление должно быть на удаление с партийных постов и содержание подотчетными партии тех

▲ Горбачев М.С.

партийных руководителей, которые не выполняют директивы Центрального Комитета ВКП(б), которые изгоняют членов и кандидатов в члены ВКП(б) из партии без тщательной проверки всех материалов, и кто допускает случайный подход в работе с членами партии».

Токаев считал вполне возможным, что антикоммунистические противники партии спровоцировали нарушения закона во время чистки, чтобы дискредитировать и ослабить партию. Он писал:

«Страх быть заподозренным в недостатке бдительности привел фанатиков на местах к осуждению не только бухаринцев, но также сторонников Маленкова, Ежова и даже Сталина. Конечно, невозможно, чтобы их могли подбить на это скрытые оппозиционеры! Берия... на закрытой сессии Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии, состоявшейся осенью 1938 года... заявил, что если Ежов и не был добровольным нацистским агентом, то уж невольным их пособником он был наверняка. Он

превратил центральные органы НКВД в рассадник фашистских агентов».

«Кардинашвили, один из тех, с кем я работал в тесном контакте, разговаривал с Берией как раз перед назначением Берии главой НКВД. Кардинашвили спросил Берию, что если Сталин не ослеп от страха, вызванного столь большим числом казней — то был ли он не осведомлен о том, что террор зашел настолько далеко, что идет уничтожение самих себя; люди на высших постах удивляются, не проникли ли нацистские агенты в НКВД, чтобы использовать свое положение для дискредитации нашей страны».

Берия ответил, что Сталин хорошо знает об этом, но он столкнулся с техническими трудностями: быстрое восстановление «нормальности» в централизованно управляемом государстве таких больших размеров, как СССР, было очень непростой задачей...

Кроме того, существовала реальная опасность войны, и поэтому правительство должно было быть очень осторожным, чтобы не расслабиться».

11 ноября 1938 года Сталин и Молотов подписали недвусмысленное решение, положившее конец крайностям, которые имели место во время чисток.

«Основные операции — сокрушение и уничтожение вражеских элементов — проведенные НКВД в 1937-1938 годах, во время которых следственные процедуры и слушание дела были упрощены, показали многочисленные и серьезные недостатки в работе НКВД и прокуратуры.

Кроме того, в НКВД проникли враги народа и шпионы иностранных разведывательных служб, как на местном, так и на центральном уровне. Они всеми мерами пытались подорвать расследования. Агенты сознательно искажали Советские законы, проводили массовые и неоправданные аресты и, в то же время, защищали своих пособников, особенно тех, кто проник в НКВД.

В работе НКВД наблюдались совершенно недопустимые изъятия везде, где только это было возмож-

но, так как враги народа внедрились в органы НКВД и прокуратуры, используя все возможные методы для отделения работы НКВД и прокуроров от партийных органов, чтобы избежать партийного контроля и руководства и помочь себе и своим пособникам продолжить антисоветскую деятельность.

Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет ВКП(б) постановили:

1. Запретить НКВД и прокурорам проведение любых массовых арестов или операций по высылке...

ЦРК и ЦК ВКП(б) предупреждает всех работников НКВД и прокуратуры, что малейшее отклонение от Советских законов и директив партии и правительства любым работником, кем бы он ни был, повлечет за собой самое строжайшее расследование.

В. Молотов, И. Сталин».

До сих пор остается много противоречий относительно числа пострадавших в Большой чистке. Этот вопрос остается излюбленной пропагандистской темой. Согласно Рит-

тершпорну, в 1937-1938 годах во время Большой чистки было исключено из партии 278 818 человек. Это намного меньше, чем в предыдущие годы. В 1933 году было исключено 854 330 человек; в 1934 — 342 294, а в 1935 — 281 872. В 1936 году исключено из партии 95 145 человек. Однако, мы должны учесть, что эта чистка совершенно отличалась от предыдущих. Большая чистка была направлена на кадровых работников. В предыдущие годы большинство исключенных составляли элементы, ничего общего не имевшие с коммунизмом, преступники, пьяницы и нарушители дисциплины.

Согласно Гетти, с ноября 1936 года по март 1939 было немногим меньше 180 тысяч исключенных из партии. Это число учитывает тех, кто затем был восстановлен в партии.

Непосредственно перед Пленумом 1938 года было подано 53 700 заявлений о неправильном исключении. В августе 1938 года таких заявлений было 101 233. К тому времени из всех 154 933 заявлений партий-

▲ Егоров

▲ Путьна

ные комитеты уже проверили 85 273, 54 процента из которых были признаны правильными. Никакая другая информация не может лучше показать ложь заявлений, что чистка была слепым террором без права на обжалование, организованным неразумным диктатором.

Конквест заявляет, что в 1937-1938 годах было арестовано от 7 до 9 миллионов человек. В то время общее число рабочих в промышленности было менее 8 миллионов. Свои данные Конквест «обосновывает на воспоминаниях бывших заключенных, которые дают оценку, что в те годы от 4 до 5,5 процента всего Советского народа было заключено в тюрьмы или депортировано».

Эти цифры всего лишь плод фантазии, выдумка врагов социализма, твердо намеренных любыми путями нанести урон тому режиму. Их «оценки» не имеют серьезной основы.

«В отсутствие доказательств все оценки являются одинаково бесполезными, и трудно не согласиться с наблюдением Бжезинского, что невозможно сделать любую оценку, не ошибаясь при этом на сотни тысяч или даже миллионы».

Теперь мы бы хотели обратиться к теме ГУЛАГа и более общему вопросу о числе заключенных и умерших в трудовых исправительных лагерях. Слово ГУЛАГ означает Главное Управление Лагерьей.

Вооружившись научными методами статистики и экстраполяции, Роберт Конквест делает замечательные расчеты: 5 миллионов заключенных в ГУЛАГе в начале 1934 года; более 7 миллионов арестованных в 1937-1938 годах, что составляет всего 12 миллионов; один миллион заключенных из этого числа казнено и два миллиона умерли по разным причинам за эти два года. Это означает, что в 1939 году в ГУЛАГ было сослано 9 миллионов политических заключенных, «не считаясь с нормами закона».

Теперь, имея масштабы репрессий, Конквест начинает подсчет трупов. С 1939 по 1953 годы среднегодовая смертность составляла «около 10 процентов». Но в эти же годы чи-

сло заключенных было стабильным, около 8 миллионов. Это значит, что за эти годы в ГУЛАГе Сталинизм уничтожил 12 миллионов человек.

Братья Медведевы, «коммунисты» школы Бухарина-Горбачева, по существу, подтвердили эти «обличающие» цифры.

«В концентрационных лагерях Сталинских времен побывало от 12 до 13 миллионов человек». При Хрущеве, который вновь пробудил надежды на «демократизацию», дело пошло намного лучше: в ГУЛАГе было всего каких-то 2 миллиона, осужденных на основе обычного уголовного права.

До некоторых пор никаких проблем. Для наших антикоммунистов все шло прекрасно. Их словам верили.

Затем СССР раскололся, и последователи Горбачева смогли добраться до Советских архивов. В 1990 году советские историки Земсков и Дугин опубликовали оригинальные, без какой-либо обработки, статистические данные ГУЛАГа. Там были данные о прибытии и уходе всех заключенных, до последней персоны.

Неожиданные выводы: эти учетные книги срывают маску учености с «исследований» Конквеста.

В 1934 году Конквест насчитал 5 миллионов политических заключенных. На деле их было от 127 до 170 тысяч. Точное число всех заключенных трудовых лагерей, политических и других, было 510 307. Политические заключенные составляли 25-35 процентов от общего числа. Примерно 150 тысяч. Конквест добавил 4 850 000. Небольшое уточнение!

В среднем, считал Конквест, каждый год в лагерях находилось около 8 миллионов заключенных. Согласно Медведевым — 12-13 миллионов. На самом деле число политических заключенных менялось от минимальных 127 тысяч в 1934 до максимальных 500 тысяч в 1941 и 1942 годах. То есть, реальные цифры были увеличены «исследователями» в 16-26 раз. Когда среднее число заключенных было от 236 до 315 тысяч, Конквест «изобрел» лишних 7 700

000! Несущественная статистическая ошибка, не так ли? Наши учебники, газеты не дают реальных цифр в пределах 272 тысяч, но везде вы увидите ужас в 8 миллионов!

Мошенник Конквест заявляет, что в 1937-1938 годах во время Большой чистки лагеря заполнились 7 миллионами «политэзков», и что в них тогда произошло 1 миллион казней и 2 миллиона других смертей. На самом деле с 1936 по 1939 год число заключенных в лагерях увеличилось на 477 789 человек (с 839 406 до 1 317 195). Коэффициент мошенничества равен 14. За два года было 115 922 умерших, а не 2 миллиона. К 116 тысячам смертей Конквест добавил 1 884 000 «жертв Сталинизма».

Горбачевский идеолог, Медведев, говорит о 12 или 13 миллионах заключенных в лагерях; при либерале Хрущеве там осталось 2 миллиона, все осуждены не по политическим статьям. На самом деле во времена Сталина, в 1951 году, когда в лагерях находилось наибольшее количество заключенных за все времена, там было 1 948 158 осужденных по уголовным статьям, сколько и было во времена Хрущева. Политических заключенных было 579 878 человек. Большую часть этих «политических» составляли пособники нацистов: 334 538 заключенных за измену.

Согласно Конквесту, в 1939-1953 годах в трудовых лагерях был 10-процентный годовой уровень смертности, приблизительно 12 миллионов «жертв Сталинизма». В среднем 855 тысяч умерших за год. В действительности же, реальное число в мирное время составляло 49 тысяч. Конквест выдумал еще 806 тысяч смертей в год. За четыре военных года, когда нацистское нападение привело к наиболее тяжелым условиям по всему СССР, среднее число умерших в лагерях было равно 194 тысячам. Значит, за четыре года нацисты вызвали 580 тысяч дополнительных смертей, в чем, конечно, виноват был Сталин.

Верт, разоблачивший мошенничество Конквеста, поступил еще лучше, поддержав, насколько он мог, миф о «преступлениях» Сталина.

▲ Коганович Л.М.

▲ Блюхер

«За четырнадцать лет (1934-1947) было зарегистрировано 1 миллион умерших только в трудовых лагерях». То есть, Верт также обвиняет социализм за те излишние 580 тысяч смертей, вызванных нападением нацистов!

Но вернемся непосредственно к чистке.

Одно из наиболее хорошо известных измышлений гласит, что чистки были предназначены для уничтожения «Старой большевистской гвардии». Даже такой злобный враг большевизма, как Бжезинский, придерживается этой линии. В 1934 году в партии было 126 тысяч «старых большевиков», то есть вступивших в партию не позднее 1920 года. В 1939 их оставалось в живых 125 тысяч, из них еще состояло в партии 69 процентов. За эти 5 лет падение составило 57 тысяч человек, то есть 31 процент. Некоторые умерли по естественным причинам, другие были исключены или казнены. Очевидно, что если «Старые Боль-

шевики» попали под Большую чистку, то это произошло не потому, что они были Старыми Большевиками, а из-за их политической позиции.

Мы заканчиваем словами профессора Дж. А. Гетти, который в конце своей замечательной книги «Origins of the Great Purges» (Начала Больших чисток), писал:

«Очевидно, что Ежовщина — которую большинство людей и помнят, как реальную «Большую чистку» — должна быть переосмыслена. Она не была результатом бесчувственного бюрократического вытеснения несогласных и уничтожением старых революционеров-радикалов. В действительности все могло быть совершенно противоположным. Нет противоречия в доказательствах, чтобы утверждать, что Ежовщина была скорее крайней, радикальной, даже истерической реакцией на бюрократизм. Окопавшиеся кабинетчики были разгромлены сверху и снизу в хаотических волнах волюнтаризма и революционного пуританства».

В общем, и целом чистки 1937-1938 годов достигли цели. Они принесли немало вреда, было наделано много ошибок, но вряд ли этого можно было избежать, имея в виду внутрипартийную обстановку. Большинство сотрудников нацистской Пятой колонны сгнули во время чисток. И когда фашисты напали на СССР, в госаппарате и партии нашлось не много предателей.

Когда мы слышим социал-демократов, христианских демократов, либералов и других буржуа, рассуждающих об «абсурдном терроре» Сталина, о «кровавом деспоте», хочется их спросить, где были они и люди, подобные им в 1940 году, когда нацисты оккупировали Францию и Бельгию. Подавляющее большинство тех, кто здесь, дома, осуждал сталинские чистки, активно или пассивно поддерживали нацистский режим, как только он здесь установился. Когда нацисты оккупировали Бельгию, Хендрик де Ман, Прези-

дент социалистической партии, сделал официальное заявление с восхвалением Гитлера и объявил, что приход гитлеровских войск означал «освобождение рабочего класса!» В «Манифесте к членам Бельгийской Рабочей Партии», опубликованном в 1940 году, де Ман писал:

«Война привела к разгрому парламентарных режимов и капиталистической плутократии в так называемых демократических странах. Для рабочего класса и социализма это падение дряхлеющего мира далеко от того, чтобы быть катастрофой, оно явилось освобождением...

Открыт путь для решения двух важнейших вопросов, выражающих стремления народа: Европейский мир и социальная справедливость».

В курсах истории они уже разбили наши перепонки скандальной ложью о Сталине, но они ничего не рассказывают нам о Президенте Бельгийской социалистической партии, большом критике Сталинских чисток, который приветствовал нацистов в Брюсселе! Хорошо известен факт, что не только Хендрик де Ман, но и Ахилл Ван Акер, будущий Премьер-министр «демократической» Бельгии, тоже сотрудничал с нацистами, как только они пришли. Когда мы слышим этих людей, говорящих

о том, что чистки, организованные Сталиным, были «преступны» и «абсурдны», мы понимаем их. Те, кто готовился сотрудничать с нацистами, были из того же самого семейства, что и большинство «жертв чисток». И во Франции подавляющее большинство социалистов, членов парламента, голосовало за передачу всей полноты власти Петену и помогало ему установить продажный режим Виши.

Далее, когда нацисты оккупировали Бельгию, сопротивления почти не было. Первые недели и месяцы не было и признаков сопротивления. Бельгийские буржуа, почти все до единого, сотрудничали с нацистами. И массы подчинились и молча приняли оккупацию. Французский автор, Анри Амуру, смог написать книгу под названием «Сорок миллионов петенистов».

Сравним теперь это с Советским Союзом. Как только нацисты ступили на Советскую территорию, они столкнулись с людьми, военными и гражданскими, готовыми к борьбе на смерть. Чистки постоянно сопровождались кампанией политической и идеологической подготовки рабочих к войне с агрессорами. В своей книге об Урале, американский инженер Скотт хорошо описал, как про-

водились такие кампании на заводах Магнитогорска. Он писал, как партия разъясняла рабочим международное положение в газетах, на семинарах, используя фильмы и театр. Он рассказал о глубоком эффекте такого воспитания рабочих.

И это так, потому что чистки и воспитательная кампания, сопровождавшая их, были тем, что Советский народ считал необходимым для укрепления стойкости. Если бы не было этой непреклонной воли к сопротивлению нацистам всеми доступными средствами, то очевидно, что нацисты смогли бы взять Сталинград, Ленинград и Москву. Если бы нацистская Пятая колонна смогла бы уберечь себя, то она бы нашла поддержку среди пораженцев и капитуляционистов в партии. Если бы Сталинское руководство было свергнуто, то Советский Союз капитулировал бы как Франция. Победа нацистов над Советским Союзом немедленно помогла бы сторонникам Гитлера среди британской буржуазии, еще достаточно сильной после ухода Чемберлена, захватить власть из рук группы Черчилля. Нацисты могли бы, видимо, господствовать во всем мире. ■

В. А. АЧАЛОВ, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР
1990-1991 ГОДЫ. КОМАНДУЮЩИЙ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫМИ ВОЙСКАМИ
В 1989-1990 ГОДЫ.

БУДЕННОВСК: ТРАГЕДИЯ И ГОЛОВОТЯПСТВО

▲ Буденновск, заложники

В мае 1995 года на шатойском и веденском направлениях развернулись ожесточенные бои. Лишь после огневых ударов, федеральным войскам удалось овладеть цементным заводом на входе в Аргунское ущелье. 13 июня был полностью блокирован, а на следующий день взят Шатой. С его падением могла закончиться война в горах, однако наступление было остановлено. Причиной послужили колебания Центра, вызванные деятельностью в Чечне международных правозащитных организаций, осуждением войны со стороны российских политических партий правого толка, что активно освещалось в СМИ, производя негативное впечатление

на мировое сообщество. На посту командующего Объединенной группировкой Куликова А. С. сменил генерал Романов А. А. Как поговаривают, после покушения на Романова (6 октября 1995 года) Ельцин впал в прострацию: плакал, пил два дня, жаловался, что генералы его обманули, и называл войну в Чечне самой ужасной ошибкой своей жизни. В конце октября он слег в больницу и полностью пришел в себя только к концу года.

14 июня 1995 года, в день вооружения российского флага над Шатоем, произошла трагедия в Буденновске. Отряд бандитов под командованием Басаева захватил городской телефонный узел, здание

местной администрации и районную больницу, в которой заложниками стали свыше 1 000 человек. День 14 июня был избран террористами, видимо, не случайно, так как именно в этот день в Сочи состоялась встреча премьер-министра России Черномырдина с руководителями Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Калмыкии. Кроме того, террористическая акция Басаева совпала с совещанием «семерки» в Галифаксе (Канада), на которое отбыл Ельцин. Возможно, налет на Буденновск стал актом мести со стороны Басаева, у которого 3 июня ракетно-бомбовым ударом был уничтожен дом, родовое гнездо, где погибли

11 человек — вся его семья, включая жену и детей. Кстати, разрушение родового гнезда — самое страшное наказание для горцев, и это отлично знали царские генералы.

Плохо подготовленный штурм больницы пришлось остановить, тем временем в здании больницы террористы продолжали творить расправу над ни в чем не повинными людьми. В этой обстановке государственной беспомощности Черномырдин вступил в переговоры с Басаевым, и боевикам дали возможность на транспортных средствах торжественно покинуть место преступления.

Всё, что касается Буденновска, — хронология, предыстория — во многих СМИ публиковалось. Воспроизведу то, с чем я лично соприкоснулся и чем мне там пришлось практически заниматься.

Я находился на работе, когда мне последовал звонок из Государственной Думы о том, что в Буденновск собирается группа из депутатов, и было бы неплохо, если бы я, как специалист по разгребанию конфликтов, присоединился к ним для участия в переговорах с захватчиками.

По первоначальной информации стало известно, что туда полетит С. Н. Бабурин, с которым меня связывали дружеские, приятельские отношения со времен совместной работы в Верховном Совете России

первого созыва. В делегацию вошел Жириновский с несколькими членами парламентской фракции ЛДПР: как потом выяснилось, он был заперщиком этого дела. Организационную сторону вопроса взял на себя С. Н. Абельцев, тоже из фракции либеральных демократов летавший потом вместе с нами в Буденновск.

Прибыл на аэродром. Однако здесь нам сказали, что вылет будет с другой площадки. Организационная неясность витала в воздухе примерно около двух часов: кто откуда полетит, кто на какой аэродром едет. Телефонов мобильных в то время ещё не было, информацию получали по каналам аэродромной диспетчерской службы. В конце концов Ту-134 был все же занаряжен, заявки на вылет даны. Оказалось так, что в составе группы в основном члены партии Жириновского. Кто кого перехитрил и кто хотел нагреть на этом руки или нажить свой политический капитал — мне неизвестно. В результате выиграл Жириновский. Одним словом, я оказался в этой команде.

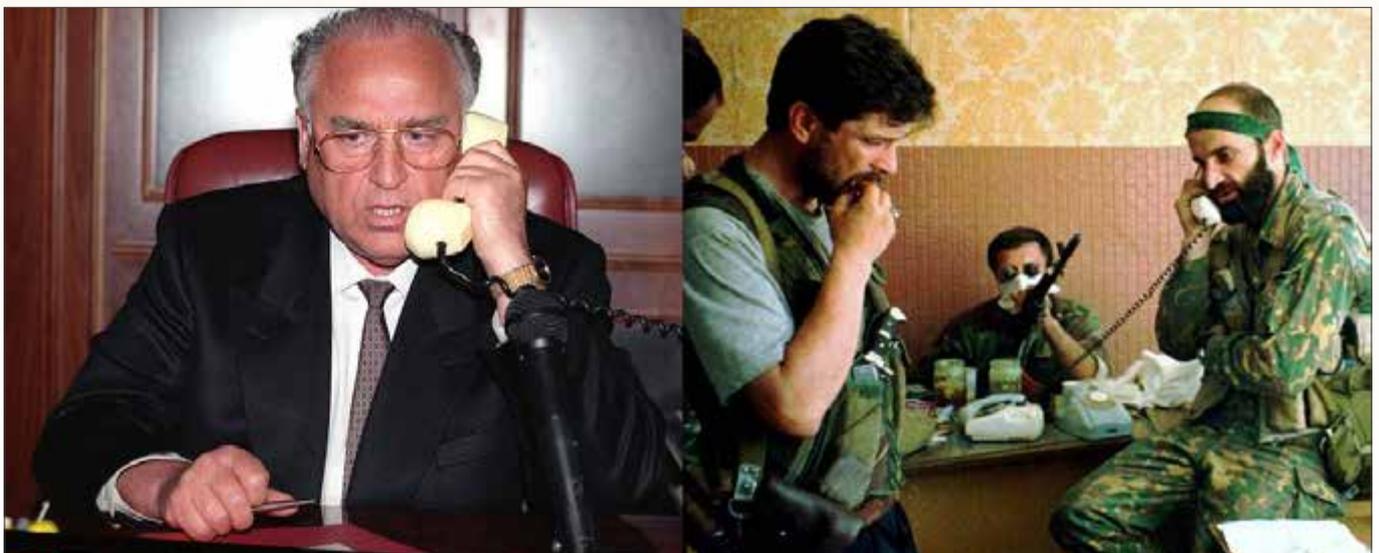
Прилетели глубокой ночью, на аэродроме под Буденновском нас ждали. Автобусом в сопровождении милиции мы выехали в город. Увиденное поразило: город был в полной темноте, иногда в районе больницы раздавались автоматные очереди.

Прибыли в штаб руководства. Там, конечно, никого, кроме дежур-

ных, не было. Пояснения давал начальник ГУВД Ставропольского края, фамилию не помню, кажется, генерал-лейтенант Борисов. Обстановка во многом была неясная. Естественно, когда три ведомства — Министерство обороны, ФСК и Министерство внутренних дел занимались одной проблемой, то каждый тянул одеяло на себя. Для Черномырдина, на случай, если он захочет лично руководить операцией, в Буденновск самолетом пригнали два его «мерседеса», но премьер там так и не появился. Четкого руководства не было, единого плана тоже.

Коротко изучив обстановку на месте, мы с Владимиром Вольфовичем направились в Дом культуры, где нам предоставили ночлег. При свете электрических фонариков и свечей расположились в креслах. Воды не было, туалеты не работали.

После легкого ужина стали устраиваться ко сну, кто где. Я расчехлил парашютную сумку, вытащил обмундирование. Расположился на сцене под столом. Время было уже вторая половина ночи, и где-то к рассвету я услышал звуки, похожие на громовые раскаты. Первое впечатление, что это гроза и дождь. Потом прислушался и по интенсивной стрельбе и взрывам понял, что идет штурм. Хотя по приезду нам сказали, что никакого штурма не ожидается.

▲ Унизительные переговоры премьер-министра РФ с бандитами

▲ Н.Д. Егоров

▲ В.А. Ачалов

Я поднялся, будить никого не стал, все спали с дороги глубоким сном. Поднялся на чердак, разбил слуховое окно и вылез на крышу. Картина, представшая передо мной, являла собой сплошное море огня. Женский вой (другими словами не назовешь), собачий лай, в воздухе вертолеты. Стрельба велась с применением трассирующих пуль, они летели хаотично в разные стороны. Зрелище в целом напоминало немецкую облаву в оккупированной партизанской деревне.

Я стал за трубой и начал наблюдать, стараясь понять, что происходит в районе больницы. А там интенсивная стрельба, дым. Вдруг за соседней трубой я заметил нашего старого знакомого — демократборца Ковалева Сергея Адамовича, который всегда уж очень ратовал за права человека, но вот на этот раз был сторонним наблюдателем. Так сказать, любопытствовал, собирал компромат.

Видя, что стрельба стихает, я спустился вниз. Разбудил Жириновского. Вся делегация московская только

протерла глаза и даже не ведала о том, что состоялся штурм. У всех удивленный вид. Привезенной с собой минеральной водой сполоснули лица, немного перекусили тем, что было и направились в здание администрации.

Вышли из Дома культуры. К Жириновскому тут же обратилась плачущая женщина, он её утешил в своей обычной манере — с обещаниями, с перечислением важных задач, которые ему предстоит решить здесь и ещё в будущем, когда он станет президентом России. Беседа закончилась тем, что кто-то из его помощников сунул ей в руку то ли 100, то ли 500 рублей.

Прибыли в администрацию города. Там уже собрались кое-какие начальники, может быть, где-то и штаб заседал, но вождя либерал-демократов туда не пустили. Я зашел в оперативную комнату, встретился с начальником ГУВД края. Переговорили. Всю операцию, всё общее руководство там возглавлял министр по делам национальностей и региональной политики, полномочный представитель

президента в Чечне Егоров Н. Д. (потом он умер). Человек, на мой взгляд, трезвомыслящий, думающий, произвел на меня приятное впечатление. Обстановкой владел.

Когда я беседовал с начальником ГУВД, то спросил, почему он накануне ничего не сказал о предстоящем штурме. Оказалось, что говорить на эту тему было категорически запрещено. В общем, это можно было понять. Случайно он обмолвился, что с Басаевым через городскую АТС имеется телефонная связь. Я попросил соединить меня с ним, назвался. Диалог состоялся примерно следующий. Он обо мне наслышан, знает с тех пор, когда вместе со своим отрядом воевал против грузин на стороне абхазов. Там он проходил первоначальную подготовку под руководством наших добровольцев, десантников.

Басаев упрекнул меня в том, будто я со своими парнями дров тут наломал. Пришлось его успокоить: «Я сегодня не командующий Воздушно-десантными войсками. Ты сам знаешь, где я в последнее время

▲ Больница

находился. К твоей великой радости, а к моему большому сожалению, жалко, что нет здесь десантников и меня с ними». И добавил, что приехал как человек военный, как солдат к солдату и хотел бы с ним встретиться. Он дал согласие — и это буквально через полтора часа после штурма. Попросил при этом, чтобы я не брал в сопровождающие никого из чеченцев, а взял только трех-четырех человек, кого сочту нужным.

Сразу появилось много желающих, правда, за исключением некоторых. Услышав мой разговор с Басаевым, Жириновский тоже захотел поговорить с ним. Взял трубку, начал разговаривать с Басаевым, вспоминать об их встречах. По ходу разговора я понял, что с ним Басаев встречаться и вести какие-либо переговоры не желает и не будет. Я предложил: «Пойдем, Владимир Вольфович, вместе». Но он резко шагнул назад. Сказал, что у него запланирован митинг, он будет встречаться с казаками и туда (в больницу) пойти не сможет.

Собралась группа в составе четырех человек — генерал В.И. Филатов (бывший главный редактор

«Военно-исторического журнала»), ещё один генерал из ФСК и от партии Жириновского Шипов Александр, хороший смелый парень, оперный певец по профессии. Договорились о встрече, как и что.

У начальника местного ГУВД я поинтересовался, чем могу быть полезен, что выдвигать на переговоры. Попросил соединить меня с руководством, с командирами, чтобы уточнить, кто воюет, где наши подразделения находятся, чтобы предотвратить случайную стрельбу и выбрать коридор для прохода в больницу.

Подъехали к дому, откуда велось управление «Альфой». Там находился замминистра внутренних дел генерал-полковник Егоров М.К., мы с ним встретились как старые знакомые. Он обрисовал ситуацию, и мы договорились, что с нашей стороны прекратится всякая стрельба.

Первая попытка пройти в здание больницы не увенчалась успехом, так как стрельба продолжалась с обеих сторон. Стало ясно, что единого управления здесь просто нет. Каждое ведомство выполняло свои задачи, взаимодействие между ними отсут-

ствовало. Так что пришлось бы нам под пулями перебежками выдвигаться к блокированному со всех сторон зданию.

Я понял, что александров матросовых из нас явно не получится. Рисковать жизнями — своей и сопровождающих меня людей — не хотелось. Поэтому на машине ВАИ пришлось возвратиться, вновь согласовать по всем линиям, что с такого-то по такое-то время не будет никакой стрельбы и мы получим проход в больницу.

Через какое-то время вопрос был решен. М.К. Егоров предложил мне группу сопровождения, но я от этого отказался. Мы уточнили ещё ряд моментов, он попросил меня договориться, как забрать тело погибшего сотрудника группы «Альфа», которое осталось лежать в зоне обстрела. Я пообещал, что этот вопрос будет решен.

Действительно, стрельба вскоре прекратилась. Мы направились в сторону здания больницы. Разговаривая на ходу с Филатовым и другими, я внезапно услышал за собой топот. Обернулся и увидел, что окружен добровольцами-казаками.

Они все в разной форме одежды. Обратил внимание на одного, знал, что это атаман. Коренастый, активный, с шашкой. Спросил, почему они за мной идут. Говорят, мы решили вас сопровождать.

– А кто вас просил об этом?

– Никто, мы сами решили.

Развернул всю эту публику, отправил к Жириновскому на митинг и правильно сделал, потому что их басаевцы расстреляли бы уже точно. На этой войне казаки в плен не брали, но и сами не рассчитывали на снисхождение.

Выйдя на расстояние 400-500 м от больницы, увидел: стоят БМП, танки, все башни и стволы развернуты в сторону больницы. Слышались одиночные выстрелы, но отступать, как говорится, уже было некуда. В оконных проемах женщины стоят как живой щит под прицелом снайпера. Басаевцы заставили их размахивать платками, а сами из-под юбок наблюдали и вели стрельбу. Мужчин загнали в подвал и забаррикадировали двери.

Обстановка, сами понимаете, напряженная. Голова тут работала над тем, что можно сделать в первую очередь, какие ошибки допущены и что предпринять дальше. Сразу попытался определить, почему не удался штурм. И снова пришел к выводу, что главной причиной стало то, что не было единого руководства, четкого организованного управления. Даже, допустим, те же танки и БМП — можно было развернуть пушки вперед, сделать один-два холостых выстрела, открыть десантные люки внизу, чтобы через них экипажи могли покинуть машины. Направить танки и БМП на больницу на первой передаче, по ним басаевцы открыли бы огонь из гранатометов, а вооружены они были до зубов, как я убедился. В это время снайперы могли бы вести прицельный огонь по гранатометчикам. Но что махать кулаками после драки!

Одним словом, прошли мы линию танков и БМП, вышли на прямую видимость и двигаемся в сторо-

ну здания больницы. Замечаю краем глаза: идем не шеренгой, а строим, на военном языке это называется «в колонну по одному». То есть я впереди, а остальные за мной — у людей сработал инстинкт самосохранения.

Подшли ко входу, дверь металлическая. Постучали, она открылась — стоит чеченец и вдруг представляется: «Товарищ командующий! Начальник службы безопасности армии Ичкерии подполковник такой-то». Я говорю: «А вы откуда меня знаете?» Отвечает, что служил в 8-й гвардейской армии в ГДР, когда я был там командармом. Был заместителем командира мотострелкового полка в 57-й мсд, дислоцировавшейся в Наумбурге. Меня хорошо помнит, дома у него на стене висит мой портрет. Говорю: «Ну, похвально. Хорошо, что этот портрет не видят сегодня Ельцин или Черномырдин, не то я снова оказался бы в Лефортово».

Встретил меня бывший подчиненный довольно уважительно, видно,

▲ Заложницы из родильного отделения

▲ В коридорах больницы

хорошо помнил по службе. Вообще я заметил, что на Кавказе ценят и уважают людей, которые добились известности, высоких постов и богатства (чего греха таить!) в Москве, в России, среди русских. У нас же наоборот: свой русский, занял высокое положение, разбогател, наконец, прославился какими-либо делами — так нет, сразу начинают искать темные пятна в его биографии, искать всякие поводы смазать картину успеха. И можно понять большого русского, уже покойного, писателя Владимира Алексеевича Солоухина, который признался однажды: «Меня топили евреи, но им всегда помогали русские».

Пошли с этим подполковником и его людьми наверх, стали подниматься на второй этаж. Поднялись. Смотрим, первая картина — лежит убитый, распластанное тело. Большой, здоровенный чеченец, экипированный что надо, примерно под метр восемьдесят-девять ростом. Лужа крови, и кровь ещё, что называется парная. Запах такой своеобразный, приторный. Я перешагнул через труп, спросил: «Ну, где ваш Басаев?» Вижу, на лестничном про-

лете стоит мужичок с рыжей бородашкой. Я продолжаю идти, отодвигаю его рукой. А начальник службы безопасности мне в спину и говорит: «Вот это и есть Басаев». Я обернулся, спрашиваю:

– Так это ты Басаев?

– Да, я.

– Ну, спасибо за то, что пошел навстречу, согласился переговорить.

– Ладно, давайте будем разговаривать.

Пошли дальше. Стоят вдоль стен женщины с детьми, плачут. Все взоры на меня. Тут же чеченец с ручным пулеметом, гранатами, причем одна граната в нагрудном кармане на самоликвидации (в случае необходимости, если заняты руки, зубами можно за шнурок выдернуть чеку). У всех за спиной ручные противотанковые гранатометы. Экипированы профессионально: автоматы с подствольниками, снайперские винтовки, ручные гранаты, бронезилеты, гожи, каски, камуфлированное обмундирование иностранное, то ли арабское, то ли турецкое.

Зашли в комнату, там городской телефон. Басаев со своими сел на пол около батареи под окном

и предложил мне занять такую же позицию. А я в гражданской одежде: светлые брюки, белая рубашка. Мои спутники тоже одеты по-обычному. Поэтому я отказался, попросил принести стулья. В. И. Филатов с разрешения Басаева всю нашу беседу записывал на диктофон.

Я сказал Басаеву, что хочу обсудить с ним ряд проблем, особенно касающихся женщин и детей. Как солдат солдату могу предложить свои услуги. Если ты захочешь со своими людьми выехать, допустим, в Ирак, то я всё устрою (а у самого уже в голове был определенный план, как это осуществить). Организуем безопасный вылет туда с ближайшего аэродрома. Если нужны какие-то деньги, то решим и этот вопрос. Ответ был такой: никакие планы, никакие предложения не принимаются, у нас одно требование, одно условие — вывести из Чечни войска.

Выпустить заложников за определенную сумму он также категорически отказался, ни на какие уговоры не шел. Выдвигал одно и то же требование — вывести войска. Я сказал, что эти вопросы доведу до руководства и потом снова к нему подъеду.

В принципе, мы договорились, что они позволят забрать труп бойца «Альфы» и вывести женщин из родильного отделения больницы. В числе заложников находились и женщины с детьми, которых тоже загнали сюда. Я попросил освободить также их или хотя бы только детей, но получил отказ.

Как бы подводя итог, Басаев сказал: «Генерал, тут еще многие напрашиваются на переговоры. Я ни с кем встречаться больше не буду, кроме женщин из родильного отделения никого не выпустим. А требование одно — вывести войска». Еще раз я попросил его освободить детей, но он снова отказал.

— Хорошо, — ответил я, — мы обсудим эти вопросы с руководством.

Засобирались на выход. Ещё в начале переговоров я обратил внимание на то, что два басаевца стоят сзади, направив стволы мне в голову. Видимо, на всякий случай, хотя мы не имели при себе вообще никакого оружия.

Вся миссия заняла примерно полтора часа. Условились, что стрельба будет прекращена (во время переговоров слышались отдельные выстрелы с обеих сторон). Здание больницы горело, взрывался шифер на крыше, в любой момент могла взлететь в воздух кислородная камера. Женщины, когда мы проходили мимо, начали рыдать. Просто уцепились за меня, просили помочь выйти оттуда. Обещал, что сделаю всё возможное для этого, примем все меры. На душе было гнушно от сознания собственного бессилия и общегосударственного позора.

Террорист №1 сдержал слово: не успели мы ещё покинуть здание, как начали выпускать женщин из родильного отделения.

Прибыл в администрацию, там все бросились с советами, с распросами, как да что. Я оказался в центре внимания. Интересуются, какое впечатление произвел главарь бандитов. Сам Басаев, хочу сказать, если бы он был профессионально

более подготовленным, может быть, действовал как-то по-другому. Эта его акция, действительно, кажется какой-то спонтанной. Следственные органы, по всей видимости, более-менее точно знают, что реально замыслилось этой бандой, так как они впоследствии кого-то из них допрашивали.

Басаев со своими людьми, как мне представляется, мог захватить находившийся в 18 километрах от Буденновска огромный завод по производству химического сырья. Достаточно было проникнуть в один из цехов этого завода и совершить диверсию, да такую, что мало бы не показалось. Таких населенных пунктов, как Буденновск, тогда несколько можно было бы снести с лица земли. Конечно, это дикость самая настоящая, но я понял, что Басаев был настроен решительно и ни перед чем не остановился бы, чтобы осуществить свои планы. Ясно было, что рассасывания проблемы не произойдет.

▲ Заложники

▲ Перед штурмом

Пока я ехал до здания администрации Буденновска, все возможные варианты в голове прокручивал, и в результате у меня родился такой план. Хорошо, раз они требуют вывода войск, то показать им картинку: снять штабы, снять движущиеся войска, обозначить выход, чтобы они освободили заложников, а затем вернуть всё в исходное положение. Вообще-то басаевцев, этих уродов, надо было уничтожить на месте, с ними даже разговаривать не следовало. Ещё раз повторю, что он, Басаев, был просто нацелен, настроен на определенное решение, и никакие бы уговоры на него не подействовали.

Вернувшись из этой экспедиции, я не стал никем особенно разгова-

ривать, доложил отдельно С. В. Степашину (он в то время возглавлял ФСК). Переговорили, я ему обрисовал ситуацию, реальную картину происходящего. Рассказал, что я, допустим, сделал бы на его месте. Он со мной согласился. Человек разумный и трезвомыслящий, самое главное — без амбиций.

Дальше переговорили с Н. Д. Егоровым. После разговора он оставил нескольких своих людей в кабинете, выпроводил оттуда даже Жириновского (правда, тот через некоторое время снова вернулся). Сели за стол: Степашин, Егоров, я и еще 4-5 человек. Появилась женщина — казачка, зампредседателя местной городской администрации, принесла по тарел-

ке борща. Нас покормили, так как мы практически целый день ничего не ели.

В целом обстановка была, говоря военным языком, намного хуже, чем на самых плохих учениях. Там всё-таки свои части, есть единое управление, а тут все разного подчинения, всё надо собирать и объединять. А кому? Масса была нерешенных вопросов, тем более что этот штурм породил дополнительные хаос и беспорядок.

Я предложил свой вариант действий. Он заключался в том, что я вместе с Басаевым вылетаю в Ирак на военно-транспортном самолете. При этом задумка была такая: выдать всем парашюты, на худой конец где-нибудь над пустыней покинуть самолет, в том числе и экипаж должен был это сделать. А самолет, естественно, продолжая полет на автопилоте, через какое-то время падает. Но этот номер был непроходной, как слишком сложный. И на него вряд ли пошел бы Басаев без дополнительных гарантий и проверок, а это — время.

Можно было договориться с правительством Ирака, чтобы оно разрешило пролет и посадку самолета, а затем арестовать всю группу. Саддам Хусейн пошел бы на такую акцию, я в этом уверен. Или с Иорданией. Но на это тоже было мало шансов, прежде всего из-за амбиций Ельцина и Черномырдина.

И вдруг Н. Д. Егоров ко мне обращается: «Владислав Алексеевич, а вот не могли бы со мной остаться и помочь в этом вопросе?». Я ответил, что готов. Но тогда попрошу дать мне соответствующие полномочия, чтобы всё руководство я взял на себя, т. е. какие распоряжения буду отдавать, так они и должны будут выполняться. Никаких советов, указаний чьих-то мне не требуется.

Сидим за столом и чувствую, на моё плечо легла чья-то рука. Оборачиваюсь, смотрю — стоит Ерин. Я, конечно, эту руку резко отшвырнул: «друг» по девяносто третьему году. Как с ним разговаривать после всего?

Степашин эти наши разговоры слышал. Егоров со мной согласился.

Затем звонит Черномырдину (Ельцин все ещё пребывал в канадском Галифаксе на встрече со своим «другом Биллом») и докладывает о результатах моих переговоров с Басаевым. Говорит, что второй штурм проводить нецелесообразно, так как пострадает большое количество мирных жителей, особенно женщин. И излагает мой план: изобразить отход, отвести войска и освободить заложников. Этот разговор по ВЧ связи продолжался в течение, наверное, минут двадцати. Чувствую по интонации, что Черномырдин против, так как Николай Дмитриевич ссылается на меня. А я для сановного Черномырдина — как красная тряпка для была.

Его вот эта твердолобость и привела к тому, что состоялся второй штурм. Так что гибель людей полностью на совести премьер-министра. Я об этом ответственно заявляю и готов поклясться на чем угодно, что всё на его совести, судя по этому разговору. Потому что потом всё началось так, как хотел Черномырдин. Егорову я прямо сказал, что второй штурм ни в коем случае начинать нельзя. Мы видели, чем они вооружены, как настроены и на что способны. Это люди фанатично одержимые, они знали, что приговорены, обречены. Они выбрали для себя такой путь,

и другой дороги, как говорится, у них просто не было.

Закончив разговор, Егоров снова обратился ко мне: «Владислав Алексеевич, я всё же прошу Вас остаться здесь, помочь мне». Я сказал, что готов, но зачем мне брать грех на душу, наблюдать всё это, имея уже подобный опыт в Азербайджане, Армении и Средней Азии, тем более что я — неофициальное лицо, и здесь мне никто не подчиняется.

В комнате дежурных, где велись рабочие карты, обобщалась поступающая информация и шли телефонные переговоры, оставалось только ждать, когда снова будет можно направиться в больницу на переговоры. Вдруг заходит Степашин и говорит: «Владислав Алексеевич, Вам больше к Басаеву ехать не нужно». Я спрашиваю: «Так что, решили проводить второй штурм?» Он пожал плечами: «Мы люди подневольные, приказано штурмовать».

— Сергей Вадимович, — говорю ему, — это же глупость, ведь будут жертвы, и немалые.

— Я, — ответил он, — понимаю, но...

Сказал об этом Жириновскому: «Ну что, Владимир Вольфович, нам тут больше делать нечего. То, что здесь сейчас начнется, уже ляжет на совесть народных депутатов,

депутатов Госдумы. Я, например, на себя это брать не хочу». Жириновский в свою очередь тоже переговорил с Егоровым. Николай Дмитриевич ещё раз обратился ко мне: «Может, всё-таки подумаете и останетесь, мы вы заплатим Вам командировочные, отправим потом в Москву самолетом?» Я ответил, что раз такое решение (на штурм) принято, то грех на душу брать не буду. Зачем мне эта кровь? Я её и так повидал достаточно. Видимо, он рассчитывал задействовать в руководстве операцией побольше лиц, чтобы потом распределить ответственность за последствия на несколько человек.

Жириновский послушно выполнил команду возвращаться, собрал своих людей, и мы поехали на аэродром. Взлетаем, я смотрю в иллюминатор на город (он оказался как раз со стороны этого борта самолета) и вижу: начался второй штурм, над больницей летают вертолеты, взрывы. Связи никакой, прозвонить кому-либо не было возможности. Остается только догадываться, что в этот момент думал Басаев обо мне и моих обещаниях. Было стыдно за власть.

Что интересно, «прокручивая» ночью в голове прошедшие события, включил телевизор. Где-то около пяти часов слышу бодрый голос Черномырдина: «Алло! Шамиль Басаев!

▲ Степашин С.В.

▲ Штурм

Ты меня слышишь?» И дальше слова и план, который я предлагал.

Будучи уже послом РФ на Украине, он изящно, как всегда, отозвался на события 11 сентября 2001 года в США: «Пощады не должно быть, должен быть жесткий подход. Надо только знать, где и кому». Имел в виду арабских террористов, забыл только, как разговаривал с Басаевым из Москвы по телефону.

После этого Черномырдина, хотя он и принял на себя позор всей страны, я просто не воспринимаю. А в свое время я за него голосовал, когда он назначался премьером, вроде человек в советские времена был опытным хозяйственником, директором крупного предприятия, а оказалось, что это обыкновенный послушный чиновник. Второй штурм и люди, погибшие в Буденновске, целиком и полностью на его совести. Так же как и предательство Сербии в 1999 году.

Повторюсь: реальный выход из той ситуации был. Убрать надо было войска, вывести за пределы Чечни. Для этого потребовалось бы 5-6 часов, может быть, чуть побольше. Войска-то все мобильные, стоят в колоннах. Они бы вышли, обозначили выход для того, чтобы заложники были освобождены. А потом уж и штурмовать.

На память приходят высказывания А. С. Пушкина о черкесах (чеченцах). *«Все меры, принимаемые к их укрощению, были тщетны. Но меры жестокие более действительны. Они редко нападают в равном количестве на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушки. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием — заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют когда вздумается и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе изрубить их своими детскими шапками. Что делать с таким народом?»*

То, что басаевцев надо было уничтожить — это вне всякого сомнения. Отпускать их нельзя было ни в коем случае. То есть выполнить их требования, а потом ликвидировать. Щепетильность в таких случаях совершенно неуместна, потому что терроризм — это война без правил.

Были и другие варианты, в общем-то авантюрные, но таковым было все это дело. Действовать в той ситуации можно было только нестандартно. В конечном счете бандитов просто отпустили, снабдив автотранспортом и прохладительными напитками на путь следования.

Главные начальники с нашей стороны, как это неоднократно на-

блюдалось в постсоветский период, оказались несостоятельными. Ельцин 19 июня посоветовал россиянам «не поддаваться на провокацию», а Черномырдин убивался потом, что «Шамиль, этот нехристь, ушел».

По результатам событий в Буденновске Егоров Н. Д., Ерин и Степашин лишились занимаемых постов. Пострадал и глава администрации Ставропольского края Е. С. Кузнецов.

О том, как ельцинское правосудие вело розыск преступников, можно судить по фактам, изложенным в информационной записке, которая 24 ноября 1997 года была направлена всем депутатам Госдумы РФ председателем её Комитета по безопасности В. И. Илюхиным:

«В соответствии с поручением Государственной Думы от 31 октября 1997 года (протокол заседания №243) сообщая, что уголовное дело по обвинению Басаева и других в вооруженном нападении в г. Буденновск возбуждено 14 июня 1995 года. Предварительное расследование по нему приостановлено 14 декабря 1996 года по основаниям предусмотренным пунктами 1 и 3 статьи 195 УПК РСФСР — за неустановлением места пребывания Басаева и других и за неустановлением иных членов незаконного вооруженного формирования, совершивших террористические действия в г. Буденновске. По информации министра внутренних дел Российской Федерации Куликова А. С., неудовлетворительный розыск обвиняемых связан с криминогенной обстановкой в Чеченской Республике, ещё более обострившейся после вывода федеральных сил. В таких условиях, по его мнению, нельзя не учитывать тех осложнений, которые могут возникнуть при задержании и аресте Басаева, занимающего в настоящее время один из высших постов в правительстве Чеченской Республике».

Всего в период 14–17 июня 1995 года в Буденновске погибло около 140 мирных граждан, свыше 400 получили ранения. Группа «Альфа» потеряла трех бойцов, 14 человек были тяжело ранены. И никто за это не ответил. ■

▲ Мемориал жертвам теракта

С.С. МИРОНИН

МИФ О «ГОЛОДОМОРЕ» 1932–1933 ГОДОВ

▲ 1601-1603 гг. Великий голод

Наряду с так называемыми «массовыми репрессиями 1937–1938 годов» трудно найти более оболганный и извращенный период истории СССР, чем история возникновения голода 1932–1933 годов. До сих пор, несмотря на массу опубликованной литературы, продолжают споры об этом голоде, который либералы единогласно поставили в вину Сталину и назвали «голодомором». Раздаются голоса о «многих миллионах жертв войны с собственным народом».

О голоде 1932–1933 года опубликованы горы литературы. Кстати, как читатель увидит далее, такие же по-

лярные мнения существуют и о всех других деяниях Сталина. Спорят до хрипоты. Поэтому сегодня, чтобы писать об этом голоде с целью установить правду, совершенно необходимо хотя бы попытаться расчистить многочисленные слои исторических фальсификаций, сопровождающих эту тему¹⁵. В настоящей главе я попытаюсь объективно проанализировать доступные сведения о голоде 1932–1933 годов.

В частности, большой интерес представляют работы на эту тему американского историка М. Таугера, который на большом архивном материале показал подлинную кар-

тину голода 1932–1933 гг. Заслуга М. Таугера в том, что он — первый из западных исследователей, кто попытался рассмотреть проблему вне искусственно созданной концепции о нарочно спровоцированном «голодоморе» против украинцев и других национальностей СССР, недовольных действиями властей на местах.

Таугер доказывает, что 1) в 1932 году случился очень тяжелый неурожай, который привел к голоду; 2) неурожай был вызван необычным сочетанием комплекса причин, среди которых засуха играла минимальную роль, главную же роль сыграли болезни растений, необычно

Миронин Сигизмунд Сигизмундович (литературный псевдоним), российский писатель и публицист, автор документально-публицистических книг, статей на исторические, общественно-политические, экономические, медицинские и другие темы. Родился 4 сентября 1950 года в городе Вичуга Ивановской области РСФСР. Окончил медицинский институт по специальности хирургия. Работал морфологом. Защитил последовательно кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор. В настоящее время работает клеточным биологом. С началом «перестройки» в СССР стал «рыночником-либералом», затем медленно перешел на позиции советизма.

широкое распространение вредителей и нехватка зерна, связанная с засухой 1931 года, дожди во время сева и уборки хлебов; 3) неурожай привел к тяжелому голоду, который распространился не только по Украине, но и практически по всему СССР, в особенности на Северном Кавказе и в Поволжье; 4) советское руководство, и в частности Сталин, не сумели получить информацию о масштабах голода; 5) Сталин и Политбюро из-за засухи 1931 года не имели резервов хлеба, но делали все от них зависящее, чтобы уменьшить людские потери от голода, и приняли все меры, чтобы голод больше не повторялся; 6) роль сопротивления крестьян коллективизации и роль отсутствия тягловой силы в возникновении голода были резко преувеличены в предыдущих публикациях.

РОССИЯ И ГОЛОД

Чтобы понять весь смысл трагедии 1932–1933 года, надо четко представлять себе особенности русского ландшафта. Русские жили в зонах рискованного земледелия. В дореволюционной России голод и связанные с ним эпидемии являлись постоянным и неотъемлемым

элементом ее экономической жизни. За время своей тысячелетней истории Россия страдала от голода более чем 150 раз. Чаще всего голод был вызван засухой. Уже летописи XI–XVII вв. упоминают о крупных голодовках 1024, 1230–1231, 1601–1603. В XVIII в. было 34 голодных года, в XIX в. — свыше 40, а в начале XX в. голодными оказались годы 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911–1912.

С началом развития капитализма в России начала систематически расти и территория, охватываемая голодающими губерниями в неурожайный год колебалось от 6 до 18, то в 1890–1900 равнялось минимум 9, а максимум — 29; для 1901–1910 соответствующие цифры были 19 и 49, а голод 1911–1912 охватил за 2 года 60 губерний.

Неудивительно, что за вторую половину XIX века было свыше двадцати «голодных годов», причем (по данным доклада царю за 1892 год) «только от недорода потери составили до двух миллионов православных душ» (то есть считали только тех, кого отпевали в православных церквях, а свидетельства о количестве умерших «инородцев» и старообрядцев нет вообще). По данным доклада

за 1901 год: «В зиму 1900/01 г. голодало 42 миллиона человек, умерло же их них 2 миллиона 813 тыс. православных душ». А в 1911 году (уже после столь расхваленных столыпинских реформ): «Голодало 32 миллиона, потери 1 млн. 613 тыс. человек». Причем в каждом докладе подчеркивалось, что сведения составлены на основе данных, поставляемых церквями, а также сельскими старостами и управляющими помещичьих имений. А сколько было глухих деревень?

Массы трудящегося населения царской России находились в состоянии постоянной «народной болезни» — недоедания. Малейший неурожай обращал это недоедание в голод. В 1908 г. даже царское министерство внутренних дел вынуждено было в одном из своих отчетов признать, что угроза умереть «голодной смертью является ежегодно весьма возможной участью значительного числа земледельцев России».

Голод губительно отражался на здоровье населения. В итоге голодовок резко повышалась заболеваемость; по данным 1892–1913 гг., заболеваемость тифом и цингой в голодные годы повышалась в 3–4 раза, а в 1907 г. заболевания цингой увеличились на 528% по сравнению с 1905 г.

Даже в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год. В 1906 году этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек. Возмущение крестьян вызывало уже не то, что приходилось есть хлеб с лебедой и пушной хлеб (с мякиной, из неотвезанного зерна), а то, что «не было белого хлеба на соску» — грудному ребенку.

До 1917 г. почти весь избыточный продукт нещадно изымался из села («недоедим, а вывезем»). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно ввозили. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу — и при этом вывозила очень много зерна — за счет ограничения внутреннего потребления, причем именно крестьян. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода, было вывезено 53,4% всего зерна — больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия.

ИСТОРИЯ ОСВЕЩЕНИЯ ГОЛОДА 1932–1933 гг

Первым на Западе опубликовал сообщение о голоде в СССР английский журналист М. Маггеридж. В последней декаде марта 1933 года в газете «Манчестер гардиан» он рассказал о впечатлениях от поездки по Украине и Северному Кавказу. Маггеридж описывал жуткие сцены голода среди сельского населения, засвидетельствовал массовую гибель крестьян, но не назвал конкретных цифр.

31 марта 1933 г. в газете «Манчестер гардиан» появилось опровержение под названием «Русские голодают, но не умирают от голода». Его написал корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве У. Дюранти, англичанин по происхождению и гражданству, которому удалось взять интервью у Сталина.

▲ Голодающие крестьяне Российской империи

В августе 1933 года газета «Нью-Йорк геральд трибьюн» опубликовала материал Ральфа Барнса, в котором утверждалось, что от голода погиб миллион человек.

Далее цифра росла как на дрожжах. Дюранти в газете «Нью-Йорк таймс» намекнул, что количество погибших составляет не менее 2 миллионов человек. Через день в этой же газете Ф. Берчелла сообщил о 4 миллионах умерших. 8 февраля 1935 года в «Chicago American» было написано: «6 миллионов человек умерли от голода в Советском Союзе».

Следующий этап будирования проблемы был проведен после создания Конгрессом США специальной комиссии по исследованию фактов голода на Украине, исполнительным директором которой был Джеймс Мейс. Комиссия пришла к выводу, что эти жертвы были «заморены до смерти рукотворным голодом» и «Сталин и его окружение совершили геноцид против украинцев в 1932–1933 гг.»

Во времена холодной войны американцы финансировали програм-

мы по изучению украинского голода не только из исторического любопытства, «голодомор» был оружием в идеологической войне против СССР, «работавшим» и на социальном («тоталитарное государство» и «неэффективная экономика») и национальном поле («русский империализм», «угнетение свободолюбивых народов»). Повышенный интерес к вопросу проявил и Конгресс США, даже создавший в 1986 году специальную комиссию по расследованию этого «коммунистического холокоста» (об «украинском холокосте» речь впереди).

«ОБЪЕКТИВНОСТЬ» АНГАЖИРОВАННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ГОЛОДОМОРА»

С самого начала тема «Голодомора» стала фальсифицироваться в угоду идеологии. Например, в феврале 1935 г. в газетах «Chicago American» и «New York Evening Journal» начали выходить статьи «известного журналиста, путешественника и исследователя России», якобы «проведшего

несколько лет в поездках по Союзу Советской России», Т. Уолкера. Статьи, посвященные голоду, будто бы свирепствовавшему на территории Украины в 1934 г., сопровождались большим количеством фотографий, якобы снятых им в «наиболее неблагоприятных и опасных обстоятельствах». Вскоре выяснилось, что репортаж Уолкера был фальшивкой от начала до конца.

Значительная роль в разоблачении Уолкера принадлежит американскому журналу «The Nation» и его московскому корреспонденту Льюису Фишеру. Как удалось узнать Фишеру, нога Уолкера вообще не ступала на украинскую землю, поскольку он, получив транзитную визу в сентябре 1934 г. (а не весной, как он утверждал), пересек советскую границу в октябре, провел несколько дней в Москве, сел на поезд, идущий в Маньчжурию, и покинул территорию СССР. За шесть дней, прошедших между его прибытием в Москву и отъездом в Маньчжурию, было физически невозможно посетить все те

места, которые он описывал в своих публикациях.

А как удалось доказать американскому журналисту Джеймсу Кейси, все фотографии Уолкера вообще не имели никакого отношения к Украине 1930-х гг. Большинство из них было сделано в Западной Европе периода Первой мировой войны и 1920-х гг. Это, в частности относится к двум знаменитым фотографическим «свидетельствам» украинского «голодомора», и по сей день приводящимся в качестве документальных подтверждений — фотографии «ребенка-лягушки» и «украинского крестьянина», склонившегося над своей лошастью.

Наиболее известный фальсификатор «Голодомора» — англичанин Р. Конквест (R. Conquest). Свою известность Конквест приобрел благодаря книгам «Великий террор» (1969), изданной в США по заказу ЦРУ, и «Жатва скорби» (1966). В числе источников, откуда Конквест заимствовал аргументы о «голодоморе» и репрессиях в СССР, оказались

художественные произведения В. Астафьева, Б. Можаяева и В. Гроссмана, украинских коллаборационистов Х.Костюка, Д.Соловья.

Зарубежные ученые-советологи А. Гетти, Г. Хертле, О. Арин, А. Даллин и другие специалисты, исследуя технологию фабрикации представителями комиссии конгресса США информации о голоде на Украине, обнаружили, что 80% свидетельств проходят с отметкой «Анонімна жінка», «Анонімне подружжя», «Анонімний чоловік», «Марія №» и т.д.. Канадский журналист Дуглас Тоттл в книге «Фальшивки, голод и фашизм: миф об украинском геноциде от Гитлера до Гарварда», опубликованной в 1987 г., доказал, что Конквест в своей книге использовал устрашающие фотографии голодных детей из хроники Первой мировой войны и голода 1921 г..

Между тем В. Ющенко, став президентом Украины, не замедлил наградить Р. Конквеста орденом Ярослава Мудрого V степени за «привернення уваги міжнародної

▲ Нижегородская губерния, 1891 г.

▲ Голодающее Поволжье 1921 г.

спільноти до визначення «голодомору» 1932–1933 років актом геноциду українського народу».

А тепер продемонструю «объективность» работы комиссии Конгресса США по «голодомору» на следующем примере. В ее заключении указывается, что политика Москвы не была прямо ориентирована на уничтожение какой-либо «этнической или расовой группы как таковой». Тем не менее здесь же делается вывод: «Исходя из вышеизложенного, Комиссия считает вероятным, что элементы геноцида... имели место».

Многочисленные примеры подтасовок при написании политически ангажированных статей на тему «Голодомора» приводит М. Таугер. Например, он пишет, что Уверст (Werst) указывает, что план заготовок на 1932 год был увеличен аж на 32% по сравнению с 1931 годом. Но в цитируемом им же источнике почти в том же самом предложении отмечается, что комиссар по заготовкам А. И. Микоян установил высокий план заготовок в начале 1932 года в 29,5 миллионов тонн, но затем уже весной 1932 года этот план был уменьшен до 18 млн тонн. Однако

Уверст упорно указывает, что Молотов отказался снизить план хлебозаготовок.

Когда фальсификаторы говорят об экспорте хлеба в 1933 году, они забывают указать, что только 220 тыс. т зерна было экспортировано во время собственно голода, что составило менее 1% от урожая, а остальное было экспортировано к концу 1933 года, когда голод уже закончился.

Одним из методов борьбы на указанном идеологическом фронте является замалчивание. Возьмем, например, Всемирную энциклопедию Википедию. Там основным принципом подачи материала объявлен принцип нейтральности. Однако в действительности никакой нейтральности по теме «Голодомора» не наблюдается. Например, наряду со статьей «Голод в СССР 1932–1933 гг.» в Википедии есть даже специальная статья «Голодомор на Украине». Однако в той же русскоязычной Википедии нет ни одной (!) работы М. Таугера или любого другого историка, кто сегодня выражает другую точку зрения на «голодомор».

Интересно, что хотя сам М. Таугер заявил о том, что он пишет книгу

о «Голодоморе», еще в 2001 году, она до сих пор еще не вышла, хотя Таугером написано уже более 5 больших статей на эту тему. Очень странное явление, особенно, если принять во внимание, что обычно на Западе издание готовых книг — процесс очень быстрый. Думается мне, что неспроста все это.

«ГОЛОДОМОР» — НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Особенно жаркие дебаты идут на Украине, где либералы делают все возможное, чтобы утвердилась точка зрения на голод 1932–1933 гг. как на «голодомор».

В учебниках новейшей истории Украины, изданных после 1991 года, тема голода 1932–1933 гг. занимает одно из ведущих мест. Неудивительно, ведь это — краеугольный камень в модных ныне теориях о «системном» уничтожении этнических украинцев в период с 1917 по 1991 год. (Не единственный, впрочем. И Чернобыльская катастрофа, и Вторая мировая война, и даже всесоюзные переписи населения служили, по версии нынешних украинских

историков, в основном для русификации «рідного краю»).

Тема «голодомора» является для украинского национализма очень важной, поскольку она позволяет органично объединить в себе два основных вектора данной идеологии, русофобию и антикоммунизм. Косвенным следствием подобной позиции является потворство наиболее радикальным и вульгарным формам украинского национализма, перерастающим в откровенный национал-шовинизм, вследствие фактического постулирования «стремления к свободе» как свойства, присущего исключительно украинскому народу.

28 ноября 2002 года Верховная Рада Украины проголосовала за проект Постановления (регистрационный N 2432 от 21 ноября 2002 года) «О проведении парламентских слушаний в память жертв голодомора 1932–33 годов» с осуждением политики геноцида, которая проводилась на государственном уровне руково-

дителями тоталитарного советского режима против граждан Украины, национального духа, менталитета и генетического фонда украинского народа. Было принято решение провести специальное заседание Верховной Рады Украины в мае 2003 г. «За» проголосовало 308 депутатов, «против» — 56 депутатов (фракция коммунистов) из общего количества 423 депутата.

Точка зрения украинских националистов получила определенное признание и на международном уровне. МИД Украины и представительство Украины в ООН подготовили проект Резолюции 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с осуждением Голодомора 1932–1933 годов на Украине. Генеральной ассамблеей ООН было принято «Совместное заявление делегаций Азербайджана, Бангладеш, Беларуси, Бенина, Боснии и Герцеговины, Гватемалы, Грузии, Египта, Казахстана, Канады, Катара, Монголии, Науру, Объеди-

ненных Арабских Эмиратов, Пакистана, Республики Молдова, Российской Федерации, Саудовской Аравии, Сирийской Арабской Республики, Соединенных Штатов Америки, Судана, Таджикистана, Тимора — Лешти, Украины, Ямайки по случаю семидесятой годовщины Голодомора — Великого голода 1932–1933 годов на Украине» (русскаяязычная версия документа А/С.3/58/9 Третьего Комитета), с присоединившимися к заявлению позднее делегациями Аргентины, Ирана, Кувейта, Киргизии, Непала, Перу, Республики Корея, Южной Африки, бывшей Югославской Республики Македонии, Туркмении и Узбекистана (А/С.3/58/9/Add. 1): «В Советском Союзе миллионы мужчин, женщин и детей пали жертвой жестоких действий и политики тоталитарного режима. Великий голод 1932–33 гг. на Украине (Голодомор) который унес 7–10 миллионов невинных жизней и является национальной трагедией украинско-

▲ Российская империя 19 век

▲ Неурожай 1891 г.

го народа... Отмечая семидесятую годовщину Украинской трагедии, мы почтим память о миллионах русских, казахов и представителей других наций, которые умерли от голодания в Поволжье, Северном Кавказе, Казахстане и в других частях прежнего Советского Союза». Что поражает больше всего, так это подпись России под документом.

Как подметил Ю. Соломатин, при пособничестве нынешнего российского режима состоялась сознательная фальсификация сначала русскоязычной версии официального документа ООН, а затем и неофициальной украиноязычной версии! Судите сами. На английском языке, основном официальном языке ООН, говорится: «... anniversary of the Great Famine of 1932–1933 in the Ukraine (Holodomor)!» Перевод звучит так: «... годовщина Великого Голода (Голодомора) на Украине в 1932–1933 г.!» Обратите внимание: Great Famine — великий голод, а в скобках (!!!) в английской транскрипции это еще какой-то непонятный Голодомор (Holodomor). Как видим, Holodomor вынесен здесь в скобки: термин не-

понятен международной общественности и читается как сугубо украинский неологизм.

В русскоязычной же версии официального документа ООН приспешники нынешних либералов у власти написали — Голодомор — Великий голод 1932–1933 годов в Украине. Во-первых, не «в Украине», а «на Украине», а во-вторых, первым идет слово «Голодомор», что подчеркивает тем самым вроде бы наличие элементов геноцида.

Таким образом, представители России в ООН поставили знак равенства между Великим Голодом в Украине в 1932–1933 годах и «Голодомором», безответственно согласившись с неким новым терминологическим определением — голодомор, использованным украинцами с далеко идущими националистическими целями.

Но это еще не все. Парламентами ряда государств (Австралии, Канады и др.) были приняты воззвания с выражением скорби по случаю голода. Самое интересное, что наиболее антирусскую направленность проявили Грузия и Литва. Сначала

в ноябре 2005 года сейм Литвы принял декларацию, в которой называет Украинский голодомор 1932–1933 гг. «тщательно спланированным геноцидом народа Украины». А в январе 2006 года парламент Грузии признал, что большевистским режимом в 1932–1933 годах был осуществлен «преднамеренный геноцид против украинского народа». Согласно Указу Президента Украины № 1544/2005 от 4 ноября 2005 года, День памяти жертв «голодоморов» и политических репрессий отмечается ежегодно в каждую четвертую субботу ноября. Этим же Указом Президент поручил Кабинету Министров Украины принять дополнительные меры по международному признанию Голодомора 1932–1933 годов ГЕНОЦИДОМ украинцев и одной из наибольших трагедий в истории человечества. Наконец, 28 ноября 2006 года Верховная Рада, Парламент Украины, приняла закон, согласно которому «голодомор» 1932–1933 годов признается актом геноцида украинского народа. Принятый закон вводит административную ответственность за публичное отрицание «голодомора».

ГОЛОДОМОР не ХОЛОКОСТ

Некоторые «исследователи» идут еще дальше. Не так давно некто Табачник даже заявил, что «голодомор» 1932–1933 гг. — это холокост украинского народа, и высказался за необходимость добиваться юридического признания этого факта со стороны международных организаций, прежде всего ООН. То есть на одну доску он поставил уничтожение евреев нацистской Германией в годы Второй мировой войны и голод в СССР. Естественно, со всеми вытекающими из этого следствиями для внутреннего и внешнего положения Украины.

С. Коуртойс (S. Courtois) полагает, что смерть детей украинских кулаков от голода в 1933 году является событием того же масштаба, что и смерть еврейских детей в Варшавском гетто.

Между тем ряд уважаемых западных ученых доказывают, что нельзя ставить в один ряд Холокост и Голод 1933 года. М Таугер указывает,

что большинство настоящих ученых не согласны с термином «украинский голод». По научно обоснованному мнению М. Таугера, такая интерпретация голода 1933 года содержит ошибки, неправильные концепции и упущения, настолько значительные, что они делают эту концепцию не только слабой, но и полностью разрушают аргументы данной интерпретации. М. Таугер написал мне, что сейчас важно доказать и зафиксировать в общественном сознании голод 1933 года как голод общесоветский, а не только украинский.

В 2003 г. Василий Пихорович опубликовал статью «О причинах и последствиях голода 1932–1933 гг. на Украине», где пишет: «Утверждения о том, что голод 1932–1933 годов на Украине был спланированной акцией, направленной на уничтожение части населения, лишено всяческих фактических оснований и является одним из трюков антикоммунистической пропаганды, призванным отвлечь внимание населения от того геноцида, который сегодня осуществ-

ляется капиталом на территории стран потерпевшего поражение социализма».

Когда «Голодомор» приравнивают к Холокосту и утверждают, что ничего подобного такому мир не знал, то это утверждение абсолютно беспочвенно. Голод в период становления капитализма существовал и в Европе, и в Англии и в США. А что же говорить о колониях, где ответственность за голод уже однозначно лежит на метрополии?

Обращает на себя внимание применение манипуляторами двойных стандартов. С одной стороны, «голодомор» в СССР бесповоротно осуждается. С другой стороны, что-то не слышно заклинаний либералов с требованиями к англичанам покаяться в голодоморе ирландцев или индийцев. Или эти нации не относятся к людям?

Ведь во время Великого Ирландского Голода 1845–1851 года ирландская националистическая литература обвиняла в этом англичан и взваливала ответственность на них, как

▲ Ирландия

украинские националисты взваливают ответственность за «голодомор» на русский народ.

А возьмем Индию. В Индии в 1866 году погибло 7,5 миллиона человек, через 3 года только в провинции Rajputani погибло свыше 1,5 миллиона человек. В Бенгалии из-за жесточайшей засухи и наступившего неурожая в 1873–1874 годах около 15 млн. человек оказались на краю гибели. Около 5 млн. населения Мадраса, Бомбея, Мисора голодало в 1877–1878 годах. В 1900 году в Индии снова голод, в результате которого погибают 1 млн. человек. Великие демократы англичане допустили и голод 1943 года в Бенгалии, еще более сильный, чем в 1932–1933 годах в СССР, и никто их не ругает. Голод 1943 года в Бенгалии тоже был вызван сильным неурожаем.

Мало кто знает, что в 1931–1932 году французские колонизаторы заставили нигерийцев платить высокие налоги, несмотря на низкий урожай, что вызвало в Нигерии голод похлеще голода 1933 года в СССР.

Если же встать на точку зрения манипуляторов «голодомором», то русский народ должен предъявить претензии Грузии (Сталин был грузин по национальности) и Израилю (в СССР во власти было много евреев).

Поэтому можно согласиться с Е. Безродным — все эти спекуляции на теме «уморения гирдой Украины» есть элементарная политическая спекуляция украинских националистов-фальсификаторов, поскольку голод был отнюдь не только на Украине. Миф о «голодоморе» — изобретение манипуляторов сознанием.

А СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ЖЕРТВ?

Вопрос о числе жертв стал ареной манипуляционной борьбы, особенно на Украине. Суть манипуляций в том, чтобы: 1) увеличить насколько можно число «жертв сталинизма», очернив социализм и в особенности Сталина; 2) объявить Украину «зоной геноцида», чтобы получить от России или мирового сообщества какие-нибудь компенсации.

▲ Индия

Непрерывно прокручиваемый украинскими националистами вопрос о миллионах умерших от «голодомора» на Украине с упоминанием умопомрачительных цифр делает насущным ответ на вопрос: а все-таки сколько было жертв голода? Поэтому перед тем, как начать анализ мифологии, связанной с «голодомором», мне придется проанализировать имеющиеся данные о численности погибших. Надеюсь, что прояснение этого вопроса позволит понять, рукотворный был голод или нет.

Вообще, вопрос о количестве жертв голода 1932–1933 гг. на Украи-

не и в СССР очень сложен — точных данных здесь нет и, похоже, не предвидится. Историк Солдатенко вообще считает, что не только подсчет числа жертв, но и более или менее точная оценка этого невозможно. Он пишет. «Количество жертв (демографических потерь), как ни горько, установить хотя бы приблизительно, даже с допустимой погрешностью (хотя это звучит цинично, кощунственно, но такова источниковая база), скажем в сотню тысяч, — нереально».

В статье, размещенной на страницах интернет-журнала «Демоскоп», приводится таблица оценок

числа жертв «голодомора». В целом мнения о числе жертв резко расходятся: цифры варьируют от нескольких сотен тысяч до 8 млн. Так, цифра в 7–10 млн. человек фигурирует в Совместном заявлении, принятом Генеральной Ассамблеей ООН. Конквест в своей книге 1969 года сообщает, что тех, кто умер от голода в СССР в период 1932–1933 гг., было 5–6 млн. человек, половина из них — это жители Украины.

Сейчас многими либералами-демократами упоминается цифра в 7–8 миллионов крестьян в СССР, будто бы погибших от голода 1932–1933 гг. Интересно, что именно эта цифра (если точно — 7 910 000 чел.) встречается в пропагандистской листовке серии 1543 доктора Геббельса, сброшенной в октябре 1941 г. на советские позиции. Достаточно странное совпадение. Интересно, что М. Таугер, лучший американский специалист по проблеме голода 1932–1933 года, считает цифру жертв в 7–8 млн. человек преувеличенной.

Согласно подсчетам ОГПУ (правда, со слов невозвращенца Орлова), которое подготовило доклад, предназначенный для Сталина, число умерших голодной смертью составляло 3,3–3,5 млн. человек. В учебнике по истории России под редакцией Сахарова общее число жертв голода также определено в 3 млн. чел. Там же указывается, что на Украине от голода умерло 1,5 млн. человек.

По подсчетам В. Кожина, коллективизация и голод привели к тому, что в 1929–1933 годах смертность в стране превысила смертность в предыдущие пять лет нэпа (1924–1928) в полтора раза (надо сказать, что совершенно аналогичное изменение показателей смертности в России имеется, начиная с 1994 года по сравнению со второй половиной 80-х годов). Самое интересное, что после завершения коллективизации, в 1934–1938 годах смертность (включая потери от пресловутых «репрессий») была даже ниже нэповских показателей 1924–1928 годов.

Украинский историк Кульчицкий попытался подсчитать возможное число жертв среди населения

Украинской ССР в результате голода 1932–1933 годов, основываясь на опубликованных лишь в последние годы результатах Всесоюзной переписи 1937 года. При оценке людских потерь от голода Кульчицкий исключил число смертей, соответствующее ожидаемой естественной смертности в 1933 году, предложив признать этот показатель равным среднему арифметическому от показателей смертности за 1927–1930 гг. Естественная смертность за годы, которые непосредственно предшествовали году массового голода, составила в среднем 524 тыс. в год. Исходя из откорректированного уровня рождаемости в 1933 году (621 тыс.), получается, что нормальный прирост численности населения в этом году составил лишь 97 тыс., что в пять раз ниже, чем в предыдущие годы. Итого, добавочное число умерших составляет только 388 тыс. человек. Казалось бы, здесь и надо поставить точку. Однако путем манипуляций с цифрами Кульчицкому удается повысить эту цифру до 4 649 тыс. человек. Есть и другое обстоятельство. Если исходить из того, что перепись 1937 года не врала, то кое-какой резон в подсчетах Кульчицкого вроде бы есть, но тут есть такая тонкость: глава ЦУНХУ Краваль — это отпетый «бухаринец», один из шайки бухаринских воспитанников Института красной профессуры. Поэтому он мог подложить и свинью.

Далее. В своих расчетах Кульчицкий недоучитывал миграцию в города из Украины. Кроме того, он стремится выдавать недород за смертность (а ведь дураков в голодный год детей заводить найдется мало).

По данным Осокиной, количество зарегистрированных смертей превышало количество зарегистрированных рождений, в частности, в Европейской части СССР в целом — на 1684 тысячи, в Украинской ССР — на 1459 тысяч, в Северо-Кавказском крае — на 291 тысячу, в Нижне-Волжском крае — на 163 тысячи, Центрально-Черноземной области — на 62 тысячи. Но детей, которые могли бы быть рождены, нельзя

все-таки засчитывать в число жертв голода 1933 года.

По данным докладной записки заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июля 1934 года, численность населения Украины и Северного Кавказа по состоянию на 1 января 1933 года уменьшилась на 2,4 млн. человек. Если учесть, что население Северного Кавказа составляло около 30% от населения Украины, то убыль населения на Украине составит где-то 1,7 млн. человек.

Но надо ввести поправку на миграцию. М. Долот свидетельствует о значительной миграции из Украины, сообщая, что определенной части «так называемых жертв голода» «посчастливилось уехать с Украины, в основном — на территорию России, где голода не было.» К началу марта 1933 года было задержано 219 460 человек, 186 588 были возвращены. Но если учесть, что органы ОГПУ не могли полностью закрыть границы и почти половина пробралась через препоны, а также если принять во внимание, что очень много людей было послано в города и на стройки, то количество погибших должно быть серьезно скорректировано с учетом легальной и нелегальной миграции. Поэтому, если мы учтем число прорвавшихся через заслоны, уехавших на стройки в другие республики и высланных, и грубо примем эту цифру в 500 000 человек, то итоговое количество погибших будет 1,2 млн. человек. Даже если все эти цифры и не точны, то это точно не 3 млн.

Давайте посмотрим, соответствуют ли цифры 7 и даже 3 млн. человек имеющимся фактам. Вот рассуждение, взятое мною на одном из форумов Интернета. Если количество жертв так велико, то можно было бы утверждать, что этот исторический факт должен остаться в памяти народа. Например, можно не сомневаться, что практически у каждого русского, белоруса, украинца, татарина (и так далее) на фронтах Отечественной войны погиб близкий родственник. Известно, что на фронте погибло примерно 8 миллионов

советских солдат. А есть ли среди ваших близких тот, кто по легенде об «ужасном голодоморе» умер от голода примерно десятью годами ранее? Если же все умершие были в ограниченных районах, то они, районы, должны были просто опустеть, и не заметить этого было бы никак нельзя.

На Украине в те годы жило примерно 32 миллиона человек. Сельское население Украины в 1932 году было 22 млн. человек. Если верить украинским националистам, то умер каждый четвертый житель Украины. А поскольку голод был на селе, то там умерло около 30%. В таком случае не было бы украинца, у которого не умерло бы несколько близких родственников, а Украина тех лет должна была бы представлять собой выжженную пустыню. Даже если принять число жертв от голода 1932–1933 года в 3 млн. человек, то возникают логические неувязки. Если умерло 3 млн. человек, то кто же тогда сеял и убирал хороший урожай летом и осенью 1933 года?

Летописи средних веков доносят ужасающие картины опустевших об-

ластей после эпидемий чумы и холеры, унесших от четверти до трети жителей. Многие десятилетия спустя подобные бедствия оставляли хорошо видимый след и оставались в народной памяти многие столетия. Во время татаро-монгольского нашествия Русь потеряла около 30% населения, что было воистину чудовищным ударом, отбросившим Русь назад на несколько столетий. Было ли нечто подобное на Украине в 32–33 годах? Ответ очевиден.

Неизвестный автор продолжает. «Ну, ладно, допустим, иго это было очень давно, и ученые могут ошибаться. Но есть гораздо более свежие события, с которыми можно сравнить эти, с позволения сказать, «гипотезы». Достоверно известно, что во время войны погиб каждый пятый белорус, и никому в Белоруссии не надо объяснять, что это имело место, то есть процентные масштабы трагедии во времена так называемого «голодомора» должны были быть примерно теми же. Должны быть вымершие деревни и целые районы таких размеров, что скрыть их не было бы никакой

возможности... Одновременные массовые захоронения в результате голода были бы легко различимы (могилы проседают) и были бы найдены сразу же. Более того, вся Украина оказалась в руках немцев 10 лет спустя, неужели Геббельс упустил бы такой невероятный шанс, не провел бы массового вскрытия могил «большевистского геноцида», ведь лучшего шанса для привлечения украинцев на свою сторону трудно было и придумать. А ведь известно, что абсолютное большинство украинцев оказывало ожесточенное сопротивление захватчикам, исключение составили только бандеровцы, но они-то как раз во время «голодомора» жили не в СССР, а в Польше! Да впрочем, украинцам, если бы они пережили такой голод, ничего не надо было бы объяснять. Вместо этого немцы применяли другие методы диалога с населением, вроде массового истребления в Бабьем Яре. Просто им было решительно нечего сказать про «голодомор».

Другой автор, П. Краснов, тоже считает, что число жертв голода было не таким большим. Он пишет.

▲ Семья больных тифом

▲ Крестьяне у земского начальника в городе Княгинино

«Об отсутствии каких-либо свидетельств многомиллионной гибели населения в те годы говорит наиболее авторитетный исследователь того периода — Земсков, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину и коммунистам. Он однозначно утверждает, что от голода погибло несколько сотен тысяч человек. Немало! Но для царской России это было обычным делом, а после этого провала Советская власть навсегда решила проблему голода, извечного бича России (если не брать последствия Гражданской и Отечественной войн, к которым общественный строй имел небольшое отношение). Кроме того, в 1930–1933 гг. по территории СССР прокатилась жестокая эпидемия тифа, бича того времени и неременного спутника массовых миграций. Отличить сейчас погибших от тифа и от голода невозможно, скорее всего, это несколько сот тысяч человек, возможно до 1 миллиона». П. Краснов выдвинул предположение о том, что смертность от голода была неболь-

шой, люди же умирали в основном от эпидемии тифа. К сожалению, ссылки, указывающих на наличие столь крупных эпидемий на территории СССР в то время, автор не приводит. Мне тоже неизвестны достоверные сведения о разгуле подобных эпидемий в 1932–1933 годах.

П. Краснов не одинок. С. Увиткрофт также считает, что никакого голода в 1932–1933 гг. практически не было, а небольшая повышенная смертность была вызвана распространением на юге Украины малярии и других заболеваний.

В. Пихорович считает наиболее достоверными подсчеты русского публициста С.Г. Кара-Мурзы, по которому «в 1933 г. от голода умерло около 640 тысяч человек». Близкую цифру называет и другой автор «Коммунист. ру» кандидат богословия и кандидат философских наук Евграф Дулман. По его подсчетам, «от голода в Украине в 1933 году умерло 600 тысяч человек», хотя он и допускает, что ошибается в 2–3 раза.

Г. Ткаченко также берет за основу цифры Земскова и считает, что жертвами голода стали 640–650 тыс. человек, а не 9–10 млн. и тем более 15 млн., как об этом вещают «независимые» СМИ.

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

Что же произошло в 1932 году? Напомню, что голоду 1932–1933 годов предшествовал ряд важных событий. Повторились два года кряду холодные и бесснежные зимы на Украине. Они закончились «почти полной гибелью озимых посевов». Затем был плохой урожай 1931 года.

Посевная кампания 1932 года была проведена исключительно плохо. По разным оценкам, засеянная площадь в 1932 г. сократилась на 14–25% сравнительно с 1931 г. М. Таугер дает цифру недосева в 9%. Кроме того, поля были засеяны меньшим количеством зерна на гектар, чем следовало по норме. В ряде случаев количество недосеянного зерна

на гектар достигало 40%. Небывало долго шла посевная компания — при средней продолжительности около недели в 1932 г. на Северном Кавказе она длилась 35–40 дней.

Очень много говорится о том, что правительство СССР будто бы подчистую насильственно выгрело зерно у крестьян. Однако дело обстояло совсем не так. Когда с мест пришли сведения о плохом проведении весенних полевых работ, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановлением от 6 мая 1932 года снизили план заготовок. План заготовок был утвержден для колхозов и единоличников (СССР в целом) в 18,5 млн., т. е. на 10% ниже. Одновременно повышались планы хлебозаготовок для совхозов с 1,7 до 2,5 млн тонн. ЦК не только снизил план заготовок, но и разрешил колхозам и крестьянам торговать зерном на рынке на основе рыночных цен. Многие даже думали, что декрет 6 мая означал введение нового нэпа, так как он разрешал свободную торговлю.

Затем для Украины Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 июля 1932 г. план хлебозаготовок из урожая 1932 года был установлен на уровне 356 млн. пудов (5,7 млн т.). 22 октября 1932 года план заготовок был снижен еще на 70 млн. пудов. В ноябре 1932 года, когда стало ясно, что урожай получили очень низкий, план заготовок снизили еще раз. Например, для Северного Кавказа план был снижен с 2,18 млн т до 1,55 млн т. 14 января 1933 г. ЦК КП(б)У принял постановление, в котором еще раз снизил план — на 29,4 млн. пудов (0,47 млн т). После официального завершения заготовок 5 февраля 1933 года первый секретарь ЦК КП(б)У С. В. Косиор в своем докладе указал, что суммарный план для колхозов и единоличников был снижен с 356 млн. пудов (5,7 млн т) до 218 млн. пудов (3,5 млн т). Это косвенно подтверждается председателем Совета по изучению продуктивных сил Украины А. Г. Шлихтером в его речи на 17-м съезде ВКП(б).

Таким образом, первоначальный план хлебозаготовок по СССР к январю 1933 г. «был снижен на 17% до 17,045 млн т». Всего государство из урожая 1932 года до 1 июля 1933 года «забрало» у украинских крестьян не более 248 млн. пудов (4 млн т.) зерна.

Для получения от крестьян хлеба в 1932 году правительство применяло несколько методов, такие как договоры с производителями, рыночный обмен и нерыночные меры, которые собственно и были названы термином «заготовки». Сторонники гипотезы о том, что хлеб у крестьян выгрели подчистую, забывают важный психологический момент. Они забывают о том, что крестьяне не дураки и не позволили бы выгрести у них все подчистую, так, чтобы не осталось на пропитание и на сев, если бы оставшаяся норма была бы ниже голодной нормы. Они уже имели опыт голода 1920 года, опыт работы с продотрядами. Заготовителей просто бы убивали, как крестьяне де-

▲ Посевная

ляли это в 1918 году, когда продотряды пытались взять больше голодной нормы. Поэтому выгрести все невозможно — просто бы не дали.

Однако не надо понимать дело так, что все делалось без ошибок. Как всегда на Руси, перегибы на местах были повсеместным явлением.

Об обстановке сбора зерна можно судить по протоколу заседания РИК от 18.11.1932 г. «О мерах по усилению хлебозаготовок по району». В связи с тем, что срок выполнения хлебозаготовок заканчивался 1 декабря 1932 г., РИК постановил: «Сельсоветам организовать изъятие у отдельных колхозников и индивидуальных хозяйств раскраденного (вот оно, подтверждение тотального воровства. — Авт.) в колхозах хлеба. Изъятие в первую очередь проводить у лодырей, рвачей и деклассированного элемента, имеющих малое количество трудодней... Наложить штраф на еврейский колхоз им. К. Либкнехта по дополнительной сдаче мяса государству».

При сборе продовольствия, по свидетельствам очевидцев, местными исполнителями допускались перегибы — забирались все продукты. А.Колпакиди и Е. Прудникова в книге о Сталине «Двойной заговор» пишут. «Шолохов рассказывал, как выглядели заготовки скота на Дону. «По хуторам происходила форменная война — сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники вязывались редко, а где вязывались, там дело кончалось убийством». Что же касается хлеба, то в июле 1932 года хлебозаготовки составили всего 55% от и без того заниженного плана. Теперь уже колхозы объявили «хлебную стачку», отказываясь сдавать хлеб по крайне низким закупочным ценам, фактически даром, повсеместно распространялся метод Кагановича, по которому не платящим налог селам и станицам «запрещалось продавать свою продукцию».

Секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготов-

ках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», подписанное В. Молотовым и И.Сталиным, определяло, как именно надлежит наказать «организаторов саботажа хлебозаготовок» (в том числе и тех, у кого был партбилет) — высылка, арест, заключение в концлагерь на длительный срок, расстрел, — постановление «предлагало» ЦК КП(б) У и СНК Украины «обратить серьезное внимание на правильное проведение украинизации, устранить механическое проведение ее, изгнать петлюровские и другие буржуазно-националистические элементы из партийных и советских организаций, тщательно подбирать и воспитывать украинские большевистские кадры, обеспечить систематическое партийное руководство и контроль за проведением украинизации».

Идиотизма на местах тоже было достаточно. Особенно не хотели сдавать зерно единоличники, поэтому руководители на местах просили разрешить проводить обмолот совместно «под контролем Совета». ЦК ВКП(б) Украины в отношении единоличников предписывал применять натуральные штрафы в виде установления дополнительных заданий по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы. Надо ли удивляться, что коров и волов вырезали?

Планы спускались «по районам». Выполнил — молодец, не выполнил — могут и расстрелять. В районе подавляющее большинство хозяйств план НЕ ВЫПОЛНИЛО. Вопрос: куда пойдут «добирать проценты»? Естественно, куда угодно. И будут вырывать там до нитки. Часть сверхплановых заготовок накладывалась на хорошо работающие колхозы. Однако 19 января 1933 года сверхплановые заготовки были запрещены решением ЦК партии.

Директивы насчет того, сколько в какой губернии имеется «кулаков» и «подкулачников» и как с ними надлежит поступать, присылались из Москвы по линии ОГПУ, а не по партийной линии⁸⁸. Если вспомнить, что тогда фактически страной заправлял НКВД (а точнее, Ягода) и что потом был выявлен заго-

вор в НКВД, то сама по себе манера проведения коллективизации вполне могла быть рассчитана на создание условий для социального взрыва.

6 ноября 1932 года Совнарком и ЦК ВКП(б) вынесли следующее постановление:

«Из-за позорного срыва кампании по уборке зерновых в некоторых районах Украины, Совет Народных Комиссаров и ЦК партии Украины приказывает местным партийным и руководящим органам покончить с саботажем зерна, который был организован контрреволюционными и кулацкими элементами. Необходимо заклеймить тех коммунистов, кто возглавил этот саботаж, и полностью ликвидировать пассивное отношение к нему со стороны некоторых партийных организаций. Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет совместно решили взять на заметку все те местности, в которых проводился преступный саботаж, и применить к ним следующие меры наказания:

— приостановить в эти местности все поставки товаров государственной торговли и кооперативной сети.

Закрывать все государственные и кооперативные торговые точки. Изъять все имеющиеся товары;

— запретить продажу основных видов пищевых продуктов, находившихся ранее в ведении колхозов и частных владельцев;

— приостановить выдачу всех кредитов этим местностям и немедленно аннулировать ранее выданные кредиты;

— тщательно разобрать личные дела руководящих и хозяйственных организаций с целью выявления враждебных элементов;

— произвести подобную работу в колхозах, чтобы выявить все враждебные элементы, принявшие участие в саботаже».

Декрет предусматривал составление черных списков тех деревень, которые признавались виновными в саботаже и диверсиях. Изначально в этих списках было 6 деревень, к 15 декабря 1932 года он включал 88 районов из 358, на которые была разделена Украина.

Вот лишь один пример.

«Постановление Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У о занесении на черную доску сел, злостно саботирующих хлебозаготовку»

«СНК и ЦК постановляют:

За явный срыв плана хлебозаготовок и злостный саботаж, организованный кулацкими и контрреволюционными элементами, занести на черную доску следующие села:

с. Вербка, с. Гавриловка, Днепропетровской области с. Лютеньки, с. Каменные Потоки, Харьковской области, с. Святотроицкое, с. Пески, Одесской области.

В отношении этих сел провести следующие мероприятия:

1. Немедленное прекращение подвоза товаров, полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из соответствующих кооперативных и государственных лавок всех наличных товаров.

2. Полное прекращение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников.

3. Прекращение всякого рода кредитования, проведение досрочного взыскания кредитов и других финансовых обязательств».

Областные органы дополнительно занесли на «черные доски» низшего уровня 380 колхозов и 51 село.

Обратите внимание на тот факт, что в постановлении ничего не говорится о насильственном изъятии хлеба. Села, которые не сдают хлеб, наказываются в основном экономически. Между тем, эти меры не помогали. Зачисление сел в черный список, где торговля ограничивалась, не давало эффекта, поскольку села были насыщены промтоварами и все необходимое можно было получить в районном центре.

Есть факты, что руководители страны не хотели эксцессов. Так, Молотов поправлял ретивых заготовителей.

В письме к секретарю ВКПб Украины Хатаевичу он пишет. «Большевик, подумав... должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства во внеочередном порядке. С другой стороны, нельзя впадать и в обратную оппортунистическую крайность: «брать любой хлеб и где угодно, не считаясь и пр.».

Ситуация с продовольствием резко ухудшилась в конце 1932 и особенно в первой половине 1933 года.

Осенью 1932 года нормы снабжения продовольствием даже киевских рабочих были уменьшены с 3 фунтов до 1,5 фунта, а для белых воротничков (работников, не занятых физическим трудом) с 1 до 0,5 фунта.

Поэтому некоторые источники утверждают, что начало голода относится к концу лета 1932 года. Это маловероятно. До тех пор, пока нет снежного покрова, на селе можно найти питание в лесах и реках. Да, трудности

▲ Страда

с продовольствием начались еще в 1932 году. В 44 районах Украины ощущался недостаток продовольствия, начался голод, но уже к лету все более или менее нормализовалось. Собственно же голод начался зимой в конце 1932 года, однако массовый характер он принял весной 1933 года. 15 марта Косиор сообщал Сталину: «Всего по регистрации ГПУ на Украине охвачено голодом 103 района». По воспоминаниям большинства очевидцев, пик голода приходится на начало весны 1933 года, а завершение — на начало лета 1933 года.

Итак, зимой 1932/33 года возник сильный голод. Вопреки заявлениям украинских националистов, голод был не только на Украине, а практически по всему СССР. Советский ученый В. В. Кондрашин документально доказал, что голод был не только на Украине, но и в Поволжье. Западный историк Уверт (Werth) также признает, что голод затронул много областей вне Украины, включая Мос-

ковскую и даже Ивановскую области.

Голодала вся страна, включая Москву. Не мешало бы вспомнить, что голодало и Закавказье (в Баку, например, школьники получали по 70 г. хлеба в день), голодал Северо-Восток Европейской части СССР, Ивановская область, Кузбасс, Северный край, Западная область, Дальний Восток, Горьковская область, Урал.

Вот один из документов в доказательство факта голода на Урале.

Спецсообщение СПО ОГПУ о продзатруднениях в ДВК и Уральской области.

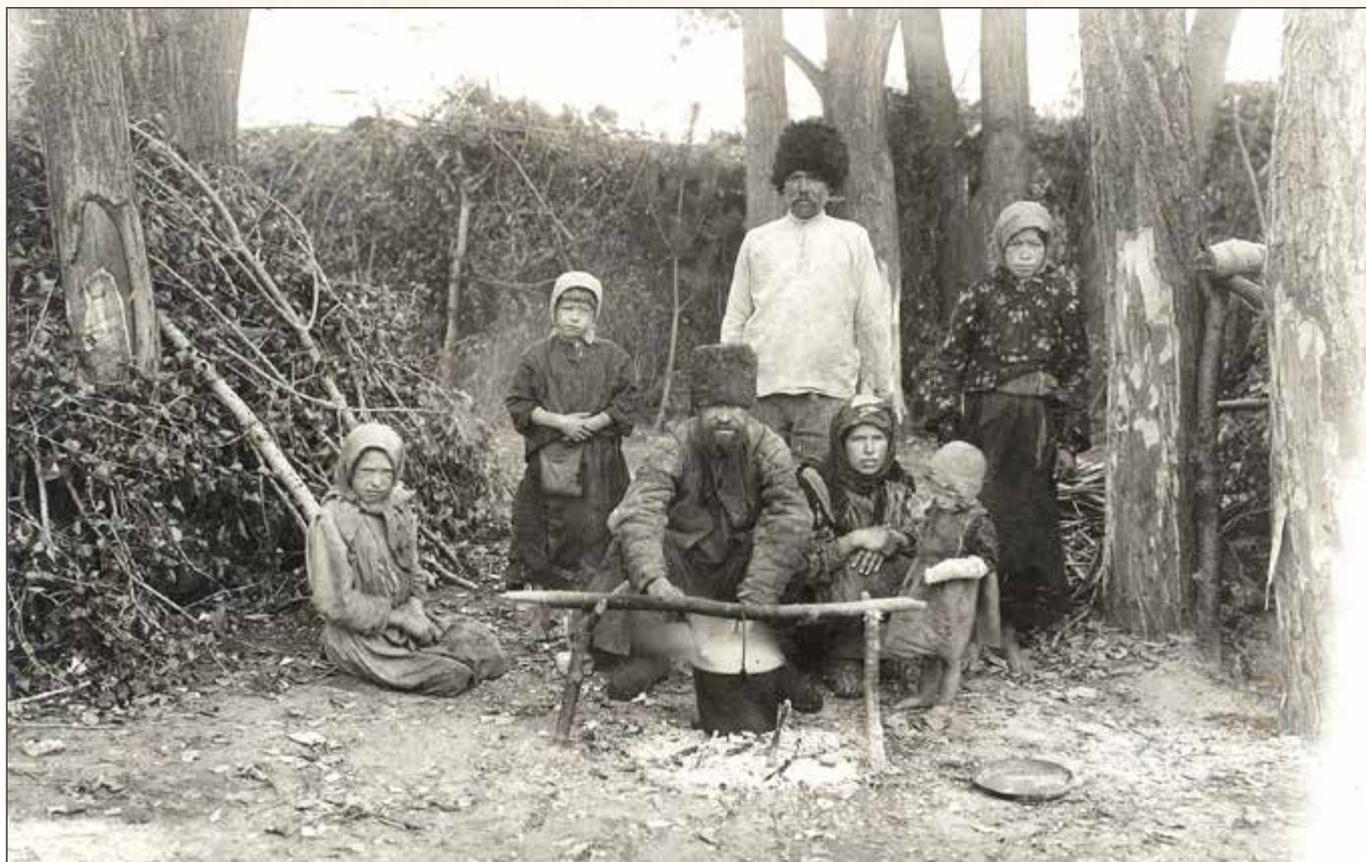
3 апреля 1933 года

«Троицкий район Уралобласти. В колхозе им. Сталина Михайловского сельсовета трупы павшего от сапа скота, залитые карболовым раствором, колхозниками нацменами и русскими растаскиваются со скотомогильника и употребляются в пищу. На почве продзатруднений среди колхозников

отмечаются резкие отрицательные настроения: «Разве я думала, летом работала до упаду, ободранная, голая, босая, чтобы теперь сидеть без хлеба и с голоду пухнуть, ведь у меня их семь человек и все сидят и кричат: «Дай хлеба!», — а как это матери перенести? Пойду лягу под трактор, не могу я переносить эти страдания».

Нач. СПО ОГПУ Молчанов. Пом. нач. СПО ОГПУ Люшков».

Однако голод имел разную интенсивность в разных районах СССР. Об этом свидетельствует хотя бы карта уровней смертности, представленная в Википедии. На Украине особенно большая смертность была в Киевской области, а также в Харьковской и Днепропетровской областях, где прослойка русского населения была очень высокой, что говорит против утверждения о том, что правительство морило голодом только украинцев.

▲ Поволжье

▲ Раздача хлеба голодным детям священником Модератовым. 1891-1892 гг. Лукояновский уезд, с. Протасово

Но даже в пределах одной и той же области смертность, а значит и голод имели разную интенсивность. Украинские эмигранты свидетельствовали, что отдаленные селения страдали от голода сильнее, чем те, которые были расположены ближе к городу.

По мнению М. Таугера, главная причина различий в интенсивности голода есть результат наличия недалеко от села крупного города. Например, по данным самого Таугера, наиболее интенсивным голод был в селах вокруг Киева, самого крупного тогда города Украины. Точно так же имевший больше индустриальных центров восток Украины был больше подвержен голоду, чем запад Украины, где крупных городов не очень много. Киевская область практически никогда не страдала от засух и вдруг именно там была обнаружена самая высокая смертность от голода 1932–1933 года (если исходить из опубликованной в Википедии карты смертности в 1933 году на Украине).

Это обстоятельство связано с законом, установленным И. Г. фон Тюненом, знаменитым немецким специалистом по экономической географии, который более ста лет тому назад доказал, что вокруг крупных городов располагаются те производства, которые дают скоропортящиеся продукты, а также такие виды сельскохозяйственных культур, которые имеют значительный объем и вес по отношению к своей стоимости. В ближайшей к городу зоне наиболее выгодно и интенсивно развивается садоводство и огородничество в сочетании с молочным животноводством. По мере удаления от города производятся те продукты, провоз которых дешевле относительно их стоимости. Крестьяне близлежащих к городу районов обменивают свои продукты на товары города и на зерно, которое производится в более отдаленных от города областях.

В условиях 1932–1933 годов хлеб доставлялся в город в ограниченных размерах. Поэтому крестьяне близ-

лежащих к городу деревень не смогли запастись зерном, и к концу зимы им стало нечего есть, так как производимые ими продукты, как правило, скоропортящиеся, кончились.

Но если деревня голодала, то и города в 1932–1933 годах жили впроголодь, с нормированным распределением продуктов. Е. А. Осокина в своей книге «Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг.» подробно рассказывает о снабжении городского населения в начале 30-х годов.

В 1931 году правительство уменьшило рационы для многих категорий людей и исключило целые группы рабочих и даже целые города из системы обеспечения продовольствием. Еще большие ограничения были введены в 1932 году. Как свидетельствует М. Долот, «городским жителям продукты распределялись по хлебным карточкам в таких маленьких количествах, что рассчитывать на их помощь крестьянам не приходилось.»

О том, что голод затронул и города, говорит увеличение смертности городского населения в 1932–1933 годах. Так, с января по июль 1932 года уровень смертности среди городского населения Киева вырос на 70%. На треть он вырос в это время даже в Москве. По данным Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), в 1933 г. для городского населения отрицательный естественный прирост был равен 374,6 тыс. чел. В 1933 г. общее число умерших в городах РСФСР и на Украине было выше, чем в более благополучные предшествующий и последующий годы. Причина такого положения — голод в городах из-за уменьшения норм снабжения.

В 1932 году недостаток продовольствия резко ослабил рабочих и вынудил многих из них покинуть свои места в поисках продовольствия. Голод поразили даже Днепропетровск. Во многих отраслях индустрии текучесть рабочей силы превысила 100% за несколько месяцев, а уровень производства упал

до уровня 1928 года. Рабочие выставляли огромные очереди за хлебом, часто в рабочее время. Многие требования об увеличении снабжения, приходившие из регионов, где была индустрия высокого приоритета, были оставлены без последствий.

Распространились оспа, тиф, туберкулез... Голод затронул даже рабочих, выполнявших для государства приоритетные работы сверхвысокой важности, и бойцов Красной Армии, поскольку в конце мая 1932 года на 16% были снижены поставки продовольствия для военных.

Остается добавить, что в 1933 году положение было еще тяжелее. Несоблюдение даже вышеприведенных норм стало не исключением, а правилом. Не говоря уже о рабочих в регионах «голодомора». Заметьте, это — о тех местах, где должны были питаться хлебом, собранным, как утверждается, «для геноцида».

То есть города СССР в 1932–1933 гг. также испытывали жесточайшую нехватку продовольствия.

ВЕРСИИ О ПРИЧИНАХ ГОЛОДА

Отчего же все-таки разразился голод осенью 1932 года? На этот вопрос ответ не может быть однозначным. Существует несколько версий о причинах «голодомора». Я остановлюсь на основных предположениях.

1). Голод был вызван искусственно из-за непомерно высоких планов заготовок

По мнению американского историка П. Увайлса, причиной голода была заготовительная политика руководства, направленная на изъятие колхозного хлеба. По мнению же украинских националистов, Сталин специально морил украинцев, для того чтобы уничтожить именно их, — это был акт геноцида украинского народа.

Но верна ли точка зрения, согласно которой массовая гибель населения Украины от голода была во многом вызвана сознательными

▲ Самогоноварение

и целенаправленными действиями советского руководства, что Сталин и его окружение специально организовали голод на Украине, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье, чтобы победить сопротивление крестьян и сломить националистические проявления?

Анализ уже приведенного материала показывает, что это далеко не так, и это очевидно даже западным историкам. Не только объективные отечественные исследователи голода 1933 года пишут о несурзности предположения, что Сталин хотел наказать крестьян, на этом же настаивают американские исследователи, которые сами работали в архивах России и Украины, в частности М. Таугер. Он убедительно доказывает, что голод не был вызван искусственно. Более того, никакого намерения вызвать голод у Сталина не было. «Если бы советские лидеры захотели наказать крестьян, — пишет М. Таугер, — за сопротивление коллективизации, то почему они сделали это только в 1932 году, а не раньше. Поэтому скорее всего это было давление и компромисс. Если бы советские лидеры захотели наказать крестьян, зачем они допустили недоедание и даже смерть от недоедания сотен тысяч рабочих и членов их семей, в том числе и в Москве и даже в Красной Армии, не обеспечив ее снабжение продовольствием?» М. Таугер не находит вразумительного ответа на эти вопросы. Снижение плана заготовок ниже такового в 1931 году, а затем еще большее его уменьшение свидетельствует, по его мнению, о поиске компромисса, а не об игре в штрафы.

Для подтверждения выводов М. Таугера воспользуемся также аргументами Г. Ткаченко.

«Во-первых, большевики и в особенности Сталин были прагматиками, а «голодомор» мог привести к массовому крестьянскому восстанию — скрыть его умышленность было бы невозможно, поскольку в партии все это время находились как сторонники радикального раскрестьянивания, так и сторонники кооперации. А это в свою очередь могло привести к от-

странению Сталина от власти. С точки же зрения антисталинистов основной целью Сталина была власть. Получается вроде как нелогично».

«Во-вторых, искусственное устройство голода неизбежно бы привело к гибели прежде всего бедняков и середняков, составлявших главную опору советской власти и движущую силу в процессе коллективизации. Это должна была быть та часть крестьянства, на которой держалась Советская власть. Только положительные примеры могли убедить крестьян в целесообразности и оправданности вступления в колхозы, иначе коренную ломку своего жизненного уклада они не дали бы. Поэтому «голодомор», о чем с фанатизмом жрецов твердят апологеты частной собственности, стал бы самой пугающей антирекламой, которая бы обрекла саму идею и дело коллективизации, а вместе с этим и советскую власть, на поражение. «Голодомор», таким образом, противоречил здравому смыслу. На это указывает известная поговорка: зачем рубить сук, на котором сидишь».

«В-третьих, Советский Союз находился в капиталистическом окружении. Опасность агрессии империализма (Германии, Японии и других государств) нарастала. И это хорошо понимало советское руководство. Для того чтобы эффективно противостоять агрессору, сохранять суверенитет и территориальную целостность государства, требовались многочисленные вооруженные силы, оснащенные новейшим оружием и боевой техникой. Безопасность страны требовала огромных людских резервов, мощного производственного и научного потенциала. «Голодомор» вызвал бы у соотечественников неприятие политики партии и советского государства и существенно бы ослабил экономический и оборонный потенциал страны».

Что касается умерщвления преимущественно украинцев, то несколько независимых свидетельств четко доказывают, что этого не было и быть не могло.

Во-первых, смертность была одинаковой и среди украинцев и среди

неукраинцев. Это признает даже Кульчицкий, который, анализируя статистику загсов за 1933 год, приходит к выводу, что люди умирали не по национальному признаку, а по месту проживания.

Во-вторых, в 1930 году 80% шахтеров Донбасса были выходцами из украинских сел. Но никто эти миллионы рабочих-украинцев не морил голодом.

В-третьих, судя по карте смертности, приведенной в Википедии, голод был выражен больше всего в Харьковской, Днепропетровской и Киевской областях, но именно жители Харькова были больше всего против насильственной украинизации. То есть получается, что Сталин играл в дуду украинских националистов.

Наконец, если Сталин специально морил украинцев, то почему он вкладывал огромные средства в развитие именно промышленности Украины. вспомните Днепрогэс, Харьковский тракторный и другие предприятия Украины, построенные в годы первых пятилеток.

А теперь вспомним один интересный факт, приведенный Мухиным и показывающий, обиделись ли крестьяне на Сталина за то, что он будто бы вызвал «голодомор». Во время войны нацистская Германия на оккупированных территориях формировала так называемые «национальные» части для боевых действий, как на фронте, так и в тылу против партизан. И в Эстонии, и в Латвии, и в Литве люди записывались «бороться с большевиками». На Северном Кавказе восстали чеченцы при поддержке фельдмаршала фон Клейста. Донские казаки записывались к Краснову. Даже в Центральной России Власов формировал РОА. На Западе Украины, не знавшем голода 1933 г., в эсэсовские части записывались сотнями. А вот те регионы, население которых, казалось бы, просто обязано было восстать против СССР, поскольку «сталинисты проводили здесь геноцид», наступление «нового порядка» почему-то не приняли. У Гитлера не было ни одного соединения, сформированного в Центральной и Восточной Украине.

▲ Село Черновское. Общий вид

Более того, ячейки советского подполья, а также партизаны отрядов Ковпака, Федорова, Сабурова, Наумова и многих других соединений, получавших задания из Москвы, не только пользовались широкой поддержкой населения этих краев, но и состояли в подавляющем большинстве своем из местных жителей. Немцы начали, было, напоминать о голоде, но они быстро опомнились и удалили голод 1933 г. из своих пропагандистских материалов, — люди помнили, кто и что делал.

В последние годы Службе безопасности Украины удалось собрать приблизительно 5 тысяч документов, которые освещают Голодомор 1932–33 годов в Украине. Сотрудники СБУ четыре года работали в отраслевом государственном архиве и в региональных архивах. Результатом этой работы стало рассекречивание всех без исключения выявленных документов. Документы выложены на сайте СБУ Однако там никаких доказательств вины России и Сталина нет.

2). Причиной голода был плохой урожай.

Чтобы оценить версию о неурожаяе, как основной причине голода, надо знать, сколько зерна было собрано в 1932 году. По официальным данным, в СССР урожай 1932 г. составил 69,9 млн т, а в 1933 году был еще хуже — 68,5 млн т.

Однако специальные исследования показали, что эта цифра была завышена. Шиллер (Schiller), немецкий сельскохозяйственный атташе в Москве в начале 1930-х годов, оценил урожай, собранный в 1932 год в 50–55 млн тонн, в 1933 г. в 60–65, а в 1934 г. в 65–70 млн т. С.Г. Увиткрофт и Р.У. Дэвис в докладе «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931–1933 гг.)» подвергли сомнению данные официальной статистики по урожаям (69,9 млн т. — 1932 г.). По их мнению, реальный урожай зерновых 1932 г. был ниже урожая 1930 г. (67–68 млн т) и 1931 г. (60,4–60,5 млн т) и составил 53–58 млн т.

М. Таугер высказывал сомнение относительно достоверности официальных статистических данных по сбору зерна, которые, по его мнению, основывались на оценках урожая, сделанных до его уборки, и,

возможно, на биологических урожаях (хотя система биологических урожаев была введена лишь в декабре 1932 г.). М. Таугер делает вывод, что действительные урожаи были намного меньше, чем показывают официальные цифры.

Это подтверждалось архивными документами — ежегодными отчетами колхозов. По расчетам американского ученого, урожай 1932 г. составлял 50,06 млн т. зерна.

Как показал М. Таугер, который для своего анализа использовал хранящиеся в архивах отчеты колхозов и совхозов и другие первичные документы, данные советской статистики оказались очень далекими от реальности. М. Таугер обнаружил вопиющие расхождения между официальными данными и цифрами, содержащимися в отчетах Наркомзему.

По официальным данным, урожайность на Украине в 1932 году составила 8 центнеров с га, по данным же, содержащимся в отчетах Наркомзема, — 5,1 ц с га. Для Ивановской области данные Наркомзема и официальные цифры почти совпадают 9 и 9,1 ц с га. Замечу, что это

показывает, что Украина не кормила Россию. В среднем урожайность составила 4,5 ц с га в Киевской области, 4,6 ц с га в Черниговской области, 4,7 ц с га в Донецкой области. По подсчетам того же М. Таугера, сделанным на основе данных Наркомзема, средняя урожайность составила 6,0 центнера с га в РСФСР. По данным М. Таугера¹²³, на самом деле в СССР в 1932 году собрали 50,1 млн тонн зерна и скорее всего еще меньше, что гораздо ниже официальной цифры 69,9 млн тонн.

Есть и другие свидетельства. Например, архивные данные, свидетельствующие об очень низкой урожайности во многих областях Украины и Северного Кавказа цитирует Мошков. В отдельных случаях она была ниже 3 ц с га.

Неурожай был вызван многими факторами, фатально соединившимися в 1932–1933 гг. В числе этих факторов были летние засухи с сушевыми в одних районах, а в других, наоборот, обильные дожди, почти повсеместно наблюдалось нашествие

грызунов, распространились болезни растений.

В частности, если говорить о неблагоприятных климатических условиях, то одной из причин неурожая была плохая погода зимой, во время сева и уборки урожая. Английский географ Д. Григг заметил, что в Европе в целом урожайность зерновых обратно пропорциональна количеству выпадающих дождей во время сезона роста хлебов, поскольку такие дожди ведут к распространению болезней растений.

В январе 1932 года неожиданное потепление в южных областях СССР привело к началу роста озимых, а затем вернувшиеся зимние холода повредили значительную часть озимых. На Украине это привело к повреждению почти 12% засеянного осенью озимого поля. Распределение потерь было неравномерным. Например, в одном районе было повреждено 62% озимых.

Цитируя Пеннера (Penner), М. Таугер отмечает, что сильные дожди в ряде областей существенно затруд-

нили уборку урожая. Хотя в некоторых регионах и были местные засухи, в целом год 1932 был очень теплым и влажным. В некоторых областях сильные дожди повредили хлеба и снизили урожайность, особенно на правом берегу Волги, на Северном Кавказе и на Украине.

Примеры роли плохой погоды, вызывающей страшные неурожаи, есть и в истории других стран. Например, в Румынии сухая погода осенью 1931 года сменилась зимой с очень высоким уровнем выпадения снега, а потом холодной и влажной весной, что сделало растения слабыми, чувствительными к болезням и вызвало неурожай.

Итак, в 1932 году урожай хлеба оказался очень низким. «Низкий урожай 1932 г. сделал голод неизбежным», — писал М. Таугер. В результате возникшей нехватки продовольствия, как в сельской местности, так и в городах Советского Союза в 1932–1933 гг. наступил голод.

Почему же центр не знал о том, сколько собрали хлеба на местах?

▲ Уход из деревни

Все дело в методах оценки урожая. Обычно он оценивался на глазок. Часто использовался также биологический метод, который был основан на том, что делалась случайная выборка участков поля и обмолот в этих участках поля. Затем производился пересчет будущего урожая на все поля. В феврале 1932 г. Колхозцентр издал распоряжение, предписывающее, чтобы колхозы оценивали будущий урожай, используя метровку (делается прикидочный сбор на случайно выбранных участках поля и затем проецируется на все посева). Как указывает М. Таугер, этот метод ведет к завышению ожидаемого урожая по сравнению с собранным на 15, а то и на 20%. Очень часто неверные сведения посылались в более высокие инстанции и там подвергались критике.

Информированность Политбюро о положении дел на местах была столь низка, что Сталин в январе 1933 года на пленуме ЦК в своей речи отмечал, что неблагоприятные

погодные условия вызвали потери зерна на Северном Кавказе и на Украине в 1932 году, но настаивал, что эти потери были меньше половины от тех потерь, что были зарегистрированы в 1931 году.

Устав колхоза от 1 марта 1930 года предписывал каждому колхозу посылать годовой итоговый отчет, но только небольшая часть колхозов делала это. В 1930 году 33% из 80 000 колхозов подготовили годовые отчеты, в 1931 году 26,5% из 230 000 колхозов, а в 1932 году только 40% от 230 000 колхозов послали годовые отчеты. Колхозы, которые готовили годовые отчеты, скорее всего, работали лучше тех, которые отчеты не сдавали. Совхозы обычно имели более низкую урожайность, чем колхозы. Урожайность в них в 1932 году часто была 2,9 ц с га.

Итак, не было надежной информации с мест для лидеров СССР. Хорошо работавшая бюрократическая машина царской России была разрушена. В годы НЭП она еще

не была восстановлена и практически не действовала. После голода 1932–1933 годов систему информации пришлось налаживать заново. Часто руководители не знали элементарных вещей. Сталин писал Кагановичу, что государство должно знать, «сколько же платит ему крестьянство за услуги МТС».

3). Голод 1932–1933 годов и украинские евреи

Кроме указанных версий есть еще одна. Очень интересный момент подметил С. Покровский, участник форума С. Г. Кара-Мурзы. Он приводит данные о том, что к 1932–33 годам непосредственно в селах на Украине жило около 500 тыс. евреев. И около миллиона (или даже больше) — в местечках. Заметим, говорит С. Покровский, что евреи в деревне традиционно не были хлеборобами. Т.е. своего хлеба у них просто не было. И тем более этого хлеба не было в местечках. И ни там, ни там не было пайков. В условиях голодомора что сельские евреи, что евреи

▲ Голод

местечек, — просто не могли выжить. Или они должны были первыми умереть, или — разлететься по Союзу, подгоняемые голодом.

А вот как бы не так! К июню 1941 г. еврейская диаспора Украины насчитывала 2,7 млн. человек. И жили они в значительных количествах и по деревням, и по местечкам. Сами же евреи все данные и предоставляют: в таком-то селе столько-то семей расстреляно немцами, в таком-то местечке — столько-то. Так ведь в результате голодомора не могло сохраниться еврейское население в селах и местечках. Именно им-то точно нечего было есть!

Или был еще один хлебный пылесос, кроме государственного, который изымал хлеб из сел и направлял его в еврейские местечки? — спрашивает Покровский. И имел этот пылесос, судя по всему, вид бутылки с самогоном. Самогоноварение и торговля им — с 16 века основа сельской еврейской экономики на Украине, подорванной в 1894 году государственной монополией на спиртное, после которой еврейство очень сильно обеднело. Но в 1917 году самогоноварение возобновилось с новой силой. Похоже, что на Украине осенью 1932 года заготовка зерна шла следующим образом: из изымаемого зерна часть доходила-таки до государственных хранилищ. Но значительная часть — тем же вечером пропивалась. И далее — по налаженной кооперационной схеме переправлялась в местечки и небольшие городки. А на следующий день — банда местных алкашей шла «раскулачивать» следующих.

Т.е. во время голодомора при «украинизированной» администрации действовал гигантский механизм вне-государственного перераспределения продовольствия, — понятно, в чью пользу. Не в этом ли механизме перераспределения главная тайна голодомора? А заодно и тайна того, почему украинцы в результате голодомора в 30-х годах не на Советскую власть были обижены. Тайна того, почему в 1941 году украинцы массово и повсеместно сдавали евреев немцам.

МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В условиях отсутствия информации советское руководство сработало на удивление профессионально. Учитывая тяжелейшую ситуацию в Украинской республике, сложившуюся зимой 1933 года, Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли 25 февраля 1933 года специальное постановление о выделении из государственных резервов продовольственной помощи Украине. Ей была предоставлена продовольственная, семенная и фуражная ссуда в размере 35 190 000 пудов зерна. Продовольствие выделялось из Неприкосновенного и Мобилизационного фондов. Кроме того, из общесоюзного фонда до конца апреля 1933 г. в республику было направлено 22,9 млн. пудов семенного зерна, 6,3 млн. пудов фуражного и 4,7 млн. пудов продовольственного зерна в качестве займа и 400 тыс. пудов продовольственной помощи.

По данным того же Кульчицкого, работавшего с архивами Компартии Украины, к апрелю 1933 года продовольственная помощь Украине превысила 560 тыс. т. В общей сложности, население УССР получило не менее 41,48 млн. пудов (2,3 млн т) зерна и 40 291 пуд (645 т) муки. Помимо этого было предоставлено 1 млн. пудов (160 тыс. т) продовольствия, значительное количество крупяных и кондитерских изделий, сахара, консервов (из фонда Совнаркома УССР).

В целом в течение первых 6 месяцев 1933 года Политбюро по частям выделило 1,99–2,2 млн т продовольствия в те области, где наиболее остро ощущалась его нехватка. В феврале 1933 года была оказана продовольственная помощь не только Украине (320 тыс. т), но и Северному Кавказу (290 тыс. т). Продовольствие было также послано на Нижнюю Волгу.

В чрезвычайной ситуации, возникшей на Украине, весьма позитивную роль сыграл П. Постышев, о котором даже С. Кульчицкий и Г. Сургай в курсе лекций по истории

Украины (1992 г.) смогли написать: «...Постышев вывел сельское хозяйство из положения коллапса... вернул людям надежду на завтрашний день, спас урожай 1933 г...» Тот самый П. Постышев, которому националисты успели наклеить ярлык «Кат Украины», убедил Якира в необходимости выделить из скудных армейских запасов 700 тонн муки, 170 тонн сахара, 100 000 банок консервов, 500 пудов масла и другой продукции. В феврале 1933 г. был создан продовольственный фонд для питания 600 тыс. детей.

Виновные в возникновении зернового кризиса не остались безнаказанными. С. Г. Кара-Мурза пишет, что в марте 1933 г. состоялся судебный процесс против ряда работников Наркомзема СССР как виновных в возникновении голода (это было и официальным признанием наличия голода в стране). В 1934-м часть руководства Наркомзема была осуждена за непредупреждение массового голода, и многие руководители расстреляны.

Кроме наказания виновных, были сделаны и организационные выводы. В начале 1933 г. советское руководство упразднило контрактационную систему заготовок хлеба, подсолнечника и картофеля и ввело вместо нее «имеющие силу налога твердые обязательства» по поставкам (сдаче) данных продуктов государству. Размеры обязательных поставок исчислялись по единым для всего района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Возможный недосев в расчет не брался. Оба этих закона действовали на всей территории СССР. Несвоевременное выполнение заготовительного задания наказывалось в административном порядке денежным штрафом в размере рыночной стоимости недоимки и «принудительным» взысканием невыполненной части обязательств (конфискацией продовольствия в размере недоимки).

Меры правительства действительно привели к росту урожая. В РСФСР в 1933 году зафиксирован рост урожайности с 5,2 до 6,03 ц/га. В том же

году урожайность на Украине выросла с 5 ц/га до 8,1 ц/га. Причем в Харьковской области урожайность возросла с 4,8 до 8,0 ц/га, в Киевской области она возросла до 7,9 ц/га, в Черниговской и в Донецкой до 6,3 ц/га.

С 1932 по 1933 год по данным Наркомзема собранный урожай возрос в целом по Украинской ССР на 85%, в том числе в Киевской области на 106%, в Донецкой области на 66%, в Черниговской области на 83%, Днепропетровской области на 93%, Харьковской области на 84%. В 1933 году в колхозах Украины показатель выработки на одного работника вырос на 78,8%, а в РСФСР на 23% по сравнению с 1932 годом.

В 1933 году колхозники работали гораздо лучше, чем в 1932 году. Тот же стереотип поведения отметил нобелевский лауреат А. Сен в 1943 году после знаменитого Бенгальского голода 1943 года в Индии.

Таким образом, принятые меры дали хороший эффект. Подобные ошибки больше не допускались

Некоторые считают, что можно поставить в вину руководству СССР то, что оно не развернуло в мире широкую кампанию по сбору помощи голодающим, подобно тому, что происходило в начале 20-х гг. Однако и здесь не все так просто. Стоит взглянуть на политическую и экономическую обстановку в мире в 1932–1933 годах — и простая просьба о помощи сталкивается с целым рядом препятствий.

Первое препятствие — открытая неприязнь практически всех стран Европы к потенциальным просителям-коммунистам. Об этом свидетельствует документ, полученный советской разведкой в мае 1933 г., в котором говорилось о переговорах Риббентропа с ведущими британскими промышленниками в поместье сэра Генри Детердинга — нефтяного магната. На этих переговорах, помимо всего прочего, обсуждался раздел российского рынка в связи с грядущим госпереворотом в СССР в 1933 г.

Второй барьер неразрывно связан с первым. Это — приход к власти Гитлера в Германии и фашизация остальных стран Европы.

▲ Исход

Третье препятствие — чисто экономическое. Причина была банальна — не было валюты. Конец 20-х — начало 30-х гг. — время одного из самых тяжелых экономических кризисов в истории Европы и США (достаточно сказать, что иногда до 80–90% продукции машиностроения на германских заводах в начале 30-х гг. составляла продукция, выпущенная «под заказ» Советского Союза). Кто в этих условиях был настолько богат, чтобы выделять кредит на некабальных условиях? Да еще большевикам, которые уже однажды отказались признавать долги предыдущего правительства. Именно поэтому правительство не пошло с протянутой рукой к людям, готовившимся его свергнуть (и, скорее всего, не остановившимся бы перед миллионами жертв).

Еще одним обвинением в адрес советского правительства и лично Сталина является утверждение о том, что в Политбюро мол, были резервы зерна, которые Сталин не захотел использовать на помощь голодающим. Дэвис с соавторами тщательно проанализировали вопрос о том, были ли у Сталина неприкосновенные запасы хлеба, которые будто бы, по мнению Р. Конквеста (он утверждал, что у Сталина имелось 4,53 млн тонн зерна

в виде различных резервов), могли существенно смягчить голод.

Тщательный анализ Особых папок Политбюро, Комзага и Совнаркома позволил Дэвису с соавторами сделать научно обоснованные выводы о том, что высокие цифры запасов зерна вымышлены и что Сталин не имел резервов зерна, которые могли бы быть использованы для ликвидации голода. Остались неизвестными резервы в Красной Армии, но, думается, что они после снижения на 16% поставок в армию не стали большими.

Было продемонстрировано, что такая высокая цифра резервов, указанная Р. Конквестом, неверна. В Мобилизационном и Неприкосновенном фонде на 1 января 1932 года было около 2 млн тонн зерна, но уже 1 июля там осталось только 0,641 млн тонн. А 2 млн тонн зерна осталось летом 1932 года во всех резервах государства, вместе взятых.

Вывод из указанных исследований очень простой. У правительства СССР средства на посылку достаточной продовольственной помощи Украине отсутствовали. Ну, не было на руках Сталина тайных и явных резервов зерна, поэтому не мог он помочь голодающим больше, чем помог в 1932–1933 годах! ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

АНТАНТА

Международные договоры — это явно выраженное согласованное волеизъявление между двумя или более государствами относительно их взаимных прав и обязанностей в политических, экономических или иных отношениях. Международные договоры являются основным источником международного права. Договорная практика государств эксплуататорского типа характеризуется стремлением более сильных государств навязать свою волю более слабым. Отсюда значительное количество неравноправных международных договоров.

Германия, вступив раньше других держав на путь создания империалистических блоков с целью добиться передела мира в свою пользу, уже

в 1882 году заключила союз с Австро-Венгрией и Италией — «Тройственный союз», возобновленный в 1891 году.

В ответ на создание этого блока после долгих переговоров в 1893 году был подписан франко-русский договор. Таким образом крупные военные государства Европы разделились на два угрожающих друг другу лагеря: Германия и Австро-Венгрия — с одной стороны, Франция и Россия — с другой.

Англия в 80–90 гг. XIX в. и начале XX в. оставалась в стороне от блоков, придерживаясь курса «блестящей изоляции», надеясь добиться своих целей игрой на противоречиях между обоими союзами и сохранить за собой роль арбитра.

Английская дипломатическая доктрина второй половины XIX в. («блестящая изоляция»), сущность которой состояла в отказе Англии от заблаговременных и длительных союзов с другими державами и в сохранении полной свободы действий с целью добиться гегемонии в европейской и мировой политике.

Политика «блестящей изоляции» основывалась на том исключительном монопольном положении, которое занимала тогда Англия — крупнейшая промышленная и колониальная держава. В 60–70-х гг. Англия, неуязвимая на своих островах, не встречая ещё значительных конкурентов на морях, в колониях и в торговле и к тому же располагая огромными возможностями

С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ:

1. Цекки-Паша. 2. Мерей. 3. Леопольд Баварский.
4. Гофман. 5. Гантчев. 6. Горн. 7. Гей. 8. Розенберг.
9. Бришман. 10. Чакки.

С ПРАВОЙ СТОРОНЫ:

1. Каменев. 2. Иоффе. 3. Биценко. 4. Карахан.
5. Альтфатер. 6. Фокке. 7. Доливо-Добровольский.
8. Липский. 9. Цеплит.

▲ Переговоры в Брест-Литовске

в случае острой нужды в последний момент покупать поддержку одних и нейтралитет других, могла проводить в значительной мере политику «блестящей изоляции» и держаться в стороне от постоянных континентальных союзов.

Однако нарастание англо-германских противоречий вынудило Англию к поиску союзников и к сближению с Францией, а затем с Россией. Было подписано англо-французское соглашение 1904 г. и русско-английское соглашение 1907 г. Таким образом, в 1904-1907 годах накануне I мировой войны 1914-1918 гг. произошло окончательное сближение трех великих держав Англии, Франции и России — «тройственное соглашение», названное Антантой. Создалось «тройственное соглашение» в противовес Тройственному союзу.

Образование Антанты смягчило противоречия между тремя ее

членами, но не устранило их. Разногласия не раз всплывали наружу, чем пользовалась Германия, пытаясь оторвать Россию от Антанты, но общие противоречия с Германией становились всё острее, оттесняли на второй план разногласия внутри Антанты и привели в конце концов к I мировой войне. Накануне и во время войны вокруг Антанты сгруппировалось 25 держав, в том числе и США.

Три года Россия оттягивала на себя значительные силы противника, приходя быстро на помощь союзникам, как только Германия предпринимала серьезные наступательные действия на Западе. Но царское правительство не выдержало всех испытаний войны. Царизм потерпел поражение. Придя к власти в ноябре 1917 г. в результате Великой Октябрьской социалистической революции, Советское правительство во начало борьбу за прекращение

войны и заключение всеобщего демократического мира. Выход России из войны не срывал победы Антанты над германским блоком, ибо свою задачу Россия выполнила полностью: она дала возможность Англии и Франции мобилизовать все свои ресурсы; борьба русской армии позволила США развернуть свою производственную мощь, создать армию и официально объявить войну Германии в апреле 1917 г. Наконец, Советская Россия сковывала значительные силы Германии и после заключения Брест-Литовского мира. Общими усилиями стран Антанты удалось добиться разгрома Германии.

После разгрома Германии Антанта фактически перестала существовать. Поражение Германии открыло дорогу скрытым на время противоречиям внутри Антанты, которые с особой силой отразились в Вер-

сальском мирном договоре, заключение которого явилось не столько завершением борьбы с Германией, но и борьбой победителей между собой в целях закрепления своих позиций. Отстранив от участия в мирной конференции Россию, чьи военные усилия не раз спасали Антанту, победители не создали условий для обуздания германского агрессора, навязав значительной части Европы несправедливый мир.

Под предлогом того, что наличие Советской власти в России угрожает существованию созданной ими версальской системы, ведущие страны Антанты — Англия и Франция, а также США, Япония и Италия, порвавшая с Тройственным союзом, буквально на второй день после победы Великой Октябрьской социалистической революции начали вооружённую интервенцию против молодого Советского государства с целью свержения Советской власти, расчленения России и превращения её в колонию.

Свергнуть Советскую власть Антанте не удалось. Советский народ и Красная Армия одержали победу

над антисоветской коалицией сил международного империализма.

После I мировой войны рождается Малая Антанта. Малая Антанта — политический союз буржуазных правительств Чехословакии, Румынии и Югославии в 1920-1938 гг., созданный в целях поддержания и укрепления соотношения сил, сложившихся в Дунайском бассейне и на Балканском полуострове в результате I мировой войны. Созданная при содействии Франции, Малая Антанта ряд лет являлась орудием французского империализма, почти до конца своего существования стояла на враждебных СССР позициях.

Вопрос о создании блока стран Центральной и Юго-Восточной Европы возник тотчас же после подписания Компьенского перемирия 1918 г. и явился предметом происходивших во время Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. переговоров между представителями Чехословакии — Бенешем, Югославии — Пашичем и Трумбичем, Румынии — Ионеску и Греции — Венизелосом. В ту же пору возник сам термин «Ма-

лая Антанта», впервые употребленный в венгерской печати. Наряду со стремлением к закреплению своих территориальных приобретений господствующие буржуазно-помещичьи круги Чехословакии, Румынии и Югославии рассматривали этот союз и как орудие борьбы против революции в Центральной Европе. По признанию Бенеша, являвшегося главным организатором Малой Антанты, основной причиной её создания являлась «боязнь социальной революции, экономической разрухи и анархии».

Первым договорным актом, положившим юридическое основание Малой Антанты, явился чехословацко-югославский союзный договор, подписанный 14 августа 1920 г. в Белграде, согласно которому обе стороны условились о взаимной помощи в случае нападения со стороны Венгрии и обязались не заключать союза с третьей державой, не уведомив предварительно другую сторону. Срок действия договора устанавливался в 2 года. Договор дополнялся секретной военной конвенцией. Тогда же Румыния заявила

Вооружённые силы Тройственного союза				
Страна	Численность армии после мобилизации (тыс. чел.)	Лёгких орудий (к началу войны)	Тяжёлых орудий полевой артиллерии (к началу войны)	Самолётов (к началу войны)
Германия	3822	4840	1688	232
Австро-Венгрия	2300	3104	168	65
Итого	6122	7944	1856	297
Вооружённые силы Антанты				
Страна	Численность армии после мобилизации (тыс. чел.)	Лёгких орудий	Тяжёлых орудий полевой артиллерии	Самолётов
Россия	5338	6848	240	263
Великобритания	1000	1226	126	90
Франция	3781	3360	84	156
Итого	10 119	11 434	450	509

▲ Соотношение сил сторон

▲ **Малая Антанта**

о согласии присоединиться к чехословацко-югославскому договору, но предложила расширить блок включением в него Греции и Польши. Так как последняя вела войну против Советской республики, то Чехословакия и Югославия, опасаясь оказаться втянутыми в авантюристическую политику Польши, посчитали время неудобным для заключения военного союза с ней. Румыния же ещё 3 марта 1921 г. то есть до подписания советско-польского Рижского мирного договора 1921 г., заключила с Польшей союз, направленный против Советской России. Согласно договору обе стороны обязались взаимно помогать в случае нападения на свои фактически существующие восточные границы.

Попытка реставрировать Габсбургов в Венгрии, предпринятая в марте 1921 г., ускорила официальное включение в состав Малой Антанты Румынии. Чехословацко-румынский договор был заключен 23 апреля 1921 г. в Бухаресте. Договор был дополнен двумя секретными протоколами, по которым Чехословакия принима-

ла во внимание румынско-польский союз и брала на себя в связи с этим обязательство в случае войны содействовать Румынии в получении военных материалов. Антисоветская направленность этих соглашений особенно возросла после подписания 6 ноября 1921 г. чехословацко-польского договора, по которому оба государства гарантировали свои владения, базирующиеся на договорах, на которых основана их независимость; Чехословакия заявляла о своей незаинтересованности в вопросе о Восточной Галиции и принимала к сведению политическое, военное и экономическое сотрудничество Польши с Францией и Румынией. Однако в связи с польскими притязаниями на Тешинскую область польский сейм не ратифицировал этот договор, и он не вступил в силу.

Создание Малой Антанты было завершено 7 июня 1921 г., когда в Белграде состоялось подписание югославско-румынского договора, который предусматривал взаимную защиту как против Венгрии, так и против Болгарии. Тесные связи

правительств стран Малой Антанты дополнялись постоянным сотрудничеством генеральных штабов всех трех государств.

В связи с истечением срока действия Белградского договора 1920 г. Чехословакия и Югославия 31 августа 1922 г. заключили в Марианских Лазнях новый союзный договор, предусматривавший экономическое и финансовое сотрудничество и согласованные меры для охраны общих интересов.

В марте и октябре 1921 г. имели место совместные выступления стран Малой Антанты против попыток установления власти Габсбургов в Венгрии, причем все три правительства одновременно произвели мобилизацию. В дальнейшем по ряду основных международных вопросов страны Малой Антанты занимали совместную позицию, в целом следуя курсу французской внешней политики (на Генуэзской и Лозаннской конференциях и др.).

Провал империалистической политики Пуанкаре, рассчитанной на установление гегемонии Франции в Европе, принятие «плана Дауэса», Локарнские договоры 1925 г., лишившие Францию руководящей роли в западноевропейских делах и укрепившие позицию империалистической Германии, вызвали ослабление Малой Антанты и привели её к серьезному кризису. Стремясь сохранить своё влияние на Малую Антанту, Франция заключила с её участниками военно-политические соглашения (с Чехословакией — 25 января 1924 г., с Румынией — 10 июня 1926 г., с Югославией — 11 ноября 1927 г.). Значение этих соглашений для Франции в значительной степени обеспечивалось сближением Румынии с Англией и особенно с Италией. СССР выразил протест против договора Румынии с Францией и договора Румынии от 16 сентября 1926 г. с Италией, так как оба договора санкционировали насильственный захват Румынией Бессарабии.

В мае 1929 г. в Белграде были пролонгированы все соглашения, положенные в основу Малой Антанты, и подписан акт об арбитраже, о при-

мирительной процедуре и судебном разбирательстве между странами — участницами Малой Антанты.

Мировой экономический кризис вызвал обострение конкуренции между членами Малой Антанты. Однако тенденция к распаду Малой Антанты сдерживалась нараставшей угрозой агрессии против стран Малой Антанты со стороны Германии и Италии, а также резкой активизацией антисоветской политики всех империалистических держав.

С 1931 г. значительно укрепилось военное сотрудничество стран Малой Антанты. 16 февраля 1933 г., вскоре после установления в Германии гитлеровской диктатуры, между представителями стран Малой Антанты был подписан в Женеве так называемый «Организационный пакт», продливший на неограниченный срок действие всех соглашений, лежавших в основе Малой Антанты, и создавший для общего руководства внешней политикой Румынии, Югославии и Чехословакии совет Малой Антанты и экономический совет. Пакт предусматривал также общее представительство стран Малой Антанты в совете Лиги наций, поочередно

осуществляемое одним из участников блока.

Подписание «Организационного пакта» Малой Антанты, направленного на сохранение существовавшего положения на Балканах и в Дунайском бассейне, вызвало резко враждебное отношение со стороны Германии, Италии и Венгрии. При содействии Польши германские и итальянские дипломаты усилили широкую деятельность по подрыву Малой Антанты. В условиях угрозы территориальной целостности балканских стран в 1934 г. Югославия и Румыния вошли с согласия Чехословакии в новый блок — в Балканскую Антанту.

Балканская Антанта — группировка в составе Греции, Румынии, Югославии и Турции, оформлена пактом, подписанным 9 февраля 1934 г. в Афинах. Заключению пакта Балканской Антанты предшествовали балканские конференции и переговоры между правительствами балканских государств о создании общепалканского союза на базе сохранения территориального статус-кво.

Захват Гитлером власти в Германии и усиление агрессивных

стремлений фашистской Италии содействовали сближению четырех балканских стран, заинтересованных в сохранении статус-кво на Балканах и ориентированных в своей внешней политике главным образом на Францию. К концу 1933 г. Турция, Греция, Румыния и Югославия были уже связаны между собой двусторонними договорами. После этого в начале февраля 1934 г. был выработан общий документ — пакт Балканской Антанты.

В преамбуле пакта говорилось о желании способствовать укреплению мира на Балканах. Ст. 1 пакта особо подчеркивала, что «Греция, Румыния, Турция и Югославия взаимно гарантируют безопасность всех их балканских границ». Договаривающиеся стороны должны были консультироваться о мерах, которые необходимо было принять в случае угрозы их интересам. Срок действия пакта не был указан. Одновременно с пактом был подписан секретный протокол, которым предусматривалось, что в случае нападения на одну из стран другой балканской или не балканской страны или в случае нападения великой державы, дейст-

▲ Балканская Антанта

▲ Мюнхенский сговор 1938 г.

вовавшей совместно с балканской страной, все остальные участники пакта должны прийти ей на помощь.

Взаимопомощь участников пакта не распространялась на случай, если бы нападению подверглись азиатские границы Турции. Турция специально оговорила, что пакт Балканской Антанты не противоречит её договорным отношениям с СССР. В пакте предусматривалась возможность присоединения к нему, с общего согласия всех его участников, Болгарии и Албании. Однако последние отказались примкнуть к Балканской Антанте.

Объединив только часть балканских государств, Балканская Антанта явилась по существу орудием французской политики, тем более что два участника Балканской Антанты (Югославия и Румыния) входили одновременно в Малую Антанту.

Задача объединения балканских государств с целью обеспечения мира осталась нерешенной. Она и не могла быть тогда решена, поскольку реакционные режимы стран Балканской Антанты игнорировали выдвигаемый Советским Союзом принцип коллективной безопасности, занимали антисоветскую позицию.

К началу II мировой войны Балканская Антанта пришла в состояние полного развала. Румыния к тому вре-

мени открыто связала себя с фашистской Германией. Югославия также пошла на сближение с фашистскими державами, присоединившись в марте 1941 г. к «Антикоминтерновскому пакту».

Германская угроза и рост международного авторитета СССР вызвали некоторые изменения в позиции стран Малой Антанты по отношению к СССР. Страны Малой Антанты подписали совместно с СССР Лондонский протокол 1933 г. об определении агрессора. В 1934 г. были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и двумя участниками Малой Антанты — Румынией и Чехословакией.

Убийство фашистами французского министра иностранных дел Л. Барту и югославского короля Александра вызвало новое обострение отношений между членами Малой Антанты. 16 мая 1935 г., после подписания советско-французского договора о взаимной помощи, аналогичный договор был подписан СССР с Чехословакией. Но страны Малой Антанты не проявили единодушия и последовательности в политике сближения с СССР.

Готовность Англии и Франции к серьезным уступкам в пользу Германии и Италии и вся их политика «умиротворения» фашистских держав благоприятствовали стремлениям

фашистских государств к разрушению Малой Антанты. Ввиду усилившихся разногласий между странами Малой Антанты в отношении к нарушению Германией договорных обязательств и подготовки ею и Италией войны в Европе, Малая Антанта практически перестала играть роль дипломатического и военного блока. Югославия и Румыния не оказывали поддержки Чехословакии, подвергавшейся нажиму со стороны Германии; к тому правящие круги Чехословакии в угоду гитлеровцам практически лишили реального содержания союз Чехословакии с СССР. Серьезным ударом по Малой Антанте явилось подписание 24 января 1937 г. договора о «вечной дружбе» между Югославией и Болгарией, всецело ориентированный на Италию и Германию. Вслед за тем югославское правительство пошло на заключение 25 марта 1937 г. итало-югославского договора о дружбе. Поскольку этот договор предусматривал безусловный нейтралитет в случае вооруженного конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой и тем самым облегчал осуществление агрессивных замыслов Италии на Балканах, то он по существу своему был направлен против самого существования Малой Антанты.

Новую трещину в Малой Антанте гитлеровской дипломатии удалось создать с помощью польских правящих кругов. Министр иностранных дел Польши Бек добился в июне 1937 г. заверения румынского правительства в том, что оно воздержится от подписания пакта о взаимопомощи с Чехословакией и нового военного соглашения с Францией. В августе 1937 г. Малая Антанта согласилась на предоставление равных прав в вооружениях Венгрии, против которой и была первоначально создана Малая Антанта.

Мюнхенский сговор 1938 г., приведший к расчленению и захвату Чехословакии Германией, покончил с остатками послеверсальской системы международных отношений и положил конец существованию Малой Антанты. ■

А.И. ДЕНИКИН

ПЕРЕД ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ

▲ Русская армия. Польша начало 20 века

Русская общественность, и либеральная, и социалистическая, исходя из незнания военного быта и из идей пацифизма и антимилитаризма, в большинстве своем относилась с равнодушием или пренебрежением к армии. Пренебрежением ко всему комплексу явлений, носивших презрительную кличку «военщины», «солдатчины», но — худо ли, хорошо ли — олицетворявших ведь собою эле-

менты национальной обороны. В 1902-1903 годах армия наталкивалась на испытания более тяжкие: во время вспыхивавших местами беспорядков войска, призванные для усмирения, связанные строгими правилами применения оружия и часто добросердечием начальников, подвергались не раз незаслуженным и тяжким оскорблениям толпы. Можно только удивляться, насколько малое отражение имело

тогда в армии то брожение, которое происходило уже в массах на почве революционной пропаганды и социального недовольства. Солдаты безотказно исполняли свой долг. Но о каких-то пределах добросердечия заставил нас поразмыслить эпизод, происшедший в нашем округе, в городе Радоме в Польше, когда революционная толпа напала на дежурную роту Могилевского полка. Рота изготвилась к стрельбе.

Деникин Антон Иванович родился 4 (16) декабря 1872 года в городе Вроцлавске Варшавской губернии в семье русского офицера пограничной стражи. Умер 8 августа 1947 года в городе Анн-Арбор, штат Мичиган, США. Один из главных руководителей контрреволюции, ставленник Антанты в период Гражданской войны и военной интервенции в России, генерал-лейтенант (1916). Окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1892), Академию Генштаба (1899). В I мировую войну был командиром бригады, дивизии, с осени 1916 – 8-го армейского корпуса на Румынском фронте. В апреле-мае 1917 года начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Активно участвовал в мятеже генерала Корнилова и организации Добровольческой армии, которую возглавил 13 апреля 1918 года. Осенью 1918 года при содействии Антанты стал главнокомандующим «Вооруженными силами Юга России» (ВСЮР), которые к лету 1919 года после поражения колчаковской армии стали главной ударной силой Антанты. На захваченной территории Деникин проводил политику реставрации буржуазно-помещичьего строя. Репрессивная политика правительства Деникина оценивается сходной с политикой Колчака и других военных диктатур, либо называется более жесткой, чем

у других белогвардейских образований. Сам Деникин ответственность за организацию белого террора на юге России переносил на самостоятельность своей контрразведки, утверждая, что она становилась «иногда очагами провокации и организованного грабежа». В национальной политике Деникин придерживался концепции «единой и неделимой России», что не допускало обсуждения какой-либо автономии либо самоопределения территорий, входивших в состав бывшей Российской империи в довоенных границах. В политическом отношении примыкал к кадетам, ратовал за создание буржуазной парламентской республики. «Я знаю, что делаю самую неблагоприятную работу и что меня будут поносить и, может быть, проклинать. Но кто-то должен эту работу сделать». С середины 1919 года обозначился крупный конфликт между Деникиным и Врангелем, а к концу года между ними разгорелась открытая конфронтация. После провала наступления на Москву и разгрома белогвардейцев на Северном Кавказе Деникин сдал 4 апреля 1920 года в Крыму командование генералу Врангелю и выехал за границу. Из Константинополя прибыл в Англию, посетил У. Черчилля, организовавшего в 1919 году поставки материальной помощи для ВСЮР. В знак протеста против желания британского правительства заключить мир с Советской Россией покинул Англию и переехал в Бельгию. Жил в Венгрии, весной 1926 года поселился в Париже. В эмиграции отошел от активной контрреволюционной деятельности, оставаясь противником Советской власти. С приходом в Германии к власти нацистов выступил с осуждением политики Гитлера. В конце 1938 года проходил свидетелем по делу Надежды Плевицкой о похищении руководителя РОВС генерала Миллера и исчезновении генерала Скоблина (мужа Плевицкой, агента ИНО НКВД). В отличие от ряда эмигрантских деятелей, планировавших участвовать против Красной Армии на стороне иностранных государств, недружественных СССР, выступал за необходимость поддержки Красной Армии против любого иностранного агрессора, с последующим пробуждением русского духа в рядах этой армии, который, по замыслу Деникина, и должен свергнуть большевизм в России. С разгромом Франции и захватом Парижа фашисты предложили Деникину сотрудничество и переезд в Берлин, чтобы он возглавил антикоммунистические силы из числа русских эмигрантов под эгидой III рейха, но получили решительный отказ генерала. После разгрома нацистской Германии Сталин не ставил перед прави-

тельствами стран антигитлеровской коалиции вопрос о депортации Деникина в СССР. Но сам Деникин испытывал беспокойство и опасение за свою жизнь. В декабре 1945 года Деникин покинул Францию и на пароходе прибыл в США. В январе 1946 года обратился к генералу Эйзенхауэру с призывом остановить насильственную выдачу в СССР бывших советских граждан, вступивших в годы войны в германские военные формирования. Летом 1946 года выступил с меморандумом «Русский вопрос», адресованным правительствам Англии и США, где призывал США немедленно приступить к объединению под своим руководством всех антисоветских сил, организовать целенаправленную идеологическую войну против СССР, готовить на случай войны внутренний переворот в России. Деникин давал советы будущим оккупантам России вести войну против СССР не под антироссийскими, а исключительно под антисталинскими лозунгами, предостерегал их от намерений провести после победы расчленение России, создать русское самоуправление на оккупированных территориях. Автор воспоминаний «Очерки русской смуты», «Старая армия», «Путь русского офицера».

Прибывший командир полка, полковник Булатов остановил роту:

— Не стрелять! Вы видите, что тут женщины и дети.

Вышел к толпе сам, безоружный, и... был убит наповал мальчишкой-мастеровым.

Нашему полку не приходилось принимать участия в подавлении беспорядков. В Варшаве их тогда не было, несмотря на наличие в городе горючего материала. Начались они позже.

Моя рота занимала несколько раз караулы в Варшавской крепости. В числе охраняемых мест был и знаменитый «Десятый павильон», где содержались важные и опасные политические преступники. В городе среди поляков ходили самые фантастические слухи о режиме, применявшемся в «павильоне», о том даже, будто русское правительство систематически отравляет заключенных... Поэтому, вероятно, в моей инструкции, как дежурного по караулам, имелся параграф, предписывавший два раза в день пробовать пищу, подаваемую в «павильон». Слухи были, конечно, вздорны. Что же касается питания заключенных, то оно было не хуже, чем в любом офицерском собрании. Мне было интересно при проверке часовых заглянуть внутрь здания, но, кроме длинного коленчатого коридора с выходящим в него рядом дверей, с прорезанными в них окошками, ничего больше увидеть не пришлось. Теплынь (зи-

мою) и мертвая тишина. Мои часовые охраняли только входы и выходы из «павильона», а вдоль коридора им ходить не разрешалось. Там была жандармская охрана.

В одной из этих камер содержался будущий маршал и диктатор Польши Иосиф Пилсудский.

Еще в 1887 году, будучи двадцатилетним студентом, Пилсудский за косвенное участие в деле о покушении на императора Александра III был сослан в Сибирь на поселение, сроком на 5 лет. По возвращении из ссылки он вступил в революцион-

ную организацию «Польская социалистическая партия», которая вместе с уклоном к марксизму имела главной целью поднятие польского народного восстания. Пилсудский занял в ней видное место и стал редактором подпольной «Рабочей Газеты». Но в 1900 году, живя по подложному паспорту, был обнаружен полицией, захвачен вместе с женой в тайной типографии и посажен в «Десятый павильон». Варшавские власти решили предать его военному суду по статье, угрожавшей каторжными работами, но Петербург отменил это решение,

▲ Пилсудский социалист — в центре

▲ Деникин капитан

ограничив наказание ссылкой в Сибирь на поселение — в административном порядке.

Политические друзья Пилсудского выработали план его освобождения. Бежать из Варшавской крепости не было никаких возможностей. Поэтому, чтобы добиться перевода его в другое место, решено было, что Пилсудский станет симулировать душевную болезнь. Не малую помощь оказывал заговорщикам чин крепостного штаба Седельников, который доставлял заключенному записки с воли, в том числе инструкции врача-специалиста относительно способов симуляции.

«Болезнь» Пилсудского заключалась в том, что он впадал в неистовство при виде военного мундира входивших в его камеру лиц и осыпал их бранью... Вместе с тем

он отказывался от приносимой пищи под предлогом, что она отравлена. Питался вареными яйцами. Через некоторое время видный варшавский психиатр Шабашников добился освидетельствования им Пилсудского и — по «доброте» или по соучастию в заговоре — признал положение заключенного весьма серьезным и требующим клинического лечения. Варшавские власти, после восьмимесячного заключения в крепости, отправили Пилсудского в петербургский Николаевский госпиталь для душевнобольных, откуда он, без особого труда, бежал за границу, вместе со своей женой. Ее раньше еще освободили из-под ареста на том основании, что «жена не отвечает за деятельность своего мужа».

В дальнейшем Пилсудский, вернувшись нелегально в русскую

Польшу, принял участие в создании «Боевого отдела» партии и приступил к террористической деятельности и к ограблению казначейств (с 1905 года).

Старая русская власть имела много грехов, в том числе подавление культурно-национальных стремлений российских народов. Но когда вспоминаешь этот эпизод, невольно приходит на мысль, насколько гуманнее был «кровавый царский режим», как его называют большевики, нежели режим самого Пилсудского, когда он стал диктатором Польши.

* * *

Я видел ясно некоторые недочеты в системе нашего боевого обучения, писал на эту тему, но практически в скромной и зависимой роли ротного командира ничего в этом направлении осуществить не мог. Я не буду распространяться на эту специальную тему, приведу один лишь пример, понятный и для неспециалистов. Уже в вооружение армий вводились скорострельная артиллерия и пулеметы, и в военной печати раздавались предостерегающие голоса об обязательной «пустынности» полей сражений, на которых ни одна компактная цель не сможет появиться, чтобы не быть уничтоженной огнем... А наша артиллерия все еще выезжала лихо на открытые позиции, наша пехота в передовом Варшавском округе, как у нас говорилось, «ходила ящиками»: густые ротные колонны в районе стрелковых цепей в сфере действительного огня передвигались шагом и даже в ногу!..

За это упущение пришлось нам поплатиться в первые месяцы японской войны... А она надвигалась. Но ее приближение ни в малейшей степени не отражалось на жизни, службе и настроении войск. Не только у нас в пограничном Варшавском округе, войска которого не предполагалось снимать с австро-германского фронта, но и в других округах не замечалось ни какой-либо особой технической подготовки, ни морального воздействия на солдат и офицеров. Мы — большие и маленькие командиры, по требованию свыше молчали. Да и что мы могли

сказать солдатам, чем возбудить их заинтересованность, как подымать их настроение, когда мы ровно ничего не знали о том, что происходит на Дальнем Востоке. Ни командный состав, ни офицерство, ни Генеральный штаб, за исключением узкого круга лиц, соприкасавшихся с областью международной политики. Ни, тем более, русская общественность. Между тем в начале 1903 года широко распространилось известие, что вице-адмирал Абаза и отставной штабс-ротмистр Безобразов, возведенный вскоре неожиданно для всех в высокое звание «статс-секретаря Его Величества», в компании высокопоставленных лиц, приобрели концессию на эксплуатацию лесов Северной Кореи, и что туда, для охраны дроворубов, вводятся военные отряды. Этот один авантюристический эпизод, которому молва приписывала исключительно корыстные цели, в глазах широкой общественности заслонил собой основные причины назревавшей на Дальнем Востоке сложной исторической драмы.

Комитет министров не представлял из себя объединенного правительства, обладающего инициативой и коллегиальной ответственностью. Решения огромной государственной важности принимались в Петербурге нередко без широкого обсуждения или вопреки мнению правительственных совещаний, по докладу того или другого министра, иногда безответственного лица. Тайные дипломаты, вроде Абазы, ставили не раз членов правительства перед свершившимся фактом. А страну и те, и другие держали в полном неведении.

Результаты получились плачевные.

«В то время, как в Японии весь народ, от члена Верховного тайного совета до последнего носильщика, отлично понимал и смысл и самую цель войны с Россией, — говорится в официальной истории войны, — когда чувство неприязни и мщенья к русскому человеку накоплялось там годами, когда о грядущей войне с Россией говорили все и всюду, у нас предприятия на Дальнем Вос-

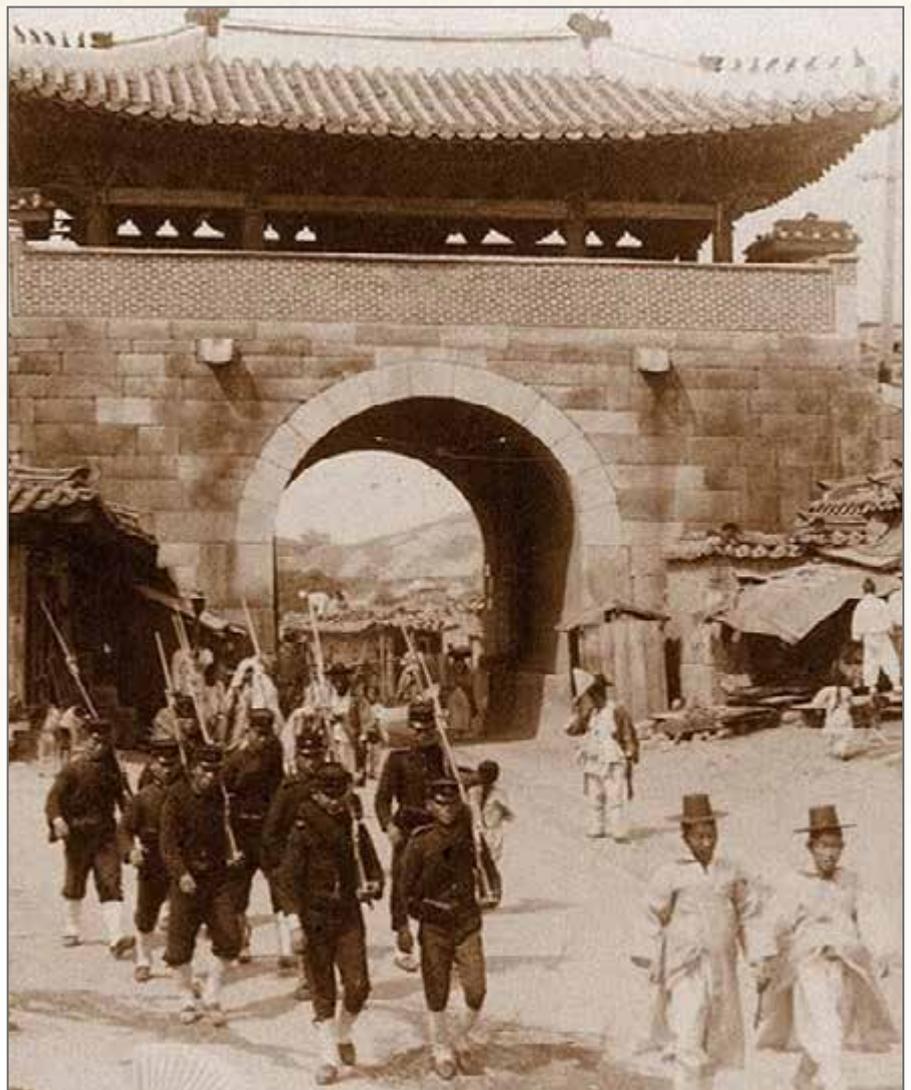
токе явились для всех полной неожиданностью; смысл их понимался лишь очень немногими... Все, что могло выяснять смысл предстоящего столкновения, цели и намерения правительства, или замалчивалось, или появлялось в форме сообщений, что все обстоит благополучно. В результате, в минуту, когда потребовалось общее единение, между властью и народной массой легла трудно устранимая пропасть».

Напомним в общих чертах хронологию событий.

Первым этапом японской экспансии на материк становится Корея еще в 1882 г. — пока политической и финансовой. На этой почве между Японией и Китаем происходят длительные столкновения, окончив-

шиеся в 1894 г. войною, в которой Китай терпит полное поражение. Между прочим, и тогда уже японцы без объявления войны затопили караван китайских судов... По Симоносекскому мирному договору Китай должен был отдать Японии Формозу и Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и обязался выплатить большую контрибуцию. Но, благодаря вмешательству России, Германии и Франции, Япония принуждена была отказаться от Ляодуна. Корея была признана самостоятельным государством.

Россия при содействии Франции устроила Китаю крупный заем для уплаты первого взноса контрибуции и дала гарантию в отношении последующих взносов. За эти весьма серь-

▲ Корея, 1900 г.

езные услуги в 1896 г., по договору министра финансов Витте с Ли Хунчаном, Китай предоставил России право сооружения ветви транссибирской железной дороги, соединяющей прямым путем Забайкалье с Владивостоком, по маньчжурской территории через Харбин. Через 36 лет Китай имел право выкупить дорогу, а через 80 лет она переходила к нему бесплатно. Это соглашение было обоюдовыгодным, оживляя малонаселенные и дикие просторы Северной Маньчжурии, являясь, по существу, оборонительным союзом России и Китая, и не предвещало оккупации края: военная охрана ж. д. пути и русская юрисдикция, не касаясь местного населения, распространялись только на узкую полосу отчуждения вдоль ж.д. линии. Этот порядок соблюдался в течение четырех лет, до боксерского восстания.

После 1895 года японская экспансия в Корее усиливается. Япония вводит в Корею отряды, десятки тысяч колонистов, берет в свои руки торговлю, почту, телеграф, ж.д. строительство и устраивает дворцовые пере-

вороты... Презрительное отношение японцев к корейскому народу и вводимый ими жестокий режим вызывают восстания и обращение корейского короля за помощью к России. В Корею посылаются русские финансовые советники и военные инструктора. И хотя в 1896 году между Японией и Россией состоялось соглашение о разделе влияния в Корее, но преобладающее влияние там на некоторое время остается за Россией.

В конце 1897 года происходит событие, находившееся в связи с систематической провокацией Германии, в частности императора Вильгельма, старавшегося всеми силами втянуть Россию в дальневосточный конфликт, чтобы, ослабив нас, иметь свободные руки на Западе. Под несерьезным предлогом немцы захватывают Киаучо, по свидетельству Витте, с ведома российского министра иностранных дел Муравьева. И, вопреки протесту Витте и других министров, Россия, недавно только вступавшая за неприкосновенность «дружественного» Китая, вместо протеста сама завладела Квантунским полуостровом,

обратив Порт-Артур в крепость и Далиенван (Дальний) — в порт коммерческий, открытый для иностранной торговли.

Акт этот не имеет оправдания. Несомненно, свободный выход к незамерзающим портам Великого океана представлял жизненный интерес для империи с ее громадной азиатской территорией и морской границей, запертой большую часть года льдами и полузапертой стратегически японскими островами. Но тот насильственный путь, которым осуществлялась эта задача, не соответствовал ни интересам, ни достоинству России.

В конце концов 15 марта 1898 года китайское правительство согласилось сдать в аренду России Квантунские порты сроком на 25 лет и разрешило провести южнманьчжурскую ветвь ж.д. через Мукден к Порт-Артуру.

Это выдвигание России создало враждебное отношение к нам Китая, целую бурю в Японии, в планах которой Маньчжурия составляла второй, после Кореи, этап экспансии, и выз-

▲ Витте С.Ю.

▲ Мукден

вало неудовольствие Англии и Америки, боявшихся потерять маньчжурский рынок. Сложная политическая ситуация, новые задачи по обеспечению выхода к южным портам, наконец, нежелание войны с Японией — побудили русское правительство поступиться своим влиянием в Корее. Оттуда отозваны были русские советники и военные инструктора, и Япония прочно обосновалась в Корее, по существу оккупировала ее. Это положение создавало серьезную угрозу нашему Приамурскому краю, Сибирской магистрали и свободе морских сообщений Дальнего Востока через Корейский пролив.

В 1900 году в Корее началось «боксерское движение» против «заморских чертей»... Движение, в котором перемешивались стимулы и разбойничьи, и национальные — как реакция против китайской политики иностранных держав. Выразилось оно в убийствах иностранных дипломатов, купцов и резидентов, в разгроме иностранных торговых и культурных учреждений. Так как китайское правительство не имело ни силы, ни желания бороться с этим движением, вернее ему сочувствовало, то, по соглашению заинтересованных держав, в Китай введены были международные войска, общее командование которыми, довольно, впрочем, фиктивное, поручено было немецкому фельдмаршалу Вальдерзее.

Восстание было подавлено. Заняв в ходе войны Маньжурию, Россия обязалась вывести оттуда свои войска в три срока, «если этому не воспрепятствует образ действий других держав». Эвакуация в первый срок была выполнена, но дальнейшая в начале 1903 года была задержана: с одной стороны — благодаря усилиям петербургской «тайной дипломатии», с другой — ввиду действительно агрессивных действий Японии, которая восстанавливала Китай против России, всемерно мешала русско-китайскому соглашению, дерзко требуя (!) от сторон объяснений и предлагая Китаю военную помощь против России...

▲ Японцы в Корее

В течение 1903 года, вместе с тем, шли между Петербургом и Токио длительные, нудные и неискренние переговоры. Я не буду останавливаться на деталях их, напомним только сущность позиции обеих сторон.

Япония требовала для себя полной свободы рук в Корее и добивалась участия в разрешении «маньчжурской проблемы», как страна, «имеющая там широкие и существенные права и интересы». Между прочим, требовала права проведения железных дорог из Кореи на соединение с Южнманьчжурской и далее на Шанхай-Гуань-Нью-Чжунь. Такое внедрение японских железных дорог преследовало прежде всего стратегические цели, облегчая выступление как против Китая, так и против России.

Русское правительство не допускало вмешательства Японии в свои договорные отношения с Китаем, но заверяло, что оно «не будет препятствовать Японии, как и другим государствам (имелись в виду Англия и США), пользоваться правами, приобретенными ими в Маньчжурии по действующим с Китаем договорам».

Предоставляя Корею всецело японской оккупации, Россия требовала только гарантии, что территория ее не будет использована в стратегических целях и что не будет про-

изведено военных работ, могущих угрожать плаванию по Корейскому проливу. И для обеспечения своего почти беззащитного Приамурского края, к которому подходила граница Кореи, Россия предлагала установить нейтральную зону к северу от 39 параллели, в которую ни одна сторона не должна была вводить свои войска. Благодаря этой мере теряла бы свою остроту и авантюра Абазы-Безобразова, с их лесной концессией на Ялу. Тем более что, по настоянию министров Витте и Куропаткина, государь еще 5 апреля 1903 года приказал отозвать с территории концессии всех военных и придать ей чисто коммерческий характер, допустив участие иностранного капитала.

В разгаре этих переговоров, неожиданно для всех, не исключая и правительства, 30 июля 1903 года государь учредил наместничество на Дальнем Востоке, включив в него Приамурское генерал-губернаторство, Квантунский округ и российские учреждения и войска в Маньчжурии. Наместником был назначен адмирал Алексеев, в руки которого, как непосредственного докладчика государю, перешли дальневосточные дела. Министерства военное и иностранных дел отошли на задний план. Решительный поборник мирного разрешения дальневосточной проблемы Витте был устранен

▲ Алексеев — наместник на Дальнем Востоке

▲ Куропаткин А.Н.

с поста министра финансов; Куропаткин подал в отставку, но был задержан и получил продолжительный отпуск. Интересно, что Куропаткин, проявлявший в деле этом колебания и в начале 1903 года не допускавший очищения нами Маньчжурии, в конце года (26 ноября) в докладе государю предлагал вернуть Китаю Порт-Артур и Дальневосточный берег и продать Китаю Южноманьчжурскую ветвь железной дороги, взамен за особые права в Северной Маньчжурии... Решение — радикальное. Но нет сомнения, что, если бы мы оставили тогда южную Маньчжурию, она попала бы в конце концов в руки Японии, усилив в невероятной степени ее стратегическое положение в отношении русского Дальнего Востока.

Выдвинутый на свой пост дворцовой интригой, адмирал Алексеев — не флотоводец, не полководец и не дипломат — находился под сильным влиянием закулисной политики Абазы-Безобразова, вносившей в ход переговоров характер раздражения и большей требовательности, чем то было со стороны министерств. Какую вредную роль играла эта двойственная политика, можно судить по заключительному

эпизоду русско-японских дипломатических сношений. 28 января 1903 года по высочайшему повелению состоялось «особое совещание», под председательством великого князя Алексея Александровича из трех министров (иностранного, военного, морского) и Абазы — для обсуждения последнего предложения Японии. Совещание постановило пойти на крайние уступки и в том числе на отказ от «нейтральной зоны» в северной Корее. Абаза остался при особом мнении, требуя лишь ограничения зоны Ялуцзянским водоразделом. За два дня до представления журнала Совещания государю Абаза, после личного доклада ему, вызвал японского посланника Курино и сообщил ему решение в своей версии... Министр иностранных дел Ламсдорф узнал об этой выходке Абазы много времени спустя после открытия военных действий и в своем докладе государю назвал ее «совершенно невероятной». Дипломатический язык более сильного выражения не допускал. А через два дня после выходки Абазы мнение министра иностранных дел и «Особого совещания» получило санкцию государя... В своем последнем предложении Японии

Россия допускала внедрение японцев в Маньчжурию железнодорожным путем из Кореи, отказывалась от гарантий, от «нейтральной зоны» и предоставляла Японии полную свободу рук в Корее.

Но никакая уступчивость официальных руководителей русской политики не могла уже улучшить и никакое противодействие закулисных сил — ухудшить положение. Ибо Япония, пустив в ход весь свой военный механизм, решила на вооруженное столкновение, торопясь выступить до подхода подкреплений из России. Последнее русское предложение было отправлено по телефону нашему посланнику в Токио 4-го февраля и в тот же день в копиях — в Париж и Лондон. Содержание его, следовательно, было вовремя известно японскому правительству, тем более что японский посол в Лондоне Хая-ши того же 4-го февраля телеграфировал в Токио, что английское правительство считает сделанные Россией уступки предельными и что непринятие их Японией может лишить ее поддержки всех держав... Но мирное решение вопроса вовсе не входило в намерения японского правительства. Оно задержало пе-

редачу телеграммы нашему послу в Токио до 7-го, а 6-го через посланника своего в Петербурге обратилось к русскому правительству с нотой, которая, после фактического захвата японцами Кореи, звучала невыносимым лицемерием:

«Его величество, император Японии, — говорилось в ноте, — считает независимость и территориальную неприкосновенность Кореи исключительно существенными для своего собственного спокойствия и безопасности и, вследствие этого, не может взирать с безразличием ни на какое действие, направленное к тому, чтобы сделать необеспеченным положение Кореи».

Нота заканчивалась словами:

«Императорское правительство оставляет за собой право принять такое независимое действие, какое сочтет наилучшим... для охраны своих прав и интересов».

В тот же день, 6-го февраля, японцы захватили корабли русского Добровольного флота (коммерческие), бывшие в восточных водах, а флот адмирала Того вышел в море и в ночь с 8-го на 9-е февраля без объявления войны напал на русскую эскадру в Порт-Артуре, выведя из строя 2 броненосца и 1 крейсер и блокируя эскадру.

* * *

Теперь, после всех событий Второй мировой войны, потрясших мир, подход к возникновению русско-японской войны должен быть коренным образом пересмотрен. Несомненно, более прямая и дружественная политика русского правительства к Китаю и устранение закулисной работы темных сил могли бы отдалить кризис. Но только отдалить. Ибо тогда уже выявилась пан-азиатская идея, с главенством Японии, овладевшая водителями молодой, недавно выступившей на мировую арену державы и проникавшая в толщу народа. И если в течение ряда исследовавших лет сменявшиеся у кормила власти японские партии минсейто и сейюкай и обособленная военная группа («Черный Дракон») весьма расходились в методах, сроках и направлениях экспансии, то все

они одинаково представляли себе «историческую миссию» Японии.

России суждено было противостоять первому серьезному натиску японской экспансии на мир. Конечно, русское правительство виновно в нарушении суверенитета Китая выходом к Квантунским портам. В морально-политическом аспекте все великие державы не были безгрешны в отношении Китая, используя его слабость и отсталость путем территориальных захватов или экономической эксплуатации; практика иностранных концессий и поселений была вообще далека от идиллии сотрудничества... Но последующие события свидетельствуют, что, при отказе от оккупации Маньчжурии и при уважении там договорных прав иностранных держав, русская акция была неизмеримо менее опасной и для них, и для Китая, нежели японская.

Этого тогда не поняли.

Китай, не выступая активно, занял враждебное положение в отношении России.

Англия еще с 1902 года заключила союз с Японией, обязавшись оказать ей военную помощь, если бы Япония «при охранении своих интересов в Китае, вступила в столкновение с другой державой и к последней присоединилась бы еще одна или несколько держав».

Другими словами, давалось обеспечение от противояпонской коалиции. Англия обещала и действительно оказала Японии большую материальную помощь и принимала существенное участие в создании японского флота. Английская печать всемерно возбуждала Японию против России, а главнокомандующий, генерал Уольслей, после занятия нами Порт-Артура заявил, что в случае войны «британская армия будет в полной готовности».

В своей борьбе против России и за утверждение на азиатском материке Япония нашла поддержку и в США. На ее стороне были руководители американской политики и большая часть печати. Посетивший тогда Нью-Йорк японский принц Фушими был принят там весьма приветливо и получил заверение, что

«Соединенные Штаты имеют общие с Японией не только коммерческие, но и политические интересы».

Японии обещана была экономическая помощь и оказана в широких размерах.

Несомненно, без таких гарантий со стороны Соединенных Штатов и особенно Англии Япония в 1904 году не выступила бы. Так державы эти ковали оружие для своего естественного врага, создавая «великодержавную Японию». И тот самый исторический бумеранг, который ударил по русским головам у Порт-Артура, в обратном полете своем пронесся по всему Китаю и нанес удар по Сингапуру и Перл-Харбору...

В результате войны успехи, одержанные желтой расой над белой, выдвинули Японию в ранг первоклассных держав, возбудили воспаленное воображение нации и окончательно определили пути японского империализма, нашедшего потом столь яркое изображение в так называемом «завещании Танаки». В этом документе — докладе императору в июле 1927 года бывшего премьера и главы партии сейюкай, выработанном особой комиссией, имеются такие знаменательные строки:

«Согласно завету Мейджи, наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй — в аннексии Кореи. Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Маньчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия. Раса Ямато сможет тогда перейти к завоеванию Мира». А так как поперек пути к завладению Китаем встали Соединенные Штаты, то «мы должны будем сокрушить их».

* * *

Мы оказались неподготовленными к войне ни в политическом, ни в военном отношении.

Необходимость усиления нашего военного потенциала на Дальнем Востоке встречала препятствие в нашем положении на Западе, благодаря недоверию к Германии. Военный министр Куропаткин (1900) считал нашу западную границу «находящейся

Порт-Артуръ. Большой рейдъ.

ся еще в небывалой в истории России опасности» и требовал укрепления там нашего военного положения без разбрасывания сил и средств «на внешние предприятия».

На огромной территории Дальнего Востока к началу 1904 года находилось всего 108 батальонов, 66 конных сотен и 208 орудий, т.е. около 100 тысяч офицеров и солдат. Подкрепления могли подвозиться из России с громадных расстояний, причем пропускная способность Сибирской магистрали равнялась всего 3 парам сквозных поездов в сутки. Между тем, с точки зрения чисто военной, нужно было или не выходить к Порт-Артуру, или, решившись на этот шаг, необходимо было тогда же сосредоточить крупные силы в Приамурском крае и в Квантуне.

Но, самое главное, мы недооценили военной силы Японии. Эту ошибку разделяли с нами военные штабы всех великих держав. Все военные агенты ходили в Японии впопыхах, благодаря трудности языка, крайней подозрительности и осторожности японского командования и, наконец, к чести японцев,

почти полного отсутствия там того порочного элемента, который в других государствах идет на службу иностранного шпионажа. Ошибки были очень серьезные. Так, максимальным напряжением Японии считалась нами постановка под ружье 348 тысяч человек, причем на театр военных действий — 253 тысячи. Между тем Япония призвала 2 727 000, из которых использовано было для войны 1 185 000, т.е. в три раза больше предположенного. Не принято было во внимание, что 13 японских резервных бригад получили такую организацию и вооружение, что могли выйти в бой наряду с полевыми дивизиями. И т.д.

Более определенными были сведения о японском флоте. К 1904 году в водах Дальнего Востока наша броненосная эскадра была равносильной японской, но состояла из судов разных систем; минные же и крейсерские суда уступали японским и в количестве, и в качестве.

Очень плохо обстояло знакомство наше с качествами и духом японской армии. До 1895 г. ни русская военная литература, ни служебные

органы не обращали на нее никакого внимания. Только с тех пор, и в особенности с 1901 года, это внимание усилилось. Причем почти единственным источником, из которого мы, офицеры Генерального штаба, могли черпать сведения об японской армии, был «не подлежащий оглашению» «Сборник материалов по Азии». Сведения поступали очень противоречивые: от предостерегающих и лестных отзывов об японской армии до уничижительной оценки военного агента, полковника Ванновского, который считал вооруженные силы Японии блефом, а армию ее опереточной. Ту армию, о которой ген. Куропаткин после первых боев доносил государю:

«Мы имеем дело с весьма серьезным противником, отлично подготовленным, обладающим обширными и самыми усовершенствованными силами и средствами, многочисленным, весьма храбрым и отлично руководимым».

Невзирая на недооценку японской вооруженной силы, план войны, принятый генералом Куропаткиным еще в 1901 году, в бытность его во-

▲ Принц Фушими

▲ Мобилизация

енным министром, отличался чрезвычайной осторожностью: прочное обеспечение Владивостока и Порт-Артура, сосредоточение главных сил в районе Мукден-Ляоян-Хайчен, постепенное отступление к Харбину, пока не соберутся превосходные силы. Этот априорный план тяжелым грузом лежал на всех решениях ген. Куропаткина, лишая его дерзания, препятствуя использованию благоприятных случаев для перехода к активным действиям и ведя от отступления к отступлению.

По совокупности всех изложенных обстоятельств, война не могла быть популярна в русском обществе и в народе. И не только потому, что все сложные перипетии, предшествовавшие ей, держались в тайне, но и потому еще, что сама русская общественность, научные круги и печать очень мало интересовались Дальним Востоком. По словам Витте, «в отношении Китая, Кореи, Японии наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды».

Поэтому, когда началась война, то для многих единственным стимулом,

оживившим чувство патриотизма и оскорбленной народной гордости, было предательское, без объявления войны нападение на Порт-Артур.

Правая общественность, не вдаваясь в оценку правительственной деятельности, ответила патриотическими манифестациями; либеральная отнеслась к войне по-разному. Одни с патриотической тревогой, другие с безразличием, а потом и те, и другие использовали военные неудачи для сведения счетов с непопулярным правительством; левая общественность заняла явно пораженческую позицию. В брошюре, изданной социал-революционерами, под заглавием «К офицерам русской армии» говорилось:

«Всякая ваша победа грозит России бедствием упрочения «порядка»; всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, что русские радуются успехам наших противников».

В конце концов народ собирался спокойно на призывные пункты, и мобилизация проходила в порядке. И армия пошла на войну без всякого подъема, исполняя только свой долг.

Меня открытие войны застало в Польше. После командования ротой я был переведен в штаб 2-го кавалерийского корпуса, квартировавшего в Варшаве.

Поляки встретили объявление войны жутким молчанием, по внешности равнодушием, за которым скрывалось недоброжелательство и скрытые надежды на изменение судеб Польши. Трогательную и волнующую картину представляли тогда в Варшаве манифестации небольших групп русских людей, с хоругвями и пением «Спаси, Господи, люди Твоя» шествовавших по варшавским улицам среди молчаливой, злорадной толпы...

Польская социалистическая партия («П. П. С.») откликнулась возванием, полным злобы и ненависти к России и пожеланием победы японской армии. Умеренная партия «народных демократов», руководимая Дмовским, в своем обращении к стране предостерегала сограждан от активных выступлений, которые могут стать гибельными. Считая, что начавшаяся война не может еще

повести к изменениям европейских границ, но поведет к внутренним переменам, благоприятным для подвластных России народов, обращение рекомендовало «собирать силы и объединяться» для активной работы в будущем.

Эта точка зрения возобладала. В Польше не было попыток к народному восстанию. Отдельные террористические акты исходили исключительно от малочисленной «П. П. С.», в особенности с конца 1905 года, когда во главе боевой организации партии стал Иосиф Пилсудский. Эта же партия была единственной среди всех российских революционных организаций, которая — за свой риск и страх, но от имени Польши — пыталась войти в договорные отношения с японским штабом...

В мае 1904 года Пилсудский поехал в Токио, с предложением сформировать польский легион для японской армии, организовать для японцев службу шпионажа, взрывать мосты в Сибири. За это от японцев для польского восстания требовалось оружие, снаряжение и деньги. И, кроме того, обязательство — при заключении мирного договора с Россией потребовать предоставления Польше самостоятельности (!).

Насколько мало корней имела «П. П. С.» в народе, видно из того, что, когда составлялось воззвание к военным полякам, Пилсудский требовал отнюдь не применять в нем «партийный штамп», а изложить «в горячо-патриотическом духе и даже с упоминанием Ченстоховской Божьей матери».

Японцы приняли Пилсудского очень любезно, но отказали во всем. Разрешено было только выделить поляков-пленных в особые команды и допустить к ним антирусских пропагандистов. Денег японцы также не дали и только оплатили обратную поездку Пилсудского.

Я подчеркиваю эту сторону деятельности Пилсудского, ибо ненависть его к России с юных лет довела в нем над побуждениями государственной целесообразности, что привело впоследствии к событиям, одинаково трагичным как для

национального противобольшевистского движения в России, так и для судеб самой Польши.

Старания «П. П. С.» объединить против России революционные организации Финляндии, Прибалтики, Кавказа и др. окраин также не увенчались успехом. В Закавказье с объявлением войны состоялся ряд патриотических манифестаций мусульман, а закавказский шейх уль-ис-лам обратился к своим единоверцам с воззванием «в случае надобности принести и достояние, и жизнь». Даже Финляндия, которая бойкотировала в то время указ о привлечении ее граждан к воинской повинности, сделала прекрасный жест: ее сенат обратился с телеграммой к государю, свидетельствуя о «непоколебимой преданности государю и великой России» и ассигновал 1 млн. марок на военные нужды...

Центробежные силы в 1904 году не осложняли трудного положения России.

Объявление войны застало меня больным. Незадолго перед тем на зимнем маневре подо мной упала верховая лошадь, придавила ногу и проволокла с горы вниз несколько десятков шагов. В результате — порванные связки, кровоподтеки, один палец вывихнут, один раздавлен и т. д. Пришлось лежать в постели. Когда был получен манифест о войне, я тотчас же подал рапорт в штаб округа о командировании меня в Действующую армию. Штаб, ссылаясь на неимение указаний свыше, отказал. На вторичное мое обращение штаб запросил — «знаю ли я английский язык»? Ответил: «Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих»... Ничего не вышло. Нервничал, не находил себе покоя. Наконец, мой ближайший начальник, ген. Безрадецкий, послал частную телеграмму с моей просьбой в Петербург, в Главный штаб. И через несколько дней, к великой моей радости, пришло оттуда распоряжение — командировать капитана Деникина в Заамурский округ пограничной стражи.

Дождаться выздоровления я не стал. Решил, что до Сибирского

экспресса как-нибудь доберусь, а там во время длительного пути (16 дней) нога придет в порядок. Назначил день отъезда на 17 февраля.

В Варшавском собрании офицеров Генерального штаба состоялись проводы — «дорожный посошок» — бокал вина и поднесение мне подарка — хорошего револьвера. Старейший из присутствовавших, помощник Командующего округом ген. Пузыревский, сказал несколько теплых слов, подчеркнув мое стремление на войну, не долечившись.

На случай смерти я оставил в своем штабе «завещание» необычного содержания. Не имея никакого имущества, я привел в нем лишь перечень своих небольших долгов, проект их ликвидации путем использования кой-какого моего литературного материала и просил друзей позаботиться о моей матери.

Мать моя приняла известие о предстоящем моем отъезде на войну как нечто вполне естественное, неизбежное. Ничем не проявляла своего волнения, старалась «делать веселое лицо» и при прощании на Варшавском вокзале не проронила ни одной слезинки. Только после моего отъезда, как сознавалась впоследствии, наплакалась вдоволь, вместе со старушкой-нянькой.

До Москвы добрался я благополучно. Получил место в Сибирском экспрессе. Встретил нескольких товарищей по генеральному штабу, ехавших также на Дальний Восток. Еще на вокзале узнал от своих спутников, что в нашем поезде едут адмирал Макаров, назначенный на должность Командующего Тихоокеанским флотом, и генерал Ренненкампф, назначенный начальником Забайкальской казачьей дивизии.

В те дни, после разгрома у Порт-Артура нашей эскадры, больно отразившегося на настроении флота, да и всей России, назначение адмирала Макарова принято было с глубоким удовлетворением и внушало надежды. Заслуги его были разносторонни и широко известны. Боевой формуляр его начался в русско-турецкую войну 1877-1878 годов. Россия не успела еще тогда

восстановить свой флот на Черном море. Макаров на приспособленном коммерческом пароходе «Вел. кн. Константин», с четырьмя минными катерами на нем, наводил панику на регулярный турецкий военный флот: взорвал броненосец, потопил транспорт с целым полком пехоты, делал налеты на турецкие порты... Впоследствии с отрядом моряков принял участие в Ахал-Текинском походе знаменитого генерала Скобелева.

Обязанный своей карьерой исключительно самому себе, он исходил все моря, на всех должностях; разработал большой научный океанографический материал по Черному морю, Ледовитому и Тихому океанам, удостоившись премии Академии Наук; внес новые идеи своим трактатом о морской тактике; наконец, построив ледокол «Ермак», положил в России начало борьбе судоходства со льдами. Все это сделало его особенно популярным, и не было человека в России, который бы не знал имени Макарова и его «Ермака».

Храбрый, знающий, честный, энергичный, он, казалось, самой

судьбой предназначен был восстановить престиж Андреевского флага в Тихоокеанских водах.

Адмирал Макаров со своим штабом ехал в отдельном вагоне. От чинов его штаба мы знали, что там идет работа: каждый день по несколько часов адмирал занимался планом реорганизации флота, составлением наставлений для его маневрирования и боя. Иногда для собеседования приглашался туда ген. Ренненкампф. Несколько раз во время пути адмирал заходил в общий салон-вагон, где Ренненкампф представил ему нас — сухопутных офицеров. Я не помню тогдашних разговоров, да и вряд ли они имели принципиальный характер. Но помню хорошо и его внешность — характерно русское лицо, с окладистой бородой, с добрыми и умными глазами, и то обаяние, которое производила личность адмирала на его собеседников, и ту веру в него, которая невольно зарождалась у нас.

Второй «знаменитостью» был генерал Ренненкампф, в другой совершенно области. Он приобрел имя

и широкую известность в военных кругах во время Китайского похода (1900), за который получил два Георгиевских креста. Военные вообще относились скептически к «героям» Китайской войны, считая ее «не настоящей». Но кавалерийский рейд Ренненкампфа, по своей лихости и отваге, заслужил всеобщее признание.

Начался он в конце июля 1900, после занятия Айгуна (вблизи Благовещенка). Ренненкампф с небольшим отрядом из трех родов оружия разбил китайцев на сильной позиции по хребту Малого Хингана и, обогнав свою пехоту, с 4½ сотнями казаков и батареей, сделав за три недели 400 км., с непрерывными стычками, захватил внезапным налетом крупный маньчжурский город Цицикар. Отсюда высшее командование предполагало произвести систематическое наступление на Гирич, собрав крупные силы в 3 полка пехоты, 6 полков конницы и 64 орудия, под начальством известного генерала Каульбарса... Но, не дожидаясь сбора отряда, ген. Ренненкампф, взяв с собою 10 сотен казаков и батарею,

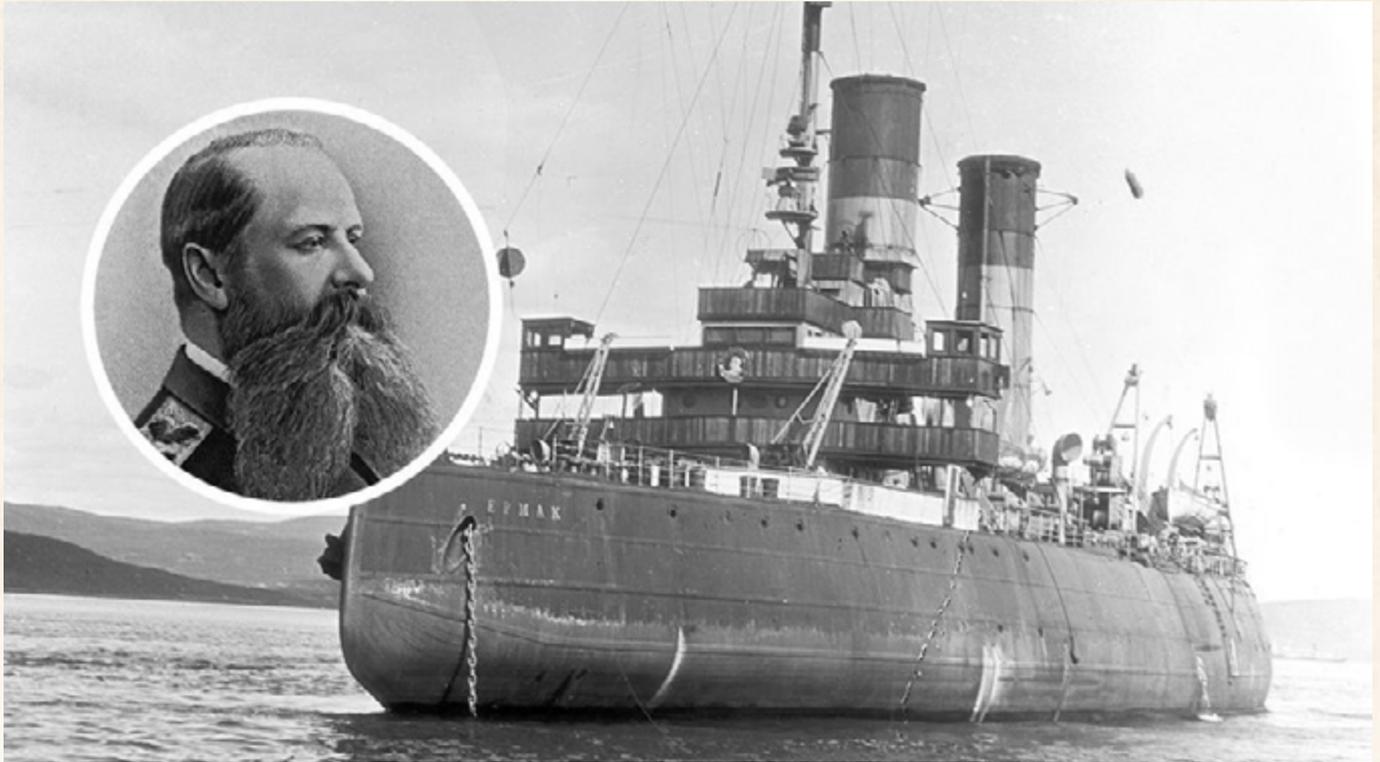

▲ Ренненкампф П.К.

▲ Скобелев М.Д.

▲ Ледокол «Ермак»

24 августа двинулся вперед по долине Сунгари; 29-го захватил Бодунэ, где застигнутые врасплох сдались ему без боя 1 500 боксеров; 8 сентября захватил Каун-Чжен-цзы, оставив тут 5 сотен и батарею для обеспечения своего тыла, с остальными 5-ю сотнями, проделав за сутки 130 км., влетел в Гирин. Этот бесподобный по скорости и внезапности налет произвел на китайцев, превеличивавших до крайности силы Ренненкампа, такое впечатление, что Гирин — второй по количеству населения и по значению город Маньчжурии — сдался, и большой гарнизон его сложил оружие. Горсть казаков Ренненкампа, затерянная среди массы китайцев, в течение нескольких дней, пока не подошли подкрепления, была в преоригинальном положении...

С генералом Ренненкампом во время пути мы были в постоянном общении: в частных беседах и во время докладов, которые кто-нибудь из нас делал на тему о театре войны, о тактике конницы, об японской армии. Ренненкамп делился с нами воспоминаниями о своем

походе, весьма скромно касаясь своего личного участия. Устраивали совместно и товарищеские пирушки в вагоне-ресторане, которые, как и впоследствии, в отряде ген. Ренненкампа, не выходили никогда из пределов воинской субординации.

Генерал присутствовал неизменно и на импровизированных «литературных вечерах», на которых ехавшие в нашем поезде три военных корреспондента читали свои статьи, посылаемые с дороги в газеты. Круг наших впечатлений от поездных разговоров, от бесед с чинами обгоняемых воинских эшелонов и от мелькавшей станционной жизни великого Сибирского пути был ограничен. Писали корреспонденты, в сущности, одно и то же, и нам известное. Но любопытен был индивидуальный подход их к темам.

Сотрудник, кажется, «Биржевых Ведомостей», в форме подпоручика запаса, писал вообще скучно и неинтересно. От «Нового Времени» ехал журналист и талантливый художник Кравченко. Нарисовал он прекрасный портрет Ренненкампа, щедро

наделял нас своими дорожными набросками и вообще пользовался среди пассажиров поезда большими симпатиями. Писал он свои корреспонденции интересно, тепло и необыкновенно правдиво. От «Русского Инвалида» — официальной газеты военного министерства — ехал подъесаул П. Н. Краснов. Это было первое знакомство мое с человеком, который впоследствии играл большую роль в истории Русской Смуты как командир корпуса, направленного на защиту Временного правительства, потом в качестве Донского атамана в первый период гражданской войны на Юге России; наконец — в эмиграции и в особенности в годы второй мировой войны как яркий представитель германофильского направления. Человек, с которым суждено мне было столкнуться впоследствии на путях противобольшевистской борьбы и государственного строительства.

Статьи Краснова были талантливы, но обладали одним свойством: каждый раз, когда жизненная правда приносилась в жертву «ведомствен-

ным» интересам и фантазии, Краснов, несколько конфузясь, прерывал на минуту чтение:

— Здесь, извините, господа, поэтический вымысел — для большего впечатления...

Этот элемент «поэтического вымысла», в ущерб правде, прошел затем красной нитью через всю жизнь Краснова — плодовитого писателя, написавшего десятки томов романов; прошел через сношения атамана с властью Юга России (1918-1919), через позднейшие повествования его о борьбе Дона и, что особенно трагично преступно, через «вдохновенные» призывы его к казачеству — идти под знамена Гитлера.

В поезде за двухнедельное путешествие мы все перезнакомились. И потом, по приказам и газетам, я следил за судьбой своих спутников.

Погиб адмирал Макаров и чины его штаба... 8 марта он прибыл в Порт-Артур, проявил кипучую деятельность, реорганизовал технически и тактически морскую оборону, а главное, поднял дух флота. Но жестокая судьба распорядилась иначе: 12-го апреля броненосец «Петропавловск», на котором держал свой флаг адмирал Макаров, от взрыва мины в течение 2-х минут пошел ко дну, похоронив надежду России.

Ген. Ренненкампф в позднейших боях был ранен, один из его штабных убит, двое ранено; Кравченко погиб в Порт-Артуре; большинство остальных было также перебито или переранено.

От редакции — С началом I мировой войны Ренненкампф командующий 1-й армией Северо-Западного фронта. В августе 1914 года 1-я армия нанесла поражение 8-й германской армии в битве при Гумбиннене. Однако из-за неверной оценки противника главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта генералом Жилинским победа под Гумбинненом не получила своего развития. Ренненкампф по приказу Жилинского повел наступление на Кёнигсберг, а не на соединение с 2-й армией генерала Самсонова. Это позволило германским войскам выйти из-под удара, перегруппи-

роваться и контратаковать, что послужило одной из главных причин последующего поражения 2-й армии в битве при Транненберге. После поражения 2-й армии Самсонова, 1-я армия перешла к обороне. Главнокомандующий фронтом не сумел оказать помощь 1-й армии. Ренненкампфу пришлось срочно отступить. Во время Лодзинской операции германской армии (ноябрь 1914 года) из-за ошибок и нерешительности нового командующего Северо-Западным фронтом генерала Рузского войскам 1-й армии не удалось остановить прорывающуюся из окружения германскую ударную группировку. В октябре 1915 года Ренненкампф был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией». Проведенное расследование выявило стратегические ошибки генерала Рузского в Лодзинской операции, но Ренненкампф не был возвращен в армию. После Февральской революции 1917 года Ренненкампф был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Освобожден большевиками после Октябрьской революции 1917 года. Уехал в Таганрог. Весной 1918 года при захвате города красными Ренненкампф был задержан. Главком красных войск Юга России Антонов-Овсеенко (Штык), допрашивая Ренненкампфа, заявил: «либо принимаете командование над нашей армией, либо будете расстреляны». На что генерал ответил: «чтобы спасти жизнь, а не стану изменником и не пойду против своих. Дайте мне хорошо вооруженную армию, и я с радостью пойду против немцев, но у вас нет такой армии». После отказа Ренненкампфа от сотрудничества с большевиками Антонов-Овсеенко приказал немедленно расстрелять генерала.

Поезд наш отмечен был печатью рока...

В Омске мы узнали, что командующим Маньчжурской армией назначен ген. Куропаткин. Это известие в общем произвело тогда благоприятное впечатление. Однако немногие, близко соприкасавшиеся с ним

по службе, относились отрицательно к его назначению и предсказывали дурной конец. Особенно резко отзывался о нем известный военный авторитет, ген. Драгомиров:

«Я, подобно Кассандре, — писал он, — часто говорил неприятные истины, вроде того, что предприятие, с виду заманчивое, успеха не сулит; что скрытая ловко бездарность для меня была явной тогда, когда о ней большинство еще не подозревало».

Но большинство провидцев стали таковыми только post factum. Над Куропаткиным веял еще ореол легендарного генерала Скобелева, у которого он был начальником штаба.

От редакции — Скобелев в свое время так оценил способности Куропаткина: «Помни, что ты хороши на вторые роли. Упаси тебя Бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решимости и твердости воли... Какой бы великолепный план ты ни разработал, ты никогда его не сумеешь довести до конца».

Ценилась работа Куропаткина по командованию войсками и управлению Закаспийской областью; наконец, и то обстоятельство, что к высоким постам он прошел, не имея никакой протекции, по личным заслугам. Широкие круги, и военные, и общественные, и большая часть прессы, при обсуждении кандидатур на командование армией, называли имя Куропаткина. В то время, перед самой войной, Куропаткин подавал в отставку и был в немилости. И если государь назначил командующим именно его, то только подчиняясь общественному настроению. Да и трудно сказать, на ком тогда мог остановиться его выбор. В армии пользовался большим авторитетом ген. М. И. Драгомиров, но он был уже серьезно болен... Вообще же на верхах русского командования в девятидесятых годах наблюдался серьезный кризис.

Итак, надо признать, что в выборе Куропаткина ошибся не только государь, но и Россия. ■

АЛЕКСАНДР ТЮРИН

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

При Николае I фактически началось массовое производство специалистов в области гуманитарного знания. Император делал расчет на то, что они будут возрождать русскую национальную культуру — во время от Петра Великого до начала 19 века та потерпела столь огромный ущерб, что еще немного и возрождать было бы нечего.

Сегодня трудно это представить, но спасать приходилось даже русский язык. Живой русский язык протопопа Аввакума и замечательный русский язык Пушкина и Гоголя были разделены более чем вековым языковым обмороком, когда для образованного класса родная речь стала практически чужой, применялась лишь для

отдания приказаний «туземцам» (унеси-принеси), была замусорена иноязычными лексическими и грамматическими формами. И вот этот обморок наконец закончился. Волшебные перья Пушкина и Гоголя вернули яркость российской словесности, а вместе с тем язык ожил и заиграл, вернулся в обиход образованного класса и был очищен от иноязычного сора. Ученые вспомнили о традиционной русской культуре, из задавленного состояния вышла церковь.

Но гуманитарную среду стали поражать «идейные эпидемии», одна за другой приходящие с Запада, как ранее приходила оттуда чума. Словно в чашке Петри, достаточно было одного-двух «микроорганизмов» и вот

уже вся поверхность питательного бульона покрыта свежей зеленой плесенью. Идеи французского просвещения сменялись идеями католического консерватизма и английского либерализма, вслед за тем идеями французского утопического социализма, а потом концепциями научного социализма Маркса и анархизма Прудона. Возбудитель эпидемии все время менялся, постоянным оставалось лихорадочное возбуждение, которое он вызывал во многих российских умах. Идеи, созданные на Западе из прагматических нужд, у нас обретали фанатический оттенок, превращались в суррогат религиозной веры и вызывали острое желание немедленно смести якобы установленные государ-

▲ Пушкин А. С.

▲ Гоголь Н. В.

ством препоны, дабы присоединиться к передовой Европе.

Специалисты в области гуманитарного знания обернулись интеллигенцией, которая в психологическом и организационном плане многое унаследовала от масонства и других тайных дворянских организаций. «Масоны и декабристы подготавливают появление русской интеллигенции XIX в., которую на западе плохо понимают, смешивая с тем, что там называют *intellectuels*», — определяет Бердяев.

«Мы мечтали о том, как начать новый союз по образцу декабристов», — свидетельствует Герцен об университетской атмосфере 1830-х, а уж его можно смело назвать отцом-основателем российской интеллигенции.

У интеллигенции была та же психологическая зависимость от абстрактных идей, как у масонов, такая же отделенность от темной массы, которую нужно «просвещать», которую нужно вести к счастью, но с которой не нужно сливаться. У интеллигенции сразу возникла своя система опознания «своей-чужой» — чем она также напоминала масонство.

Вне зависимости от того, ориентировалась ли интеллигенция на либеральные или социалистические проекты, сидела ли она сама в высших властных эшелонах или преимущественно со стопкой водки по трактирам, для нее все мерзости жизни объяснялось зловерностью «самодержавия», препятствующего воцарению правильных идей. И если государство (самодержавие) слито с русской церковью и русской нацией — они и создавались вместе — интеллигенция готова разрушить государство вместе с церковью и нацией.

Для западного *intellectual*, работающего в государственных учреждениях, исповедание антигосударственных взглядов — это в 19 веке нонсенс, для наших интеллигентов (среди которых 99 % получают жалование от правительства) — это норма.

Способствовало переходу нашей гуманитарной интеллигенции в разряд манихейской религиозной секты и то, что она создавалось как бы на вырост. Она количественно не со-

ответствовала уровню развития производительных сил, размерам производимого в стране прибавочного продукта. Отсюда такое количество «лишних людей», объясняющих свою неполную занятость (или полное безделье) несогласием с режимом. К примеру, суперактивный Виссарион Белинский был занят работой в журнале не более 5-7 дней в месяц, остальное время проводя в дружеских беседах и застольях.

Как бы компенсируя свою неполную занятость, интеллигенция присваивает себе функции морального судьи, «общественной совести», назначающей вину и меру ответственности царям, чиновникам, народу. Но при этом саму себя освобождая от каких-либо моральных норм. Она легко выносит приговоры и вскоре начинает приводить их в исполнение — взрывчатка и револьвер идут в ход уже в царствование Александра II.

Ключевский пишет, что русско-му интеллигенту даже не приходило в голову, что обстановку, которая так ему не нравится, «он может улучшить упорным трудом, чтобы приблизить ее к любимым идеям».

А Достоевский видит фундаментальную неспособность людей, набравшихся яда манихейских абстракций, послужить своей стране: «Тут главное, давнишний, старинный, старческий и исторический уже испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности... если разобрать все воззрения нашей европействующей интеллигенции, то ничего более враждебного здоровому, правильному и самостоятельному развитию русского народа нельзя и придумать.»

Фанатический ум «истинного интеллигента» утверждал неправильность русской жизни не только в настоящем, но и на всем ее протяжении, называя ее неисторической, выпадающей из мирового прогресса, и противопоставляя ее западной жизни, исторической и прогрессивной.

Для Чаадаева русские не живут жизнью человечества и по сей день, потому что держатся за свою рели-

▲ Николай I

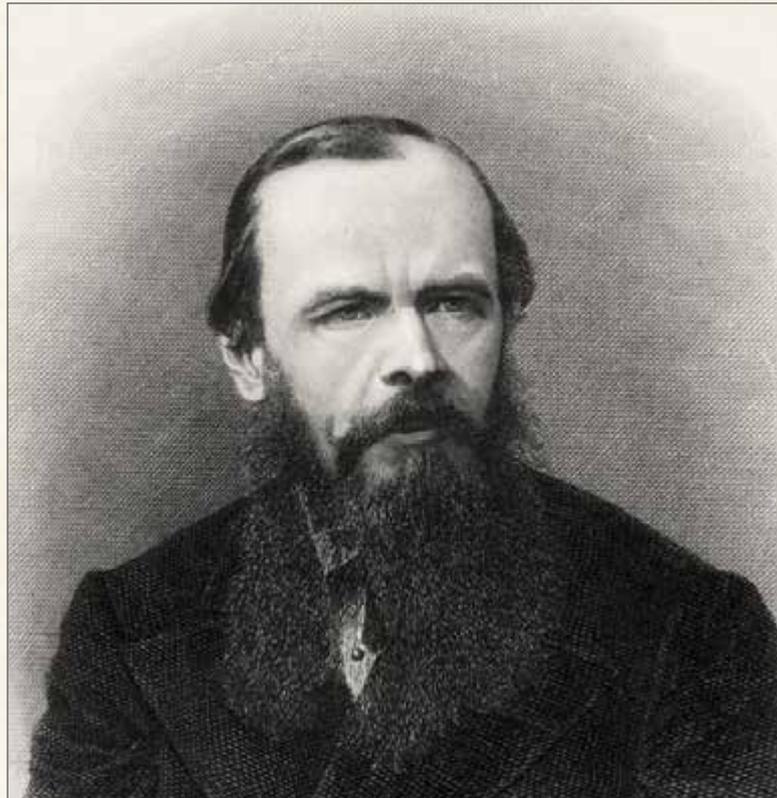
гию, отделяющую их от цивилизованного Запада. «С первой минуты нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды». «Мы, во всяком случае, составляем пробел в нравственном миропорядке». Как тут не вспомнить фразу одного известного генерала, что глупость — это особая форма ума.

Для Белинского русские люди до начала вестернизации был «народ, не живший жизнью человечества». Читая автора 17 века, Котошихина, Белинский поражается, как русские власти порют князя и боярина, как отнимают у них поместья и вотчин всего лишь за преступление, совершенное против мужиков. Поражается темноте и дикости России! Хотя надо было поражаться справедливости русского государства, поскольку в большинстве европейских стран того времени за грабеж и убийство мужиков никаких наказания людям высшего сословия не полагалось. Для Белинского телесное наказание — вообще какое-то специфически русское явление. Ему ничего неизвестно об унижительных

▲ Белинский Виссарион

▲ Достоевский Ф.М.

телесных наказаниях, которые существуют даже в современном ему западном мире, не говоря уже о Европе 17 века. Не «ложится» это в концепцию. И как же надо было в московском университете преподавать и изучать мировую историю?

А историю «передовых» стран студентам преподавали в парадном отутуженном виде, не вскрывая то, что находится за фасадом технических и социальных достижений. Популярнейший профессор истории Т. Грановский, к примеру, полностью находился под влиянием гегельянской философии, которая утверждала историчность только западных романо-германских наций, через которые проявляется мировой дух. Грановский говорил московским студентам о том, «какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации.»

Возможно, Белинский и слышал о том, как работает гильотина во Франции, бич и виселица в Англии, однако забывает это по одной уж причине, что французы и англича-

не — исторические народы и всё, что у них происходит, служит всемирному прогрессу.

При всем сочувствии к обиженным московским боярам, Белинский мог сообщить в июне 1841 г. своему приятелю Боткину: «Увы, друг мой, я теперь забился в одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего... Во мне развилась какая-то дикая, бешенная фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести... Я понял... кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я кажется, огнем и мечом истребил: бы остальную.»

В этом месте своей переписки с другом Белинскому следовало бы остановиться и принюхаться, не пахнет ли серой, не слышны ли из подпола слова: «Добро пожаловать в ад». В душе Белинского уже сидят бесы,

которые в итоге разрушат одну из самых устойчивых социальных систем в мире, выживавшую, возобновляющуюся и расширяющуюся на протяжении многих веков в самых неблагоприятных условиях.

Белинский испытывает художественную ненависть к Гоголю за то, что тот не разделяет интеллигентских взглядов на Европу и Россию.

«Невежество абсолютное. Что наблевал о Париже-то», — пишет Белинский, никогда не бывавший за границей, о парижских заметках Гоголя. Насколько это в стилистике нашей интеллигенции — фанатическое желание уничтожить любое мнение, противоречащее догматам ее веры, веры в Запад.

Рациональная часть писем Белинского к Гоголю показывают лишь ограниченного защитника догмы, что «Запад лучше России» и в полной красе демонстрирует агрессивно-послушное состояние сознания. Послушное по отношению к умозрительной картине Европы, агрессивное по отношению к своим мыслящим соотечественникам.

Белинский называет гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» «артистически рассчитанной подлостью», «плодом умственного расстройства», потому что усматривает в них «гимн властям предрержащим». Но, по существу, об умственном расстройстве стоило бы задуматься самому неистовому Виссариону, который без всяких затей признавался: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью.»

Гоголь не ученый, а художник, и поэтому лишь может обратить внимание Белинского на необходимость постижения не только манихейских схем, но и конкретных основ русской жизни: «И прежде, и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит». «Россия не Франция; элементы французские

— не русские. Ты позабыл даже своеобразность каждого народа и думаешь, что одни и те же события могут действовать одинаковым образом на каждый народ.»

Примечательно обращение Гоголя к Белинскому с предложением продолжить свое образование: «Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса. Вознаградите это чтением больших сочинений, а не современных брошюр, писанных разгоряченным умом, совращающим с прямого взгляда.»

Справедливости ради замечу, что трудно представить Белинского, продающего свое перо врагу. А вот для Герцена это уже возможно. Столь ценимый, как либеральными кругами, так революционерами, он тесно сотрудничал с людьми, которые по его же словам, ненавидели Россию и все русское «дико, безумно, несправимо», сливался с ними в борьбе против русского государства. Знакомство с Герценом водили чуть ли не все, кто желал нагадить России любыми средствами. Александр Иванович помогал им чем мог, видя в них, так или иначе, борцов за счастье русского народа. Среди друзей Герцена числятся конкретные головорезы, убивавшие русских солдат и похищавшие на Кавказе русских женщин и детей. Он был в курсе секретных диверсионных операций против России, организованных на английские деньги. Ненадежным людям таких сведений не доверяют. Иногда Герцен совсем уж напоминает координатора антироссийской подрывной деятельности — это видно даже из тщательно отшлифованных воспоминаний «Былое и думы». Надо полагать, на бумаге Герцен вспомнил о своей работе далеко не все. Однако надо быть незнайкой-либералом, что бы не заметить, как много сказал «Искандер» в своих знаменитых мемуарах, как в строках, так и между.

Удивительно, но в Герцене стальное закаленное желание

уничтожить российское государство сочетались с полной переменчивостью идеологических взглядов.

Под воздействием страшных сцен парижской бойни июня 1848 г., он менял свои убеждения с либеральных западных на социалистические, тоже западные.

Русскую общину, о существовании которой Герцен узнал из труда Гакстаузена «Этюды о России», он стал соединять с сен-симонистским фаланстером. Во взглядах Герцена на социализм было мало понимания реальностей русской общины, исторических и современных. С Герцена начинается любопытный футуристический квазипатриотизм, согласно которому можно использовать русских, «свежее девственное племя», как кирпичи для построения какой-нибудь социальной идиллии на благо всего человечества. Герцен разбудил не только Троцкого со товарищи, но и многих других строителей утопии на русской земле, включая гайдаровских мальчиков.

Переход Герцена к социалистической идеологии Достоевский оценивает не как истинное страдание за народ, а лишь как чрезвычайную отзывчивость к отвлеченным идеям, проистекающей из внутренней пустоты.

«Разумеется, Герцен должен был стать социалистом и именно как русский барин, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только «логического течения идей» и от сердечной пустоты на родине. Он отрекся от основ прежнего общества; отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции, и подстрекал к ним других, и в то же время любил комфорт и семейный покой.... Всегда, везде и во всю свою жизнь, он, прежде всего был gentil homme Russe et Citoyen du Monde (русский барин и гражданин мира), был попросту продукт прежнего крепостничества, которое он ненавидел и из которого произошел, не по отцу только, а именно через разрыв с род-

▲ Грановский

▲ Герцен А.

ной землей и с ее идеалами.»

В Лондоне Герцен уже не был таким чувствительным, как в Париже; по поводу горестного положения ирландцев, пострадавших от английской «свободы», дипломатично молчал.

На британских островах появляется и бывший доцент московского университета Печорин, который принял католицизм и написал из идеалистических соображений:

*Как сладостно отчизну ненавидеть,
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья.*

Однако, в отличие от Герцена, Печорин был все-таки человеком с христианской совестью, поэтому пытался

как-то помогать своим новым собратьям по вере, несчастным католикам-ирландцам.

А великое сердце Герцена (чья фамилия означает «сердечный») никогда не беспокоится по поводу тех вопросов, которые могут вызвать раздражение британских властей.

Тщетно искать в его произведениях отклики на современные ему события британской жизни: ирландский голод, бессовестную опиумную войну, кровавое подавление индийского восстания, подневольный труд на колониальных плантациях, уничтожение австралийских аборигенов, работные дома-морильни, ночлежки и пролетарские трущобы Лондона. На тему телесного наказания моряков Герцен писал обличительные письма

редким русским капитанам, заходящим в Лондон, а вовсе не английским флотоводцам.

Переживает великое сердце только за тех, кого якобы погубило «самодержавие». Причем в число «погубленных» Герцен для кучности записывает почти что всех русских литераторов. (Военачальники любят сочинять число убитых врагов, интеллигенты — число убитых соратников). Демонстрируя особый сорт правдивости, Герцен усердно кропает мартирологи светлых личностей, якобы истребленных безжалостным тираном Николаем. Сюда попадает и Рылеев, повешенный бы судом любой страны того времени — за вооруженный путч. И Грибоедов, погибший на посту российского посла от рук персидской черни, за которой стояли английские агенты. И Лермонтов, попавший на Кавказа за запрещенную дуэль и погибший там на очередной дуэли. («Жаль, что тот, который мог нам заменить Пушкина, убит», — таковы были слова Николая о погибшем поэте.) И рано умерший от болезни Веневитинов, и нелюбимый в своей семье (но отнюдь не императором) Кольцов. И умерший от чахотки Белинский, отнюдь не страдавший от нищеты, имевший и прислугу, и хорошую квартиру.

Во годы Восточной войны Герцен — настоящий британский агент 007, деятельный участник информационно-психологической войны против России. Он печатает подложные письма к русскому народу, за подписями Пугачева и св. Кондратия, с помощью польских боевиков распространяя их среди находящих в Польше русских войск.

19 июня 1854 года Герцен пишет итальянскому революционеру А. Саффи: «Для меня, как для русского, дела идут хорошо, и я уже (предвижу) падение этого зверя Николая. Если бы взять Крым, ему пришел бы конец, а я со своей типографией переехал бы в английский город Одессу.. Превосходно». Как «русский» Герцен хочет переехать со своей пропагандной фабричкой в английскую Одессу. Зававно.

Кстати, радости, схожие с гер-

ценовскими, испытывали и многие российские интеллигенты, оставшиеся в Петербурге и Москве. «Когда в Петербурге сделалось известным, что нас разбили под Черной, я встретил Пекарского, тогда он еще не был академиком. Пекарский шел, опустив голову, выглядывая исподлобья и с подавленным и худо скрытым довольством; вообще он имел вид заговорщика, уверенного в успехе, но в глазах его светилась худо скрытая радость. Заметив меня Пекарский зашагал крупнее, пожал мне руку и шепнул таинственно в самое ухо: «Нас разбили».

В тесной антироссийской связи Герцен и польские националисты находились также в 1860-е гг., когда Николая уже не было, а на русском троне сидел либерал и реформатор Александр II. В это время Герцен не только помогает очередной попытке польской шляхты восстановить Польшу в границах 1772 г., но даже пробует организовать восстание на Волге, чтобы за польские интересы подставить глупых русских демократов под пули.

Как написал Достоевский в «Дневнике Писателя»: «Герцен не эмигрировал, не полагал начала русской эмиграции; — нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их и не выезжало из России. В полтора-два года предыдущей жизни русского барства, за весьма малыми исключениями, истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и русской правдой. Герцену, как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа они естественно потеряли и Бога...»

В. Розанов менее Достоевского склонен прощать Герцена: «Герцен напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это «политика» и «история»... Именно, он есть основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) «я страдаю», и 2) когда это доказа-

но — мели, какой угодно, вздор, это будет «политика».»

Другим властителем дум русской интеллигенции стал такой деятельный персонаж как М. Бакунин. Изрекая «Страсть к разрушению есть в то же время творческая страсть», он стремится претворить эту концепцию в жизнь. Убоявшись русского городского, Бакунин уезжает за границу. Повсю играет там со своей «страстью» во время революции 1848 г., и за «творчество» приговорен в Пруссии и Австрии к смертной казни. Полгода Бакунин сидит в западной темнице на цепи, ожидая палача. Однако австрийцы выдали его как русского подданного царю Николаю. Никакая казнь в России кровожадному революционеру уже не угрожала, напротив император назвал его «умным и хорошим малым». После недолгого пребывания в крепости во вполне сносных условиях Бакунин помилован и отправлен в Сибирь. Не в глубину сибирских руд, а на вольное житье. Там он женится, занимается откупным бизнесом, занимает кучу денег и при удобном случае дает деру в Европу.

Хитроумный Герцен научил Бакунина не обострять отношений с западными властями, ограничив применение своего «дикого-разрушительного воодушевления» российским направлением.

Ни капли не боялись польские шляхтичи и английские лорды бакунинского анархизма, знали прекрасно, что не против них, лордов и шляхтичей, эта дикость.

Чтобы никто из западных друзей не заподозрил в нем нормального русского человека, Бакунин кается перед ними в грехах России, бьет себя шпорой в грудь, участвует в польской вооруженной экспедиции, снаряженной на английские деньги. Затем с задушевной простотой маньяка объясняет предательство: «Между большинством польских деятелей, и именно той польской шляхетско-католической партией, которой журналика наша приписывает наибольшее влияние на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цель: это ненависть ко Всероссийскому госу-

дарству и твердая воля способствовать всеми возможными средствами наискорейшему разрушению его. Вот в чем мы сходимся.» Очевидно, Бакунин считал, что если он расходится с шляхтичами в музыкальных и гастрономических пристрастиях, то это демонстрирует огромное между ними расхождение.

Бакунин успел увидеть новую поросль интеллигентных манихеев и вместе с небезызвестным политкиллером С. Нечаевым (которого отразил Достоевский в романе «Бесы») написал «Катехизис революционера».

«Он (революционер) знает только одну науку — науку разрушения... Революционер не должен останавливаться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащему к этому миру... Все и вся должны быть ему ненавистны. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий: первая категория неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен список таких осужденных, по порядку их относительной зловерности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих».

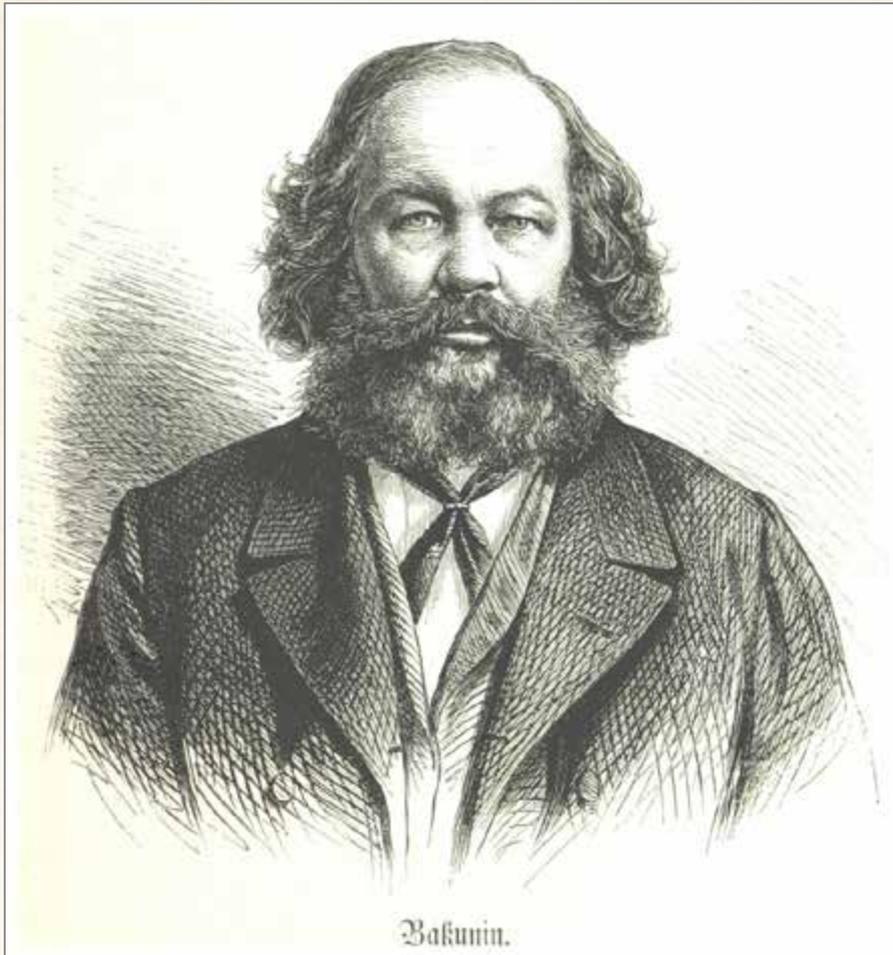
Тайна и безжалостность создавали ореол мрачного романтизма вокруг этого сочинения в России — хотя конечно надо было спросить мнения психиатров.

«Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашаемся, что форма, в которой должна проявляться эта деятельность, — яд, кинжал, петля и тому подобное.»

Бакунин и его товарищи сильно любят русский народ. Однако если народ не может отделить себя от этого «поганого общества» (а как отделить, если росли они вместе, как кора и древесина одного дерева), тем хуже для народа.

В нормальной обществе такие как Бакунин сидят в психушке, дабы не обратились они в Чикатило. Томился бы Бакунин в Бедламе, если бы ушлые англичане не распознали своевременно (а может быть им об этом Герцен прямо сказал), что маньяк этот

▲ Михаил Бакунин

для Англии безвредный и зачем расходоваться на оплату его лечения.

А в России, вместо того, чтобы плюнуть на катехизированную гадость и перекреститься, тысячи интеллигентов, подготовленных трудами Белинского и Герцена, охотно берутся ее читать.

У антигосударственных сил тогда не было никакой социальной опоры в широких общественных слоях, ни у крестьян, ни у рабочих, она держалась только на интеллигенции, но последняя заведовала общественной атмосферой. Интеллигентные манихеи, «повинуясь старому преданию верить в примеры Европы, продолжали свое губительное дело на всех поприщах жизни нашей и по всем ведомствам, так сказать, нашей государственности, в делах церковных, в войске, в школах (особенно низших), в судах и журналистике.»

До первой волны террора оставалось всего одно поколение.

Русские революционеры начнут впитывать и неприязнь Маркса к России. А ведь ненависть к Российской империи у основоположника — это вовсе не ненависть к русскому капитализму, совсем наоборот. Маркс ненавидит Россию как недостаточно капиталистическую страну, тормозящую развитие капиталистических отношений в Европе, как аномалию, способную воспрепятствовать смене общественных формаций. Российские ученики Маркса хотят крушения Российского государства не как коммунисты и не как противники капитализма, а как европоцентристы, презирующие историческую Россию. Либералы и марксисты легко обмениваются информационными конструкциями, вместе ненавидят русское прошлое и настоящее, царя и даже славянофилов. Вместе они

приписывают «царскому самодержавию» грехи дворянской вольности и дикого капитализма. По принципу матрешки российский марксизм надевается на российский либерализм, но под либерализмом-то спрятаны антигосударственные интересы сырьевой олигархии.

В 1917 духовные наследники декабристов, герценов, бакуниных, уничтожив русское государство («самодержавие, православие и народность»), начнут использовать весь русский народ как сырье для мирового прогресса. Но уже в конце 1930-х гг. строители нового советского государства станут избавляться от декабристов, герценов, бакуниных, как от бешеных собак. (Как часто советские государственники волей-неволей будут обращаться к наследию Николая I, только это произойдет в беспощадных формах стремительного 20 века.)

А в конце этого столетия русско-советское государство опять попадет под удар чистых марксистов, революционных демократов и истинных либералов. Новое поколение декабристов, герценов, бакуниных снова приведет к власти антинациональную сырьевую олигархию, только уже газо-нефтяную...

Вплоть до сего дня имя Бакунина присутствует в западных и российских книгах, специализирующихся вовсе не на теме психопатологий, а на теме российского революционного движения. В некоторых энциклопедических статьях, посвященных времени Николая I, Бакунину выделяется несуразно большой объем текста, видимо, чтобы доказать жестокость тирана.

Для справки. При «жестоком тиране» в Петропавловской крепости сидел часто один арестант, но не более 5-8. Во всей царской России, в 1844 году, согласно данным проф. Гернета, в тюрьмах содержалось 56 тыс. арестантов — при населении в 60 млн человек. (Для сравнения, в современной России при населении в 142 млн сидит около 570 тыс. чел., в США при населении в 300 млн около 3 млн чел.) ■

С.И. АЛЛИЛУЕВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

▲ Сталин с детьми — Василием и Светланой

Э то были тогда страшные дни. Ощущение, что что-то привычное, устойчивое и прочное сдвинулось, пошатнулось, началось для меня с того момента, когда 2-го марта меня разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что «Маленков просит приехать на Ближнюю». (Ближней называлась дача

отца в Кунцево, в отличие от других, дальних дач). Это было уже невероятно — чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я приехала туда со странным чувством смятения.

Когда мы въезжали в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин, я решила, что всё кончено...

Я вышла, они взяли меня под руки. Лица обоих были заплаканы. «Идем в дом, — сказали они, — там Берия и Маленков тебе всё расскажут».

В доме, — уже в передней, — было всё не как обычно; вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суетился. Когда мне сказали, наконец, что у отца был ночью удар и что он без сознания —

я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет.

Мне рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Там он сейчас, там врачи, — ты можешь идти туда.

Я слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно — что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, — просто я видела, что всё вокруг, весь этот дом, всё уже умирает у меня в глазах. И все три дня, проведенные там, я только это одно и видела, и мне было ясно, что иного исхода быть не может.

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг.

Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Всё делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы ещё предпринять. В соседнем небольшом зале беспрерывно совещался какой-то ещё медицинский совет, тоже решавший как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из какого-то НИИ, и с ней молодых специалистов, — кроме них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я её видела?.. Мы кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь,

в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, — это чувствовали все — и вели себя подобающим образом.

Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распирающих его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда всё уже кончилось, Берия вдруг заме-

▲ Большой зал

▲ У гроба Сталина — Булганин, Ворошилов, Василий, Светлана, Тимошенко, Берия, Маленков

тил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда всё было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталеv! Машину!».

Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца — которого вообще-то трудно было обмануть. Многие из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца и посмеивался при этом в кулак, — для меня несомненно. И это понимали все «наверху»...

Сейчас все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не я одна, — многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека.

Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный; речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня, — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку, — больше мне уже ничего не оставалось.

Как странно, в эти дни болезни, в те часы, когда передо мной лежало уже лишь тело, а душа отлетела от него, в последние дни прощания в Колонном зале, — я любила отца сильнее и нежнее, чем за всю свою жизнь. Он был очень далеко от меня, от нас, детей, от всех своих ближних. На стенах комнат у него на даче в последние годы появились огромные, увеличенные фото детей, — мальчик на лыжах, мальчик у цветущей вишни, — а пятерых из своих восьми внуков он так и не удосужился ни разу повидать. И все-таки его любили, — и любят сейчас, эти внуки, не выдавшие его никогда. А в те дни, когда он успокоился, наконец, на своем одре и лицо стало красивым и спокойным, я чувствовала, как сердце мое разрывается от печали и от любви.

▲ Покойный Сталин

Такого сильного наплыва чувств, столь противоречивых и столь сильных, я не испытывала ни раньше, ни после. Когда в Колонном зале я стояла почти все дни (я буквально стояла, потому что сколько меня ни заставляли сесть и ни подсовывали мне стул, я не могла сидеть, я могла только стоять при том, что происходило), окаменевшая, без слов; я понимала, что наступило некое освобождение. Я еще не знала и не осознавала — какое, в чем оно выразится, но я понимала, что это — освобождение для всех, и для меня тоже, от какого-то гнета, давившего все души, сердца и умы единой, общей глыбой. И вместе с тем я смотрела в красивое лицо, спокойное и даже печальное, слушала траурную музыку (старинную грузинскую колыбельную народную песню с выразительной, грустной мелодией), и меня всю раздирало от печали. Я чувствовала, что я — никуда не годная дочь, что я никогда не была хорошей дочерью, что я жила в доме как чужой человек, что я ничем не помогала этой одинокой душе, этому старому, больному, всеми отринутому и оди-

нокому на своем Олимпе человеку, который все-таки мой отец, который любил меня, — как умел и как мог, — и которому я обязана не одним лишь злом, но и добром...

Я ничего не ела все те дни, я не могла плакать, меня сдавило каменное спокойствие и каменная печаль.

Отец умирал страшно и трудно. И это была первая — и единственная пока что — смерть, которую я видела. Бог дает легкую смерть праведникам...

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задышался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю,

так ли на самом деле, но так казалось — очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Я думала, что сама задохнусь, я впились руками в стоящую возле молодую знакомую докторшу, — она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все

стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут, — не знаю сколько, — кажется, что долго.

Потом члены правительства устремились к выходу, — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...

Все они (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком) суеились тут все эти дни, старались помочь и, вместе с тем, страшились — чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединявшего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытывали и знали многие, — и те, кто теперь делает вид,

что никогда этого не испытывал, и те, кто не делает подобного вида.

Все разошлись. Осталось на одре тело, которое должно было лежать здесь еще несколько часов, — таков порядок. Остались в зале Н. А. Булганин и А. И. Микоян, осталась я, сидя на диване У противоположной стены. Погасили половину всех огней, ушли врачи. Осталась только медсестра, старая сиделка, знакомая мне давно по кремлевской больнице. Она тихо прибирала что-то на огромном обеденном столе, стоявшем в середине зала.

Это был зал, где собирались большие застолья и где съезжался узкий крут Политбюро. За этим столом — за обедом или ужином — решались и вершились дела. «Приехать обедать» к отцу — это и означало приехать решить какой-то вопрос. Пол был устлан колоссальным ковром. По стенам стояли кресла и диваны; в углу был камин, отец всегда любил зимой огонь. В другом углу была радиолка с пластинками, у отца была хорошая коллекция народных песен, — русских, грузинских, украин-

ских. Иной музыки он не признавал. В этой комнате прошли все последние годы, почти двадцать лет. Она сейчас просталась со своим хозяином.

Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники, — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама «плача». А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не могла, а все смотрела, оторваться не могла.

Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен

▲ Похороны Сталина

▲ Траурное шествие к мавзолею

в быту, — наоборот, он был неприятен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного, — конечно, в рамках своего кругозора, — но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем.

Поздно ночью, — или, вернее, под утро уже, — приехали, чтобы

увезти тело на вскрытие. Тут меня начала колотить какая-то нервная дрожь, — ну, хоть бы слезы, хоть бы заплакать. Нет, колотит только. Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела отца нагим, — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское. И меня охватила, кольнула ножом в сердце странная боль — и я ощутила и поняла, что значит быть «плоть от плоти». И поняла я, что перестало жить и дышать тело, от которого дарована мне жизнь, и вот я буду жить еще и жить на этой земле...

...Так вот, тогда — в Кунцеве, на Ближней, бывало много народу, и было весело...

...Отец жил всегда внизу и, по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого

не было больше. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами в одном из отделений. Лекарства отец выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз-два в год смотрел его. В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые отец признавал и любил. Все прочие комнаты, некогда спланированные Мержановым в качестве кабинета, спальни, столовой, были преобразованы по такому же плану, как и эта. Иногда отец перемещался в какую-либо из этих комнат и переносил туда свой привычный быт.

Почти каждый день (в последние годы, после войны) к нему съезжалось «обедать» все Политбюро. Обедали в большом зале, тут же принимали приезжих гостей. Я бывала там редко и видела в этом зале только Иосипа Броз Тито в 1946 году, но в этом зале побывали, наверное, все руководители братских ком-

партий — англичане, американцы, французы и итальянцы. В этом зале отец лежал в марте 1953 года, и один из диванов возле стены стал его смертным одром...

...Что было приятно в этом доме, это его чудесные террасы со всех сторон и чудный сад. С весны до осени отец проводил дни на этих террасах. Одна была застеклена со всех сторон, Две — открытые, с крышей и без крыши. Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад; сюда же в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, пристроенная в последние годы.

Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопаты, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выгляды-

вали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда в руки садовые ножницы и подстригал сухие ветки, — это была его единственная работа в саду. Но повсюду в саду, в лесу (тоже прибранном, выкошенном, как в лесопарке) там и сям были разные беседки, с крышей, без крыши, а то просто дощатый настил на земле и на нем столик, плетеная лежанка, шезлонг, — отец все бродил по саду и, казалось, искал себе уютного, спокойного места, — искал и не находил... Летом он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай. Это тоже была его «роскошь», как он ее понимал и желал, и в этом проявлялся его здоровый вкус к жизни, его неистребимая любовь к природе, к земле, а также его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить...

Когда я была у него здесь последний раз, за два месяца до болезни и смерти, я была неприятно пора-

жена: на стенах комнат и зала были развешаны увеличенные фотографии детей — кажется, из журналов: мальчик на лыжах, девочка поит козленка из рожка молоком, дети под вишней, еще что-то... В большом зале появилась целая галерея рисунков (репродукций, не подлинников) художника Яр-Кравченко, изображавших советских писателей: тут были Горький, Шолохов, не помню, кто еще. Тут же висела, в рамке, под стеклом, репродукция репинского «Ответа запорожцев султану», — отец обожал эту вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа... Повыше на стене висел портрет Ленина, тоже не из самых удачных. Все это было для меня абсолютно непривычно и странно — отец вообще никогда не любил картин и фотографий. Только в квартире нашей в Москве, после маминной смерти, висели ее огромные фотографии в столовой и у отца в кабинете. Но так как он не жил в квартире, то и это тоже не выражало, по существу, ничего...

▲ На даче в Кунцево

▲ Ближняя дача

...Но у нас был когда-то и другой дом... Дом этот назывался «Зубалово», по имени его старого, дореволюционного владельца, и находится он сейчас от меня здесь в двух километрах, недалеко от станции Усово.

Там мои родители жили с 1919 года по 1932-й, до маминой смерти...

...Отец ...пел, у него был отличный слух и высокий, чистый голос (а говорил он, наоборот, почему-то глуховатым и низким негромким голосом). Не знаю, пела ли мама или нет, но, говорят, что в очень редких случаях она могла плавно и красиво танцевать лезгинку. Вообще же грузинское не культивировалось у нас в доме, — отец совершенно обрусел.

Да и вообще, в те годы «национальный вопрос» как-то не волновал людей, — больше интересовались общечеловеческими качествами. Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Мне было лет 6, и я не знала, что это такое — быть грузином, и он пояснил: «Они ходили в черкесках и резали всех кинжа-

лами». Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято — без этого грузинам невозможно! — привозили с собою щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно, причем вина падала на «русскую жену» — маму... А мама сама выросла и родилась на Кавказе и любила Грузию, и знала ее прекрасно, но, действительно, в те времена как-то не поощрялась вся эта «щедрость» за казенный счет...

В доме у нас, в кремлевской квартире, хозяйствовала экономка, найденная мамой — Каролина Васильевна Тиль, из рижских немок. Это была милейшая старая женщина, со старинной прической кверху, в гребенках, с шиньоном на темени, чистенькая, опрятная, очень добрая. Мама доверяла ей весь наш скромный бюджет, она следила за столом взрослых и детей и вообще вела дом. Я говорю, конечно, о том времени, которое сама помню, то есть

примерно о 1929–1933 годах, когда у нас в доме был, наконец, создан мамой некоторый порядок, в пределах тех скромных лимитов, которые разрешались в те годы партийным работникам. До этих лет мама вообще сама вела хозяйство, получала какие-то пайки и карточки, и ни о какой прислуге не могло быть и речи. Во всяком случае, важно то, что в доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома, и никаких признаков присутствия в доме чекистов, охраны тогда еще не было. Единственный «охранявший» ездил только с отцом в машине и к дому никакого отношения не имел, да и не подпускался близко.

Примерно так же жила тогда вся «советская верхушка». К роскоши, к приобретательству никто не стремился. Стремилась дать образование детям, нанимали хороших гувернанток и немок («от старого времени»), а жены все работали, старались побольше читать. В моду только входил спорт — играли в теннис, заводили теннисные и крокетные площадки на дачах. Женщины не увлекались

тряпками и косметикой, — они были и без этого красивы и привлекательны.

Летом родители, по какой-то своей, установившейся традиции, ездили отдыхать в Сочи. В 1930-м или 1931-м году впервые взяли и меня. Тогда останавливались в маленькой дачке недалеко от Мацесты, где отец принимал ванны от ревматизма, — только после маминой смерти начали строить еще несколько дач специально для отца. Мама моя не успела вкусить позднейшей роскоши из неограниченных казенных средств — все это пришло после ее смерти, когда дом стал на казенную ногу, военизировался, и хозяйство стали вести оперуполномоченные от МГБ. При маме жизнь выглядела нормально и скромно...

...Во всей нашей семье Грузия жила как родина. Для всех, — для ба-

бушки с бабушкой, для мамы, Грузия, с ее солнечным изобилием, с ее горячими чувствами, с ее изяществом, врожденным у князей и крестьян, — этот необыкновенный край, воспетый русскими поэтами, жил в нашем доме совсем не потому, что это была родина отца. Как раз он сам, быть может, меньше всех ею восхищался; он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог «феодалных почестей», оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию, лишь когда постарел...

...Но сегодня я больше не в состоянии писать о прошедшем. Сегодняшняя жизнь, кипящая, сверкающая вокруг, вдруг обступила меня со всех сторон, и не дает больше погружаться в прошедшие дни и уводит меня куда-то в сторону...

Мой сын поехал в Москву — у него урок физики, он готовится держать экзамены в медицинский институт.

Странно, мой отец, из своих восьми внуков, знал и видел только троих — моих детей и дочь Яши. И хотя он был незаслуженно холоден всегда к Яше, его дочь Гуля вызывала в нем неподдельную нежность. И еще странней — мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) — вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой. Мальчику было около 3-х лет, он был прехорошенький ребенок — не то грек, не то грузин, с большими семитскими глазами в длинных ресницах. Мне казалось неизбежным, что ребенок

▲ Светлана, Киров, Сталин

должен вызвать у деда неприятное чувство — но я ничего не понимала в логике сердца. Отец растаял, увидев мальчика. Это было в один из его редких приездов после войны в обезлюдевшее, неузнаваемо тихое Зубалово, где жили тогда всего лишь мой сын и две няни — его и моя, уже старая и больная. Я заканчивала последний курс университета и жила

в Москве, а мальчик рос под «моей» традиционной сосной и под опекой двух нежных старух. Отец поиграл с ним полчаса, побродил вокруг дома (вернее — обежал вокруг него, потому что ходил он до последнего дня быстрой, легкой походкой) и уехал. Я осталась «переживать» и «переваривать» происшедшее — я была на седьмом небе. При его лаконич-

ности, слова: «Сынок у тебя — хорош! Глаза хорошие у него», — равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека. Я поняла, что плохо понимала жизнь, полную неожиданностей. Отец видел Оську еще два раза — последний раз за четыре месяца до смерти, когда малышу было семь лет и он уже ходил в школу. «Какие вдумчивые глаза! — сказал отец. — Умный мальчик!» — и опять я была счастлива...

...Мама была, конечно, — несмотря на смещение кровей — настоящей русской по своему воспитанию и характеру, по своей натуре. Отец любил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно любил бы все русское. Еще в Сибири отец любил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь...

...Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно — моими «секретарями», или «секретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны. В тон его юмору я писала «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г.

Тов. И. В. Сталину, секретарю №1.

Приказ №4

Приказываю тебе взять меня с собой.

Подпись: Сетанка-хозяйка.

Печать

Подпись секретаря №1:

Покоряюсь. И. Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила. Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово» — 10 мая 1934 года. Или:

▲ Сталин со Светланой

▲ Аллилуева Светлана

«Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» — 28 октября 1934 года.

Отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Согласен» или «Будет исполнено».

И так как отец все требовал новых «приказов», а мне это уже надоело, то однажды я написала так: «Приказываю тебе позволить мне писать приказ один раз в шестидневку» — 26 февраля 1937 года.

Став чуть постарше, я несколько разнообразила эти требования:

«Папа!! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка» — 15 декабря 1938 года.

Потом, не дождавшись позднего прихода отца домой, я оставляла ему на столе возле прибора послание:

«Дорогой мой папочка!

Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься.

Можете обедать, пить (не очень), беседовать.

Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор.

В заключение целую папочку крепко-крепко и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка.

На этом послании от 11 октября 1940 года отец начертил: «Моей

воробушке. Читал с удовольствием. Папочка».

И, наконец, последнее подобное шуточное послание — в мае 1941 года, на пороге войны:

«Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично!». Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет. Хозяйка».

И «резолуция» сверху на этом: «Приветствуем нашу хозяйку! За секретаришек — папка И. Сталин».

Вскоре началась война, и всем было не до шуток, не до игр. Но прозвище «Сетанка-хозяйка» долго еще оставалось за мной, и все участники этой игры долго потом называли меня, уже взрослую, «хозяйкой» и вспоминали про эти детские «приказы».

Когда началась война, мне было пятнадцать лет. Осенью 1941 года нас отправили в Куйбышев, — я должна была там окончить девятый класс. В те годы — 1942–43—произошли события, навсегда разъединившие нас с отцом, — мы стали относиться друг к другу отчужденно. Но его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Он мало с кем был так нежен, как со мной, — должно быть, когда-то он очень любил маму. Еще любил он и уважал свою мать. Он говорил, что она была умной женщиной. Он имел в виду ее душевные качества, а не образование, — она едва умела нацарапать свое имя. Он рассказывал иногда, как она колотила его, когда он был маленьким, как колотила и его отца, любившего выпить. Характер у нее был, очевидно, строгий и решительный, и это восхищало отца. Она рано овдовела и стала еще суровее. У нее было много детей, но все умерли в раннем детстве, — только отец мой выжил. Она была очень набожна и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она осталась религиозной до последних своих дней и, когда отец навестил ее, незадолго до ее смерти, сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священ-

ником»... Он повторял эти ее слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг — к земной славе, к суете...

Она так и не захотела покинуть Грузию и приехать жить в Москву, хотя отец звал ее, и мама тоже. Ей был не нужен столичный уклад жизни, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи. Умерла она в 1936 году около восьмидесяти лет. Отец очень огорчился и часто говорил о ней позже.

Но он был плохим, невнимательным сыном, как и отцом, и мужем... Все его существо целиком было посвящено другому, — политике, борьбе, — поэтому чужие люди всегда были для него важнее и значительнее близких.

Отец обычно не допекал меня нотациями или какими-нибудь нудными придирками. Его родительское руководство было самым общим — хорошо учиться, больше бывать на воздухе, никакой роскоши, никакого баловства. Иногда он проявлял по отношению ко мне какие-то самодурские причуды. Однажды, когда мне было лет десять, в Сочи отец, поглядев на меня (я была довольно «крупным ребенком»), вдруг сказал: «Ты что это голая ходишь?» Я не понимала, в чем дело. «Вот,

вот!» — указал он на длину моего платья — оно было выше колен, как и полагалось в моем возрасте. «Черт знает что! — сердился отец. — «А это что такое?» Мои детские трусики тоже его разозлили. «Безобразие! Физкультурницы! — раздражался он все больше. — Ходят все голые!» Затем он отправился в свою комнату и вынес оттуда две своих нижних рубашки из батиста. «Идем!» — сказал он мне. «Вот, няня, — сказал он моей няне, на лице которой не отразилось удивления, — вот, сшейте ей сами шаровары, чтобы закрывали колени; а платье должно быть ниже колен!» — «Да, да!» — с готовностью ответила моя няня, вовек не спорившая со своими хозяевами. — «Папа! — взмолилась я. — Да ведь так сейчас никто не носит!»

Но это был для него совсем не резон... И мне сшили дурацкие длинные шаровары и длинное платье, закрывавшее колени — и все это я надевала только идя к отцу. Потом я постепенно укорачивала платье, — он не замечал, потому что ему было уже совсем не до того. И вскоре я вернулась к обычной одежде...

Но он не раз еще доводил меня до слез придирками к моей одежде: то вдруг ругал, почему я ношу летом

носки, а не чулки, — «ходишь опять с голыми ногами!». То требовал, чтобы платье было не в талию, а широким балахоном. То сдирал с моей головы берет — «Что это за блин? Не можешь завести себе шляпы получше?» И сколько я ни уверяла, что все девочки носят береты, он был неумолим, пока это не проходило у него и он не забывал сам.

Позже я узнала от Александры Николаевны Накашидзе, что старики в Грузии не переносят коротких платьев, коротких рукавов и носков. Даже став взрослой, идя к отцу, я всегда должна была думать, не слишком ли ярко я одета, так как неминуемо получила бы от него замечание. «На кого ты похожа?!» — произносил он иногда, не стесняясь присутствующих. Быть может его раздражало, что я не походила внешне на маму, а долго оставалась неуклюжим подростком «спортивного типа». Чего-то ему во мне не хватало, в моей внешности. А вскоре и внутренний мой мир начал его раздражать.

Когда началась война, прекратились и эти редкие встречи с отцом, и для нас с ним настало полное отчуждение. А после войны мы не сблизились снова. Я выросла, и мои детские игры и забавы, раз-

▲ План дома

▲ Сталин и Черчилль

влекавшие отца, остались в далеком прошлом...

...Когда в 1941 разразилась война, старший брат мой Яша отправился на фронт уже 23 июня, вместе со своей батареей, вместе со всем выпуском своей академии. Они только что закончили академию, как раз к началу войны.

Он не сделал попытки использовать какую-нибудь, хоть самую малейшую возможность избежать опасности — хотя бы поехать не в самое пекло (в Белоруссию), или, может быть, отправиться куда-нибудь в тыл, или остаться где-нибудь при штабе.

Подобное поведение было исключено для него всем его характером, всем укладом его честной, порядочной и строгой жизни. И так как отец относился к нему незаслуженно холодно — а это было всем извест-

но, — то никто из высших военных чинов не стал оказывать ему протекцию, зная, что это встретило бы только ярость отца.

...Жизнь в Зубалове была в ту зиму 1942 и 1943 года необычной и неприятной... В дом вошел неведомый ему до этой поры дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья-летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиоба. Шло веселье, как будто не было войны. И вместе с тем было предельно скучно, — ни одного лица, с кем бы всерьез поговорить, ну хотя бы о том, что происходит в мире, в стране и у себя в душе... В нашем доме всегда было скучно, я привыкла к изоляции, к одиночеству. Но если раньше было скучно и тихо, теперь было скучно и шумно.

Осенью 1942 года в Москву приехал Уинстон Черчилль. Как-то раз Александра Николаевна Накашидзе позвонила мне и сказала, что надо приехать в город, потому что вечером Черчилль будет у нас обедать и отец велел мне быть дома. Я поехала, думая о том, прилично ли сказать несколько слов по-английски — или уж лучше помалкивать.

Квартира наша была пуста и неуютна. В столовой у окна стояли пустые книжные шкафы, — библиотеку вывезли в Куйбышев. Домашние суетились, кто-то звонил из МИДа с рекомендациями, как надо принять иностранцев.

Наконец все гости прошли по коридору в столовую, и я отправилась туда же. Отец был чрезвычайно радужен. Он был в том самом гостеприимном и любезном расположении духа, которое очаровывало всех. Он сказал: «Это моя дочь!» — и добавил, потрепав меня рукой по голове: «Рыжая!» Уинстон Черчилль заулыбался и заметил, что он тоже в молодости был рыжим, а теперь вот — он ткнул сигарой себе в голову... Потом он сказал, что его дочь служит в королевских военно-воздушных силах. Я понимала его, но смущалась что-либо произносить. Со мной было покончено, разговор пошел по другому руслу — о пушках, самолетах... Я почти все понимала еще до того, как переводчик В. Н. Павлов стал переводить. Но мне не дали слушать долго, — отец меня поцеловал и сказал, что я могу идти заниматься своими делами.

Почему ему захотелось показать меня Черчиллю, мне тогда не было понятно. А впрочем, теперь мне это понятно, — ему хотелось хоть немного выглядеть обыкновенным человеком. Черчилль был ему симпатичен, это было заметно.

...3 марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный

и на слова и на эмоции, он задышался от гнева, он едва мог говорить. «Где, где все это? — выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»... «Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер — английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записки и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения — на память о нем.

«А я люблю его!» — сказала, наконец, я, обретая дар речи. «Любишь!» — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни.

«Подумайте, няня, до чего она дошла!» — он не мог больше сдерживаться. «Идет такая война, а она занята...!» — И он произнес грубые мужицкие слова — других слов он не находил...

«Нет, нет, нет! — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. — Нет, нет, нет!»

«Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю — это не имело бы успеха. Но когда мне сказали: — «Посмотри на себя» — тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нуж-

на? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему? Фразу о том, что «твой Каплер — английский шпион», я даже как-то не осознала сразу. И только лишь машинально продолжая собираться в школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей... Но все это было как во сне.

Как во сне, я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе», — сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде.

...Весной 1943 года я окончила

▲ Колонный зал Дома Союзов

▲ Красная площадь

школу. С отцом мы не встречались и даже не разговаривали по телефону четыре месяца, с того дня 3 марта. Лишь в июле я позвонила к нему и сказала, что школу окончила. «Приезжай!» — буркнул он.

Я показала ему аттестат и сказала, что хочу поступать в университет, на филологический. Меня тянуло к литературе, и это же советовала мне Анна Алексеевна, наша школьная учительница.

«В литераторы хочешь! — недовольно проговорил отец. — Так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование — ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литератору тоже это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь...» Таково было его резюме. И хотя оно было слишком категоричным, а я уже собралась с подружкой вместе подавать на фи-

лологический, — я все-таки еще раз поверила авторитету отца и поступила на исторический факультет.

...В доме стало опять тихо и скучно. Зубалово с весны 1943 года «закрыли»: отец сказал, что мы превратили его в вертеп. Бабушку и дедушку, приехавших летом, поместили в дом отдыха «Сосны».

...Василий был изгнан из Зубалова, — как и я, — «за разложение» и — по личному приказу отца (в его качестве министра обороны!) — получил десять суток карцера.

...Весной 1944 года я вышла замуж. Мой первый муж, студент, как и я, был знакомый мне еще давно, — мы учились в одной и той же школе. Он был еврей, и это не устраивало моего отца. Но он как-то смирился с этим, ему не хотелось опять перегибать палку, — и поэтому он дал мне согласие на этот брак.

Я ездила к отцу специально для разговора об этом шаге. С ним во-

обще стало трудно говорить. Он был раз и навсегда мной недоволен, он был во мне разочарован.

Был май, все цвело кругом у него на даче — кипела черемуха, было тихо, пчелы жужжали...

«Значит, замуж хочешь? — сказал он. Потом долго молчал, смотрел на деревья... — Да, весна... — сказал он вдруг. И добавил: — Черт с тобой, делай что хочешь...»

...Только на одном отец настоял — чтобы мой муж не появлялся у него в доме. Нам дали квартиру в городе, — да мы были и довольны этим... И лишь одного он нас лишил — своего радушия, любви, человеческого отношения. Он ни разу не встретился с моим первым мужем и твердо сказал, что этого не будет. «Слишком он расчетлив, твой молодой человек... — говорил он мне. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, — а он, видишь, в тылу окопался...» Я молчала и не настаи-

▲ Прощание с вождем

вала на встрече, она плохо бы кончилась...

В конце 1948 года поднялась новая волна арестов. Попали в тюрьму мои тетки — вдова Павлуши, вдова Реденса. Попали в тюрьму и все их знакомые. Арестовали и отца моего первого мужа — старика И. Г. Морозова. Потом пошла кампания против «космополитов», и арестовали еще массу народа.

Арестовали и Полину Семеновну Жемчужину — не убоившись нанести такой страшный удар Молотову. Арестовали А. Лозовского. Убили Михозелса. Они все обвинялись в том, что входили в «сионистский центр».

«Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька», — сказал мне некоторое время спустя отец. «Папа, да ведь молодежи это безразлично, — какой там сионизм?» — пыталась возразить я. «Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко. — Сионизмом заражено

все старшее поколение, а они и молодежь учат...»

Спорить было бесполезно.

...Отца я не видела очень, очень долго. Зимой 1949–50 года я тяжело болела — ждала ребенка, и это происходило, в отличие от первого раза, ужасно трудно. Весной меня положили в больницу, и после полтора месяцев я наконец вернулась в Успенское с крошечной слабенькой Катюшкой, совершенно измученная болезнью, одиночеством, сознанием неудачи второго брака, неприязнью к дому, где мне предстояло жить...

В больнице случилось так, что рядом со мной лежала в палате Светлана Молотова, которую я знала с детства. Она тоже родила девочку, и дня через два ее пришел навестить Вячеслав Михайлович — как это вообще полагается у нормальных родителей... Я была ужасно опечалена этим сопоставлением, нервы мои

были до предела издерганы долгой болезнью, и я в тот вечер написала отцу письмо, полное обиды... Я получила от него ответ; это было вообще его последнее письмо ко мне:

«Здравствуй, Светочка!

Твое письмо получил. Я очень рад, что ты так легко отделалась. Почки — дело серьезное. К тому же роды... Откуда ты взяла, что я совсем забросил тебя?! Приснитися же такое человеку... Советую не верить снам. Береги себя. Береги дочку: государству нужны люди, в том числе и преждевременно родившиеся. Потерпи еще — скоро увидимся. Целую мою Светочку.

Твой «папочка».

10 мая 1950 г.».

Я была рада письму, — я не особенно надеялась, что оно будет... Но мне было ужасно неуютно от мысли, что моя маленькая Катя, которая еще находилась между жизнью и смертью, уже «нужна государству»...

И я, увы, хорошо понимала, что «ско-ро» мы не сможем увидаться...

Мы увиделись и немножко были опять вместе лишь будущим летом — 1951 года, когда он поехал отдыхать в Грузию, в Боржоми, и вызвал меня туда. Я пробыла там с ним недели две. Он отдыхал, и я видела, как он наслаждался сладким воздухом Грузии, ветерком с Куры, пробегавшей рядом с Ликанским дворцом, где он остановился... Ему было уже семьдесят два года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковьяляли толстые генералы охраны. Иногда он менял направление, поворачивался кругом, — наткнулся прямо на них, — тут его взрывало от злости и, найдя любой маленький повод, он распекал первого попавшегося под руку...

Неприятной для отца была дорога сюда. Отец вообще не выносил вида толпы, рукоплещущей ему и орущей «ура!», — у него перекашивалось лицо от раздражения. На вокзале в Кутаиси земляки-грузины устроили ему такой прием, что долго нельзя было выйти из вагона, невозможно было сесть в машину и ехать... Люди бросались чуть ли не под колеса, лезли, кричали, кидали цветы, поднимали детей над головой. Это было здесь неподдельно, искренне и от самого чистого сердца, но отец от этого раздражался. Он уже привык к тому, что вокзал — пуст, когда он приезжает, что дорога — пуста, когда он едет; он привык, чтобы не бросались к нему с криками в машину, он забыл о неподдельности чувства...

Поэтому он только раз потом попробовал выехать из Боржоми в сторону Бакуриани, но вернулся с полдороги домой... В первой же деревне дорогу устлали коврами, все жители вышли на шоссе, машину остановили... Пришлось выйти, сесть за стол... Слава богу, все это было без меня, — я бы сгорела от стыда в подобной ситуации. Мне всегда бывало ужасно стыдно даже от скромных «ликований» у нас в Москве, в Большом театре или на банкетах в честь семидесятилетия отца. Мне становилось страшно, что отец вот сейчас

скажет что-нибудь такое, что сразу всех охладит, — я видела, как его передергивает от раздражения. «Разинут рты и орут, как болваны!..» — говорил он со злостью. Может быть, он угадывал лицемерность этого ликования? Он был поразительно чуток к лицемерию, перед ним невозможно было лгать... А может быть, он был уже настолько опустошен, что не верил в добрые, искренние чувства людей, — даже здесь, в Грузии, где простых крестьян невозможно было заподозрить в лицемерной радости...

После 1947 года отец иногда спрашивал в наши редкие встречи: «Тебе нужны деньги?» — на что я отвечала всегда «нет». — «Врешь ты, — говорил он, — сколько тебе нужно?» Я не знала, что сказать. А он не знал ни счета современным деньгам, ни вообще сколько что стоит, — он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей, — неведомо, на месяц, на полгода или на две недели, — то считал, что дает миллион...

Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка, — наверное, нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — всё это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ, а там — своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили... Он и сам этого не знал. Иногда он набрасывался на своих комендантов и генералов из охраны, на Власика, с бранью: «Дармоеды! Наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!». Но он ничего не знал, он только интуитивно чувствовал, что улетают огромные средства... Он пытался как-то провести ревизию своему хозяйству, но из этого ничего не вышло — ему подсунули какие-то выдуманные цифры. Он пришел в ярость, но так ничего и не мог узнать. При своей всевластности он был бессилен, беспомощен против ужасающей системы, выросшей вокруг него, как гигантские соты, — он

не мог ни сломать её, ни хотя бы проконтролировать... Генерал Власик распоряжался миллионами от его имени, на строительство, на поездки огромных специальных поездов, — но отец не мог даже толком выяснить, где, сколько, кому...

Он понимал, что, должно быть, мне все-таки нужны деньги. Последнее время я училась в аспирантуре Академии общественных наук, где была большая стипендия, так что я была сравнительно обеспечена. Но отец, все-таки, изредка давал мне деньги и говорил: «А это дашь Яшиной дочке»...

В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, а не в Кремле — мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему — хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казенной машиной, ни казенной дачей. «Вот тебе деньги — купи себе машину и едь сама, а твои шоферские права покажешь мне», — сказал он. Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми, — живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно.

Отец не возражал, когда я сказала, что ухожу от Ждановых, — «Делай, как хочешь», — ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу...

«Дармоедкой живешь, на всем готовом?» — спросил он как-то в раздражении. И, узнав, что я плачу за свои готовые обеды из столовой, несколько успокоился. Когда я переехала в город, в свою квартиру, — он был доволен: хватит бесплатного жилья... Вообще, никто так упорно как он, не старался прививать своим детям мысль о необходимости жить на свои средства. «Дачи, казенные квартиры, машины — все это тебе не принадлежит, не считай это своим», — часто повторял он... ■

